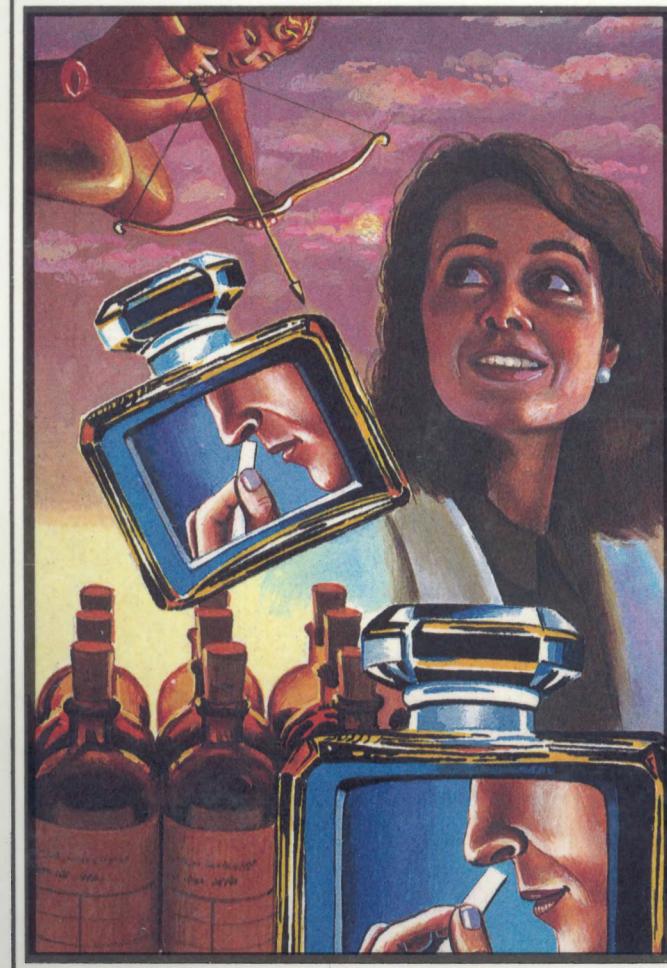

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROBERT SHECKLEY

Volume four

**THE ALCHEMICAL
MARRIAGE
OF ALISTAIR CROMPTON**

A TICKET TO TRANAI

MINDSWAP

**«POLARIS» PUBLISHERS
1994**

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

Книга четвертая

**АЛХИМИЧЕСКИЙ
МАРЬЯЖ
АЛИСТЕРА КРОМПТОНА**

**БИЛЕТ НА ПЛАНЕТУ
ТРАНАЙ**

ОБМЕН РАЗУМОВ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1994**

The Alchemical Marriage of Alistair Crompton
Copyright © 1978 by Robert Sheckley

A Ticket to Tranai

Copyright © 1954 by Galaxy Publishing
Corporation

Mindswap

Copyright © 1965 by Galaxy Publishing
Corporation

Алхимический марьяж Алистера Кромптона
© 1993 Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык

Билет на планету Транай

© 1968 А. Вавилов, Ю. Логинов, перевод на
русский язык

Обмен разумов

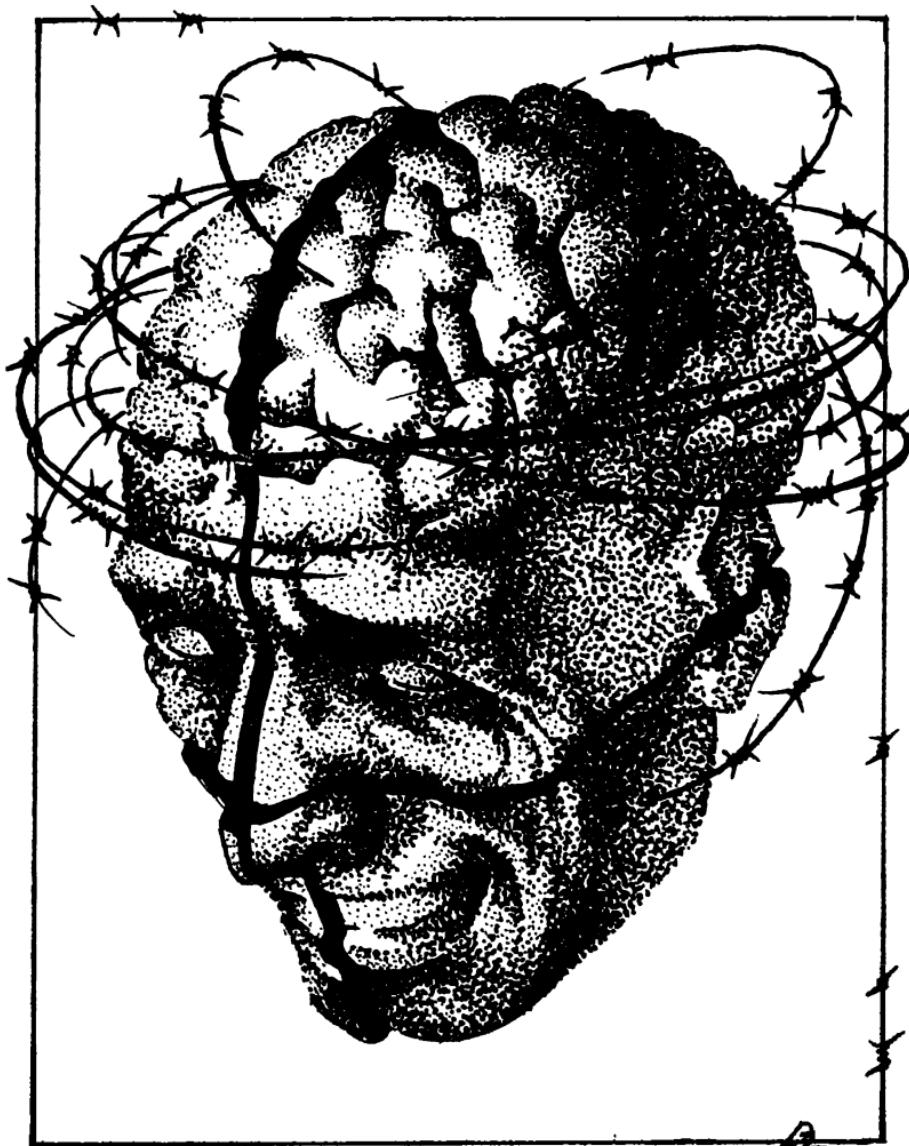
© 1968 Н. Евдокимова, перевод на русский
язык

© 1992 Издательская фирма «Полярис»,
составление

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, название серии

Книга подготовлена при участии
издательства «Фолио», г. Харьков

Перепечатка отдельных романов и всего
издания в целом запрещена без разре-
шения издателя и переводчика. Всякое
коммерческое использование данного из-
дания возможно исключительно с пись-
менного разрешения издателя.

**АЛХИМИЧЕСКИЙ
МАРЬЯЖ
АЛИСТЕРА КРОМПТОНА**

Проблема противоположностей играет огромную, если не решающую роль в алхимии, поскольку она является ведущей в заключительной фазе создания союза противоположностей в его исконной форме *hieros gamos*¹ или «алхимического марьяжа».

К. Г. Юнг², «Психология и алхимия»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Вывеска на обочине 29-й дороги гласила: «Добро пожаловать в Бергамот, Нью-Джерси, "Хоум Сайкос-мелл, Инк."».

Любознательный путешественник даже отсюда, издалека, по незначительным признакам, доступным его восприятию, мог составить некоторое представление о том, чем занимается эта фирма. А окажись здесь случайно некий ароматолог, он различил бы запахи кассии и гвоздики, корицы и розмарина, сассафраса и вербены, терпкий аромат лимона, имбиря и линалое.

Примерно на двадцати акрах огороженного двойным забором и раскинувшегося на холмистой местности загородного парка беспорядочными рядами двухэтажных терракотовых строений растянулись корпуса главного завода.

Вахтенный — мускулистый андроид, смахивающий на сильно поддавшего ирландца из «Ночного дозора», — внимательно разглядывал медленно подъехавший «силлз-максвелл», за рулем которого сидел небольшой человек в кислородной маске в клеточку. Страж помедлил секунду, пока не сообразил что-то своими ленивыми мозгами, затем расплылся в улыбке и шутливо отсалютовал.

¹ Священный брак (греч.). (Здесь и далее — примеч. пер.)

² Юнг Карл Густав (1875—1961) — швейцарский психиатр, учёный, основатель направления «глубинной психологии».

— Ага, вот теперь ясно, это мистер Элистер Кромптон, наш главный эксперт. Как дела на любовном фронте, Эл?

— Трахни себя в зад, — ответил Кромптон.

Любой андроид воспринял бы это как ужасное оскорбление, ибо эти несчастные физически неспособны на подобное анатомическое извращение. Но Майк Меджиннис не обиделся. Вот уже десять лет он таким образом приветствовал Кромптона и всегда слышал один и тот же ответ. Любое другое приветствие смущило бы его.

— Как я рад, мистер Кромптон, право же, я очень рад! — со смехом сказал псевдоирландец и помахал рукой вслед проехавшему в ворота Кромптону.

Через несколько минут, поставив свой «силлз-максвелл» на обычное место, Кромптон уже шествовал по безукоризненно чистым коридорам «Сайкосмелл, Инк.». Как всегда, он вошел в помещение ровно в 8.52 и теперь шагал своим обычным путем по Лавандовому проходу — так непочтительно называли главный коридор. Кивнул мистеру Демиджеру, главному мацератору, и мисс Резьюют, помощнице дистиллятора. Миновал неизбежную группу экскурсантов и услышал, как Доминик Спеллингс из «Паблик рилейшнз мен» распространяется перед небольшой группой туристов о том, как якуты на юго-западе Малой Азии сдирают кору со стиракса, как бальзам в результате сочится по стволу, его собирают, потом кипятят...

Кромптон продолжил свой путь мимо ароматных кладовых, набитых охапками кассий и гиацинтов, розмарина и мяты, герани и пачулей. Он прошел кладовые для внеземных субстанций. Каждая кладовая была снабжена особым устройством для контроля за составом воздуха, влажностью и температурой. В этих кладовых хранились сравнительно дешевые внеземные растения, такие, например, как индригита с Цефеуса II, ломтики каннотии (отвратительно воняющие, пока их не смешаешь с маслом из пальмерозы и иононом), лепестки ночного цветка оцепти и тому подобное.

Дальше коридор раздваивался. Кромптон повернулся налево и подошел к двери в конце коридора с табличкой «Кабинет главного эксперта». Это был его кабинет, центр его маленькой империи внутри монополии. Имен-

но здесь Кромптон создавал свои композиции, которые привлекли к нему внимание ведущих ароматологов и стали образцом для специалистов в этой области.

Его помощница мисс Анакос, гибкая брюнетка с модной прической а ля Медуза, уже восседала за одним из рабочих столов.

— Доброе утро, мистер Кромптон, — сказала она.

Кромптон галантно поклонился. Все два года, пока она была его помощницей, Кромптон испытывал к ней страстное влечение. Но никогда не обнаруживал своих чувств, потому что это было бы неприлично, недостойно и бесполезно: хорошенъкие молодые женщины существовали не для таких, как Кромптон, — непривлекательных физически, умственно и духовно.

— О, мистер Кромптон, наконец наступил этот великий день, не правда ли? Ваш великий день, мистер Кромптон. Вы взволнованы?

Кромптон скинул с себя кислородную маску — в сверхчистой атмосфере с гипервентиляцией она была не нужна.

— Право же, все это ерунда, — пожал он узкими плечами. — Хотя для поднятия духа, пожалуй, неплохо.

— Для поднятия *вашего духа!* — Мисс Анакос любила подчеркивать отдельные слова, что действовало Кромптону на нервы. — Вы же, как-никак, наша «звезда» сегодня.

— Не могу сказать, что мне безразличен почет, — отозвался Кромптон, — но ваши поздравления несколько преждевременны. Ровно в полдень соберется Совет директоров, где состоится моя презентация. Как еще отнесется к ней мистер Блаунт.

— Он будет в *восторге!* — сказала мисс Анакос. — Вы лучший в мире изобретатель психозапахов, мистер Кромптон, и вы сами это прекрасно знаете!

Непомерные похвалы мисс Анакос в адрес его талантов — без единого намека на восхищение им как мужчиной — начали раздражать Кромптона. Он сел за стол и сказал:

— Все может быть, мисс Анакос. А теперь за работу! Принесите препарат Эйч. Мне потребуются также компоненты из четвертой серии реактивов.

— Да, сэр!

Она проскользнула совсем рядом, и он уловил легкий аромат ее кожи.

«Бог мой, — подумал он, — как бы я хотел закупорить в бутылку *этот запах!*»

И решительно погрузился в текущую работу. От того, что он сотворит за ближайшие несколько часов, зависело очень многое. Даже мисс Анакос не подозревала, насколько многое.

Уже в далекой древности знали о способности запахов пробуждать воспоминания. Гермилл из Смирны в своих «Ботанических исследованиях» рассказывает, как король Фересид из Салоник заплатил двести талантов серебра за малюсенький кусочек арабского анициеруса, который в смеси с мирром, ладаном, истолченным в порошок рогом антилопы и с гирканьянским медом вызывал у него видение огромного, мрачного мраморного замка, расположенного высоко в горах Кавказа. В Вавилоне, еще до хеттов, искусные лекари излечивали чуму и шистосоматоз смесью благовоний. В Китае считали, что масло, выжатое из ночных цветков асфодели, смешанное с серебром, истолченной слоновой костью и корнями лотоса, завернутое в красные ивовые листья и выдержанное в течение десяти лет в гранитной чаше, позволяет людям вспомнить, как они выглядели до своего рождения.

Но лишь в XXI веке это свойство запахов пробуждать память, мечты и видения систематизировали и сделали предметом коммерции. Стимулом послужило неожиданное появление внеземных благовоний с их необычайными, сенсационными возможностями. Дальтон из своей экспедиции на Слию II привез корни агании, кперсию и ныне широко известный лист менингии. Фон Кеттер трижды посетил Миры Рашида, и в результате на Земле появились сисия, масло мнуи и несравненное эфирное масло брунхиоза. Все они обладали психотропными свойствами и прекрасно сочетались с некоторыми земными субстанциями. Землянам, крепко прикованным к своей планете высокими ценами на космические путешествия, эти вещества подарили аромат неизведанного, пьянящий дурман и сладостногорькую возможность погрузиться в потайные уголки своей памяти.

Ловкие дельцы создали Гильдию внеземных ароматов и нагло монополизировали все производство. Люди среднего достатка могли приобрести у них один из двенадцати запахов, способных раскрепостить память. Богатые пользовались услугами фирм типа «Сайкос-мелл, Инк.», где за известную плату эксперты вроде Кромптона составляли индивидуальные ароматы, подобранные с учетом расположения желтовато-коричневых волокон, связанных с нервными узлами обонятельных органов клиента. Специалисты класса Кромптона могли совершенно точно определить, какие возбудители вызывают те или иные обонятельные реакции и, таким образом, вызывать по заказу любые видения.

Но самое главное испытание лучших творений Кромптона, окончательная оценка его искусства происходили раз в пять лет, когда из разных миров в свою *«alma mater»* в Нью-Джерси собирались члены Совета директоров. По такому случаю главный эксперт обычно составлял особую субстанцию для величайшего из гурманов по запахам — легендарного Джона Блаунта.

Кромптон был снабжен исчерпывающими данными об обонятельных реакциях Блаунта. Пользуясь инфракрасными фотографиями обонятельных емкостей и химическими анализами слизистых оболочек, покрывающих нервные ганглии Блаунта, Кромптон готовил свой очередной шедевр.

В такие исключительные дни не жалели никаких затрат. Из глубочайших погребов Кромптон заказывал самые дорогие субстанции: масло редоленса с Тармака II; целых десять щепоток коры ржи с Алкленона, одна унция которой стоила шестьдесят тысяч долларов; и даже шестьдесят граммов несравненных почек люстистии, сверхценного растения, которое произрастает только на пыти акрах священной земли на грязной планете Альфон IV.

Все эти субстанции, стоявшие на черном рынке запахов целое состояние, доставали только в этот особый день. И Кромптон творил из них чудеса.

Подготовить смесь нужно было за мгновение до презентации, ибо такими летучими были некоторые из этих

редких масел, такими нежными были эфиры и капризными кетоны, что драгоценный плод трудов за несколько часов мог превратиться в свою противоположность.

Кромптон работал, а все сотрудники «Сайкосмелла», затаив дыхание, ждали результатов, так как успех или поражение Кромптона они разделят с ним. Сумму вознаграждения для работников фирмы старый Джон Блаунт выделит в зависимости от настроения. А настроение его будет целиком зависеть от того, как он отнесется к стряпне Кромптона.

После презентации завод закроется на ежегодный двухнедельный отпуск, а перед этим сотрудникам объявят о причитающихся им премиях. Так что от Кромптона будет зависеть, проведут ли они неделю на Луне — в случае, если все пойдет хорошо, или денек в Асбери-парке — во всех остальных случаях.

Кромптон трудился, не замечая царившей вокруг него почти осязаемой атмосферы напряженности. Он бестрепетно отхватил целый грамм люристии — десятитысячную долю всех галактических запасов! У мисс Анакос при виде этого перехватило дыхание, но она надеялась, что он не переборщит с редкой разновидностью, что он понимает: шок от злоупотребления дорогостоящим веществом не обеспечит нужного эффекта. Старый Джон Блаунт был слишком хитрой лисой, чтобы попасться на эту удочку!

Целиком погруженный в работу, Кромптон бесстрастно колдовал над своими бальзамами, смолами, черенками, прутиками, кусочками коры, листочками, мускусом, шелухой, корнями, спрессованными лепестками цветов, плодами, семенами и прочими компонентами. Наблюдая, с каким хладнокровием он действует, мисс Анакос готова была разрыдаться. Она, конечно, знала, что Кромптон в известном смысле уродец, неполноценный человек. Правда, знала она не слишком много: поговаривали, что при родах произошел какой-то несчастный случай и в раннем возрасте его подвергли операции по ныне дискредитированному психомеханическому методу массированного расщепления. Мисс Анакос догадывалась, что это означает, что Кромптону *недостает каких-то качеств*. Но каких именно, она не знала и не особенно этим интересовалась. Она привыкла видеть в Кромптоне

робота без личных вкусы и прошлого. Так же думали о Кромптоне многие — как о человеке сухом, бездушном и бесчувственном.

И все они ошибались. Еще немного — и Кромптон покажет им, какая у него глубокая натура.

Стрелки настенных часов неуклонно подползали к двенадцати. Мисс Анакос заскрипела зубами: что он там копается? Почему не кончает? Он что, не понимает — ведь ее премия зависит от того, что произведут его талантливый нос и искусные белые костяные руки!

Без пяти минут двенадцать Кромптон встал из-за стола, держа в руках простой пузырек для проб из розового кварца. Он спокойно сказал:

— Теперь я подымусь в зал Совета. Вы можете присоединиться к другим сотрудникам в зале заседаний. Потом я сам здесь все приберу, как обычно.

— Да, сэр! — воскликнула мисс Анакос и помчалась из комнаты, унося с собой специфический женский аромат, более тонкий и прекрасный, чем самые изысканные кристаллические консерванты.

Кромптон проводил ее взглядом. На его иссохшем лице не отразилось никаких чувств. Однако он был рад, что напоследок посмотрел на мисс Анакос и вдохнул ее аромат. Победит ли он, или потерпит поражение, или исчезнет — что бы с ним ни случилось, ее запахи больше не потревожат его. Да-да, в последний раз он вдохнул их! Потому что скоро, очень скоро наступит момент, когда он...

Он оборвал свою мысль: не стоит загадывать наперед, это опасно. Он знал, что ему нужно сделать. И сделать это необходимо быстро и чисто — как хирургический разрез.

Держа в руках драгоценное вещество, заключенное в кварцевый сосуд, Кромптон покинул свой кабинет и направился к директорским апартаментам, где его ожидал почти легендарный Джон Блаунт.

Глава 2

Тридцать лет назад в Антарктиде, на Земле Мэри Бэрд, в городке Амундсвилле родился мальчик. Родителями его были Бесс и Лиль Кромптоны. Лиль работал техником на шотландских плутониевых рудниках. Бесс была занята неполный рабочий день сборкой транзисторов на местном радиозаводике. У них обоих было зарегистрировано вполне удовлетворительное физическое и умственное здоровье. Ребенок, названный при крещении Элистером, проявлял все признаки отличной послеродовой приспособляемости.

Первые десять лет жизни Элистер рос во всех отношениях нормальным ребенком, разве что был несколько угрюм, но дети часто без всяких на то причин бывают угрюмыми. А вообще-то Элистер был любознательным, подвижным, привязчивым и беззаботным созданием, а по интеллекту даже превосходил своих сверстников.

На десятом году жизни замкнутость Элистера заметно возросла. Бывали дни, когда ребенок часами оставался сидеть в полном одиночестве, уставясь в пустоту и порой даже не откликаясь на свое имя.

Никому не пришло в голову расценить эти приступы зачарованности как симптомы заболевания. Посчитали, что он просто впечатлительный, нервный ребенок, что он предается мечтам и что со временем у него это пройдет.

Периоды зачарованности стали чаще и интенсивнее на одиннадцатом году его жизни. Мальчик сделался раздражительным, и местный врач выписал ему успокаивающие таблетки. Однажды, когда ему было десять лет

и семь месяцев, Элистер без всякой причины ударили маленькую девочку. Когда она закричала, он попытался задушить ее. Убедившись, что это ему не по силам, он поднял учебник и попытался раскроить ей череп. Какой-то взрослый оттащил брыкающегося, орущего Элистера от ребенка. Девочка получила сотрясение мозга и почти год провела в больнице.

А Элистер, когда его расспрашивали об этом случае, утверждал, что ничего такого не делал. Может, это был кто-то другой. Чтобы он причинил кому-нибудь зло — да никогда! И вообще — ему нравилась эта девочка и он собирался жениться на ней, когда они вырастут. Дальнейшие расспросы привели к тому, что он впал в оцепенение, которое длилось пять дней.

Тогда еще можно было спасти Элистера, если бы кто-нибудь распознал у него ранние симптомы вирусной шизофрении.

В средней полосе очаги вирусной шизофрении существовали в течение многих веков, иногда вспыхивали и настоящие эпидемии — такие, например, как эпидемии кликушества во времена средневековья. Иммунологи никак не могли найти вакцину против вируса. Поэтому обычно, пока шизоидные компоненты были достаточно податливы, прибегали к массированному расщеплению; затем определяли и оставляли в организме доминирующую личность, а остальные компоненты с помощью проектора Миккльтона перемещали в инертное вещество тел Дюрьера.

Тела Дюрьера были способными к росту андроидами со сроком жизни в сорок лет. Однако Федеральный закон разрешал попытку реинтеграции личности по достижении ею тридцати лет. Отторгнутые личности, разивавшиеся в дюрьеровых телах, могли, по усмотрению доминирующей личности, вернуться в первоначальное тело, где все они благополучно воссоединялись друг с другом — но только если расщепление было произведено вовремя.

В маленьком же, заброшенном Амундсвилле местный врач-терапевт прекрасно справлялся с обморожениями, снежной слепотой, пингвиновой лихорадкой и другими антарктическими заболеваниями, но в болезнях средней полосы не разбирался.

Элистера положили на пару недель на обследование в городской изолятор.

Первую неделю он был угрюм, застенчив и чувствовал себя не в своей тарелке, лишь изредка прорывалась его былая беззаботность. На следующей неделе он стал проявлять бурную привязанность к ухаживавшей за ним няне, которая, в свою очередь, называла его «милым ребенком». Казалось, под ее благотворным влиянием Элистер снова становится самим собой.

Но вечером на тринадцатый день пребывания в изоляторе Элистер совершенно неожиданно располосовал лицо нянички разбитым стаканом, а потом предпринял отчаянную попытку перерезать себе горло. В госпитале, куда его поместили, чтобы залечить раны, он впал в каталепсию, которую врач принял за простой шок. Элистеру прописали абсолютный покой и тишину, что при данных обстоятельствах было самым худшим из всех возможных решений.

После двухнедельного ступора с характерной для кататонии мышечной расслабленностью болезнь достигла своего апогея. Родители отправили ребенка в Нью-Йорк в клинику имени Эла Смита. Там незамедлительно поставили точный диагноз — вирусная шизофрения в запущенной форме.

Элистеру было уже двенадцать лет, но он мало соприкасался с внешним миром, во всяком случае, недостаточно, чтобы специалисты смогли выявить его наклонности. Теперь он почти не выходил из состояния кататонии, его шизоидные компоненты становились все более несовместимыми. Жизнь его проходила в каком-то странном, непостижимом сумеречном мире, полном кошмарных видений. Массированное расщепление в таком случае вряд ли могло привести к хорошим результатам. Но отказаться от операции значило обречь Элистера провести остаток жизни в клиниках, навеки погребенным в сюрреалистических темницах его разума.

Родители выбрали меньшее из зол и подписали согласие на запоздалую, отчаянную попытку расщепления.

Под глубоким синтогипнозом у него были выявлены три независимые одна от другой личности. Врачи поговорили с ними и сделали выбор. Двум из них дали новые имена и поместили в тела Дюрьера. Третью, собственно

Элистера, которую они нашли наиболее подходящей и надежной, оставили в его подлинном теле. Все три личности при операции несколько пострадали, поэтому исход ее признали ограниченно удовлетворительным.

Доктор Власек, лечащий нейрохирург, отметил в своем отчете, что для всех троих в силу их неадекватности нет никакой надежды на последующую реинтеграцию по достижении ими тридцати лет. Слишком поздно было произведено расщепление, и шизоидные компоненты утратили взаимопонимание, а также начисто лишились каких бы то ни было общих черт характера. Он подчеркнул, что о реинтеграции не может быть и речи и что каждому из них придется жить по-своему в пределах собственной суженной личности.

Стремясь предотвратить нежелательную, да и невозможную попытку реинтеграции, двух Дюрьеров отправили к приемным родителям на планеты Эяя и Йигга. Доктора пожелали им всего наилучшего, сами, впрочем, не веря в это.

Элистер Кромптон, доминирующая личность, оставшаяся в подлинном теле, поправился после операции, но двух третей его натуры, утерянных после отторжения шизоидных частей, ему всегда недоставало. Его навек лишили таких человеческих черт, эмоций и особенностей, которые ничем невозможна заменить.

Кромптон вырос и превратился в болезненно худого юношу среднего роста, остроносого, тонкогубого и лишенного обаяния. Его тусклые глаза скрывались за линзами очков, на лбу наметились залысины, а на подбородке кое-где пробивалась реденькая растительность.

Высокий интеллект и необычайно талантливое обоняние Кромптона обеспечили ему хорошую работу и быстрое продвижение по службе в «Сайкосмэлл, Инк.»; в тридцать лет он занимал уже должность главного эксперта, предел мечтаний любого работника в этой области, что принесло ему почет и вполне приличный доход. Но Кромптон не чувствовал полного удовлетворения.

Он с завистью видел вокруг себя людей с изумительно сложными, противоречивыми характерами, людей, которые постоянно вырывались из стереотипов, навязываемых обществом. Ему встречались абсолютно бессер-

дечные проститутки и армейские сержанты, ненавидевшие жестокость; богачи, не жертвовавшие ни цента на благотворительность, и ирландцы, которые терпеть не могли сплетен; итальянцы, не способные пропеть ни одной мелодии, и французы, действовавшие без расчета и логики. Кромптону казалось, что большинство людей живет удивительно яркой, полной неожиданностей жизнью, то взрываясь внезапной страстью, то погружаясь в равнодушный покой; они говорят одно, а делают совсем другое; поступают наперекор своей собственной натуре и превосходят свои возможности, сбивая тем самым с толку психологов и доводя до запоея психоаналитиков.

Но для Кромптона, которого врачи ради сохранения его рассудка лишили всего этого духовного богатства, такая роскошь была недостижима.

Всю свою сознательную жизнь, день за днем, с отвратительной методичностью робота в 8.52 Кромптон прибывал в «Сайкосмелл». В пять пополудни он убирал свои масла и эссенции и возвращался в меблированную квартиру. Здесь он съедал невкусный, но полезный для здоровья ужин, раскладывал три пасьянса, разгадывал кроссворд и растягивался на узкой одинокой постели. Каждую субботу, протолкавшись сквозь тусовку безалаберных, веселых подростков, Кромптон ходил в кино. По воскресным и праздничным дням он изучал «Никомахову этику» Аристотеля, потому что верил в самосовершенствование. А раз в месяц Кромптон крадучись отправлялся к газетному киоску и покупал журнал непристойного содержания. Дома, в полном уединении он с жадностью поглощал его, а потом в порыве самоуничижения рвал ненавистный журнал на мелкие кусочки.

Кромптон, конечно, понимал, что врачи превратили его в стереотип ради его же блага, и пытался смириться с этим. Некоторое время он поддерживал компанию с такими же заурядными, ограниченными личностями. Но все они были высокого мнения о себе и закоснели в собственном самодовольном невежестве. Они были такими от рождения и потому не чувствовали своей неполноценности, не мучились жаждой самовыражения и не хотели видеть дальше своего носа. Кромптон скоро

признал, что люди, похожие на него, невыносимы, а значит и сам он невыносим для окружающих.

Он изо всех сил старался вырваться за грани удручающей неполноценности своей натуры. Он посещал лекции по самообразованию и читал духовную литературу. Он даже обратился в нью-йоркское бюро знакомств, которое организовало ему свидание. Кромлтон воткнул белую гвоздику в петлицу и отправился к театру «Лоу Юпитер» на встречу с загадочной незнакомкой, однако за квартал до театра его пробрала такая дрожь, что он вынужден был повернуть назад.

В характере Кромлтона были всего четыре основные черты: интеллект, целеустремленность, настойчивость и воля. Неизбежное разрастание этих свойств превратило его в исключительно рациональную, монолитную личность, созидающую свои недостатки и страстно желающую восполнения и слияния с отторгнутыми компонентами. Как Кромлтон ни бился, он не мог вырваться из жестких границ своей натуры. Его гнев на себя и на доброжелателей-врачей становился все сильнее, и так же сильно нарастала в нем потребность шагнуть за пределы возможного. Но у Кромлтона был всего один путь к обретению чудесной многогранности, внутренних противоречий и страстей — словом, всего человеческого. И путь этот лежал через реинтеграцию.

Глава 3

И вот в день, когда ему исполнилось тридцать — законный возраст для реинтеграции, — Кромптон отправился к доктору Власеку, нейрохирургу, который в свое время оперировал его. Кромптон был взволнован, жаждал узнать имена и адреса своих недостающих компонентов, мечтал воссоединиться с ними и стать полноценным человеком.

Доктор Власек запросил его больничную карту, обследовал Кромптона с помощью когнoscопа, ввел данные в компьютер и, просмотрев результат, покачал головой.

— Элистер, — сказал он, — очень сожалею, но советую вам отказаться от реинтеграции и смириться со своей теперешней жизнью.

— Но почему же?

— Согласно компьютерным данным, у вас не хватит ни сил, ни стойкости, чтобы уравновесить ваши компоненты, слиться с ними.

— Но у других-то получается! — воскликнул Кромптон. — А у меня не выйдет? Почему?

— Потому что слишком поздно прибегли к расщеплению. Шизоидные сегменты слишком закоснели.

— Все равно я хочу попробовать, — сказал Кромптон. — Пожалуйста, назовите мне имена и адреса моих Дюрьеев.

— Умоляю, откажитесь от ваших намерений, — сказал Власек. — Попытка реинтеграции приведет вас к безумию, а то и к смерти.

— Дайте адреса, — холодно потребовал Кромптон. — Это мое законное право. Я чувствую, что спра-

люсь с ними. И когда они целиком подчинятся моей воле, произойдет слияние. Мы станем единственным целым, и я наконец буду полноценным человеком.

— Да вы даже не представляете себе, что такое эти ваши Дюрьеры! — возразил доктор. — Вы считаете себя неполноценным? Да вы жемчужное зерно в куче этого навоза!

— Мне все равно, какие они, — сказал Кромптон. — Они — часть меня. Пожалуйста, их имена и адреса.

Горестно покачав головой, доктор написал записочку и протянул ее Кромптону.

— Элистер, эта авантюра не имеет никаких шансов на успех. Умоляю — еще и еще раз подумайте...

— Спасибо, доктор Власек, — сказал Кромптон и с легким поклоном покинул кабинет.

Стоило Кромптону очутиться в коридоре, как от его самоуверенности не осталось и следа. Он не посмел признаться доктору Власеку в своих сомнениях, не то добрый старик отговорил бы его от реинтеграции. Но теперь, когда имена были у него в кармане и вся ответственность легла на его плечи, Элистера обуял страх. Его затрясло крупной дрожью. Он подавил приступ, добрался на такси до дома и сразу же бросился в постель.

В течение часа, ухватившись за спинку кровати, словно утопающий за соломинку, он корчился в мучительных судорогах. Потом приступ кончился. Он сумел унять дрожь в руках настолько, чтобы вытащить из кармана и прочитать записку, которую дал ему доктор.

Первым в записке стояло имя Эдгара Лумиса, проживающего на планете Эйя. Вторым — имя Дэна Стэка, жителя планеты Йигта.

На что похожи эти две составные части его личности? Какой характер, какие типичные черты приобрели отторгнутые от него сегменты?

В записке об этом ничего не говорилось. Он разложил пасьянс, прикидывая, чем он рискует. Его прежний, еще не расщепленный шизоидный рассудок был явно одержим манией убийства. В случае слияния исчезнет

ли эта одержимость? А может, он выпустит на волю потенциального убийцу? И, кроме того, разумно ли идти на этот шаг, который грозит ему умопомешательством или даже смертью?

Если верить доктору, шансы на успех невелики, но Кромптон был полон решимости сделать попытку. В конце концов, смерть или безумие не хуже, чем его теперешняя жизнь, да и не так уж сильно отличаются от нее.

Итак, решено. Но оставались еще чисто практические трудности. Чтобы воссоединиться, ему придется слетать на Эйю, а потом на Йигту. Однако межзвездные путешествия крайне дороги, а между Эйей и Йигтой пролегло чуть не полгалиактики.

Он просто не в состоянии собрать такую кучу денег, чтобы оплатить перелет и прочие неизбежные затраты. Точнее говоря, он не в состоянии собрать нужную сумму *законным способом*.

Кромптон был до щепетильности честным человеком. Но речь шла о жизни и смерти. В его положении приходилось выбирать между кражей и психическим самоубийством.

Кромптон не был самоубийцей. Он тщательно обдумал свое решение, взвесил шансы и составил план действий.

Глава 4

Элистер Кромптон, крепко сжимая в руках розовый кварцевый пузырек, неслышными шагами прошел по тропе Первоцвета, как называли светло-фиолетовый коридор, ведущий к административному центру. Лицо его было бесстрастно.

В конце коридора находилась огромная дубовая дверь, над которой был изображен единорог, нюхающий букет весенних полевых цветов из рук жеманно улыбающейся красотки в пышной юбке. Так выглядел герб «Сайкос-мэлл, Инк.». Ниже можно было прочитать горделивый девиз компании — измененную на одно слово строку Марциала¹: «*Bene olet, qui bene semper olet*»².

Дверь бесшумно растворилась, и Кромптон вошел в зал. Прямо перед ним полукругом стояло шесть кресел, в которых сидели члены Совета. В центре полукруга, на возвышении, в огромном кресле восседал легендарный Джон Блаунт, основатель фирмы и председатель Совета директоров.

— Вы Кромптон, не так ли? — проскрипел он дрожащим надтреснутым голосом. — Проходите, Кромптон, дайте взглянуть на вас.

Джон Блаунт был древним стариком с точки зрения продолжительности существования его как личности. Но если подсчитать средний возраст отдельных частей его организма, получалось, что он совсем еще юноша. За прошедшие годы органы Блаунта были либо восстановлены, либо полностью заменены. К примеру, его

¹ Марциал, Марк Аврелий, римский поэт примерно 40—104 гг.

² Пахнет хорошо, что пахнет хорошо всегда (лат.).

неприлично розовая, блестящая кожа насчитывала не более десяти лет. Но мозг оставался подлинным, так же, как и древние, непостижимые глаза, такие же неуместные на этом крепком юношеском лице, как глаза монстра гели¹, выглядывающие из бочки с апельсиновым желе.

— Ну-с, Кромптон, как поживаете? — старческий голос странно контрастировал с молодым сильным телом. Блаунт отказался изменить голос и оставил свои собственные руки, постоянно подчеркивая, что он наслаждается старостью и ему претит поддельная молодость. Он хотел оставаться старым, но полным жизни, и делал только самое необходимое для того, чтобы поддерживать себя в этом состоянии.

— Прекрасно, сэр, — ответил Кромптон.

— Рад, Кромптон, рад слышать это. Я слежу за вашей карьерой с интересом. Вы проделали колоссальную работу для фирмы, мой мальчик. Хи-хи-хи! А теперь вы пришли порадовать меня новым творением вашего гения?

— Надеюсь, вам понравится, сэр, — сказал Кромптон, с трудом удерживаясь от неожиданного, совершенно иррационального побуждения броситься старику в ноги и униженно пресмыкаться перед ним. Кстати сказать, такое желание возникало в присутствии Блаунта у многих, даже у его жены, у которой на коленях выросли мозоли в поддюйма толщиной, оттого что она не сдерживала своих порывов.

— Ну что ж, тогда приступим, хи-хи-хи.

Блаунт протянул сухую корявую руку, похожую на лапу королевского грифа. Кромптон вложил в эту руку кварцевую бутылочку и отступил назад.

Основатель откупорил пузырек и осторожно понюхал (своим подлинным, данным ему от рождения носом — из чувства гордости и благоразумия он не стал подделывать орган, который сделал его сказочно богатым).

— Итак, что мы тут имеем? — вслух подумал Блаунт, с силой раздувая ноздри, чтобы полностью впитать аромат своим старым, заскорузлым, но еще очень чувствительным обонятельным органом.

¹ Гела — ядовитая ящерица, водится на реке Гела на юго-востоке США.

Какое-то время он молча сидел, закинув голову назад и так работая ноздрями, будто это была пара кузнечных мехов. Кромптон знал, что сначала старик проанализирует самые основы композиции, разделив смесь и оценив качество различных запахов — цветочных, фруктовых, гнилостных, пикантных, смолистых и горелых. Затем, с точностью ольфактометра¹, измерит интенсивность компонентов и разберет каждый из них в отдельности. И только завершив этот многосторонний анализ, позволит себе расслабиться и насладиться воздействием всей субстанции.

— Первые впечатления — берег моря Наслаждений, беседка, увитая розами, ветры пустыни, нежное детское лицо, запах северного ветра... Совсем неплохо, Кромптон! А вот и более глубокое восприятие — солнце на морской волне, ряды ламинарий, серебряные скалы, железная гора и... девушка!.. девушка!..

Директора неловко заерзали при звуках дрожащего крика, исторгнутого из глотки искусственно омоложенного старика. Уж не дал ли маху Кромптон — может неправильно рассчитал угол вращения радикала?

— Девушка! — вопил Основатель. — Девушка в белой кружевной мантилье! О, Нивс, как я мог забыть тебя! А сейчас передо мной черная вода озера Титикака, волны плещутся о железные сваи причала. Огромная птица, кондор, низко парит над нашими головами — дурная примета; из-за тяжелых пурпурно-розовых туч выглядывает солнце. Нивс, ты держишь меня за руку, ты смеешься и не знаешь...

Основатель умолк. Долгую, нескончаемую минуту он сидел неподвижно. Потом опустил голову, возвращаясь к действительности. Видение растаяло.

— Кромптон, — сказал он наконец. — Вы создали превосходный эликсир. Не знаю, как отнесутся к нему мои коллеги, но мне он доставил мгновения редчайшего наслаждения. Воспоминания, конечно, не мои, но картина настолько яркая, что наверняка кто-то пережил все это. Джентльмены, даю двойную премию! Кромптон, я

¹ Прибор для измерения интенсивности запахов.

на треть увеличиваю ваш оклад, каким бы он ни был на сегодняшний день.

Кромптон поблагодарил его. Пока кварцевая бутылочка переходила из рук в руки, он выскользнул из зала, и огромная дубовая дверь бесшумно закрылась у него за спиной.

Новость, как пожар, распространилась по кабинетам «Сайкосмелла». Кругом царilo веселье и всеобщее ликование. Кромптон, совершенно бесстрастный, вернулся в свой кабинет, запер за собой дверь и, как всегда после трудного дня, сильно потянулся. Потом быстро закупорил драгоценные вещества и сунул их в желоб, по которому они скатились в вакуумные погреба и вернулись в свои герметические хранилища.

Только одно отступление от правил нарушило привычный каждодневный ритуал. Взяв колбу с очищенной эссенцией люристии, самого дорогого в Галактике вещества, Кромптон без колебаний перелил содержимое в плоский герметичный сосуд и опустил его в карман. Затем налил в колбу обычное масло иланг-иланга и отправил ее в погреб.

Теперь он стал единственным владельцем девятнадцати граммов люристии — субстанции, которую получают в результате двухгодичной ручной выжимки из единственного на Альфоне IV дерева, сверхтвёрдого и сухого. У Кромптона в кармане оказалось целое состояние, которого хватит, чтобы слетать и на Эйю, и на Йигту.

Он перешел Рубикон — сделал первый и бесповоротный шаг к реинтеграции. Начало положено. Только бы все окончилось благополучно!

Глава 5

— Они и сами не знают, чего плетут, — заявил пьяничка в красноватой шляпе пирожком, обращаясь к Элистеру Кромптону.

— Да и вы тоже не знаете, — резко осадил его Кромптон.

Он сидел за извилистой стойкой Дамбалла-клуба в Гринвич Виллидж — районе с сомнительной репутацией. Проигрыватель наяривал старый шлягер «Беби, набей свой животик» в исполнении Генджиса Хана. Кромптон, потягивая безалкогольное пиво, поджидал своего знакомого, Элиту Рутински — главного агента (Н)ГСН.

— Конечно, и я не знаю, — отвечал веселый красношляпый сосед с высокого как обелиск табурета, зажав в лапе с черными ногтями и разбитыми костяшками наполовину пустой (или наполовину полный) бокал «Олд Пинглоппа», очищенного сухого виски. — Но я-то, по крайней мере, знаю, что не знаю, а это уже кое-что. И даже до того, как я узнал, что не знаю, я уже знал, что понятия не имею, чего это я плету. Ну вот возьмите, к примеру, нас с вами. Вы, наверное, думаете, что я здесь оказался чисто случайно — просто первый встречный, а то и предмет, на котором вы остановили свой взгляд, а?

Кромптон ничего не ответил. Все это время он крепко держал себя в руках, начиная с того самого мгновения, когда, покинув кабинет, сел в «силлз-максвелл» и поехал в Манхэттен, чтобы встретиться здесь с человеком, который опаздывал уже на десять минут. Сосуд с люристией жег ему бок, словно путеводная звезда,

предвещающая встречу с потерянными родственниками. А подонок в красноватой шляпе пирожком вдруг наклонился к нему вплотную и обдал его чувствительные ноздри мерзким запахом перегара.

— *Mi coche no va*¹, — неожиданно произнес красношляпый.

Это был пароль, придуманный давным-давно, когда в мирной обстановке Кромптон обдумывал весь этот план.

— Вы Элигу Рутински! — прошептал Кромптон.

— Он самый, к вашим услугам, — сказал пьяничужка, срывая с головы шляпу, а вместе с нею искусную маску и видимость опьянения и обнаруживая серебряную гриву, обрамляющую длинное печальное лицо неуловимого бдительного Рутински. — Предосторожности не бывают лишними, — проговорил он с едва заметной улыбкой.

В качестве главного агента (Нелегальной) Гильдии свободных нюхальщиков ((Н)ГСН), этот человек отвечал за демократизацию и демонополизацию психонюхания в Албании, Литве и Трансильвании. Гильдия, хотя и занимала в США нелегальное положение, была должным образом зарегистрирована и платила налоги, как и положено всем нелегальным организациям.

— Побыстрее, приятель, дорога каждая минута, — сказал Рутински.

— Что до меня, то я времени зря не терял, — возразил Кромптон. — Я пришел вовремя. Вы сами превратили простую преступную сделку в драму плаща и кинжала.

— А если во мне пропадает талант драматического актера? — сказал Рутински. — Это что, преступление? А кроме того, я проявил бдительность. Можно ли осуждать человека за это?

— Я вас вовсе не осуждаю, — сказал Кромптон. — Я пытаюсь доказать, что меня торопить ни к чему, потому что не я тратил время зря. Так приступим к делу?

— Нет. Вы оскорбили меня в лучших чувствах, задели мою честь и усомнились в моей храбрости. Пожалуй, надо выпить еще.

¹ Моя машина не едет (исп.).

— Ну хорошо. Если мои слова так расстроили вас, я приношу свои извинения. А теперь, может быть, перейдем к делу?

— Нет, мне кажется, вы неискренни, — мрачно заявил Рутински, кусая ногти и сопя.

— Господи, и как это вам удалось стать главным агентом нюхальщиков? — разозлился Кромптон.

Рутински взглянул на него и вдруг ослепительно улыбнулся.

— Я стал им потому, что я был умный, находчивый, смелый и очень деятельный. Понятно? А теперь я плевал на все это. Покажите-ка мне свою бутыль.

Кромптон протянул ему флакончик, завидуя про себя темпераменту Рутински. Когда-нибудь, после реинтеграции, он тоже будет ошеломительно поп *sequitores*¹.

Молча, молниеносным движением Рутински достал из кармана миниатюрный ольфактометр и прижал его к флакону. Для начала он убедился, что это действительно люристика. Затем, удовлетворенный результатом, приступил к измерению интенсивности, чтобы увериться, что Кромптон не добавил туда никакого желе или жидкости.

Стрелка на шкале описала полный круг и уперлась в последнюю точку.

— Ну-да, вот это вещь! — благоговейно протянул Рутински и посмотрел на Кромптона увлажнившимися глазами. — Друг мой, вы просто не представляете, что вы сделали для нас! С помощью этой маленькой бутылочки я освобожу свободных нюхальщиков от всех проблем. От имени святого Эдвина Паджера, седовласого главы нашей организации, благодарю вас за услугу, мистер Кромптон!

— Никакая это не услуга, это криминальная сделка. Короче, давайте деньги!

— Само собой. — Рутински достал из кармана набитый бумажник и начал отсчитывать банкноты. — Так, посмотрим... Мы договаривались на сумму 800 тысяч СВУ в валюте Эйи и Йигти поровну. По нынешнему курсу

¹ Непоследовательным (лат.).

это составляет 18 276 эйянских проников и 420 087 йигганских дранмушек. Вот. Надеюсь, тут все правильно.

Элистер распихал деньги по карманам — и осталбенел, услышав пронзительный свист, доносившийся откуда-то из живота Рутински.

— Что это? — спросил он.

— Радиосигнал, — сказал Рутински, вынимая из кармана жилета крошечный радиоприемник, размером и формой напоминавший додеканесскую¹ табакерку. — Это специальная передача ССКО. Без нее никак нельзя.

— Бога ради, что это еще за ССКО? — спросил Кромиттон.

— Служба скорого криминального оповещения, — объяснил Рутински. — Вы не слыхали о ней? Давайте послушаем, что они скажут.

«Добрый день, друзья-преступники, — раздался из миниатюрного квадрафонического динамика веселый голос диктора. — Ваш старый приятель Джек Потрошитель вещает на секретных частотах с подпольной мобильной радиостанции, запрятанной в горах Сангре Де Кристо в старой романтичной Мексике. У нас есть о чем рассказать вам, ребята: вы услышите последние известия об ограблениях банков, а наше справочное бюро, как всегда, предоставит вам ежедневный список переполненных богатыми простофилями городов, в которых законы наилучше снисходительны, а то и вовсе не существуют. Сегодняшнюю передачу подготовили для вас «Разбойничьи Портные» — изобретатели пальто с тысячью карманов, фирма «Мартин энд Мишкин», специализирующаяся на инструментах для медвежатников, и «Олд Гейдельберг», выпускающая таблетки цианида для тех, у кого не клеится с делами. Обо всем этом и о других превосходных изделиях вы услышите в нашей передаче немного позже. А сейчас самая свежая новость, с пылу с жару: из надежных источников нам стало известно, что фирму «Сайкосмелл, Инк.», этого спрута-монополиста в мире запахов, накололи на девятнадцать граммов люristии — самого драгоценного субстрата во всей Галактике! Имя подозреваемого уже объявлено,

¹ Додеканес (Спорады Южные) — острова в Эгейском море.

так что мы не раскрываем никаких тайн: это Элистер Кромптон! Если вы нас слышите — значит успели смыться не так уж далеко. Удачи, Элистер! Она вам скоро очень понадобится! А теперь несколько отрывков из «Оперы нищих»...»

Рутински выключил радио.

— Рухнули планчики, а?

— Это невозможно! — пробормотал Кромптон. — Еще две недели все должно было оставаться шито-крыто. Меня же никто не проверяет! Не понимаю...

— Понимание для вас сейчас — непозволительная роскошь, — изрек Рутински. — Прощайте, Кромптон! Если вас схватят, скажите, что Рутински смеется им в лицо.

С этими словами он вытащил из кармана нуль-гиперэнергетический плащ, быстро расправил складки украшенного одеяния (по закону носить его имели право только сотрудники ФБР высочайшей категории), набросил его на плечи и мгновенно исчез. Только красноватая шляпа пирожком осталась лежать на стойке бара. Знак Рутински!

Кромптон расплатился и устремился наружу, во враждебный и ничего хорошего не предвещающий мир.

Глава 6

«Наконец-то я с тобой наедине, моя капризуля! Итак — пену, пожалуйста!»

— Если не трудно, выключите приемник, — попросил Кромптон.

— Чертова с два, приятель, — прорычал обливающийся потом водитель велокеба. — Я постоянно слушаю «Шагреневый дом», это моя любимая передача.

«Разрешите мне показать вам, как это делается в Джибути, — щебетало радио, — с бабочками...»

Кромптон откинулся на спинку сиденья, стараясь сохранить хладнокровие. Что случилось? Как они сумели выйти на него? Сможет ли он выкрутиться? Он направлялся в нью-йоркский космопорт, расположенный на месте бывшего Бруклина. Велокеб уже проехал Стоун-стрит и Джей-авеню — погони не было. До космопорта оставалось совсем немного.

«Дитмас, во имя лакмусовой бумажки, убери руку с моей задней ноги!» — продолжал верещать приемник.

Теперь такси огибало памятник Уильяму Бендинксу. Впереди показались две выпуклые башни космопорта. Машина еле двигалась в дорожной суголовке: велосипеды, велокебы, трехколесные велосипеды, мужчины на роликах, женщины на ходулях с пружинками, люди на трясищиках — именно из-за этих разнообразных средств передвижения Нью-Йорк и прозвали «Городом потных ляжек». Наконец велокеб добрался до главных ворот космопорта.

«Рутабага? — вопрошало радио. — Само собой, это-му есть объяснение и попроще...»

— Водитель, остановите, я схожу, — сказал Кромптон.

— С вас пять шестьдесят.
 «Гроутстак? Полагаю, нет...»
 — У вас нет более мелких?
 — Сдачу оставьте себе!

«Диффамация, моя бедная Сильвия, это для новичков, а человеку искушенному нравится его *mot juste*¹...»

Спрыгнув с велокеба, чуть не угодив при этом под телегу, запряженную волами, которой управлял усатый возница, Кромптон проскочил через главные ворота с видом человека, опаздывающего на корабль, что, кстати, соответствовало действительности.

Он пробежал мимо дисней-стенда, миновал продавца сильнодействующих «колес», модную лавку «Наказание» и задыхаясь подошел к стойке «Транс Пан Интерстеллар Спейсвейс Систем» (ТПИСС) с гордым девизом: «*Non est ad astra mollis e terris via*²».

Робот, очень, кстати, похожий на Альберта Деккера, взял у него талон на зарезервированное место.

— Ага, осень холосо, — сказал андроид с дурно налаженным произношением. — Но, Дзек, пьидеса заплакать! Не заплатис — не поедис! Ни билета, ни полета!

— Конечно, я заплачу, — сказал Кромптон. — Как лучше — в эйянских прониках или иигганских дранмушках?

— Мы только полусить бетельгейзенские фьюники, улановых не нада, а есе, позалуста, амеликанские секи на эксплес-путесствие. У вас нету? Бланк мозет поменять, о'кэй, Дзо?

Кромптон кинулся в банк, где пышная красотка с Друмгеры IV своими выгнутыми губами ловко поменяла ему деньги. Он поспешил обратно к стойке ТПИСС и протянул банкноты андроиду.

— Прекрасно, сэр, — сказал андроид. — Прошу прощения за свое недавнее псевдокитайское произношение. В моей схеме нарушилась система самоконтроля, а я никак не мог найти электронщиков. Эти ребята обходятся в целое состояние и в конце концов все равно отсылают вас к специалисту. Приходится терпеть, а что я могу поделать, при моем-то жалованье? Обычно все было

¹ Меткое словечко (фр.).

² Нет на земле дороги к звездам мягче (лат.).

о'кэй, но сегодня — сплошное невезенье: цикл солнечных пятен совпал с показом картины Фу Манху в верхней комнате отдыха, а фотосинтетическая дифракция довершила дело, и в результате остался я дурак-дураком...

— Билет! — выдохнул Кромптон.

— Вот он, сэр, — сказал андроид. — Первая остановка на Эйе. Билет действителен в течение десяти лет, со всеми остановками. В пути вас будут кормить обедом, а в космосе вы сможете приобрести психodelики. Приходилось вам видеть фильмы Альберта Деккера? Сейчас в южной комнате отдыха проходит его фестиваль, от всего сердца советую посмотреть...

Но когда андроид с лицом контрабандиста (свое он одолжил антрепренеру Альберта Деккера, за что мог бы поплатиться работой, если бы закон о «собственном обличье» строго соблюдался) повернулся к своему собеседнику, перед ним никого не оказалось: Кромптон сбежал.

— Кромптон, Кромптон, — сказал андроид, и от напряжения брови у него встали уголками. — Ах да! Рифмуется с Помптоном! — И он отвернулся, успокоенный. Андроиды никогда не горюют подолгу.

Люди, особенно относящиеся к категории *Кромптонов*, часто чувствуют себя несчастными и запуганными. Бледный, задыхающийся, с потными ляжками (как и у всех нью-йоркцев), Кромптон добежал до выхода на взлетное поле, и тут его сжали железной хваткой чьи-то руки. Кромптон поднял голову и увидел над собой плоское желтое лицо огромного андроида, похожего на маньяка-убийцу.

Надтреснутый, дрожащий голос произнес:

— Хорошо, Тото, держи его, но смотри не сломай. Мне еще надо поговорить с парнем, хи-хи-хи!

Сердце Кромптона провалилось в бесконечную пустоту, куда-то в низ живота. В отчаянии он повернулся и столкнулся взглядом с древними глазами, сиявшими на молодом лице Джона Блаунта.

Глава 7

— Ну-с, Элистер, что вы можете сказать в свое оправдание? — спросил Блаунт.

Кромптон пожал плечами. Космический корабль находился в каких-то жалких двадцати ярдах от него, дразня своей близостью — и, увы! — недостижимостью.

— Почти ничего, — сказал он. — Как вы узнали? Блаунт сочувственно улыбнулся.

— Только административная верхушка фирмы имеет полное представление о нашей системе безопасности, Элистер. Специальные сенсорные установки, расположенные в погребах, регистрируют количество наиболее ценных субстанций на каждый данный момент. Эти сведения передаются в компьютер, который соотносит их с точными, официально подтвержденными данными и выдает результат. Расхождение на один грамм сразу же по тревоге поднимает силы безопасности, и одновременно об этом сообщают мне. Проанализировав обстоятельства пропажи, я сразу понял, что винить в ней можно только вас, и решил собственноручно заняться этим делом.

— Это очень интересно, я не сомневаюсь, — сказал Кромптон. — И что теперь?

Старый Джон Блаунт осклабился своей мерзкой мертвяцкой ухмылкой.

— А теперь, Элистер, вам придется целиком положиться на мое милосердие.

Элистера начало трясти. Заметив, что дрожит, он озадаченно нахмурился. Выглядело так, будто он боится этого человека, от которого теперь зависит его жизнь, хотя на самом деле страха он не испытывал. Потому что его поступок был поступком настоящего мужчины. Да-

же поражение, в конечном счете, ничего не меняло. Главное — он сделал все, что мог.

— Очень сомневаюсь в вашем милосердии, — произнес он ровным голосом. — И полагаться на него я не собираюсь. Лучше я пошлю вас куда подальше, и будь что будет. Идите-ка вы на хрен, мистер Блаунт!

Лицо Блаунта, не поверившего своим ушам, исказила гримаса крайнего изумления, превратившая его на миг в слабоумного старого маразматика. Как слепой, он вытянул руку вперед и заорал, задыхаясь от гнева и брызгая слюной:

— Ты...ты...

— Хи-хи-хи, — передразнил его Кромптон.

Тото реагировал на расстройство хозяина поднятием огромного кулака и готовностью размазать Кромптона по стенке. Кромптон вздрогнул, но даже бровью не повел.

Блаунт выкрикнул:

— Нет, не бей его!

Тото успел отвести удар, правда, ценой двойного перенапряжения — физического и морального.

— Кромптон, — проворковал старик легким и нежным голосом, подобным дуновению летнего ветерка, — вы знаете, что полагается за ваше преступление?

— Не имею ни малейшего представления, — сказал Кромптон.

— Десять лет тюрьмы.

— Я их запросто могу простоять на голове, — отрапортировал Кромптон.

— Не сомневаюсь, что можете, — сказал Блаунт. — Именно поэтому я не собираюсь арестовывать вас.

— Не собираетесь?

Старик покачал головой и ехидно хихикнул.

— Вы свободны и можете отправляться в любой конец Галактики в поисках своих ненаглядных компонентов.

— Вы и об этом знали!

— А как же! Это входит в мои обязанности — знать обо всех уродцах, работающих у меня на фирме. Говорю вам, Кромптон, отправляйтесь на свои продолжительные и безнадежные поиски. Десять лет в кутузке — слишком легкое наказание для вас, однако это все, что наше коррумпированное мягкотелое правосудие возвращает вам за воровство, предательство и дурные манеры.

Я хочу большего! Я сам хочу расплатиться с вами. Так что отправляйтесь, бегите от земных законов. Я найду вас. У меня длинные руки, бесчисленное множество агентов, и месть моя вам гарантирована.

— Что вы собираетесь сделать со мной? — спросил Кромптон.

— Мое наказание будет достойно если не преступления, то преступника. Кромптон, вы когда-нибудь думали об асномии?

— Вы не сделаете этого, — сказал Кромптон, чувствуя, как начинают сдавать нервы.

— А по-моему, это превосходная идея — вывести из строя ваш драгоценный нос! — прокудахтал старый Основатель. — Можно ли придумать более изысканную месть: вы, обладатель самого тонкого обоняния на планете, больше не ощущаете никаких запахов, а?

— Да я скорее умру, — сказал Кромптон.

— Умрете, конечно, — всему свое время! Но сначала я лишу вас самой большой вашей ценности — несравненного обонятельного дара. Я отниму у вас запах морского прибоя на заре, креозота и махорки, бекона, шкворчащего на сковородке, тумана в осеннем лесу и аромат молодой женской груди! Все это станет вам недоступно, Кромптон! Вот оно, проклятие асномиков, и я вам его обещаю!

Кромптон повернулся и пошел прочь, онемев от страшных, но каких-то ребяческих угроз этого «юноши». Он вручил свой билет контролеру, тот прокомпостировал его в правом верхнем углу, и Кромптон прошел в оранжево-серый модуль, который доставлял пассажиров на орбиту за много миль от Земли, где их ждал космический корабль.

Оцепенение Кромптона прошло, как только модуль устремился вверх, к золотому солнечному сиянию. Даже мысли о смерти и асномии не могут расстроить человека, впервые в жизни оказавшегося в космосе. Путешествие в неизведанное как рукой снимает все тревоги, по крайней мере на время.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Пассажиры космического корабля, пристегнув ремни, потягивали апельсиновый сок из бумажных пакетов. Им пришлось пережить не слишком приятные мгновения, когда отключили генератор искусственной гравитации и стюардессы, продолжая улыбаться, взмыли в воздух. Но скоро все пришло в норму. Зажглись красные лампочки старта.

— С вами говорит капитан Эдди Ремонстратор, — раздался из динамиков приятный голос с легким средне-западным акцентом. — Леди и джентльмены, мы находимся в предстартовом положении, и, возможно, вам будет небезынтересно услышать от меня описание процедуры старта, поскольку это самый захватывающий момент во всем путешествии. Так вот: поисковые щупы порта и корабля работают на полную мощь, охватывая девяносто градусов по кругу. Как вам, наверное, известно из журнальных публикаций, они исследуют космическую структуру, выискивая так называемые «области прорывов Фостера-Гарриса», или, попросту говоря, ФГопы. Эти ФГопы, друзья мои, представляют собой как бы дырки в космическом пространстве, которые можно сравнить с дырой, проделанной насквозь в сложенном вдвое куске материи. Видите ли, у космоса нет субстанции, но есть конфигурация. Это было доказано в ...09 году Эдквайзером и Брейнтри, что и открыло возможность скоростных межзвездных перелетов. Но вы, должно быть, помните, что космическая конфигурация существует только в величинах одного порядка.

Так вот, обнаружив подходящий ФГоп... Извините, я на минутку. О'кэй, я снова тут. Корабельный зонд нашупал жирный ФГоп, и мне предстоит запустить нашу старенькую посудину в эту ФГоп-спираль, потому что, друзья мои, на самом деле это вовсе не дыра. Это скорее труба, закрученная спиралью, и мы должны пройти через нее. Космические конфигурации всегда имеют форму спирали, только не вблизи от серых звезд. Так гласит закон фон Грешама.

О'кэй, ребята, мы приближаемся. Скоро наш корабль мягко проскользнет по спиральной дорожке, которая в п-дименсионном пространстве прочерчивает прямую линию. Мы приближаемся... Воцман, выровнять курс! Так держать... Держись сигнальной линии по внешнему отсеку... Да лево же руля! Давай, давай, входи!.. Да потише, черт тебя дери! Закрой головные клапаны! Табулятор суммирующего устройства — на девять сотых! Втягивай наружную антенну! Приоткрой на семь градусов заглушки на двухклапанном ремуладе! (Тут голос капитана стал удаляться, речь сделалась прерывистой и неразборчивой.) О'кэй, теперь этот болотный разрыв барабанных перепонок быстро закроется! А ну-ка на скрипичке сыграй! (Этого он не мог сказать, подумал Кромптон, мне просто послышалось.) А теперь обернулись вокруг двух дядюшек — и круши к черту эти размахавшиеся турникеты-роторы! А теперь поцелуй старого осла в зад и дуй прямиком сквозь тромбоневые запоры! (Нет, подумал Кромптон, этого он точно сказать не мог!) Смотри за тормозами — они то и дело дурака валяют. Ну-ну, пошло-поехало! Кидай его в старую дыру, как коня в стог сена! Теперь застегни штаны, умерь свой пыл и — вперед, по наезженной дорожке!

Воцарилась тишина. Потом капитан сказал:

— Ну что ж, братцы, теперь вы более или менее усекли, каким образом корабль отправляется в путь. По этой ФГоп-спирали мы будем лететь около двадцати часов субъективного времени, так что расслабьтесь и чувствуйте себя как дома. Наша стюардесса примет заказы на психоделики у тех, кто хочет вознестись к небесам, путешествуя в космосе. В носовой комнате отдыха крутят кино, говорят, классное, что-то об Аль-

берте Деккере. Наслаждайтесь, друзья мои, капитан Ремонстратор заканчивает передачу.

Кромптон энергично потер нос в сомнении, то ли он чего-то недосыпал, то ли капитан Ремонстратор ведет себя несколько странно. Впрочем, возможно, и то и другое одинаково справедливо.

— Да, так оно примерно и есть, — заметил человек, сидевший в соседнем кресле.

— Что, простите? — спросил Кромптон.

— Справедливо и то и другое.

— О чем это вы? — изумился Кромптон.

— Я имею в виду вашу мысль перед тем, как мы заговорили. Вы раздумывали, послышалось вам все это или капитан действительно вел себя необычно. Потом вы решили, что, наверное, правильно и то и другое, — вывод совершенно справедливый и свидетельствующий о вашем интуитивном понимании вариативности дилеммы наблюдателя-наблюдаемого.

— Так вы читаете мои мысли, — сказал Кромптон и внимательно посмотрел на собеседника. Он увидел свежее лицо молодого человека, подстриженного ежиком, в сером свитере, коричневых спортивных брюках и белых замшевых туфлях.

— Если настроюсь соответственно, то читаю.

— Но это же посягательство на мою личную жизнь, — заявил Кромптон.

— Почему? Когда вы произносите вслух какие-то слова, вы ведь ожидаете, что окружающие услышат их? Чем они отличаются от мыслей, которые вы произносите про себя?

— Однако я произношу вслух не все мысли, которые приходят мне в голову.

— Вот как? Забавно. В общем-то мысли не так уж сильно отличаются одна от другой. Это просто сотрясение воздуха, в них нет ничего личного. С давних пор многие существа обмениваются таким образом мыслями друг с другом и не становятся от этого ни лучше, ни хуже.

— Уж не из тех ли вы юнцов, которые обожают разглагольствовать на серьезные темы? — заинтересовался Кромптон.

— Мне еще нет миллиона лет, — ответил сосед. — По галактическим меркам я достаточно молод. Но время от времени я встречал подобных субъектов.

— Меня ваши шуточки ничуть не забавляют, — сказал Кромптон.

— Я — эйянин, — сказал молодой человек. — Я всегда говорю правду, даже тогда, когда лгу. А все эйянские шутки отличаются дурным вкусом, потому что мы слишком стары, чтобы оттачивать их. Но, кажется, вам требуются доказательства.

— Я бы не возражал, — сказал Кромптон.

— Тогда держитесь.

Юноша с нежным лицом поднял руку и коснулся кончика носа. В ту же секунду лицо его превратилось в изборожденную морщинами старческую физиономию, одежда — в драный серый халат, а заговорил он резким визгливым голосом:

— Одна хорошая метаморфоза стоит миллиона слов.

— О, пожалуйста, не делайте этого! — воскликнул потрясенный Кромптон.

Старик вернулся в обличье нежнокожего юноши.

— Хотите, я продемонстрирую вам еще какие-нибудь сверхчеловеческие возможности?

— Лучше не надо, — сказал Кромптон. — Я вам и так верю. Дайте мне время смыкнуться с этим.

— Да, конечно, Кромптон, — сказал эйянин. — Хочешь выжить — умей вертеться. За пределами Земли происходят всякие необычные вещи — не стоит терять время, оглядываясь вокруг в изумлении. Ваше отношение ко всему здесь должно быть *ни*¹: ну, случилось нечто странное — подумаешь, эка невидаль; а еще что новенького? Иначе вы не сумеете правильно отреагировать, столкнувшись с чем-то поистине необычайным.

Кромптон глубоко вдохнул и медленно выдохнул.

— Ну хорошо, — сказал он. — Вы эйянин, вам миллион лет, и вы обладаете сверхчеловеческими способностями. А еще что новенького?

— Вот так-то лучше. Что новенького? Вот вы садитесь в космический корабль, и вашим соседом по креслу оказывается представитель той планеты, на которую вы

¹ Простое, без иллюзий (фр.).

летите. Совершенно очевидно, что я многое о вас знаю. Так же очевидно, что у меня есть свои планы на ваш счет. И абсолютно ясно, что мы с вами собираемся прийти к определенным соглашениям.

— Очевидно, — кивнул Кромптон. — И что еще новенького?

— Не умничайте, дорогой, — сказал эйянин. — Хотите узнать, к чему все это?

— Жду с нетерпением.

— Кромптон, мы, эйяне, старейшая из разумных рас в Галактике. И одна из умнейших. Мы в какой-то степени бессмертны. Мы выдали лучшие времена. Давным-давно мы завоевали эту Вселенную, но скоро поняли, что радости от этого никакой, и вернули все владения. И делать нам стало нечего, по крайней мере, не было ничего стоящего по нашим понятиям. Так что мы ничего и не делаем, только играем в нашу Игру.

— Я слыхал об эйянской Игре, — сказал Кромптон. — Но, по-моему, никто толком о ней ничего не знает.

— Это не оттого, что мы держим что-то в тайне, — сказал эйянин. — Просто наша Игра не поддается объяснениям. Ее абсолютно невозможно описать, потому что она постоянно меняется в соответствии с правилами, которые мы попутно выдумываем.

— И что же — вы действительно ничем больше не занимаетесь? — спросил Кромптон.

Эйянин пожал плечами.

— У древних, совершенных народов есть свои особые проблемы, Кромптон. К примеру, что делать, став абсолютно просвещенным? Не думаете же вы, что мы выстраиваемся в круг, улыбаясь друг другу. Вот мы и играем в свою Игру. Наше веселье состоит в том, чтобы превзойти друг друга. При этом мы всегда помним, что каждый из нас — это все мы и что одерживая верх над другими, мы одерживаем верх над собой. И это нам нравится, так как Игра не должна приносить больших доходов. Но играть надо серьезно и честно, согласно существующим на данный момент правилам.

— Все это очень интересно, — сказал Кромптон. — Но зачем вы мне рассказываете об этом?

— Да так уж вышло, Кромптон, что вы включены в мою Игру. Или включитесь, как только в ней произойдет

нужный оборот. Вы будете одной из пешек, управлять которыми стану я. Забавно, верно?

— Нет, совсем не забавно, — возразил Кромптон. — Исключите меня из вашей Игры.

— Успокойтесь, — сказал эйянин. — Ведь я тоже пешка, которой вы будете управлять в вашей Игре.

— Знаете, в эти дни у меня будет полно забот, — сказал Кромптон. — У меня на это просто времени не хватит.

— Для вас жизненно важно разыскать ваши утерянные компоненты и добиться реинтеграции, не так ли? В этом и будет состоять ваша Игра. Чтобы достичь успеха, вам понадобится моя помощь. Без нее вы с таким же успехом могли остаться на Земле и продолжать разгадывать свои кроссворды.

— А если конкретно, в чем мне понадобится ваша помощь? — спросил Кромптон.

— Не имею ни малейшего представления, — ответил эйянин. — Откуда мне знать, если Игра еще и не начиналась?

— Если вы этого не знаете, — сказал Кромптон, — откуда вы знаете, что возникнут такие обстоятельства, которые заставят меня обратиться за помощью к вам?

— Это то немногое, что мне дано знать, — ответил эйянин. — В конце-то концов, супермен я или нет?

Кромптон принялся обдумывать услышанное, и чем больше он размышлял, тем меньше ему все это нравилось.

— Не слишком ли вы ускоряете события? — сказал он. — Я не думал, что все обернется таким образом.

— Конечно, не думали, — согласился эйянин. — Как и большинство людей, вы хотите, чтобы все было по вашему — и только там и тогда, когда вам захочется. Но, виноват, Вселенная не управляет вашими желаниями, Кромптон. Вот она! Вы можете дуться, настаивать на своем — и скорее всего вас убьют до того, как вы успеете сделать что-нибудь интересное; но вы можете согласиться на мое предложение, и в результате мы оба позабавимся.

— Ладно! — сказал Кромптон. — У меня, кажется, не такой уж большой выбор! Что дальше?

— Дальше я назову вам свое имя. Меня зовут Секуиль. Запомните его. Позднее мы снова встретимся в первый раз и тогда займемся делами.

— Подождите минутку... — начал было Кромптон.

— Эта встреча не в счет, — прервал его Секюль.

Тут временные последовательности ни при чем. Все будет так, как будто ничего не было.

— Вы хотите сказать, что практически сейчас мы с вами и не встречались?

— Совершенно верно. Уже интересно, не так ли? Иногда бывает ужасно скучно ждать, пока те или иные события произойдут сами собой, а космические перелеты — это и вовсе потерянное время.

— Никак не пойму, — сказал Кромптон, — как мы с вами сможем увидеться в первый раз, если мы уже встретились сегодня?

— Но я же объяснил вам, — сказал Секюль, — что эта встреча не в счет. Мне придется заплатить штраф за то, что я так поступаю. Я не буду помнить об этой встрече, когда на самом деле встречу вас.

— Ну, это уж совсем бессмыслица какая-то.

— А правила всегда бессмысленны, разве нет? — сказал Секюль. — Однако так оно и будет. Я вас не узнаю, но вы узнаете меня и расскажете о нашей встрече, а я пущу в ход свои сверхъестественные способности к адаптации, и Игра начнется.

— Может быть, вы и супермен, — сказал Кромптон, — но мне кажется, вы не в своем уме.

— Ха, это становится совсем забавно, — сказал Секюль. — Но, похоже, я исчерпал все материалы своей лекции, так что — отываю.

Он улыбнулся Кромптону и исчез.

Какое-то время Кромптон сидел неподвижно. Потом позвал стюардессу.

— Извините, мисс, не могли бы вы назвать мне имя молодого человека, сидевшего рядом со мной?

— Вы, должно быть, шутите, сэр, — ответила она. — Это место было свободно все время полета.

— Этого я и боялся, — сказал Кромптон.

— Хотите еще апельсинового сока?

— Пожалуй, да, — тяжко вздохнул Кромптон.

Глава 2

«Странствующие и путешествующие, добро пожаловать на планету Эйя, и в ее столицу Ситесф, и в отель «Грандспрюиндж», расположенный в историческом районе Невратидэ, и на виднеющиеся вдали величественные Олеонианские Альпы. В этой брошюре мы расскажем вам о нашей планете, чтобы вы получили как можно более полное наслаждение и радость от знакомства с нашей уникальной цивилизацией.

Как вы, возможно, знаете из «Книги вселенских рекордов» Гиннесса, Эйя — древнейшая планета в Галактике, которую на протяжении всей ее истории населяла единственная коренная раса. Эта редкая цельность да еще тот факт, что на Эйе в течение последних 900 тысяч лет не было никаких войн, создает на планете атмосферу уверенности и домашнего уюта, не сравнимую ни с чем в Галактике.

Общество эян немногочисленно — в нем ровно миллиард членов. Некоторые считают их бессмертными, но сами они называют себя просто сверхдолгожителями. Старейшему долгожителю Эйи, Трачу Нивере, по меньшей мере тридцать миллионов лет, что доказал анализ ногтя его большого пальца, проведенный с помощью изотопов Швейцарским бюро подтверждений. (Увидеть мистера Ниверу можно по пятницам вечером в клубе «Кот Крот» в Западном Ситесфе, где он последние семьсот лет проводит сеансы чтения стихов.)

Многие интересуются, как развлекаются эяне, которые живут так долго и знают так много. На этот вопрос ответить непросто, поскольку эяне в большинстве своем являются индивидуалистами. Они занимают-

ся множеством разных вещей и изучают много любопытных и полезных фактов. Ничего иного не приходится ожидать от народа, два миллиона лет тому назад откавшегося от постоянного обличья и осознанно подбирающего себе тела, эмоции, концепции и другие ценности. В этом смысле эйяне проживают бесчисленное количества жизней.

Эйяне не обладают какой-то фиксированной индивидуальностью. Они выбирают себе то или иное тело, чувства, ценности, а через какое-то время сбрасывают все это и переходят в новое обличье. Поэтому эйян можно назвать довольно веселой и дружелюбной расой, хотя те, кто не знаком с их обычаями, считают, что в деловых отношениях на них полагаться нельзя. (И все же справиться с этим достаточно просто: прежде чем заключить сделку с эйянином, спросите его о дате окончания его текущего психосоматического состояния. В этот период он будет строго выполнять все свои обязательства, следя старинному эйянскому правилу: «Говори, что делаешь, и делай, что говоришь», сформулированному в свое время Амирром Таубой, создателем «Универсального этического кодекса всех мыслящих существ».)

Но вернемся к проблеме развлечений: несмотря на разнообразные трудности, с которыми эйяне сталкиваются в своих последовательных существованиях, всех их объединяет приверженность к Игре. В нашей брошюре мы даже не пытаемся охарактеризовать Игру. Если вас заинтересует этот вопрос, обратитесь к работам «Игроки азартных галактических игр» Уолшмидта и «Стратегия несовместимости» Шарлеруа.

У каждого туриста есть возможность выбрать себе развлечение по вкусу. Особенно стоит отметить Сады Рио в Восточном Ситесфе. Этот огромный развлекательный комплекс расположен на десяти миллионах акров живописной сельской местности, которую омывают фиолетовые воды (такими их сделали морские организмы под названием «груниус») Пираметикового моря. Комплекс сооружен в память о знаменитой космической битве в проливе Инфердунг, когда вооруженные силы Эйи разбили орду диких митсумианских кочевников, возглавляемую безумным Астарком Лету-

мом. Сады устроены таким образом, чтобы обеспечить максимум удовольствий любому представителю девятнадцати цивилизованных видов. В общем, развлечений тьма, а цены весьма умеренные. Любители острых ощущений найдут для себя наслаждения, удовлетворяющие самым порочным и глубоко запрятанным желаниям — их вам поможет раскрыть и осуществить многочисленный штат служащих вашей же разновидности, и вы несомненно получите подлинное наслаждение — не то что в лунапарке Гувилля на Дрогхвасте II, где все обслуживание, вплоть до сексуального, осуществляется меняющий формы (и порой очень рассеянный!) Дувериан Хунгорфьеरдс.

Но как справедливо заметил Амирра Тауба, сидя в раздумьях над картой Галактики, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Слова, в конечном итоге, так же бессмысленны, как и дела, но при этом гораздо менее забавны. Итак, добро пожаловать на Эйю! И мы обещаем, что проведенное здесь время станет для вас временем второго рождения!

Кромптон сунул брошюру в карман. Он сидел в холле отеля «Пингала Армз» в центре Ситесфа. Двенадцать часов назад его корабль «выбрался из трубы», как шутливо выразился капитан Ремонстратор. Кромптон заранее по телеграфу заказал себе комнату в отеле и теперь ждал человека, который должен был помочь ему.

Эдгар Лумис, которого он разыскивал, был той частью его ограбленной личности, которая ведала удовольствиями. Искатель приключений, чувственный любовник — без него Кромптон был лишен остроты, непосредственности восприятия жизни. Лумис в этом смысле был незаменим. Но оказалось, что найти его будет нелегко.

Почти сразу после прибытия на планету Кромптон отправился в справочное бюро, где были аккуратно подобраны все данные о проживающих на Эйе. Ему сообщили, что Эдгар Лумис пребывает в добром здравии и работает в Садах Рюи. Этим и ограничилась информация, ибо по недавно принятому закону адреса работающих в Садах Рюи были засекречены. Чиновник-андроид, хотя и посочувствовал Кромптону и согласился, что такой закон не имеет никакого смысла, ничем не мог

ему помочь, разве только посоветовать ему собственно-ручно заняться розысками Лумиса в Садах.

Кромптон решил иначе. Ясно было, что такие розыски совершенно бесполезны, если принять во внимание необозримую территорию Садов и огромный штат сотрудников, для которых — по крайней мере, для определенной части — по роду их занятий были крайне нежелательны неожиданные встречи с особями мужского пола собственной расы.

Он попросил совета у портье гостиницы «Пингала Армз». Тот намекнул, что при известных обстоятельствах можно было бы кое-что предпринять, однако обстоятельства эти трудно определимы. Кромптон после некоторого замешательства наконец сообразил, чего от него ждут, и, пунцовский от смущения, протянул портье пригоршню проников. Тот как ни в чем не бывало, телегномировал кому-то и велел Кромптону подождать в холле, пока к нему не подойдут.

Центральный вход в отель раздвинулся, и в него проскользнул маленький горбун в длинном драном плаще и разбитых ботинках.

— Вы Кромптон? — спросил он. — Идите за мной.

Он вывел Кромптона на улицу к ожидающему их лимузину. (Позднее Кромптон узнал, что машину снабжает энергией небольшой психофизический конвертер, который выжимает из специально выращенных для этой цели шимпанзе их волю и превращает ее в энергию вращения.) Горбун подождал, пока Кромптон заплатил ему шестьсот проников, а затем дал какие-то указания водителю, и экипаж тронулся в путь.

— Я ничего вам не гарантирую, — сказал горбун, — но я доставлю вас к единственному человеку, который может помочь вам, если пожелает.

— И кто же он? — спросил Кромптон.

— Недавно избранный член Совета Восточного Ситесфа. Именно он провел в жизнь закон, запрещающий разглашать те сведения, которые вам нужны.

— Чем же он может мне помочь?

— Так уж принято на Эйе: человек, ответственный за новый закон, имеет право делать из него исключения — для себя или для кого-нибудь другого.

— Вы хотите сказать, что человеку, который проводит новый закон, дается законное право нарушать его?

— Совершенно верно.

— Но это аморально! Это же явная коррупция!

— Напротив, закон предотвращает коррупцию, узаконивая ее.

— Мне это кажется совершенно бессмысленным, — сказал Кромптон. — Между прочим, с какой стати этот чиновник станет мне помогать?

— Причина та же, что и у меня, — сказал горбун. — Взятка.

— Понятно, — холодно сказал Кромптон.

— В этом веке мы все погрязли во взяточничестве, — объяснил горбун. — Это стало просто массовым помешательством.

Кромптон презрительно молчал.

— Насколько я понимаю, вы считали нас более добродетельными?

— Ну...

— Большинство туристов думает так же. Но нам, эйяном, осточертело быть добродетельными много тысячелетий тому назад. Нет в этом ничего забавного, да и Игре мешает.

— Понятно, — сказал Кромптон.

Какое-то время они ехали молча. Потом горбун сказал:

— Вижу, вам кажется странным — почему это я, эйянин, способный принимать любой облик, разгуливаю с горбом и в драной одежде.

— Мне не нравится, что вы читаете мои мысли, — отрезал Кромптон.

— Извините, — сказал эйянин.

Помолчав, Кромптон спросил:

— И все же, раз уж вы затронули эту тему, действительно, почему?

— Несколько столетий назад я сделал неудачный ход в Игре и теперь должен оставаться в таком виде еще восемьдесят лет. Горб — это еще куда ни шло, в нем можно воду хранить, но вдобавок я получил такую диспепсию — с ума сойти можно!

— Хм, — сказал Кромптон.

— Да, вас не назовешь слишком интересным собеседником, — проговорил горбун. — Вот мы и приехали. — Машина подкатила на стоянку перед небольшим зеленым зданием. — Идите по главному коридору, первая дверь направо. Желаю удачи.

Машина затарахтела и умчалась прочь. Кромптон вошел в учреждение. Нашел дверь, о которой говорил горбун. Постучался.

— Входите, — ответили ему.

Кромптон открыл дверь и вошел в богато обставленный кабинет. Из-за стола на него смотрел эйяний со знакомым лицом и стрижкой ежиком. Это был Секюйль.

Глава 3

Секюйль смотрел на него так, будто видел его впервые.

— Чем могу быть полезен? — спросил он приятным, чуть хрипловатым голосом.

— Я Элистер Кромптон, — сказал Кромптон. — Вы не помните меня?

Секюйль внимательно изучил его лицо и покачал головой.

— Боюсь, что нет. Вы, по-видимому, спутали меня с кем-то.

— Ваше имя Секюйль, — сказал Кромптон. — Мы встретились два дня назад на космическом корабле. Почти час мы беседовали с вами, а потом вы испарились.

— Два дня назад? — удивился Секюйль. — Вы уверены?

— Ну в этом-то я ошибиться никак не могу. Вы говорили мне, что участвуете в Игре или собираетесь начать играть. Вы сказали, что я буду пешкой в вашей Игре.

— Чертовщина какая-то! — Секюйль хлопнул себя по лбу. — Минуточку, я проверю по Гигантскому Компьютеру.

Он нажал кнопку на терминале маленького фиолетового настольного компьютера, расположенного слева от книги записей.

— Участвовал я в Игре в последние несколько дней? И в этот период нарушал ли я временную последовательность? — Он проследил за мельканием огней на считывающей панели, потом сказал: — Ясно. Спасибо тебе, Гигантский Компьютер. — И обратился к Кромптону: — Что еще я говорил вам?

— Вы говорили, что было бы забавно рассказать мне о всяких вещах вне временной последовательности. И сказали, что все забудете и что я должен буду напомнить вам...

— Понятно, — сказал Секюйль. — Да, подобные выходки в моем вкусе. На вечеринке на прошлой неделе нас угощали какими-то классными суперхреновинами. Мы, эйяне, принимаем все, знаете ли, так как отравить нас попросту невозможно. Может, нас и вовсе нельзя убить — во всяком случае, не таким способом. Так что мы кидали что-то в наши старые глотки и занимались этим бог знает сколько тысячелетий — нас насили отвадили от этого занятия. А потом мы почти все время ощущали горечь во рту. В общем, когда Кхаш со своим двойником притащили полежалую дерий-травку с Ацтека II, я уже ничего не соображал. И следующие два дня прошли как в тумане. Хотелось бы мне еще нюхнуть этой смеси...

— Я ничего не понял, — сказал Кромптон. — Но у меня есть свои проблемы. Не дадите ли вы мне адрес Эдгара Лумиса?

— А кто это — Эдгар Лумис? — спросил Секюйль.

— Что, мне все снова надо повторять? — возмутился Кромптон. — На корабле вы сказали, что наша встреча, которая состоялась тогда вне временной последовательности, позволит нам избежать утомительных объяснений, когда мы встретимся по-настоящему, то есть сейчас, — или, по-вашему, эта встреча тоже не в счет?

— Успокойтесь, — сказал Секюйль. — Я позволил себе заглянуть в ваши мысли и выяснил все об Эдгаре Лумисе и прочих обстоятельствах. Теперь мне все ясно. Кстати, мне очень жаль, что я провел этот закон о служащих Садов Рюи. Никак не думал, что это коснется вас.

— А для меня абсолютно очевидно, что вы сделали это нарочно, чтобы заставить меня искать вас и просить об одолжении, — сказал Кромптон.

— Все не так просто, — возразил Секюйль. — Я — тот «я», что сейчас говорит с вами, — не имел понятия о вашем существовании и провел этот закон в полном неведении. Тот, что говорил с вами на звездолете, —

совсем другой «я» — повлиял на меня и заставил принять такое решение.

— Сколько же у вас этих «я»? — поинтересовался Кромптон.

— Бесконечное множество, — ответил Секюйль.

— Трудно поверить, — сказал Кромптон.

— Это потому, что вы никогда не осознавали, какое влияние на то, кем вы являетесь в данный момент, оказывают ваши собственные личности из прошлого и настоящего. Кромптон, каждое чувствующее существо живет одновременно в различных временных рядах и старается улучшить свою жизнь, влияя на какое-то одно или сразу несколько своих таждеств. Внутренние голоса, подсказывающие вам порой, что делать и чего не делать, — это голоса ваших личностей из других времен и пространств, которые хотят улучшить свои собственные условия существования.

— Может для вас это и так, — сказал Кромптон, — но не для меня. Я всегда остаюсь самим собой.

— Некоторые из ваших таждеств для вас сейчас недостижимы, — согласился Секюйль. — Но мои слова одинаково верны и для меня, и для вас. Вы в настоящий момент являетесь всего одним тонюсеньким голоском в мозгу некоего непонятливого Кромптона, который до сих пор даже и не думал о том, что это одно из его положений.

— Я ничего не понимаю, — признался Кромптон. — Но факт остается фактом: вы приняли закон, из-за которого я не могу узнать адрес Эдгара Лумиса. И, насколько я могу судить, вы дадите мне его координаты только в обмен на согласие быть пешкой в вашей Игре.

Секюйль изумился, потом откинулся на спинку кресла и расхохотался. Как правило, эйяне не позволяют себе смеяться от всей души в присутствии посторонних: будучи народом древним и мудрым, они насыщены взрывоопасной смесью разных психических сил. И неожиданный всплеск эмоций приводит к тому, что эти силы материализуются.

Что и случилось с Секюйлем. Его хотят породил чернокожую девицу с длинными черными волосами и пляшущими темными глазами, двух вавилонских демонов, йети и краснорожего мужчину в костюме в желто-коричневую клеточку.

— Ты видишь, что я вижу? — спросил один демон другого, тыкая пальцем в девицу. — Путана:

— Ее можно съесть? — отозвался его товарищ.

— Йи-и-и, — сказала девица.

— Подумать только, — произнес краснорожий мужчина, — оказаться всего лишь иллюзией в мозгу этого инопланетянина, о существовании которого я даже не подозревал! Но может, он тоже только плод чьего-то воображения? Тогда получается, что я привидение второго порядка, если вести отсчет слева.

— Давай поженимся, — сказала девица, не обращаясь ни к кому конкретно.

— Ну ладно, хватит, — сказал Секюйль, и видения горестно обратились в дым, вернувшись через среднее ухо в голову эйянина, — все, кроме йети, который убежал через запасной выход и был доставлен на место несколько дней спустя Королевским отрядом северо-западных горных видений.

— Вы не уловили главного, Кромптон, — сказал Секюйль после того, как все успокоилось и было водворено под его контроль, а стул, опрокинутый убегавшим йети, поднялся, несколько сконфуженный тем, что не устоял перед каким-то призраком. — Вы что, и в самом деле полагаете, что я собираюсь принудить вас включиться в мою Игру?

— А как еще я мог истолковать ваши слова?

— Вам показалось, — сказал Секюйль. — А мне кажется, что стрелка синхронизатора все ставит на место. Адрес мистера Лумиса: Пандерер Уэй 4567, южный берег Пальметто, Западные Сады, Южный Ситесф. Днем он работает в отделе эпизодов Театра галактических наслаждений в Садах Рио.

Кромптон был ошеломлен. И только спустя какое-то время сумел пролепетать:

-
- Премного вам благодарен.
 - Всегда рад служить, — сказал Секюйль.
 - А теперь что?
 - Вы о чем?
 - Вы мне оказали такую любезность. Чем я обязан?..
 - Оставайтесь таким же милым, как сейчас, — сказал Секюйль.
 - Но я-то думал, что нужен вам в вашей Игре!
 - Это неважно, — сказал Секюйль.
 - Я никогда не говорил, что не хочу помочь вам, — пробормотал Кромптон. — Все это произошло так... Секюйль нежно проводил его до дверей.
 - До свидания, Кромптон. Очень может быть, что мы встретимся при совсем других обстоятельствах. Но за поддержкой обращайтесь ко мне в любой момент. И, насколько времененная комбинация связанных энергий может пожелать удачи другой такой же временной комбинации, — желаю вам всяческой удачи.
- Дверь захлопнулась. Кромптон, чувствуя себя совершенно сбитым с толку, устремился в беспросветную ночную мглу.

Глава 4

Кромптон нанял дешевый орнитоптер и отправился в отдел эпизодов Театра галактических наслаждений в Садах Рюи. Эта часть Садов была отведена под нужды гуманоидных существ и их ближайших сородичей. В данную группу входили: люди, алиноподы, гнолы, сабистые тэдики, барбизаны с Гростарка II, неугомонные двухсуставчатые трелионды, коварные, приторно-улыбчивые лунтеры и их соседи — сверхизменчивые муны.

Миновав главные ворота, Кромптон заметил стройного, энергичной наружности молодого человека в джинсах и очках в черной оправе; он сидел и печатал на портативной машинке, пристроенной на коленях. Кромптон с удивлением посмотрел на него, тот поднял голову и сказал:

— В чем дело?

— Хотелось бы узнать, чем вы тут занимаетесь.

— Пишу роман, — ответил молодой человек, продолжая печатать. — Наш диалог тоже войдет в него, естественно. Завистники обвиняют меня в том, что я высасываю все из пальца, а я пишу только то, что слышу и вижу.

— Мне кажется... — начал было Кромптон.

— Не беспокойтесь, — сказал писатель. — Ни один диалог, начинающийся словами «мне кажется», не сулит ничего забавного. Давайте-ка я произнесу речь по этому поводу. Существует несколько прелестных эпиграмм, с которыми вам, вероятно, не довелось ознакомиться. Например...

— Терпеть не могу, когда предложение начинается со слова «например», — прервал его Кромптон.

— Я собирался переписать это. «Противоречу ли я себе? Тогда прекрасно, ибо в своих противоречиях я велик, я вмещаю в себя чудеса». Как хорошо написал это старина Уитмен! До чего уместна здесь эта концепция...

— Мне нужно идти, — сказал Кромптон.

— До свидания, — сказал писатель. — Это будет короткая, но хлесткая сцена.

— Должно быть, хорошо быть писателем, — сказал Кромптон.

— Все равно что слизняком ползти по нескончаемому листу бумаги.

— Это ужасно, — сказал Кромптон. — Может быть...

Но писатель не слушал предложений, начинавшихся со слов «может быть». Его внимание привлекло неожиданное появление толстяка, прижимавшего к груди тяжелую скульптуру в виде черной птицы; следом за нимшли Хамфри Богарт, Мэри Астор, Питер Лорр, а также — о, нежданное явление! — сам Альберт Деккер.

— Это уже перебор, — пробормотал писатель, продолжая яростно печатать с двумя сигаретами во рту.

Кромптон побрел дальше. Располагался отдел эпизодов на длинной, какой-то невнятной улице. Гуляя в поисках развлечений, здесь можно было услышать обрывки странных разговоров и увидеть фрагменты самых разных постановок. Вы могли продолжить свою прогулку и набрести на какой-то новый эпизод или остановиться где угодно и принять участие в развертывающихся перед вами событиях.

Хотя на самом деле все шло не так уж гладко: во время постановок то и дело возникали различные затруднения из-за непримиримых противоречий в требованиях многочисленных гуманоидных по форме, но несовместимых рас. Продюсеры эпизодов тем не менее поощряли тесное и весьма двусмысленное сближение гуманоидов, хотя публично порицали его; но диковинные акты близости всегда приманивают любопытных, несмотря на их благочестивые уверения в обратном. А

это означает приток денег, то есть такого товара, ценность которого эйяне обсуждали и пытались определить вот уже несколько веков, просто чтобы проверить, так ли это на самом деле.

Кромптон, проходя мимо, услышал, как неугомонный двухсуставчатый трелизонд при полном осеннем плюма-же говорил трем своим братьям:

— Сегодня я уезжаю в Фунтрист, возможно, освободится мое место в гнезде.

А рядом стая гнолов щекотала сабистых тэдиков до пароксизмов, приговаривая при этом: «На дворе трава, на траве дрова», что приводило в ужас забравшегося на дерево молчаливого алинопода. По соседству одна женщина-человек говорила другой: «Уж и не знаю, кто тебе поможет, Джоси». А чуть дальше семь мунов пытались слиться в сексуальном псиликоze путем родительского смыкания, но тщетно: для этого им не хватало самого главного — бадминтонного инвентаря. Еще более зловещие дела творились на другой стороне улицы, где барбизан в кольчуге из листьев, с заостренным олимфатом, отстукивал сообщение о своем разочаровании на грудной клетке и брюшных щупальцах коварных, приторно-улыбчивых лунтеров, застигнутых во время запрещенного и невозможного акта псевдотрансформации.

Ни одна из этих сцен не произвела на Кромптона впечатления. Каждая из них была рассчитана на то, чтобы пощекотать чувства зрителей определенного гуманоидного вида — притом совсем необязательно человеческого. Большую часть того, что делали друг с другом эти существа, Кромптон не понимал, так же как и другие гуманоиды не понимают, что делают друг с другом люди. Это была ситуация абсолютного обоюдного непонимания, на фоне которого наше пресловутое непонимание самих себя и себе подобных выглядит сущим пустяком.

Кромптон в замешательстве глазел по сторонам, словно бесплотный разум, парящий над сценами из какого-то сюрреалистического ада, в котором карнавальные создания демонстрировали свои экзотические эмоции,

воспроизведившие недоступные рассудку реалии их жизни.

Кромптон пришел к выводу, что продолжать в таком же духе совершенно бессмысленно. Повернув назад, он прошел мимо двух тэдиков, отбивавших чечетку на широком, похожем на лопату носу линяющего барбизана, миновал несколько еще менее аппетитных сцен и наконец добрался до главных ворот с печатающим на машинке писателем.

— Вы, кажется, много знаете, — обратился к нему Кромптон. — Не подскажете, где я могу найти Эдгара Лумиса?

— Вы правы, я как раз тот человек, который вам нужен, — сказал писатель, передвигая каретку и закручивая третью сигарету. — Знаете ли, я действую как собственный *deus ex machina*¹, так что элегантности моего замысла не будет нанесено никакого ущерба, если я скажу вам, что мистер Лумис находится слева от вас на четвертых подмостках и его представление подходит к концу. Боюсь, вам, мой друг, следует поспешить. Но прежде чем вы покинете меня, позвольте мне в двух словах обрисовать вам вашу ситуацию в целом.

За чем последовала десятиминутная лекция на тему о всевозможных тонкостях и нюансах, которые Кромптон наверняка упустил, оценивая смысл происходящих событий. Все это время Кромптон простоял неподвижно, даже не моргая, замороженный лучами ружья-парализатора — обычного средства в руках членов Галактической гильдии писателей, с помощью которого они обеспечивали себе внимание и уважение неблагодарных слушателей во время скучных, но многозначительных выступлений.

Наконец писатель завершил свою лекцию цитатой из Рильке и выключил ружье-парализатор.

— А теперь, — сказал он, — немного аплодисментов и минимальную утвержденную гильдией плату в сто проников за не столько исключительную, сколько полезную и высокоморальную импровизацию.

¹ Бог из машины (лат.).

— Еще чего! — взъярился Кромптон.

— Платите, — приказал писатель, — а не то я снова включу парализатор и прочитаю десятиминутную лекцию на тему о благодарности по стандартным расценкам.

Кромптон заплатил, небрежно поаплодировал и поспешил смыться.

Он прибежал к указанным подмосткам как раз в тот момент, когда бородатый мужчина в набедренной повязке произносил:

— И тогда на прелестном надгробии Антигоны будут выгравированы слова: «Она так и не дождалась его прихода!»

Публика — тридцать семь человек среднего возраста из города Феникса, штат Аризона, — буквально помирала со смеху.

Бородач, поклонившись, исчез.

Кромптон схватил за рукав одного из сидевших в аудитории — по странному совпадению им оказался Джон Уинслоу Аудитор из Флагстафа — и спросил:

— Актеры! Куда девались актеры?

Джон Аудитор, осанистый оживленный человек со стальными голубыми глазами и нелепым шрамом от дуэли на левой щеке, бесцеремонно вырвал свою руку у Кромптона.

— Что вы сказали? — резко спросил он, пережевывая вставными зубами фруктовую жвачку, последнее напоминание о днях, надежно похороненных теперь между толстыми и страшными страницами «Книги безвозвратно ушедшего времени».

— Я спросил: куда подевались актеры?

— А! Думаю, они за сценой, готовятся к выходу в главном финале, он должен начаться сию минуту, — охотно объяснил Аудитор.

— Не было ли среди них актера по имени Эдгар Лумис?

- Кажется, я видел это имя в программке, — сказал Аудитор, и жесткие глаза его мгновенно повлажнели. — Да, черт побери, Лумис... он был среди актеров.
- Как он выглядел?
- На нем была такая серебристая рубашка.
- И это все, что вы запомнили?
- Это больше всего бросалось в глаза. Да вы сами увидите его в финале. Смотрите, уже начинается.

Возле Кромптона поднялась большая сцена. На ней толпились всевозможные гуманоидные существа, участники сегодняшнего представления. Сзади них расположились два симфонических оркестра. На глазах у Кромптона все эти существа посыпывали с себя одежду и стали смыкаться все теснее, теснее, корчась, извиваясь, скользя вокруг и вовнутрь друг друга в невообразимой мешанине рук, грудей, щупалец, крыльев, влагалищ, усиков, когтей, фаллосов, плеч, голов, яйцеклеток, гонад, экзоскелетов, пестиков, коленных чашечек, жвал, тычинок, присосков, плавников и тому подобного. И в этом неестественном, вывихнутом положении они еще умудрялись петь, булькать, скрипеть, свистеть и выбиривать такую песенку:

Люди, и гнолы, и хингер, и тэдики,
И барбизан с трелизондом, и мун —
Все мы сольемся в экстазе, как педики.
Все побеждает любовь, даже мерзостных грун!

Мерзостные жирные груны вдруг появились на самой верхушке колышащейся горы тел и щупалец. Груны улыбались! Такое случилось в Садах Рюи впервые! Полнокровные, волосатые груны действительно улыбались! Зрители, тронутые до слез, бешено захлопали в ладоши. Затрубили трубы, зазвенели рассыпчатой дробью литавры. Затаив дыхание, зрители наблюдали; как великая композиция-гора из тел, щупалец и прочих членов вздымалась и опадала, рычала и стонала, боролась и тужилась...

Кромптон углядел кусочек серебристого локтя в нижнем левом углу кучи. Лумис! Это был Лумис!

Затем вся эта гора переплетенных и взаимопроникающих гуманоидных форм одновременно содрогнулась в бело-зеленом оргазме, с разной силой извергая секреции. Зрители буквально упивались зрелищем, но Кромптон, до глубины души возмущенный, уже направился к выходу и на полных парусах устремился в отель, к своим кроссвордам.

Глава 5

Кромптон не был готов к такому порочному, грязному занятию, которым зарабатывал себе на жизнь Лумис. И вот теперь в тихом уюте гостиничного номера, разложив перед собой на столике двойной пасьянс, Кромптон мучился сомнениями. Он раздумывал над тем, действительно ли ему хочется, чтобы такой человек, как Лумис, стал его составной частью.

С Лумисом будут сплошные неприятности. Он не хотел его. Но, к сожалению, без него не обойтись. Реинтеграция невозможна без всех первоначальных компонентов.

А может, все обернется не так уж плохо. Ведь есть еще третий, Дэн Стэк; разыскав его и включив в свое сознание, Кромптон, несомненно, сумеет найти противовес основным побуждениям Лумиса. Не исключено, что Лумис даже испытает некоторую благодарность, освободившись от своего бессмысленного, стереотипного существования. Если в человеке есть хотя бы зачатки высокой нравственности, можно надеяться, что он сможет контролировать себя, по крайней мере до тех пор, пока все они не ассилируются в новой многогранной личности, которой Кромптон рассчитывал стать.

Вдохновленный этой мыслью, Кромптон отложил в сторону карты и навел в комнате порядок. Потом решительно сжал зубы, завязал галстук и вышел на улицу.

Он сел в рейсовый орнитоптер и дал домашний адрес Лумиса. Его не интересовали чуждые достопримеча-

тельности, о которых журнал «Плейбой» последние три года писал как о «самых восхитительных в Галактике». Новый чувствительный удар обрушился на Кромптона, как всегда, не вовремя.

Орнитоптер приземлился на прелестной поляне перед облицованным алюминием домом с гаражом, плавательным бассейном и кустом гибискуса на Пандерер Уэй 4567. Кромптон расплатился с водителем (веснушчатым студентом, подрабатывавшим на каникулах), а затем, стараясь держать себя в руках, поднялся на крыльцо и позвонил в мелодичный звонок.

Дверь отворили. Перед ним стояла девчушка лет пяти в перепачканных шортах.

- Сто вы зелаете?
- А-а... мистер Лумис дома?
- Затем он вам?
- По личному делу, — сказал Кромптон.
- Ты мне не нравися, — сказал ребенок.
- Гвендквайфер! — раздался женский голос за спиной у девочки. — Иди, пожалуйста, сюда.

Девчушка скрылась. Темноволосая, яркая и очень привлекательная молодая женщина выглянула наружу, посмотрела на Кромптона.

- Кто вы такой?
- Меня зовут Кромптон. Мне нужно видеть мистера Лумиса по делу, одинаково важному для нас обоих.
- Если вы кредитор, забудьте о нем: он разорен.
- Нет, ничего общего с его кредиторами я не имею, — сказал Кромптон.

Из глубины дома послышался мужской голос:

- Пропусти его, Джиллиам. Я с ним потолкую.

Дверь открылась. Мистер Лумис посмотрел на мистера Кромптона.

Потрясающая сцена!

Две части одной личности узнают друг друга моментально и в любом обличье. Происходит это всегда одинаково, почти с безболезненным напряжением, как при яркой вспышке света. Парадоксальный миг одновременного влечения и отталкивания, а сказать что-нибудь — не получается, непроизнесенные слова замирают на устах. Ведь и в самом деле — что можно сказать, когда пройдет первоначальный шок? Начать

панибратски: «Привет, пропавшая частица моей персоны! Рад тебя видеть, входи и снимай ботинки...»? Или более осторожно: «О, вы снова заглянули ко мне! Надеюсь, на этот раз вы будете вести себя прилично...»

Итак, два фрагмента одной личности вперились взглядом друг в друга. Кромптон заметил следы увядания дюрьера тела. Он смотрел на прекрасное тонкое лицо Лумиса, правда, несколько расплывшееся, склонное к полноте. Не остались незамеченными и поредевшие прямые каштановые волосы, искусно причесанные, и яркие глаза со следами косметики на веках, и сластолюбивый изгиб губ, и расслабленная манера держаться.

Это был законченный стереотип сластолюбца, человека, живущего только ради своих удовольствий и неги. Здесь властвовал сангвинический Дух Огня, вызванный слишком горячей кровью, которая возбуждает в человеке беспринцнную радость и чрезмерное влечение к плотским утехам. Здесь царил принцип всепоглощающей чувственности, свободной от таких жизненно важных составляющих, как разум и энергия. В Лумисе сосредоточились все потенциальные способности Кромптона к наслаждению, преждевременно отнятые у него и воплощенные в этом человеке; в нем была чувственность, первородная, чистейшая чувственность, которой так недоставало Кромптону, его телу/разуму.

Этот принцип голого наслаждения, который Кромптон всегда представлял себе существующим как бы *in vacuo*¹, оказался наделенным собственными чертами характера, не говоря уже о неожиданном осложнении в лице жены и дочери.

— Так, так, так, — насмешливо сказал Лумис, покачиваясь с пятки на носок. — Я предполагал, что рано или поздно вы обязательно здесь появитесь.

— Что это за слизняк? — спросила Джиллиам. (На самом деле она употребила слово *Nmezreith* из транстяньянского слэнга, почерпнутого ею из лексикона ее отца-чечеточника. *Nmezreith* означает «пораженный плесневым грибком», а в переносном смысле — «унылое повторение неприятных телодвижений».)

¹ В пустоте (лат.).

— Это мой единственный родственник, — сказал Лумис.

Джиллиам подозрительно осмотрела Кроммтона.

— Он что, троюродный брат?

— Боюсь, что нет, — сказал Лумис. — Биологически он скорее представляет собой комбинацию из моего брата и отца. Вряд ли найдется какое-то слово, выражющее наши родственные отношения.

— Но ты же утверждал, что ты сирота!

Лумис пожал плечами.

— А ты говорила мне, что ты девственница.

— Ублюдок! Что все это значит?

— Что ж, такие вещи в конечном счете всегда вылезают наружу, — сказал Лумис. — Джиллиам, я должен покаяться перед тобой. Понимаешь, я не настоящий человек. Я всего лишь часть личности этого человека.

— Вот смех-то! — воскликнула Джиллиам и невероятно расхохоталась. — Ты же вечно похвалялся, какой ты великий человек, а теперь я узнаю, что ты и не человек вовсе!

Лумис улыбнулся.

— Моя дорогая, ты не могла удовлетворить даже дюймово тело; избави бог, если бы я оказался полноценным человеком!

— Ах так! — взвизгнула Джиллиам. — Ну, это уж слишком! Будь ты проклят! Детка, мы уходим, тебя здесь не ценят!

— Давай, иди ночной официанткой в свое кафе «Последний шанс», где я тебя подцепил! Это, без сомнения, тебе больше подходит!

— Уходим! За вещами я пришлю! И адвоката тоже!

Она схватила на руки Гвенджвайфер, которая вопила:

— Не хотю идти! Хотю посмотреть, что будет с папотькой!

— Не по годам развитая малютка, — заметил Лумис. — Прощайте, мои дорогие! — крикнул он вслед уходящим Джиллиам и Гвенджвайфер.

Глава 6

— Вот мы и одни, — сказал Лумис, запирая дверь. Он оглядел Кромптона с головы до ног. Похоже, результат осмотра его не очень обрадовал. — Надеюсь, ваше путешествие было приятным, Элистер? Надолго к нам?

— Это зависит... — начал Кромптон.

— Давайте пройдем в гостиную и поболтаем.

Гостиная Лумиса потрясла Кромптона до глубины души. Он чуть не упал, когда ступни его утонули в глубоком ворсе восточного ковра. Комната освещалась золотистым неярким светом, по стенам непрерывной чередой бежали извилистые легкие тени, то сближаясь и сливаясь друг с другом, то принимая очертания животных или жутковатых чудовищ из детских кошмаров, а затем медленно исчезали в мозаике потолка. Кромптон и раньше слышал о теневых песнях, но видел их впервые.

Лумис пояснил:

— Исполняется довольно миленькая пьеска под наименованием «Спуск в Ксанаду». Нравится?

Кромптон пожал плечами.

— Это, должно быть, дорогое удовольствие.

Лумис тоже пожал плечами.

— Представления не имею. Это подарок. Присаживайтесь, пожалуйста.

Кромптон опустился в глубокое кресло, которое сразу же обволокло его тело и стало мягко массировать ему спину.

— Хотите выпить? — спросил Лумис.

— Деполимеризованную сарсапарель, если можно, — сказал Кромптон.

Лумис отправился за напитком. Кромптон слышал мелодию, которая будто сама рождалась у него в голове. Мелодия была медленная, и чувственная, и невыносимо горькая, и Кромптону казалось, что он слышал ее раньше, в другом месте, в другом времени.

— Она называется «Свобода без конца», — сказал вернувшийся Лумис. — Прямая аудиопередача. Симпатичная вещица, верно?

Кромптон понимал, что Лумис старался произвести на него впечатление. И надо отдать ему должное — это ему удалось. Пока Лумис разливал напиток, Кромптон разглядывал комнату: скульптуры, занавеси, мебель, безделушки; его чиновничьи мозги быстро подсчитали стоимость — вещи в этой комнате обошлись в кругленькую сумму.

Он глотнул из бокала. Это был эйянский коктейль; по телу Кромптона разлилось ощущение уюта.

— Очень неплох, — неохотно похвалил он.

Он никак не ожидал увидеть Лумиса таким уверенным в себе, таким, как говорится в кроссвордах, *sang-froid*¹. Это встревожило его. Достаток Лумиса, его спокойствие и умение владеть собой вызывало беспокойную мысль о том, что Лумис не такая уж ущербная личность, как он считал. А тогда что остается Кромптону? Место маленького или среднего человечка на стволе другой доминирующей личности? Нет, такого просто не может быть. Пройти через все эти сложности и добиться того, что им будет командовать это ничтожество, этот сластолюбец? Нет!

— Я приехал сюда, — сказал Кромптон, — чтобы осуществить реинтеграцию, что, как вам наверняка известно, является нашей законной моральной прерогативой.

— Приехали, чтобы снова заключить меня в ваше тело, да, Элистер? — весело спросил Лумис.

— Наша цель состоит в том, — продолжал Кромптон, — чтобы в результате слияния в единое, новое существо память каждого из нас в равной степени влилась в него, так что равенство в правах будет соблюдено.

¹Хладнокровным (фр.).

— Так вот как это будет, — сказал Лумис. — Но я лично сильно сомневаюсь, что это необходимо. Зачем мне рисковать? Я и так безмерно счастлив.

— Счастье немыслимо для такой неадекватной и усеченной личности, как ваша, — возразил Кромптон.

— Да, между нами, мальчиками, говоря, я понимаю, что вы имеете в виду. Жизнь, посвященная только удовольствиям, без стремления к высшим ценностям, это жизнь собачья. Желания блекнут, Элистер, а я все продолжаю изо дня в день устало повторять одно и то же. Нет, наслаждение — дело нешуточное, наслаждение разрушительно.

— Ну так...

— Но в городе только в наслаждение и играют. Я ведь главным образом массовик-затейник, Эл, и уж никак не мыслитель. Конечно, удовольствия не всегда приятны, но кому мне жаловаться на это? Такова жизнь, не так ли? Человек должен выполнять свою работу, даже если его работа — сплошные развлечения, в которых он давно разочаровался. Вот что значит для меня быть человеком.

— Не думаю, что ваше определение выдержит более или менее глубокое испытание, — возразил Кромптон.

— Именно поэтому я и не собираюсь подвергать его испытанию, — сказал Лумис. — Мой девиз: будь смел, следуй своим побуждениям и игнорируй очевидное!

— И вы всегда живете согласно своему девизу? — спросил Кромптон.

— Пожалуй, да. Я всегда знал, что я не такой, как другие. Но в детстве меня это не волновало. В школе я пользовался большой популярностью. Естественно, не за мои познания, во всяком случае, не за те знания, которые там преподавали. Я многое познал на собственном опыте. Какие сокровища чувственности я открывал для себя в те дни! Раннее отрочество — прекрасное время. Но вы знаете, как это бывает у детей — одно дурачество, ничего серьезного. Серьезное у меня началось с мисс Тристаной де Куна, учительницей истории. Это была высокая дама лет двадцати с хвостиком. Под ее бесформенным школьным балахоном скрывалось тело нимфы. В сексе она была неутомима. А после нее была Гловис, потом Дженифер...

— И как же долго продолжалось ваше обучение в школе?

— Я бросил ее в шестнадцать лет. Вернее, мне предложили уйти. Меня обвинили в совращении малолетних (хотя я и сам был малолеткой!). Заявили, что я устраиваю жуткие оргии. Все это преувеличено, уверяю вас. Но так или иначе, школа никогда не была мне по душе. Я был молод, привлекателен, энергичен, полон энтузиазма и уже тогда знал, кем я хочу стать...

— И кем же?

— Я хотел стать спасателем на водах при клубе «Кантри». Я всегда обожал спасателей и завидовал им. Вот это работа так работа! Стоишь над толпой совершенно один в трусах, сандалиях и белом тропическом шлеме. И конечно же с блестящим медным свистком на шее! При этом получаешь совершенно фантастический загар. А сама работа? Спасатель на водах — это полуторальная фигура власти, а также символ летней чувственности. В семнадцать лет, после того, как я поработал контролером в автобусе и официантом, я стал спасателем. И это было фантастикой!

— И что же случилось?

— Обычная вещь. Однажды несколько лет спустя прозвучала тревога. С кем-то что-то случилось за линией бакенов. Я вскочил в лодку и погреб. Тонула толстуха с Земли. Я попробовал затащить ее в лодку, но она запаниковала и опрокинула лодку. Я барабанялся с нею в воде, пытаясь отбуксировать ее к перевернутой лодке, я умолял ее успокоиться и позволить мне доставить ее на берег. Но она совсем потеряла голову и в истерике сдавила мне шею железной петлей. Мне оставалось только одно: двинуть разок ей в челюсть, а потом уже тащить ее, как спутанного кита. Но не успел я осуществить свое намерение, как она сама врезала мне, вложив в оплеуху все свои триста фунтов веса и ярость берсерка¹. Я отключился. К счастью, нас заметили с

¹ Берсерк — в скандинавских сагах — воин, не знающий страха смерти. Перед боем берсерки с помощью наркотизирующих средств доводили себя до состояния неистовства и полного отсутствия инстинкта самосохранения, чем наводили ужас на своих врагов.

берега и прислали другую лодку. В сущности, такое могло случиться с кем угодно.

— Но правление клуба думало иначе?

— Они обвинили меня в том, что я не умею плавать! Представляете? Это меня-то, проработавшего спасателем целых два года!

— Но вам ничего не стоило доказать им свою компетентность!

— По правде говоря, мне не хотелось унижаться перед ними. Раз им взбрело такое в голову, хрен с ними. Я ушел от них.

— И куда же вы ушли?

— Я обдумывал ситуацию.

— И как долго вы думали?

— Около года.

— На что же вы жили все это время?

— К счастью, у меня появился спонсор, мисс Сьюзи Греч. Это была та самая женщина, из-за которой я лишился работы. Она испытывала ко мне чувство благодарности за то, что я спас ей жизнь...

— Но не вы же спасли ей жизнь!

— Она считала, что я. Это была крупная, щедрая женщина с ярко выраженными сексуальными способностями, скрытыми внутри ее неуклюжего тела. Она первая обнаружила у меня артистический талант и решила развивать его.

— Какой еще артистический талант?

— Я всегда прилично разыгрывал всякие сценки-пародии. И она заставила меня поверить, что я обладаю подлинным талантом, который нужно развивать. Благодаря ее поддержке я поступил в школу искусств.

— И все это время вы жили с ней?

— А как же! Бедняжка, она была так одинока! И это было то немногое, что я мог сделать для нее. Нам было так хорошо! Со мной Сьюзи прожила лучшие годы своей жизни. Мелочь, которую я брал у нее на одежду и карманные расходы, ничего ей не стоила. Мы были бесконечно преданы друг другу. Она даже хотела выйти за меня замуж.

— И что же?

— Бедняжка Сьюзи! Она сделалась патологически, совершенно беспочвенно ревнива!

— Почему?

— У нее были глупые подозрения, что я путаюсь с натурщицами в классе изобразительных искусств.

— А вы путались?

— Конечно! Но я делал это так ловко, что она никак не могла меня уличить. А поскольку никаких доказательств у нее не было, ревность ее была беспочvenна. И все бы шло хорошо, если бы она не наняла детектива. Он тоже ничего существенного не обнаружил и, чтобы спасти свою репутацию, просто оговорил меня. Он подкупил трех натурщиц, и они поклялись, что вступали со мной в сношения, как по отдельности, так и ensemble¹. Самое интересное, что это была чистая правда, хотя он нас не застукал ни разу. И поэтому я не стал убеждать Сьюзи в том, что меня, мол, оговорили... Как вы сами понимаете, разыгралась довольно мерзкая сцена. Я вернул ей ножной браслет и покинул ее апартаменты.

Служба на водах была вершиной в карьере Лумиса. Позже ничего такого ему уже не попадалось. Правда, ему удалось получить место помощника бармена в одном из известныхочных клубов. Таким образом он занял неплохое положение: бармену обеспечен первый взор женщины-клиентки, равно как и внимание своих же клубных официанток. Он и впрямь хотел удержаться на этом месте. И очень старался. Но...

— Меня уволили, — признался он. — Потому что Лила устроила скандал, а хозяин решил, что это из-за меня. К тому времени я жил с Лилой что-то около месяца. Лила — это не настоящее ее имя. Она его взяла из какой-то книги. А скандал начался из-за того, что Мира, которую я незадолго до этого встретил, все время слонялась вокруг меня. Как будто я мог не пускать ее в бар!

— А зачем она слонялась вокруг вас? — спросил Кромптон.

¹ Вместе (фр.).

— Она доверилась мне. Глупо, конечно, но я согласился помочь ей. Она обучалась экзотическим танцам, и ей нужен был партнер с крепкими руками, чтобы она могла выполнять все эти поддержки и шпагаты. Лила интерпретировала это в наихудшем виде, естественно.

— И у нее были основания?

Лумис раздраженно затряс головой.

— Она ни разу не застукала нас с Мирой! Откуда у нее взялась эта уверенность? Какое право она имела устраивать публичные скандалы, обвиняя меня без всяких доказательств в том, что я сплю с Мирой и с Банни? Любой галактический суд оправдал бы меня.

— Постойте, а что это за Банни?

— Банни — сестра Миры. Ей тогда было около шестнадцати. Очаровательная малышка с огромными голубыми глазами и тоненькой детской фигуркой.

— И что вы с ней делали?

— Только то, что должен был.

— Что вы имеете в виду?

— Понимаете, из экономии они жили в одной комнате. У Банни появились свои фантазии. А Мире было все до фени... Ах, эта Мира!

— Значит, Лила устроила сцену, и вам пришлось уйти с работы?

— Вот именно. Моя жизнь превратилась в непрерывную цепочку временных работ и временных женщин. Одной из таких женщин оказалась Джиллиам. Ну, а дальше вы уже все знаете.

— Как вы решились на женитьбу с Джиллиам?

— Она очень настаивала. В общем-то она единственная всерьез настаивала на этом. Это любовь, правда ведь? И она была хорошенькая и богатая. Я все думал — насколько далеко заведут меня мои ошибки? И вот — результат налицо.

— Джиллиам богата? Вы же говорили, что она работала официанткой.

— Да она просто дурака валяла. Сначала я думал, что мы можем быть счастливы вместе — то есть я, она и ее деньги. Но ничего не вышло. Возникли кое-какие проблемы.

— Опять женщины?

— А то кто же! Это проклятие всей моей жизни — столь сильное влечение к женщине.

— Чисто сексуальное влечение, — уточнил Кромптон.

— Ну конечно! Ведь женщины именно такого влечения и жаждут от мужчин, Элистер. Женщины — это секс в голом виде. Очень немногие мужчины догадываются об этом.

— Думаю, вы ошибаетесь, — сказал Кромптон. — Насколько я могу судить, как раз мужчинам больше нужен секс.

— Это совсем не одно и то же, — возразил Лумис. — Интерес мужчины к сексу — это интерес к собственным ощущениям. И мало кто из мужчин интересуется сексуальной природой женщины. Она их пугает. Вы девственник, Эл, не так ли?

— Мы говорим о вас, а не обо мне. Если я правильно понял, вы живете на содержании у женщин.

— И все мы знаем, как это называется, — сказал Лумис. — Не задирайте нос, Элистер! Мужчины и женщины всегда живут на содержании друг у друга, за исключением разве что таких уродов, как вы.

— Да вы просто паразит и вымогатель! — сказал Кромптон.

— А это уж совсем несправедливо, — возмутился Лумис. — Ведь и богатые тоже чего-то хотят. Их нужды отличаются от нужд бедняков, но они не менее настоящи. Бедных правительство обеспечивает едой, кровом, медицинским обслуживанием. А что оно делает для богатых?

У Кромптона вырвался короткий, резкий смешок.

— Если кому-то так тяжело бремя богатства, почему бы ему не сбросить его со своих плеч?

— Но кто же способен на такое? Бедным некуда деться от своей нищеты, богатые обременены богатством. Такова жизнь, ее не переделаешь. Богатые нуждаются в сочувствии, и я им сочувствую от всей души. Они хотят, чтобы возле них были люди, умеющие наслаждаться и ценить роскошь и при этом учить их наслаждению. Я выполняю эту функцию, Элистер, совершенствуя их способность к наслаждению тем, чем одарила их судьба. А богатые женщины, Элистер! У них тоже есть

свои потребности. Они породисты, нервозны, подозрительны и легко поддаются внушению. Им нужны изысканность и утонченность, внимание мужчины с высоким полетом фантазии и исключительной чувственностью. В нашем никчемном мире ~~редко~~ встретишь такого мужчину. А мне посчастливилось — у меня на это талант.

Кромптон с ужасом смотрел на него. Ему трудно было поверить, что этот самодовольный растленный альфонс — часть его самого, а в будущем — и часть его души. Он был бы рад отделаться от Лумиса со всем его отвратительным сексуальным бизнесом. Но это было невозможно: непостижимая судьба обрекла всех мужчин, даже лучших из них, обладающих чистыми помыслами и ясным умом, на борьбу со своими низкими инстинктами, заставив их постоянно подавлять в себе (лучше всего — методом сублимации!) позорную мужскую потребность иметь много женщин, много развлечений и много денег за просто так.

Как это ни досадно, а Лумис ему необходим. Может, все еще обойдется. Кромптон не сомневался в своей способности обуздать это импульсивное, непредсказуемое, изменчивое существо, он даже надеялся превратить его вредные охотничьи инстинкты в страстную любовь к архитектуре, садоводству или чему-нибудь в том же духе.

— В общем-то, мне нет до этого никакого дела, — сказал Кромптон. — Как вам известно, я представляю собой подлинную личность Кромптона в его подлинном теле. И я прибыл на Эйю для реинтеграции.

— Я так и понял, — согласился Лумис.

— Полагаю, вам понадобится какое-то время, чтобы уладить дела?

— Мои дела всегда в полном порядке, — ответил Лумис. — Я ведь близок только с теми, с кем мне хорошо.

— Я имею в виду деловые отношения, такие, например, как неотложные долги, урегулирование вопросов собственности и тому подобное.

— Я, как правило, этими вопросами не занимаюсь, — сказал Лумис. — Я считаю так: всю кучу неприятностей, которая останется после меня, пусть разгребают те, кому есть до этого дела. Надеюсь, вы меня понимаете?

— Как вам будет угодно. Тогда приступим?

— Прошу прощения?

— К слиянию!

— Ах да, — сказал Лумис. — Но вот как раз в этом я сомневаюсь. — Он помолчал минуту, раздумывая. — Я размышлял над этим, Эл, и, знаете ли, мне совсем не хочется сливаться с вами. Тут нет никакой личной неприязни — просто я так чувствую.

— Вы отказываетесь от слияния со мной? — недоуменно переспросил Кромптон.

— Совершенно верно, — ответил Лумис. — Мне чертовски жаль, я знаю, какой гигантский путь вы проделали, и все зря; но вы могли сначала написать, спросить меня... Во всяком случае, прошу прощения, но так уж все складывается.

— Вы, видимо, не понимаете, что вы недоукомплектованный, недоделанный экземпляр, карикатура на полноценного человека? — разозлился Кромптон. — Разве вы не видите, что выбрались из той помойки, в которую вы превратили свою жизнь, и обрести ясную, божественную атмосферу высшего существования вы можете только путем слияния со мной?

— Вижу, — со вздохом сказал Лумис. — И у меня иногда возникает желание найти что-нибудь чистое, святое, не тронутое рукой человека.

— Но тогда...

— Честно говоря, я недолго предаюсь подобным мечтаниям. Мне и так неплохо. Особенно сейчас, когда Джиллиам порвала со мной и я могу все начать по новой. В моей жизни осталось еще достаточно много удовольствий, чтобы пожертвовать ими ради переселения в вашу голову, Эл, — только не поймите меня превратно.

— Но ваше теперешнее счастье временно, вы же понимаете. Оно скоро пройдет, как проходят все эфемерные состояния, и вы снова погрузитесь в страдания, которые преследуют вас всю жизнь.

— Да нет, не так уж все страшно, — сказал Лумис. — Меня не пугает даже такая жизнь, какая была у меня раньше.

— Тогда учтите вот что, — сказал Кромптон, — ваша личность находится в дюрьовом теле, а срок его существования — сорок лет. Вам сейчас тридцать, и остается вам не более десяти лет.

— Хм, — сказал Лумис.

— И через десять лет вы умрете.

— Понятно, — сказал Лумис и задумчиво закурил самокрутку с красным пятнышком возле фильтра.

— Ничего плохого в реинтеграции нет, — убеждал его Кромптон, стараясь говорить как можно более дружелюбно. — Мы все — и я, и вы, и третий, до которого нам еще предстоит добраться, — мы постараемся. Мы разрешим все наши конфликты путем разумного, дружеского согласия, и все будет хорошо. Что вы на это скажете?

Лумис рассеянно мял сигарету в руке. Наконец он вздохнул и сказал:

— Нет.

— Но ваша жизнь...

— Я просто не способен на то, что вы мне предложите, — сказал Лумис. — Меня вполне устраивает ловить рыбку в мутной воде и плыть по течению. А десять лет — не такой уж маленький срок, за это время все может измениться.

— Ничего не изменится, — возразил Кромптон. — Через десять лет вы умрете. Просто умрете.

— Ну, кто знает...

— Умрете!

— И долго еще вы будете повторять это? — спросил Лумис.

— Но это правда. Вы непременно умрете.

— Да, непременно... — сказал Лумис. Он курил и думал. Потом вдруг лицо его просветело. — Кажется, нам действительно необходимо слияние!

— Ну наконец-то!

— Через каких-нибудь девять лет.

— Да вы что! — возмутился Кромптон. — Значит, по-вашему, я девять лет буду околачиваться на этой потешной планете в ожидании вашего решения?

— А что вам еще остается? — резонно заметил Лумис. — Ну же, старина, не будем ссориться. Я не раз на собственном опыте убеждался, что в конце концов все устраивается само собой, если не обращать ни на что внимания и продолжать заниматься своим делом. Пойдемте со мной, Элистер, я хочу узнать ваше мнение кое о чем.

Он повел Кромптона вниз по лестнице в подвал, в свою мастерскую. В углу находилось сооружение, слегка напоминавшее электронный орган. Он был оснащен множеством рычажков, кнопок и ножных педалей и слегка походил на кабину старинного бомбера-747. Возле него стояла маленькая скамеечка. Лумис сел и включил ток.

— Это машина самовыражения Бурлитцера-Венко, — объяснил он Кромптону и передвинул несколько рычажков. — Я включил ее и настроил на определенную тональность. Оранжевый и желтый цвета на стене означают, что основная тема композиции — это глубокая жалость к себе. Машина сейчас разработает музыкальное и поэтическое оформление этого настроения и воспроизведет свои стихи в левом нижнем углу большого экрана. Слушайте же и смотрите, Элистер.

Лумис зарядил машину эмоциями, и та перевела их в цвета, формы, ритмы, напевные стихи, в танцевальные на, исполняемые изящными марионетками, в веселые ритмичные песенки и страстную декламацию, в просторы серого океана и черной ночи, в кроваво-красные закаты, сливающиеся с брызгами смеха и сотрясаемые приступами бессильного гнева. Туманные многокрасочные сцены проходили одна за другой, наполненные призрачными людьми, которые разыгрывали какие-то странные драмы; в этой разношерстной презентальгии — так называлось это действие — ощущались наивные детские мечты, первые смущенные сексуальные желания, занудные школьные годы, первая любовь во время каникул и многое, многое другое. Все это было сплетено и закручено с помощью самых разнообразных художественных средств (кроме скульптур из мыльных пузырей — новшества, доступного только последней

пятой модели машины Вурлитцера-Венко) и завершалось блистательным парадоксальным финалом, в котором все разрозненные элементы выстраивались в стройный ансамбль различных человеческих качеств и создавали выпуклый образ личности, но не сливались в нем полностью, а подчеркивали и оттеняли друг друга, ярко высвечивая тем самым собственную неповторимость. На этом все кончилось, но два человека оставались молча сидеть на своих местах.

Наконец Лумис не выдержал.

— Как вам это понравилось? Будьте предельно искренни — тут вежливость ни к чему.

— Ну что ж, — ответил Кромптон, — должен сказать, что точно в такие же игры играют на всех машинах самовыражения.

— Понятно, — холодно отозвался Лумис, и его душевная боль отразилась лишь в том, что он принял ся терзать свой нос.

Он еще помолчал в мрачном раздумье. Но затем, оживившись, сказал:

— А, к черту! Это же всего лишь хобби! Я просто развлекаюсь тут. Но как любитель я все-таки кое-чего достиг, вы не находите? Давайте иногда встречаться, выпивать вместе, а? Сколько вы еще здесь пробудете?

— Ровно столько, сколько понадобится для реинтеграции, — ответил Кромптон.

— Тогда это надолго, — заметил Лумис. — Потому что я остаюсь тем, что я есть.

Он опять повернулся к машине и сыграл веселую пьеску из звуков, запахов и образов похоти, азоти и опьянения. Кромптон ушел, не дожидаясь репризы.

Глава 7

Он бесцельно брел по улицам, пытаясь сообразить, что же теперь предпринять. Его блестящий план рухнул бесповоротно. Ему и в голову не могло прийти, что Лумис, несчастная и далеко не лучшая часть его самого, предпочитет идти своим путем.

Он заставил себя сосредоточиться и окликнул такси. Это оказался шестиногий полуробот «форд супергри-зер», модель ХФК с желудком емкостью 240 кубиче-ских дюймов и полусферическими почками. Кромптон сунул ноги в стремена, запихнул в псевдоводителя адрес отеля и безутешно привалился к поношенной луке сед-ла. Неожиданно, какими-то запутанными путями, при-шло горькое озарение: лучше уж бездумный разврат, чем собственные вечные, изматывающие душу страда-ния. К глазам подступили слезы.

Такси скакало по забитым толпами народу улицам Ситесфа. Кромптон, погруженный в свое горе, даже не заметил Тестерианскую похоронную процессию, воз-главляемую самим трупом, облеченным в веселый раз-ноцветный костюм арлекина; плавники покойника то и дело оживали, когда шедшие за ним священники-техни-ки пропускали через него электрический ток.

Такси подъехало к отелю «Грандспрюиндж», но Кромптон распорядился следовать дальше. Им овладе-ло какое-то беспокойство, охота к перемене мест — по-видимому, от сознания собственной беспомощности и беззащитности. Хотя обычно он полностью контроли-ровал себя — таков был его характер, обязательный и строгий, — сейчас он решил, что может позволить себе какое-нибудь безумство.

— Вы случайно не знаете, — обратился он к такси, — где находится «Притон духонастроев»?

Такси, хотя и было полуроботом и не обладало разумом в обычном смысле слова, тотчас развернулось на 180 градусов и по узкой аллее довезло Кромптона до лавки, над которой мигала неоновая вывеска «ДУХОНАСТРОИ ДЖО».

Кромптон слез с такси и расплатился. Он вошел в лавку в легкой лихорадке предвкушения. Ему пришлось напомнить себе, что он не совершает ничего предосудительного. Но в то же время он прекрасно осознавал, что обманывает сам себя.

Хозяин, потный лысый толстяк в нижней рубахе, оторвался от комикса ровно настолько, чтобы указать ему свободную кабинку. Кромптон зашел в нее и сбросил с себя одежду, оставшись в одном белье. Потом, тяжело дыша, прикрепил электроды к положенным точкам на лбу, руках, ногах и груди.

— Все в порядке, — сказал он. — Я готов.

— О'кэй, — сказал толстяк. — Вы знаете правила. Вы заказываете по одному номеру из колонки А и из колонки Б. Сего́дняшнее меню висит на стене.

Элистер просмотрел меню.

— Колонка А — состояние духа. Я, пожалуй, возьму номер пятый — «Мужественное самообладание». Или лучше шестнадцатый — «Отважная беспечность», как вы думаете?

— Шестнадцатый сегодня немного жидкотекущий, — сказал хозяин. — Я бы на вашем месте остановился на пятом. Или попробуйте семнадцатый — «Сатанинское коварство», очень пикантно, со специально подобранными восточными ингредиентами. Могу порекомендовать еще двадцать третий — «Всепрощающее сострадание».

— Пусть будет пятый, — решил Кромптон. — Теперь колонка Б. Содержимое духа. Мне нравится номер двенадцать: «Компактные логичные мыслеформы, украшенные мистической интуицией и сдобренные искрящимся пикантным юмором».

— Да, это хорошая штука, — согласился толстяк. — Но позвольте предложить вам подготовленный специально для этого вечера сто тридцать первый номер: «Вдохновляющая ассоциация с бледно-розовыми кисель-

ными видениями, приправленными юмором и пафосом». Или наш знаменитый семьдесят восьмой: «Постельные откровения ветреницы — в шутку и всерьез».

— А можно заказать два номера из колонки Б? Я хорошо заплачу.

— Нет, приятель, это исключено, — сказал толстяк. — Слишком рискованно. Заболеете хронической лихорадкой, а меня лишат лицензии.

— Тогда я возьму двенадцатый, только уберите юмор. (Похоже, все это заведение буквально напичкано юмором.)

— Хорошо, — согласился хозяин. — Приготовились! — Он взялся за свои инструменты. — Поехали!

Хлынувший поток вызвал у Кромптона прилив удивления и благодарности. Он вдруг почувствовал себя спокойным, безмятежным и полным радостной уверенности. Приток энергии принес с собой интуитивные прозрения, уточненные и глубокие. Кромптон увидел огромную сложную паутину, соединившую воедино все части Вселенной, в центре которой стоял он сам, занимая законное место в системе вещей. Потом он неожиданно понял, что он не один человек, он — все люди, воплощение всего человечества. Непреодолимая радость наполнила все его существо; он обладал силой Александра, мудростью Сократа, кругозором Аристотеля. Он познал сущность вещей...

— Конец, приятель, — услышал он голос толстяка, и машина отключилась.

Кромптон пытался удержать подаренное ему духовное состояние, но оно ускользало, и он снова стал самим собой — существом, зажатым в тиски своих неразрешимых проблем. От сеанса осталось лишь смутное воспоминание. Но и это было лучше, чем ничего.

Так что в отель он вернулся несколько прибодренный.

Но вскоре уныние с новой силой навалилось на Кромптона. Он лежал на кровати, и ему было очень

жалко себя. Где справедливость, в самом-то деле! Он прилетел на Эйю с совершенно резонной надеждой найти в Лумисе существо еще более несчастное, чем он сам, страдающее от собственной неполноценности и бессмыслицы своего существования, которое до слез обрадуется возможности обрести целостность.

А вместо этого он встретил человека, довольною собой и склонного продолжать свое грязное барахтанье в скотских сексуальных наслаждениях, которые, согласно мнению всех авторитетов, не приносят счастья.

Лумис не хотел его! Этот поразительный, необъяснимый факт подрывал самую основу планов Кромптона и лишал его последней надежды. Потому что он не мог принудить к воссоединению с собой свои отторгнутые части. Таков закон природы, возникший одновременно с расщеплением.

Но он должен заполучить Лумиса.

Кромптон взвесил свои возможности. Можно покинуть Эйю и отправиться на Йигту, разыскать там другую свою часть, Дэна Стэка, соединиться с ним, а потом вернуться за Лумисом. Но между планетами пролегло чуть не полгалиактики. Здесь неизбежно возникали технические трудности, да и денег пришлось бы ухлопать целую кучу, так что эта идея никуда не годилась. С Лумисом нужно было разбираться немедленно, не откладывая в долгий ящик.

А может, вообще отказаться от всей этой безумной затеи? Поселиться на какой-нибудь симпатичной планете земного типа и зажить там в свое удовольствие. А что, совсем неплохо! В конце концов, только труд, любимый и упорный, приносит радость, а в отказе от наслаждений тоже есть свое наслаждение, и есть свое горькое счастье в спокойном, осмотрительном, надежном существовании...

Ну уж нет, к чертям собачьим!

Он сел в кровати, на его узком лице была написана решимость. Лумис отказался от слияния с ним? Это только Лумису так кажется! Мало же он знает о железной воле Кромптона, его упорстве и непоколебимом мужестве. Лумис ребячливо упрям только в хорошем настроении, ему хватает настойчивости лишь тогда, когда все складывается в его пользу. Однако он подвержен

быстрой смене настроений, — а это верный признак психически неустойчивой, депрессивно-маниакальной, сладострастной натуры.

— Я не успею даже пальцем пошевелить, как он сам приползет ко мне на четвереньках и будет умолять о воссоединении, — решил Кромптон.

Придется немного потерпеть — но как раз терпения Кромптону не занимать. Выдержка, хладнокровие, решительность, немного жестокости — и легкомысленный компонент будет у него в руках.

Обретя утраченное было самообладание, Кромптон перешел к текущим проблемам. Во-первых, в отеле «Грандспрюиндж» оставаться было нельзя: слишком дорого. А деньги следовало поберечь — мало ли какие осложнения еще возникнут.

Он упаковал вещи, заплатил по счету и окликнул такси.

— Мне нужна недорогая комната, — сказал он шоферу.

— *Si, hombre, porque no?*¹ — ответил водитель, направляясь к мосту Вздохов, который соединял роскошные кварталы центра Ситесфа с трущобами Восточного Ситесфа.

¹ Да, господин, почему бы нет? (исл.)

Глава 8

Такси доставило Кромптона в самые дебри Пигфэта — района, пользующегося дурной славой в Ситесфе. Улицы здесь были узкие, мощенные булыжником, и бежали они... скорее, спотыкались о множество крутых поворотов и тупичков. Постоянный серо-желтый туман нависал над районом, и все сточные канавы были заполнены жидкими вонючими помоями. Кромптон уезжал из «Грандспрюинджа» в полдень, но здесь всегда царили сумерки, постепенно переходящие в ночь.

Такси подкатило к покосившемуся домику. Над его дверями можно было прочесть: «Комнаты, Chambre, Zimmer, Gwegwelfeisse, Ulmuch'thun». По всей видимости, это был пансионат самого низкого пошиба для инопланетян. Внутри, за треногим карточным столиком, служившим регистрационной стойкой, сидела горбатая старая карга с вороном на плече.

— Комната нужна? — спросила она. — Вам повезло, милорд, только что освободилось помещение, сегодня утром из двенадцатого вынесли бедняжку мистера Крэнка — может, и зарыли уже, — он ведь начал разлагаться, бедный ягненочек.

— От чего он умер? — спросил Кромптон.

— Третичная зависть, так сказал студент-медик. Держите ключ. Ваша комната на верхнем этаже, под самой крышей, с прекрасным видом на рыбоконсервный завод.

Кромптон разобрал свои вещички и отправился осмотреть свой новый район.

На фоне чудесного центра Ситесфа Пигфэт выглядел какой-то странной непристойностью. Темный, опасный, пронизанный сыростью и зловонием — но именно та-

ким и задумали его эйяне несколько лет назад, когда решили импортировать трущобные преступления, чтобы проверить, нет ли в них чего-нибудь веселенького или значительного. Запограммированность этого убожества не делала его в глазах Кромптона менее мерзким.

Он шагал по бесчисленным гнусным улочкам, мимо переполненных гниющими отбросами помоек и тлеющих туфяков. Желтоглазые коты наблюдали за ним в дикой задумчивости. Мокрый желто-зеленый туман липнул к ногам, пронзительный ветер дергал за фалды пальто. Из забитых досками окон доносились детский плач, стоны совокупляющихся пар и собачий лай.

В ближайшем кабаке пьяный разгул был в самом разгаре. Кромптон поспешил прочь, но дверь «Летучей мыши» внезапно распахнулась, и какой-то человек фамильярно схватил его за рукав.

— Куда ты так торопишься, Профессор? — дружелюбно спросил незнакомец.

Кромптон одарил его взглядом, способным разбить на мелкие кусочки вонючий кочан капусты.

— Сэр, не припомню, чтобы мы были знакомы.

— Не знакомы! — воскликнул человечек. — Ты хочешь сказать, что не помнишь старину Гарри Клейменого, с которым вместе отсидел шесть месяцев в тюрьме на Луне за жульничество при отягчающих обстоятельствах?

Кромптон посмотрел на кругленького, лысеющего человечка с влажными глазами спаниеля и толстым приплюснутым носом.

— Я никакой не профессор, — сказал он. — Я никогда не был на Луне. И я никогда прежде не видел вас.

— Во дает! — восхитился Клейменый, едва поспешиав за Кромптоном. — Ну и артист же ты, Профессор! Не знал бы — ей-богу, поверил бы, что мы не знакомы!

— Но я вас не знаю!

— Не беспокойся, пусть будет по-твоему, — сказал Клейменый. — Сделаем вид, что мы встретились впервые.

Кромптон продолжал свой путь, Клейменый не отставал.

— Спорим — ты только что приехал, а, Профессор? Здесь уже полно наших ребят. Вот здорово, правда?

— О чём вы? — спросил Кромптон.

— Это эяне так придумали... В общем, весь следующий месяц мы можем грабить дома в лучших кварталах города, набрасываться на женщин, избивать туристов — короче, развиться от души, и они к нам лезть не будут. Они заявляют, что хотят испытать на себе моральное поругание. Но ты ведь и сам в курсе.

— Эяне пригласили всех вас сюда на грабеж? — поразился Кромптон.

— Они даже ввели специальные чarterные рейсы для доставки квалифицированных преступников. Да, надо отдать им должное — глубоко копают.

— Ничего не понимаю, — сказал Кромптон.

— А какой навар, Профессор!

— Да перестаньте вы называть меня профессором!

Клейменый от восторга замер с открытым ртом.

— Таких, как ты, Профессор, — один на миллион! Тебя не расколоть. Шесть месяцев мы провели в одной камере на Луне, и за все это время ты даже не спросил, как меня зовут. И ты не изменился. Вот это, я понимаю, выдержка!

— Оставьте меня! — взвизгнул Кромптон и бросился назад. За его спиной Клейменый объяснял кому-то зеваке:

— Это Профессор. Мы с ним отбывали срок на Луне. От этого человека фиг чего добьёшься.

Глава 9

По-видимому, Клейменый широко распространил свою легенду, во всяком случае, Кромптон стал в Пигфэте предметом почтительного интереса. Впервые в его жизни к нему подходили совершенно незнакомые люди и предлагали выпить за их счет. Женщины не скрывали своего интереса, медленно прохаживаясь в баре мимо него. Все это забавляло Кромптона, но в то же время не нравилось ему: ведь интересовал их не он сам, а выдуманный тупыми и несомненно больными мозгами тип.

Как-то утром, когда Кромптон поглощал свою обычную овсянную кашу и тосты, Природа, которая не терпит статичности, подбросила-таки катализатор, чтобы сдвинуть с места установившиеся было обстоятельства его жизни. Катализатором явился огромный, крепко скроенный, по-звериному красивый молодой блондин с голубыми глазами, занявший место за столиком напротив Кромптона.

— Надеюсь, ты не против моего вторжения, Профессор, — добродушно сказал великан. — Я просыпал, что ты в городе. Я давно восхищаюсь твоими успехами в рэкете. Это правда, что тебе принадлежит выдумка внедрить в ФБР этих бешеных албанских коммунистов-прокаженных?

— Бранье все это. Прошу вас, уходите, оставьте меня в покое наконец, — сказал Кромптон.

— А так со своими поклонниками не говорят, — заявил великан. — Счастье твое, что ты мой герой, а не то я башку-то тебе размозжил бы. Меня зовут Билли Берсеркер. Моя профессия — уродовать людей. Но я

хочу сменить ее на более высокооплачиваемую. Вот зачем ты мне понадобился.

Кромптон открыл было рот, чтобы возразить, но, заметив красные прыгающие искры в голубых глазах Берсеркера, призадумался.

— Чего вы хотите от меня? — спросил он.

— Пошли со мной в одно местечко, — сказал Берсеркер. — Там я тебе все объясню.

Позднее, в отдельном кабинете таверны «Памяти Эль Капоне», Билли Берсеркер поведал все о себе. Берсеркер — это был его псевдоним, «*nom de crime*»¹. По-настоящему его звали Эдвин Гастенхаймер, вырос он в Патерсоне, штат Нью-Джерси, в семье Чарльза Дж. Гастенхаймера, грабителя банков с мировой известностью, и Эльвиры Гастенхаймер, управляющей совсем незнаменитого клуба «Хи-хи» в Гобоконе. Юный Эдвин старался превзойти своих преуспевающих предпримчивых предков. Школьные годы он провел в борделях Джерси-сити, а потом отправился в Колумбийский университет, где его трижды провозглашали Психопатом Года. По натуре он был хапугой и насильником, но высшие сферы преступности оставались для него недосгаемыми. Так он и жил, калеча от скуки людей, без всякой перспективы на будущее. И вдруг услышал об открывающихся возможностях на Эье.

— И здесь я встретил тебя, Профессор, — сказал Берсеркер. — Сама судьба свела нас. Мне нужна твоя помощь — хочу изменить свою жизнь. И сейчас я выложусь перед тобой весь как есть, до самого донышка. Но, пожалуйста, не смейся надо мной, не то я как всегда войду в раж и прибью тебя — недаром же меня называют Берсеркером.

— Так что же вам нужно от меня? — спросил Кромптон.

Берсеркер смутился и заговорил совсем другим тоном:

¹ Воровская кличка (фр.).

— Профессор, я ничего так не хочу, как стать уверенным в себе человеком и жить своим умом.

Кромптон задумался.

— И вы полагаете, что я могу помочь вам?

— Можешь! Ты станешь моим гуру, и я буду слушаться тебя и во всем следовать твоему примеру. Дано же человеку подняться до вершин по ступенькам его веры.

Разгоряченный своим выступлением, Берсеркер для вящей убедительности треснул по столу и при этом вогнал свою ложку в столешницу на двухдюймовую глубину. Этот жест произвел впечатление на Кромптона, который, поглядев на сидящего перед ним полного надежд и явно ненормального громилу, пришел к выводу, что придется смириться с обстоятельствами и надеяться на лучшее.

Он глубоко вздохнул и услышал свой голос:

— Мальчик мой, я не вижу, что могло бы помешать вам стать самым что ни на есть самоуверенным человеком. У вас хорошие задатки, а это самое главное, как вы сами понимаете. Вы все говорите прямо в лицо, и никто не посмеет заподозрить вас в вероломстве. Короче, под маской неотесанной свирепости в вас скрыта острыя как рапира проницательность, которая глубоко зарыта в тайниках вашей души. Да, мальчик мой, я не предвижу никаких осложнений.

— Вот здорово, Профессор, просто гениально! — воскликнул гигант. — Ты все сечешь как надо!

— Вы меня радуете, — сказал Кромптон.

— Но что я теперь должен делать?

— Ах да, — произнес Кромптон, в отчаянии ломая голову над проблемой. — Мы вплютную подошли к практическим занятиям. Мы должны определить, что же вам делать... Что делать... Ха! Вы должны учиться! Вы должны изучить все эти штучки-дрючки — как одеваться, как вести себя: собственно, они-то и отличают по-настоящему самоуверенного человека.

— Точно, этого-то мне и не хватает! — вскричал Берсеркер. — Понимаешь, я просто не знаю, как ведут себя самоуверенные люди, и мне совсем не по душе выглядеть смешным. Это меня смущает, а когда я смущаюсь, меня охватывает ярость.

— Вы, без сомнения, должны приступить к занятиям, — сказал Кромптон. — Но как? Путем изучения приемов и манер самого уверенного в себе человека на планете Эйя.

— То есть вас!

— Ничего подобного. Мой конек — незаметность. Это вам никак не подойдет. Вам нужен человек обаятельный, с яркой наружностью — то есть, с теми качествами, которыми вы уже обладаете, но вrudиментарной форме.

— Черт побери, Профессор! Да есть ли такой человек на планете?

— Есть, и вы должны будете наблюдать за ним. Это значит, что вы все время должны находиться рядом и не спускать с него глаз. И свои наблюдения вы не должны прерывать до тех пор, пока в совершенстве не изучите его манеры. Таким образом вы станете поистине самонадеянным человеком.

— Кто этот парень? — загорелся Берсеркер.

— Его имя Эдгар Лумис, — сказал Кромптон. — Я сейчас напишу вам его адрес.

Глава 10

Из дневника Лумиса:

«Вчера я побывал на балу Кридру, самом важном событии года. Там собрались все хоть сколько-нибудь заметные фигуры Ситесфа, включая самого Элигу Рутински и нескольких кинозвезд, чьи имена я не запомнил. Я хотел, разумеется, показать себя — это вещь необходимая, чем бы ты ни занимался. Но была и другая причина: на балу должна была присутствовать мисс Сисси Пертурбски.

Бал состоялся в Аксиоматическом зале отеля «Геометрия», нового отеля, открывшегося на углу бульвара Буллкrimper и Хеппенстенс-стрит. Я подъехал в светловишневом «гондолини», который позаимствовал специально для этого случая. На мне был облегающий тело костюм, весь из серебряных оборочек, — новейшее изобретение, сильно поразившее представительниц *demi-monde*¹ и их друзей.

Должен ли я описывать оживленное подтрунивание, блеск в глазах, смех толпы? Там был даже знаменитый оркестр «Карпетбитеров» с саксофонистом Рагтом в главной роли.

Но перейду-ка я лучше сразу к рассказу о Сисси и обо мне, как мы остались наедине в маленькой спальне, примыкающей к бальному залу. Мы по взаимному побуждению проскользнули туда, и в слабом свете ночника Сисси с улыбкой обратила ко мне свое прелестное, похотливое кошачье лицо. В прошлом году мы

¹ Полусвета (фр.).

с ней однажды встретились на вечеринке. Уже тогда между нами пробежала искра, но нас как-то развели в разные стороны, и невысказанное взаимопонимание осталось всего лишь обещанием.

И вот она наконец передо мной, стройная, с торчащими грудями, именно такая, какой я запомнил ее, с экзотическими раскосыми глазами, от которых в голове моей рождались фантазии, сцены игры в раба и господина. Она приоткрыла рот, облизала губы и сказала:

— Так вы не забыли меня?

Ее нежный венгерский акцент чуть не выбил у меня почву из-под ног. Но я овладел собой и холодно сказал:

— Конечно, детка, как тебе жилось?

(Некоторая бессердечность, грубоватое равнодущие — верный и единственный ключ к успеху в этой игре.)

Она широко раскрыла глаза. Как сомнамбула, подошла ко мне и обвила руками мою шею. Ее груди прижались к серебряным оборкам моего костюма, немного примяв их; она привстала на цыпочки, чтобы дотянуться до моих склоненных к ней, усмехающихся губ. Волшебное мгновение! И вдруг в нашей крохотной спаленке кто-то громко чихнул.

Мы отпрянули друг от друга. Я включил свет и увидел громадного блондина, рассевшегося в двухместном кресле в углу комнаты. Он держал в руке блокнот и что-то царапал в нем огрызком карандаша.

— Объясните, что вам здесь нужно, — прорычал я угрожающе.

Блондин поднялся — и я увидел, что он действительно очень большой.

— Продолжай заниматься тем, чем занимался, пупсик, — сказал он. — Я тебя изучаю.

— В самом деле? — спросил я. — А зачем собственно?

— Затем, что я хочу стать похожим на тебя.

Тут Сисси ушла. Даст бог, повезет в следующий раз!

Я побеседовал с Билли Берсеркером, как он мне представился, и узнал, что некто по прозванию Профессор послал его изучать меня. Нескольких слов из опи-

сания наружности Профессора было достаточно для меня. Черт бы побрал этого Кромптона!

— Да, пожалуйста, изучайте меня, — согласился я, когда стало ясно, что выбора у меня нет. — По совести говоря, я сам подыскивал себе ученика, которому мог бы передать весь багаж своих великолепных познаний.

— Какое счастье, что мы встретились!

— Не правда ли? Я скоро встречусь с вами вновь и расскажу, как мы построим курс обучения. Пожалуйста, запишите свой адрес и телефон. А теперь идите домой и хорошенько подготовьтесь к этой сложной работе.

Берсеркер, однако, на это не купился и покачал головой.

— Я сам буду выбирать время и начинаю прямо сейчас.

— Но я ваш учитель, — заметил я ему. — И мне виднее, как лучше.

— Это верно, только я еще не верю тебе.

— И что же вы предлагаете?

— Я буду при тебе постоянно, буду за тобой наблюдать, как велел Профессор.

— Мой дорогой друг! Да это просто немыслимо! Хотя бы потому, что я не смогу вести себя естественно — я имею в виду эффект Гейзенберга, если вам это о чем-то говорит. А в таком случае вам нечего будет изучать.

Берсеркер выпятил челюсть — очень неприятная манера! — и сказал:

— Или ты будешь вести себя естественно, или я вытрясу из тебя всю душу!

— И что вам это даст? Ни один самоуверенный человек не сможет вести себя естественно после побоев.

Он тяжело задумался. Я почти физически ощущал, как ленивые извилины в его мозгу ворочаются с боку на бок в попытках упростить полученную информацию до состояния, доступного его пониманию. Наконец он заявил:

— Если ты не будешь вести себя самоуверенно, я убью тебя и найду кого-нибудь другого, чтобы брать с него пример.

Я выдавил из себя веселый смешок.

— Но ведь я-то самый лучший, — напомнил я ему. — В сущности, я единственный по-настоящему уверенный в себе человек на этой планете. Вам придется перенимать второсортные манеры, и в результате сами вы станете в лучшем случае третьесортным.

— Но я и вправду хочу учиться у тебя, — сказал он. — Я же вижу — ты как раз то, что мне нужно.

— Вот тут вы правы, — сказал я, играво похлопав его по плечу. — Вы моментально обретете уверенность в себе, если будете во всем меня слушаться.

— Спасибо, — сказал он. — Пусть это будет мой первый самоуверенный поступок: я буду следовать за тобой по пятам и не спущу с тебя глаз ни на минуту, как мне велел Профессор.

И это было его последнее заявление. Бандитское заявление, честное слово! Но мы еще посмотрим, кто кого!»

Глава 11

Из тайного дневника Джиллиам:

«Я наконец решилась — ушла от Эда, хотя он явно этого не хотел. Сначала я почувствовала такое облегчение! Но потом Гвендквайфер разнюнилась, и все сделалось беспросветно унылым, и я вспомнила, как нам хорошо порой бывало с Эдом, и в конце концов я сказала ему, что передумала и возвращаюсь, а этот негодяй послал меня подальше!

Я знаю, это все его дружок с птичьим лицом, его влияние. После его появления Эд словно взбесился. (Эд, конечно, и раньше был несколько сумасбродным. Он говорит, что это у него от предков по материнской линии, сицилийцев, и от предков со стороны отца — афганцев. Я, правда, не разбираюсь в этих типах из стран третьего мира.)

Гвендквайфер буквально сводит меня с ума. Она без конца твердит, что скучает по своему папочке; ну ладно, бог с ней, но она говорит, что скучает по папочкиным подружкам, а это уже чересчур — выслушивать такое от собственной дочери! Впрочем, чего я зациклилась на этой ерунде?

Несмотря ни на что, я все-таки решила вернуть Эда, хотя он заслуживает только того, чтобы всадить ему в сердце кол, оборотню поганому! Но он отец Гвен, и в общем-то он не хуже других мужчин. Вся проблема в том, что Эд сам не понимает, что хочет, чтобы я вернулась к нему. И виноват во всем этот недоносок, выдающий себя за родственника Эда. Я не только разобралась в их родственных отношениях, но тут, верно, не обошлось без сицилийского и афганского

кланов. Может, он напустил на Эда какую-то порчу, а может, Эд изо всех сил старается доказать свои дурацкие мужские достоинства? Он всегда был немного легкомысленным, но теперь зашел слишком уж далеко».

Другой отрывок:

«Я много раз звонила ему, я следила за ним и заметила, что возле Эда все время крутится огромный блондин, которого я никогда раньше не видела. Откуда он взялся? Их теперь водой не разольешь, и все это весьма похоже на какое-то извращение. Неужели Эд — гомик? Зарежьте меня, никогда бы не подумала. По-видимому, здесь что-то другое».

И еще отрывок:

«Этот блондин-гигант знает и Кромптона! Похоже, вся эта троица что-то замышляет. Но что? Придется выяснить, в чем тут дело».

Глава 12

Кромптон спокойно разгадывал кроссворд, когда в дверь неожиданно громко постучали. Он открыл ее, и Джиллиам ворвалась в комнату, требуя ответить ей, что он собирается делать с ее мужем.

— Я хочу, чтобы он соединился со мной, — ответил Кромптон.

— Что значит — соединился? Это что еще за фокусы?

— Разве вы ничего не знаете? — сказал Кромптон. — О вирусной шизофрении, дюрьеровых телах, реинтеграции?

— Что-то такое однажды показывали по телевизору. Так вы хотите сказать, что Эд и вы...

— Мы — это результат заболевания вирусной шизофренией, — объяснил Кромптон. — Мы с ним две части одного целого. Есть еще третья часть, Дэн Стэк, который живет на планете Йигта. Все трое мы являемся компонентами одной личности. И ни один из нас не может быть полноценным человеком без двух других частей.

— Продолжайте, — потребовала Джиллиам.

— Вы что-нибудь понимаете в реинтеграции? Лумис и Стэк — два моих компонента — имеют возможность покинуть свои тела (всего лишь дюрьеровы заменители) и соединиться в моем собственном, подлинно человеческом теле. В случае удачи произойдет слияние и трансформация, в результате которой мы станем полноценной личностью.

— Не так быстро, — попросила Джиллиам. — Я хочу разобраться с этими телами. Все присоединяйтесь к

вам, так, что ли? Хорошенькое дело! И, как я понимаю, вы будете главным?

— Да, — сказал Кромптон. — Ведь я и есть самая полноценная личность из нас троих, и это мое тело.

— А что станет с их телами?

— Они рухнут и умрут. Но это будет ненастоящая смерть, потому что индивидуальность, разум, «я», которое осознает себя Эдгаром Лумисом, уцелеет.

— Так, я разобралась, — сказала Джиллиам. — И я отвечу — нет!

— Простите, я не понял.

— Он так легко от меня не отделается!

— О чём вы говорите?

— Этот фокус у вас не пройдет! — усмехнулась она презрительно. — Он что, в самом деле собирается удрать от меня, умертвив свое тело и отправив свою так называемую личность таскаться по дальним планетам? Фигушки, братишка, на-кось выкуси! Наверняка найдется такой закон, который не позволит превращать моего законного супруга черт знает в кого! А иначе чего стоит супружеский обет? Любой суд в Галактике подтвердит мои права.

И прежде чем Кромптон успел ответить — если у него было что ответить, — она вышла из комнаты, громко хлопнув дверью.

Глава 13

Спустя несколько дней Кромптон встретился с Лумисом за ленчом в «Каза Ортодонтия», единственном на Эйе мексиканском ресторане. Кромптон немножко припозднился, и к столику его проводил хозяин, величавый и дородный Эл Данте, бывший стоматолог из Эльмиры, штат Нью-Йорк.

— Заставляете ждать себя, — упрекнул его Лумис.

Как всегда, он был прекрасно одет. На нем был ворсистый джемпер в стиле Тони из Пимлико, ботинки от «Харбингера и Омена» позвякивали колокольчиками, встроенные в каблуки, а разноцветный пояс, сплетенный из крыльев японских жучков, великолепно подходил к синим клетчатым подтяжкам. Но несмотря на всю свою элегантность, Лумис выглядел неважко: нижняя губа его дрожала, выдавая внутреннее смятение.

Изучив меню, Кромптон заказал довольно старомодную комбинацию под номером два. Лумис предпочел экзотический тридцать седьмой номер. Они обменялись несколькими светскими фразами, но в конце концов Лумис не выдержал:

— Послушайте, Кромптон, прекратите наконец все это.

Кромптон вопросительно поднял брови.

— Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю. Об этом белобрысом придурке, которого вы натравили на меня.

— Вы имеете в виду Билли Берсеркера?

— Теперь он зовет себя Сэмми Слик, — сказал Лумис. — Думаю, вам интересно будет узнать, что он живет с моей женой. И это единственное, что меня утешает во всем этом безобразии. Я принадлежу себе только к те, к сожалению, редкие мгновения, когда он

с ней. А так он прилип ко мне ближе, чем моя собственная тень — даже ночью он рядом!

— У этого юноши серьезные намерения, — сказал Кромптон.

— Но из него никогда ничего приличного не получится. Трущобные ворюги — вот его компания, пусть с ними и якшается.

— Что ж вы сами-то не посоветовали ему это?

— Он просто записал мой совет в блокнот и продолжает преследовать меня. Кромптон, вы должны избавить меня от него! Я ничего не могу делать, когда он рядом. Как я могу выполнять мою работу — обольщать богатых женщин, — когда он толчется у меня под ногами! Элистер, как бы сильно вы ни обижались на меня, все равно это несправедливо — лишать человека средств к существованию.

Кромптон тщательно прожевал энчиладу, приготовленную из моркови и грецких орехов, потом аккуратно вытер губы.

— Лумис, — сказал он, — ваши доводы совершенно неуместны в данной ситуации. Наши разногласия — это не разногласия между двумя людьми. Это ссора между двумя частями одного человека. Согласен, обстоятельства весьма необычные, но в этом-то и есть суть проблемы. Для разрешения внутриличностных конфликтов не существует никаких правил.

— А я думаю иначе, — сказал Лумис. — Вы многое упускаете из виду. Да, мы части одной личности, но в то же время я живу отдельно и самостоятельно, и закон признает как мое право на такое существование, так и мое неотъемлемое право отказаться от реинтеграции, если я ее не желаю.

— Я много думал об этом, — сказал Кромптон. — Да, вы имеете законное право поступать как вам нравится — но не моральное право. Иначе говоря, я морально обязан свести всех нас воедино.

— Не вижу оснований, — возразил Лумис.

— Я считаю, — сказал Кромптон, — что жить надо по законам эволюции: организм должен постоянно обновляться, иначе наступает вырождение и смерть. Закон жизни — простите мою высокомерность — побуждает меня восстановить утерянное. И ни о каком

желании или нежелании не может идти речи. Если бы это зависело только от моего вкуса, я, скорее всего, постарался бы забыть обо всем и жить в согласии с самим собой. Но жизнь предоставила мне возможность излечиться, и я должен воспользоваться ею, хотим мы этого или не хотим.

Некоторое время они молча поглощали пищу. Кромптону не понравились жирные манча-мантеки, а вот поджаренной фасолью в тыквенном соусе он остался доволен. Лумис же с алчностью аллигатора заглатывал груши, фаршированные горячими маринованными перепелиными язычками, и запивал их из большого графина фруктовым «Антраша'44». Эл Данте с чопорным лицом и бегающими выпученными глазами бизнесмена подошел поинтересоваться, удовлетворены ли дорогие клиенты, а потом отправился обслуживать Билли Берсеркера, который уселся за соседний столик с блокнотом и огрызком карандаша в руках. Лумис сосредоточенно потыкал вилкой кусочек цапли. Потом холодно посмотрел на Кромптона, подчеркнуто медленно выговаривая слова:

— Теперь послушайте меня внимательно, Элистер. По характеру я легкомысленный, беззаботный, незлопамятный человек. И не в моих правилах иметь на кого-то зуб или — уласи бог! — применить против кого-то насилие. Но в данном случае я готов изменить своим правилам. Вы слишком сильно прижали меня, будь я проклят.

— Можете сыграть это на своей машине самовыражения, — с некоторой долей ставшей уже привычной жестокости произнес Кромптон.

У Лумиса задрожали и побелели ноздри. Он встал, стараясь сохранить достоинство.

— Ладно, Элистер. Вы думаете, только вы обладаете силой воли и решительностью? Посмотрим. Помните, я предупредил вас.

Он вышел из ресторана в сопровождении Берсеркера, который оглянулся в дверях и подмигнул Кромптону.

Глава 14

В тот же вечер, когда Кромптон собирался выйти прогуляться, дверь его комнаты неожиданно распахнулась. Вошел Лумис, оглядел все вокруг, захлопнул дверь и закрыл ее на ключ.

— Ладно, ваша взяла, — сказал он. — Я решил согласиться на реинтеграцию.

Внезапное подозрение заглушило первый порыв радости Кромптона.

— Почему вы передумали?

— Это имеет какое-то значение? Разве мы не договорились обо всем?

— Прежде всего я хочу знать, почему вы решились.

— Это трудновато объяснить. Может, поговорим об этом после...

Раздался громкий стук в дверь.

— Я знаю, что ты тут, Лумис! — пробасил за дверью Берсеркер. — Выходи, или я сейчас войду!

У Лумиса затряслись руки.

— Мне угрожают физическим насилием. В конце-то концов, он куда здоровее меня, Элистер! Пожалуйста!

— Рассказывайте, — неумолимо потребовал Кромптон.

На лбу у Лумиса выступили капли пота.

— Сегодня зашла ко мне Джиллиам, ну и... В общем, сами знаете, как это бывает...

— Я знаю, как это бывает с вами, — сказал Кромптон. — И что же случилось потом?

— Этот ненормальный Берсеркер застал нас в постели и совсем спятил от ревности. Представляете? Меня чуть не убили за то, что я сплю с собственной женой!

Все это было бы смешно, когда бы не было так страшно. Знали бы вы, что этот псих хотел сделать со мной!

Дверь начала поддаваться под тяжелыми ударами. Кромптон повернулся лицом к своему компоненту.

— Давайте, — сказал он, — будем реинтегрироваться.

Оба они твердо посмотрели в глаза друг другу: две части, взыскиющие целостности, два края пропасти, соединенные мостками; новая *gestalten*¹, трепещущая на пороге бытия. Лумис вздохнул, и его дюрьерово тело, словно тряпичная кукла, рухнуло на пол. В тот же миг колени у Кромптона подогнулись, как будто ему на плечи взвалили тяжелый груз.

Не выдержали и петли у двери, и Билли Берсеркер ввалился в комнату.

— Где он? — заорал Билли.

Кромптон указал на распростертное на полу тело.

— О! — в замешательстве произнес Берсеркер. — А впрочем, так ему и надо, этому паршивому ублюдку. Но к кому теперь мне идти учиться, Профессор? Что мне делать?

— Возвращайтесь к своему прежнему занятию — калечить людей, — посоветовал Кромптон. — Это вам лучше всего удается.

¹ Gestalt — форма, личность, структура (нем.).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 1

Путь от Эйи до Йигти далек, как его ни измеряй: субъективным ли временем, или в световых годах. На этой трассе еще не использовались новые навигационные устройства, так что кораблю — западно-галактическому клиперу — пришлось медленно, по старинке преодолевать расстояние с помощью побочных спиралей в псевдопространственных структурах.

Кромгтон не имел ничего против такого неспешного способа передвижения. Оно обеспечивало ему так необходимый после неурядиц на Эье отдых и предоставило возможность поближе познакомиться с персоной, с которой он теперь делил свою голову.

Реинтеграции в полном смысле слова, то есть слияния разрозненных частей в единое целое, конечно, не произошло, поскольку такое возможно лишь при наличии всех составляющих данной личности, да и то результаты бывают разные.

В первый день Лумис был молчалив и подавлен. Кромгтон его почти не чувствовал. Но после хорошего сна Лумис явно оправился. Он принял предложение Кромгтона, чтобы каждый из них по очереди брал на себя контроль над телом. Они были очень вежливы и предупредительны друг с другом, словно двое незнакомцев, вынужденных временно делить ночлег.

«Медовый месяц» кончился на третьи сутки в полдень. Кромгтон съел легкий завтрак, подремал, принял холодный душ и уселся за кроссворд.

Немного спустя Лумис заявил:

— Мне скучно.

— Почему бы тебе не помочь мне с кроссвордом? — предложил Кромптон. — Это колоссальное удовольствие.

— Ну уж нет! — сказал Лумис с таким отвращением, что Кромптон содрогнулся.

— Тогда чем бы ты хотел заняться?

Лумис сразу повеселел.

— А что если пойти в бар и подобрать там себе какое-нибудь дельце?

— Дельце?

— Ну, женщин. Или женщину. Я забыл, что нам с тобой и одной хватит.

Кромптон подскочил как ошпаренный и сказал сдавленным голосом:

— Ни в каких женщинах мы не нуждаемся.

— Ни в каких?

— Абсолютно ни в каких.

— Да в чем дело, ты что — гомик? Тогда, конечно, придется что-нибудь придумать.

— У меня нормальные сексуальные наклонности, — отрезал Кромптон. — Но в настоящее время я не собираюсь этим заниматься.

— Почему? — кротко поинтересовался Лумис.

— У меня на это есть свои причины.

— Понятно, — спокойно согласился Лумис. — Ну что ж, дело твое, конечно.

— Меня радует твое благоразумие.

— Каждому свое, как говорил один философ. Мне спешить некуда. Почему бы тебе не вздрогнуть часок-другой, а я пока займусь нашим телом и своими делами?

— Ну нет, — сказал Кромптон. — Ни в коем случае.

— Минуточку, — сказал Лумис. — А что, у меня нет права решать, что хочет наше тело?

— Конечно, есть, — сказал Кромптон. — Во всех других вопросах я буду куда сговорчивее, вот увидишь. А пока займись чем-нибудь другим — каким-нибудь хобби, например.

— Единственное мое хобби — это секс, — заявил Лумис. — Кроме того, это единственное мое занятие. Да пойми же, Эл, секс — это нормальная физиологи-

ческая потребность, такая же, как потребность в еде, и никто не заставит меня думать иначе!

— Я все прекрасно понимаю, — сказал Кромптон. — Но я считаю, что отношения с любимым человеком не сводятся к половому акту; это дело святое, кульминация любви, и поэтому *совершаться* это должно в атмосфере красоты и спокойствия.

— Элистер, ты что взаправду девственник? — спросил Лумис.

— Какое это имеет значение? — возмутился Кромптон.

— Я так и думал, — с грустью сказал Лумис. — Пожалуй, придется просветить тебя насчет секса. Это действительно, как ты только что сказал, вещь великолепная, высокодуховная. Но кое-что ты упустил из виду.

— Что?

— А то, что секс — это еще и развлечение. Ты хоть раз в жизни развлекался по-настоящему?

— Я только мечтал об этом, — с тоской в голосе признался Кромптон.

— Так к черту мечтания! Дай мне на время контроль над телом. *Развлечения* — это моя стихия! Ты заметил, какая блондиночка сидела напротив, когда мы завтракали? Или сначала поищем кого-нибудь еще?

— То, на что ты намекаешь, просто исключено! — заорал Кромптон.

— Но, Эл, ради моего здоровья и спокойствия духа...

— Хватит об этом, — сказал Кромптон. — Это мое тело, не правда ли? Я постараюсь утешить тебя как-нибудь иначе, но о сексе забудь.

Лумис больше не выступал, и Кромптон решил, что с этой деликатной темой покончено. Но очень скоро, когда они обедали в главном ресторане корабля, его заблуждение развеялось.

— Не ешь креветок, — сказал Лумис, когда подали закуску.

— Почему? Ты же любишь креветки. Мы оба их любим.

— Неважно. Мы не будем их есть.

— Но почему?

— Потому что они трейф.

— Не понял?

— Трейф — это еврейское слово, означающее нечистую пищу, евреям ее есть не полагается.

— Но, Эдгар, ты же не еврей.

— Я только что обратился.

— Что? Что ты сказал?

— Я только что стал иудеем. К тому же ортодоксальным — не каким-нибудь современным неряшлившим обрезком, благодарю покорно!

— Эдгар, это просто смешно! Невероятно! Не можешь же ты вот так, с бухты-бахромы стать евреем?

— Почему нет? Или ты думаешь, что я не способен на религиозное откровение?

— Ничего более безумного в жизни не слыхал! Черт возьми, зачем тебе все это? — спросил Кромптон.

— Чтобы сделать тебе подлянку, или цорес, как говорили мои предки по новообретенной религии. Боюсь, что вся эта еда нам не подходит.

— Почему?

— Это же не кошерная пища¹. Давай позовем стюарда и поговорим с ним. У них должны быть блюда, пригодные для верующих иудеев.

— Не стану я никого звать из-за твоего дурацкого богохульного заскока! Абсурд какой-то!

— Конечно, для такого гоя², как ты, это всего лишь абсурд. Слушай, как ты думаешь, на этой посудине есть шул³? Если я буду соблюдать диету, согласно нашим законам, помолиться ведь тоже не помешает, а? И я хочу узнать у капитана, есть ли на корабле мои земляки-единоверцы: может, наберется миньян⁴, а нет — так хотя бы сыграем в бридж.

— Мы ни с кем не будем говорить! Я в этом неучаствую!

— Ты запрещаешь мне исповедовать мою веру?

— Я не позволю тебе делать из меня дурака и издеваться над религией!

¹ Разрешенная по законам иудаизма еда (*ишиш*).

² Гой — не еврей, иноверец (*ишиш*).

³ Школа (*ишиш*).

⁴ Число, количество (*ишиш*). Кворум, необходимый для отправления публичного богослужения (не менее 10 мужчин в возрасте старше 13 лет).

— Значит, ты вдруг стал высшим судьей в вопросах религии? — сказал Лумис. — Теперь, Кромптон, я знаю, кто ты такой, ты — неотесанный казак! Ой, за что мне этот мазел¹ — надо же было попасть в башку такого фанатика! Кстати, ты не будешь оскорблен в лучших чувствах, если я возьму Библию в судовой библиотеке и почитаю ее про себя? Я займусь этим в каюте, чтобы не поставить тебя в неловкое положение.

— Лумис, хватит играть у меня на нервах! На меня уже и так люди смотрят. — Диалог Лумиса и Кромптона проходил неслышно, само собой разумеется, но на лице Кромптона, особенно в глазах, отражались возникавшие во время разговора эмоции, и в самый разгар беседы лицо его дергалось, словно счетчик спидометра. — Давай спокойно закончим обед, а потом обсудим, хм... все сразу.

— Что значит все сразу?

— Только то, что я сказал.

— Кромптон, уж не хочешь ли ты отлучить меня от вновь обретенной религии?

— Ни в коем случае. Я просто считаю, что мы можем прийти к согласию... хм... по всем вопросам. Давай есть суп.

— А что за суп?

— Куриный бульон с ячменным отваром. Ну попробуй хотя бы.

— Ладно, только бисел². Но если ты думаешь, что это значит, что...

— Потом, потом потолкуем, — сказал Кромптон. — А теперь, пожалуйста, ешь суп.

Дальше обед проходил спокойно, только при переменах блюд Лумис неустанно поминал свою еврейскую маму. Покончив с обедом, Кромптон расслабился, задремал и в рассеянности упустил контроль над телом.

Лумис ловко воспользовался случаем и тотчас вступил в разговор со смешливой рыжеволосой дамой за соседним столиком. Она оказалась женой дизайнера по шлюзам с планеты Дрюиль V, а на Йиггу летела к

¹Счастье (ишиш).

²Немного (ишиш).

родителям отдохнуть. Звали ее Алиса-Джун Нети. Небольшого роста, очень живая, с сияющими глазами истройной, но округлой фигуркой, она тоже скучала в этом долгом космическом путешествии.

Отстраненный, витающий в облаках Кромптон затуманенным взором наблюдал за развитием интимных отношений, за их подмигиваниями и кивками, жестами и легкими, не всегда пристойными намеками. Вскоре они уже танцевали, а потом Лумис великодушно отступил и предоставил Кромптону контроль над телом. Кромптон нервничал, краснел, ноги порой не слушались его, но он был безмерно доволен собой. И обратно к столику провожал ее уже Кромптон, и поговорил с нею немногого тоже Кромптон, и Кромптон касался ее руки, в то время как вероломный Макиавелли-Лумис посматривал на них со стороны.

В три часа ночи по корабельному времени бар закрыли. После прощального обмена любезностями с дамой Кромптон, пошатываясь, добрался до своей каюты на палубе Б и, счастливый, свалился в койку. Это был самый веселый день в его жизни. И теперь ему хотелось поваляться в постели и посмаковать свои впечатления. Но это не входило в намерения Лумиса.

— Ну? — спросил Лумис.

— Что?

— Быстроенько посиаем и — вперед! Нас же пригласили!

— Я не слышал никакого приглашения, — сказал озадаченный Кромптон.

— Она же недвусмысленно назвала номер своей каюты, — сказал Лумис. — А если учесть события этого вечера, то это было даже не приглашение, это было требование.

— Неужели все так и делается? — спросил Кромптон.

— Да, обычно именно так.

— Не могу поверить!

— Честное слово, Элистер, уж у меня-то есть опыт в этих делаах. Так пошли?

Кромптон заставил себя подняться, но тут же снова свалился поперек постели.

— Нет, не хочу... не могу... То есть я хочу сказать, у меня нет...

— Да в таких делах отсутствие опыта — вовсе не проблема, — сказал Лумис, усаживая Кромптона на кровати. — Природа щедро помогает всякому раскрыть тайны важного с ее точки зрения акта, который совершают все живые существа, оказавшись вместе. Должен обратить твое внимание на то, что бобры, еноты, гремучие змеи, скарабеи и другие существа, не обладающие и сотой долей твоего интеллекта, легко справляются с тем, что тебе представляется непреодолимым затруднением. Ты не должен унижать род человеческий, Эл!

Кромптон встал, вытер пот со лба и сделал два нерешительных шага по направлению к двери. Потом вернулся и снова сел на кровать.

— Нет, это невозможно.

— Но почему?

— Это неэтично. Молодая леди замужем.

— Женитьба, — стал спокойно объяснять ему Лумис, — как свидетельствует вся история гомо сапиенс, изобретена совсем недавно. Задолго до этого существовали мужчины и женщины, и, соответственно, были между ними и определенные сексуальные отношения. Законы природы всегда выше и сильнее законов человеческих.

— И все же я считаю это аморальным, — вяло сопротивлялся Кромптон.

— Но с чего ты так решил? — удивился Лумис. — Ты-то неженат, а значит, твои действия ни у кого не могут вызвать нареканий.

— Однако молодая леди замужем.

— Да, замужем. Но это ее проблемы. В первую очередь она человек, а вовсе не собственность своего мужа. Богом ей дано право распоряжаться собой, и мы должны уважать это право.

— Мне такое и в голову не приходило, — сознался Кромптон.

— Итак, это по поводу жены. А что касается мужа, — раз он ничего не узнает, он и не будет страдать. Более того, он даже выиграет. Алиса-Джун, чтобы загладить свою вину, будет с ним нежнее, чем прежде. Он все это отнесет на счет своей сильной личности, и его «я»

воспрянет. Вот видишь, в результате всем будет только лучше и никто не пострадает. Разве это не замечательно?

— Все это пустая софистика, — проворчал Кромптон, снова вставая и направляясь к выходу.

— Давай, детка, — сказал Лумис.

Кромптон глупо ухмыльнулся и открыл дверь. И тут же, будто что-то ударило ему в голову, захлопнул дверь и опять улегся в постель.

— Ну что еще? — спросил Лумис.

— Твои доводы, — сказал Кромптон, — могут быть справедливы или несправедливы — не мне о том судить, у меня нет опыта в этих делах. Но одно я знаю точно: *ничего такого я делать не буду, пока ты наблюдаешь за мной*.

Лумис был ошарашен.

— Будь ты проклят, Эл! Здесь нет ни тебя, ни меня. Я — это ты, и ты — это я. Мы две части одного целого!

— Еще нет, — сказал Кромптон. — Сейчас мы все-го-навсего шизоидные компоненты, два разных человека в одном теле. Потом, когда мы воссоединимся с Дэном Стэком и все трое сольемся в настоящей реинтеграции... Тогда другое дело. Но при нынешних обстоятельствах элементарное чувство приличия запрещает мне делать то, что ты предлагаешь. Это просто немыслимо, и оставим эту тему.

Лумис погрузился в гневное молчание. Кромптон разделся, натянул на себя пижаму и лег спать.

Глава 2

На следующее утро за кофе Кромптон заявил:

— Мне кажется, нам надо серьезно поговорить.

— Что у тебя на уме, дружище? — насмешливо спросил Лумис.

— Хочу напомнить, что нам предстоит важное и опасное дело. Мы должны разыскать и присоединить к себе Дэна Стэка, и как можно быстрее, поскольку наше положение сейчас в высшей степени ненадежно. И с этой минуты — никаких выпивок и развлечений, отложим все это до лучших времен. Сейчас у нас есть чем заняться. А повторения вчерашнего я не допущу. Тебе ясно?

— Элистер, с тобой нелегко ладить, — устало сказал Лумис с ноткой печали и разочарования в голосе. — Я согласен, все это ужасно серьезно, но сейчас-то мы сидим в звездолете, и делать нам совершенно нечего.

— Я все обдумал, — сказал Кромптон. — Мы с пользой проведем время, занявшись изучением хот-йиггского языка, самого распространенного диалекта на планете Йигга.

— Учить язык, только и всего? У меня нет склонности к таким вещам.

— Тогда ты будешь сидеть тихо, а я позанимаюсь языком.

В корабельной библиотеке Кромптон нашел книгу Бендера «Диалектные варианты общеупотребительных выражений в хот-йиггском языке» и приступил к заня-

тиям. Лумис развлекался, вспоминая подробности прошлого вечера, пока Кромптон не попросил его прекратить, так как это мешало ему сосредоточиться.

После ленча Кромптон вздремнул, потом еще час упражнялся в языке, потом поразгадывал кроссворд. Лумис не возражал. Но вечером ему захотелось стаканчик пива. Кромптон с радостью откликнулся на его просьбу — он вовсе не был законченным пуританином.

У пива был немного странный привкус. Кромптон сказал об этом Лумису. Лумис что-то ответил, но его слова растворились в необъятной, оглушающей пустоте, в которую вдруг целиком погрузился Кромптон. Столы, стулья, ярко-желтые салфетки закружились вокруг него хороводом, и он отключился.

Кромптон пришел в себя только на следующее утро. С опухшими глазами, резью в животе и невыносимой головной болью он сел в постели. Каюта выглядела так, как будто Тамерлан и воины Золотой Орды этой ночью отпраздновали в ней свою победу. На полу валялись бутылки, в пепельницах было полно окурков. Кругом были разбросаны различные принадлежности туалета, некоторые из них — явно женские. Ноздри Кромптона заполнил запах дешевых духов, смешанный с острым ароматом запрещенных наркотиков.

Кромптон, покачиваясь, встал на ноги. Левое бедро болело. Наклонившись, он увидел на нем следы укусов. Разглядел он и пятна губной помады у себя на груди. Было немало других признаков половой невоздержанности, о которых Кромптон даже думать стеснялся.

— Лумис, — сказал он, — ты опоил меня наркотиками, использовал мое тело и устроил тут безобразный дебош. Что ты можешь сказать в свое оправдание?

— Только одно: плевал я на твои приказы, — нагло заявил Лумис. — По какому праву ты командуешь мной? Я тебе не раб! По всем законам я тебе ровня! А потому пусть днем тело принадлежит тебе, а по ночам — мне!

Кромптон с трудом сдерживал себя.

— Тело будет твоим только тогда, когда я тебе позволю!

— Но это несправедливо!

— Я бы с удовольствием уравнял тебя в правах на тело, если бы ты взял на себя также хотя бы минимальные обязанности. Но раз тебе на все наплевать, мне придется самому действовать в наших общих интересах.

— С какой это стати ты берешься судить о наших общих интересах? Типичный образчик свинско-фашистского мышления.

— Выбирай выражения! — предупредил Кромптон.

— Да пошел ты, свинья фашистская!

И тут терпение Кромптона лопнуло. Ярость овладела всем его существом. Его охватило властное желание покончить со своим отвратительным *alter ego*¹. Лумис, захваченный врасплох этим потоком разрушительных эмоций, пытался сопротивляться, стараясь восстановить нарушенное психическое равновесие.

Но все было тщетно. Ярость Кромптона неожиданно выработала в мозгу мощный поток антител — элементов психической энергии, подавляющих боль. Лумис боролся отчаянно: он знал, что, если частицы достигнут своей цели, он будет окончательно затерян, замурован где-нибудь в глухом забытом уголке сознания Кромптона.

— Элистер! — завопил он. — Не делай этого! Я тебе нужен для реинтеграции!

Кромптон услышал его и понял, что это правда. Собрав остатки разума, он подавил неожиданный всплеск, все еще бушевавший в его венах, и с громадным трудом восстановил контроль над своими чувствами.

Поток антител быстро иссяк, и Лумис, потрясенный, но целехонький, занял свое место.

Сначала они не разговаривали друг с другом. Лумис дулся и сердился целый день, клялся и божился, что не простит Кромптону его жестокости никогда. Но он не умел ненавидеть. Все-таки в первую очередь он был сенсуалистом, жил сиюминутными ощущениями, не помнил прошлых обид и не задумывался о будущем. Его

¹Другое «я» (лат.).

негодование улеглось, к нему вернулось прежнее, безмятежное настроение.

Кромптон, как доминирующая часть личности, признал свою ответственность за случившееся. Он упрекал себя за этот неистовый взрыв и очень старался поладить с Лумисом. Остальное время полета они поддерживали хорошие, хотя и немного натянутые отношения.

Наконец звездолет прибыл на Йигту. Пассажиров отправили на спутник Индукцию, где они прошли таможенный досмотр и прочие иммиграционные службы. Им ввели сыворотки от ползучей лихорадки, чумы Зеленой реки, локотной гнили, рыцарской болезни, синдрома Чопстера, чесотки Галлорани и в конце концов позволили на челночной ракете спуститься в Йигтивиль.

Глава 3

Йигга была единственной планетой в системе карликовой звезды Иоаннис (БГТ-3444590). Грушевидная планета вращалась вокруг своего светила, отклоняясь в афелии на семь градусов семь минут, и по земным стандартам тянула на оценку 0,65892, а по минералам была типичным представителем класса Си, если не принимать во внимание необъяснимое отсутствие молибдена.

На планете было четыре континента; три из них, сплошь покрытые лавой, были практически необитаемы, если не считать микроскопических поедателей лавы и их паразитов. Четвертый континент, Клорапсемия, не уступал размерами Азии и Африке вместе взятым. Клорапсемия бесконечной неровной лентой извивалась вдоль экватора Йигги, климатом, флорой и фауной напоминая Землю в лучшие годы каменноугольного периода.

Коренные жители планеты, йиггане, вели свое происхождение от рептилий. Ростом около восьми футов, невероятно сильные, агрессивные и кровожадные, к тому же с недоразвитым чувством юмора, они представляли серьезную угрозу для немногочисленных землян, которые правили их планетой. Между двумя расами то и дело разгорались необъявленные войны, осложненные законом, запрещавшим убивать йигган, поскольку они находились под охраной межзвездных соглашений. Землян же эти соглашения не защищали, так как йиггане не признавали никаких законов, кроме собственных, которые, в свою очередь, не признавал никто, кроме них. Однако на их прегрешения смотрели сквозь паль-

цы, поскольку убивали они, как правило, самых никудышных, безработных землян, экономя тем самым для общества расходы на социальные нужды. К тому же земляне старательно замалчивали тот факт, что йигтане находятся в стадии вымирания и что уровень рождаемости у них упал до нуля после того, как земляне опрыскали планету суперциклоном «Б» — газом, стерилизующим рептилий и некоторые виды моли.

Йигтавилль, столица северо-западной Клорапсемии, был типичным тропическим городом с широкими пыльными бульварами, обрамленными палатками и ларьками, в которых улыбающиеся жители продавали блестящие кустарные безделушки, ходовой товар на процветающем рынке прикладного искусства на соседней планете Несбитт IV.

В ратуше Кромптон заставил упирающегося чиновника отыскать последний адрес Дэна Стэка. Это был город Иниойо, центр добычи речного жемчуга на левом берегу Зеленой реки. Но добраться до него было непросто. Иниойо лежал за Великим болотом Килби, занимающим площадь, равную всей Западной Европе, исключая Албанию. Одолеть это болото можно было только в составе какой-нибудь экспедиции, и Кромптону удалось отыскать небольшую группу, которая отправлялась в путь на следующее утро.

После бессонной ночи в отеле «Йигта», где смуглые плантаторы развлекались с визгливыми белокурыми гарпиями до самого утра, Кромптон направился на Коллекшн-стрит, откуда стартовала экспедиция.

Путешествие внутрь материка готовилось с большой тщательностью. Главным предметом забот были фелоги. Делали их из дерева типа земных бальзамовых; суда получались овальной формы и могли выдержать двенадцать человек или двух зирни. (Зирни, безрогие мулы с расклешенными копытами, прекрасно приспособлены для передвижения по болотам. Они похожи на восточно-индийских буйволов-амфибий, за одним только отличием: мускулы сфинктера расположены у них вокруг коленных суставов задних ног — а почему, этого никто

не знает. Эти огромные, неутомимые животные способны с большой скоростью топать по болотной жиже, состоящей из песка, воды, глины, солода и кристаллов буры. Если их подстегнуть, зирни способны развить скорость до пяти миль в час или, еще лучше, расплескать своими ступнями-раструбами всю воду и таким образом создать временный проход, по которому можно легко отбуксировать фелюги. К недостаткам зирни относится их стремление к метаморфозам: в одно мгновение они могут превратиться в нечто плоское, длинное, похожее на бревно, и стать совершенно бесполезными для землян. Так что в некотором смысле они куда хуже своих земных сородичей, но зато отличаются беззлобным нравом и при этом вкусно пахнут.)

За довольно значительную плату Кромптон нанял себе зирни и погонщика. Пришлось также приобрести рюкзак, палатку, пластиковый розовый умывальник, походную кухню в оранжевом чехле, два компаса, запас питательных пилюль компактоплекса, швейцарский армейский нож и небольшой запас продуктов со сроком хранения двенадцать месяцев.

И вот наконец все готово. Начальник экспедиции дважды протрубил в носорожий охотничий рожок, и экспедиция отчалила, сопровождаемая хриплым пением гребцов-йигтан. Вот как звучит весьма приблизительный перевод их песни:

Запутанными и странными путями дух тины
Переносит печаль в небеса и быстрые крылья в лицо
Тому, кто обитает в водных пустынях и темных
болотах Матери,
Чья тропа — ее ритуал и чьи смуглые нежные ноздри.

Точный перевод этого заунывного заклинания еще ждет своей публикации в специальной книге по психологии йигтан. А пока можно лишь констатировать, что смысл большинства родовых песен Галактики остается для нас тайной за семью печатями.

Глава 4

Лумис сначала заявил, что он тоже будет участвовать в управлении телом. Но он слегка лукавил. На самом деле ему хотелось принимать участие в интересных событиях. Он жаждал ощутить запахи и вкус незнакомой пищи, испытать чувство утоления жажды, поглазеть на невиданные чудеса, послушать всякие забавные звуки. Но он не хотел осознавать и полностью ощущать все невзгоды этого путешествия.

А нескончаемый путь через болота, казалось, состоял из одних невзгод.

— Смотри в оба, — говорил Кромптон, и Лумис внезапно выпадал из мира грез, где он теперь почти все время пребывал, плавая в бесплотных просторах на волнах воображения, которые окутывали окружающий мир туманной полупрозрачной вуалью, и вдруг — трах! — и Лумис видит усталыми, слезящимися от боли глазами монотонную серо-зеленую растительность и грязные, искусанные насекомыми спины носильщиков.

Но что там визуальные впечатления — это еще куда ни шло! А вот вообразите, как вы, извлеченный из своего кокона, где не было никаких запахов, окунаетесь в атмосферу едкой вони, исходящей от носильщиков, смешанной с испарениями гниющих растений, напоминающими запах подгоревшего мяса, невыносимым хлорно-фиалковым зловонием от испражнений зирни и резким аммиачным запахом пота самого Кромптона.

То, что Кромптон, обладатель самого тонкого в мире обоняния, без жалоб и стонов терпел эту смердящую какофонию запахов, можно объяснить только поразительным стоицизмом этого человека. Лумис же находил

ситуацию абсолютно невыносимой. (Запахи чуждых нам мест трудно описывать, но они куда более живо передают суть впечатлений, нежели зрительные образы. Кто не помнит утверждения Кларендана, что Алкмен V пахнет «точно как бизоний пердеж, пропущенный сквозь бочку протухшего козьего сыра»? Или слова Гриньека о Гнуше II: «запах смеси черной патоки и кольдкрема в животе разлагающегося муравьеда»?)

Но самым страшным в этом путешествии был даже не запах. Что было совсем невыносимо для добродушного, сонливого и ленивого Лумиса, так это необходимость времени от времени брать на себя контроль над телом и страдать от экземы, которая разъедала кожу и беспрерывно чесалась, гневно орать, напрягая охрипшее больное горло, на зазевавшихся носильщиков, тревожно ожидать нападения туземцев, а самое главное — постоянно приуждать усталое тело двигаться вперед, подавлять желание наплевать на все и отказаться от этой дурацкой затеи. Лумис никогда не хотел пускаться в это безумное путешествие к цели, которая представлялась ему более чем сомнительной. К тому же, принимая на себя контроль над телом, он почему-то должен был во всем следовать приказаниям Кромптона, а это уж ни в какие ворота не лезло! Кромптон — идиот, он поставил их жизнь на карту, несмотря на энергичные протесты Лумиса, и теперь Лумис должен помочь и содействовать ему в этом? Дудки! Сопротивление Лумиса было вызвано одним из самых глубоких человеческих инстинктов: нежеланием оказаться в дураках.

Таков был характер Лумиса, и нельзя судить его за нежелание, а потом и прямой отказ помогать Кромптону во время путешествия через болота. Тут он не мог быть союзником. Он был пленником, и ему перепадало немного света и свободы, только если он соглашался сотрудничать со своим тюремщиком. И честь ему и хвала, что он еще как-то боролся за свою собственную индивидуальность, да и самую жизнь теми ничтожными средствами, которые оставались в его распоряжении.

При всей необычности ситуации, Лумис оставался личностью со всеми присущими ей правами. И что бы там ни говорили о неполноценности изолированного сегмента, принадлежавшего изначально другой лично-

сти, он прекрасно освоился с внешним миром. Многие люди с так называемой нормальной индивидуальностью считали бы, что им чертовски повезло, обладай они хотя бы десятой долей жизнерадостности Лумиса.

Лумис понимал, что для Кромптона он всего лишь средство добиться успеха, вещь, необходимая для превращения Кромптона в Суперкромптона путем ассимиляции и поглощения братьев по разуму. Сознавать это было далеко не приятно. Лумис вынужден был смириться с этой мыслью, но надеялся, что не превратится в тень Кромптона.

Глава 5

— Хочешь сыграть на десятку? — предложил Лумису погонщик зирни.

— Почему бы и нет? — откликнулся Лумис.

Кромптон велел ему взять управление над телом, а сам решил перехватить часок-другой вполне заслуженного отдыха и немного соснуть. Лумис вел себя довольно сносно, если не считать его постоянных жалоб на боли в животе и тщетных попыток отравить существование Кромптона нехитрыми рассуждениями на тему: «оба мы погибнем, потерпев фиаско в этой безумной экспедиции». Он не принадлежал к числу молчаливых страдальцев.

А сейчас Лумис погрузился в игру ууув с погонщиком зирни. Погонщик принадлежал к народности груков — так называли себя креолы, родившиеся на Йигте. Он поставил на следующий ход большую сумму, и теперь его обычно гладкое лицо пошло рябью от возбуждения, с которым он наблюдал за Лумисом. Лумис прошептал молитву над парой кристаллов с расписными гранями и бросил их в воронку из тикового дерева с зарубками внутри.

Кристаллы покатились и были пойманы фортуной на голубом витке спирали, подарив таким образом Лумису победу и выигранную двадцатку.

На лице погонщика сквозь редкий желтенький пушок проступила бледность. Он рассчитывал на всем известную удачливость груков, и, как бывает в таких случаях, это сыграло с ним дурную шутку. На самом-то деле груки вовсе не так уж удачливы, потому что они слишком глупы, чтобы осознать собственную невезу-

честь. А погонщику еще и нечем было платить, за что его ждало крайне суровое наказание от Старого Рукса, самого сильного и самого глупого из всех груков в экспедиции, в чьи обязанности входило укреплять в груках священную веру в неполноценность их расы.

— Послушайте, мистер, — захныкал грук, — у меня есть для вас кое-что получше, чем деньги. Это секретная информация, которая для такого умного джентльмена, как вы, может представлять интерес и даже практическую ценность.

— Ха! Не можешь заплатить? — сказал Лумис. Он пронзил взглядом погонщика. В уголках его губ заиграла улыбочка, он согнал ее, и она переместилась в уголки губ его собеседника. — Черт побери, да деньги не имеют никакого значения. Что за информация?

Грук близко наклонился к Лумису и прошептал что-то ему на ухо. Глаза Лумиса вылезли из орбит. Он было нахмурился, но тут же позволил улыбочке вновь приподнять уголки своих губ.

— Это в самом деле интересно, — сказал он, — если не врешь.

— Я не вру, эфенди! — взвизгнул грук, в панике употребив словечко из языка народа, к которому он никак не мог принадлежать по своему происхождению.

Неожиданно проснулся Кромптон.

— Что тут творится? — спросил он.

Лумис непринужденно передал ему контроль над телом.

— Ничего особенного. Мы просто поболтали с парнишкой.

Погонщик съежился, шаркнул ножкой и испарился.

— Ты потрудился протереть тело досуха после похода? — спросил Кромптон.

— Естественно! За кого ты меня принимаешь?

— Не время ссориться, — сказал Кромптон. — Скоро экспедиция тронется в путь?

— Скоро, — сказал Лумис. — А знаешь, Эл, ты не так уж хорошо выглядишь.

Лумис имел в виду не тело, в котором они обитали; он намекал на самосознание Кромптона, которое каждый из них сохранял в неприкосновенности и посредством которого они общались.

Самосознание Кромптона было истощено, перетруженено и напряжено до предела. Чтобы экспедиция не замедляла свое продвижение, он взвалил на себя кучу забот. Он организовал охрану лагеря по всему периметру от дьявольской ползучей травы, на что порой требовалась десятая часть всей экспедиции, и распределил между носильщиками ночные дежурства, которые до этого проходили без всякой очередности и вызывали массу скандалов и ругани.

Лумис оставался верен себе и ни в чем не помогал ему. Он признавал лишь один простейший способ обнаружения Стэка: обосноваться где-нибудь в комфортабельном отеле и написать ему письмо, а если из этого ничего не получится, нанять детектива.

Даже Кромптон потерял счет дням, проведенным в болотах с нескончаемым мышиным писком птиц бу-бу, мокрым шлепаньем и похрюкиванием пятнистых бурых аллигантолов и постоянным стаккато, выбивааемым экстрактором сжатого воздуха. Дважды их отряд отбил незначительные набеги кочевых племен йигтанских ренегатов и дегенератов, замаскированных под патриотов. В экспедиции за это время родились трое детей, а среди неженатых мужчин постарше разыгралась цинга. У интенданта совсем перевелся пудинг из тапиоки, и даже овсяные лепешки приходилось выдавать по нормам.

Но дух был тверд, и экспедиция продвигалась вперед — сложный микрокосм, пересекающий мокрое пространство.

Наконец в низких тучах появился просвет, на западе из болота выдвинулся мыс суши. Вскоре стали видны глинобитные крыши и белый забор сторожевой заставы Иниою.

Экспедиция успешно подошла к концу. Оставалось только решить, кто первый насладится душем.

Глава 6

Иниоо оказался совсем маленьким городишкой. Кромптон зашел за постоянный двор на почту, откуда его сразу направили к потрепанному непогодой, крытому щепой домику на окраине. Там, на покосившейся веранде, он обнаружил двух старичков, признавшихся, что они приемные родители Дэна Стэка.

— Точно, — сказал прокопченный солнцем, крепкий старик с сильно выдающимся кадыком и пронзительными выцветшими глазами на костлявом лице с высокими скулами. — Я был папа, — продолжил он просто, — она была мама.

— А малютка Дэн был хороший мальчик, — сказала старуха.

— Ну... — сказал старик.

— Да-да, это правда!

— А как насчет случая с лошадью мистера Уинтермьюта? — напомнил ей старик.

— Они никогда не докажут этого! У тебя уверенности-то поубавилось бы, если бы ты выслушал и другую сторону.

— Но знаешь, Марта, лошадь теперь уже ничего не скажет, — сказал старик.

— А я не про лошадь говорю, старый ты дурачина! Я говорю — никто даже не выслушал Дэна.

— А не потому ли, старая, что он удрал из города, как тать в ноши, — сказал старик с той удивительной точностью в выражениях, которой необразованные люди порой достигают под влиянием больших количеств черного кофе.

— А как же, конечно, сбежал! — с негодованием сказала старушка. — Ему пришлось сбежать, не то его обвинили бы в ограблении банка.

— Может быть, вы знаете, где я могу найти его? — спросил Кромптон.

— Точно не скажу, — ответил старик. — Он нам никогда не писал. Но Билли Дэвис видел его в У-Баркаре, когда возил туда картошку.

— А когда это было?

— Лет пять, а то и шесть тому назад, — сказала старушка. — Ну, а сейчас поди найди его. Клорапсемия — большой континент, хотя берега его очень изрезаны. У вас хорошее лицо, мистер! Поезжайте, найдите его, наставьте на путь истинный!

Она расплакалась, спрятав лицо в фартуке. Старик провел Кромптона мимо старого дуба на дощатую дорогу.

— Вы уж простите мою старуху, — сказал он. — С тех пор как Дэн ушел, прихватив с собой все, что попалось под руку, в том числе и наши жалкие сбережения, мать совсем переменилась.

— Понимаю, — сказал Кромптон. — Хочу, чтобы вы знали: я собираюсь отыскать Дэна и сделать из него цельного человека.

— Плюньте вы на него.

Старик сплюнул на свой шишковатый левый кулак, следя какому-то туземному обычью неизвестного происхождения, и побрел назад к покосившейся веранде.

— Забавный парень этот Стэк, — заметил Лумис. — Эл, в какую яму ты нас толкаешь?

— Да, он, пожалуй, человек не из приятных, — откликнулся Кромптон. — Но у нас просто нет выбора. Без него не будет реинтеграции.

Лумис тяжело вздохнул.

— Где, по крайней мере, находится этот У-Баркар?

— На юге, — сказал Кромптон. — В самой что ни на есть неизведанной глубинке этой допотопной планеты.

— О, бог мой! Опять?

— Я доставлю нас туда. Я уверен, что справлюсь с задачей, чего бы мне это ни стоило.

— Знаю, знаю, — проворчал Лумис. — Разбуди меня, когда все закончится.

И он заснул.

Глава 7

У-Баркар представлял собой скопление плантаций, на которых пятьдесят землян работали надсмотрщиками, а две тысячиaborигенов сажали, ростили и собирали урожай с дерева *ли*, произраставшего только на этой части планеты. Плоды *ли* созревали два раза в год и были незаменимой приправой к блюдам китайской кухни.

Кромптон встретился с десятником, краснолицым верзилой по имени Гаарис. На бедре у него болтался пистолет, а вокруг пояса был аккуратно намотан бич из удава.

— Дэн Стэк? — переспросил десятник. — Ну как же, работал здесь почти год. Потом как-то внезапно исчез.

— Если вам не трудно, расскажите, почему, — попросил Кромптон.

— Отчего же, пожалуй, — сказал десятник. — Только лучше поговорить за стаканчиком виски.

Он провел Кромптона в единственный в У-Баркаре салун. И там, потягивая пшеничное виски, поведал Кромптону историю Дэна Стэка.

— Он явился сюда с Восточного болота. Что-то у него там было с девчонкой — то ли он дал ей по зубам, то ли еще что-то. Но меня это не касается. Все мы здесь — или почти все — далеко не сахар, и думается мне, что там, в городах, были рады-радешеньки избавиться от нас. Да-а-а... Так вот, я поставил Дэна надсмотрщиком над пятьюдесятью йигтанами на поле в сотню акров. Сначала он чертовски здорово справлялся с ними. — Десятник опрокинул стаканчик. Кромптон заказал еще и заплатил. — Я ему советовал погонять их, чтобы от

них был толк: здесь в основном работают аборигены из племени чипетцев, а они народ злой, вероломный и крепкий. Мы заключили с их вождем контракт на двадцать лет, в обмен на ружья. Этими же ружьями они пытаются расправиться с нами — ну, да это уже другой разговор. У нас не принято делать два дела сразу.

— Контракт на двадцать лет? — уточнил Кромптон. — Выходит, йигтане фактически ваши рабы?

— Так оно и есть, — согласился десятник. — Кое-кто из хозяев старается приукрасить это дело, называют его временной кабалой или феодальной экономикой. Но на самом-то деле рабство — оно и есть рабство, и нечего тут фингить. Да и другого способа цивилизовать этот народец просто не существует. Стэк отлично понимал это. Здоровенный был малый, и с бичом управлялся — дай бог каждому! Я думал, дело у него пойдет.

— Ну и... — подбодрил Кромптон десятника, зака-зывая очередную порцию виски.

— Сначала он был просто молодцом, — сказал Га-арис. — Лупил их своей удавкой, исправно получал свою долю и все такое прочее. Но не было у него чувства меры. Стал до смерти избивать своих ребят, а ведь замена тоже недешево стоит. Я уговаривал его не перебарщивать, но он не слушал. Однажды его чипетцы взбунтовались, и ему пришлось пристрелить восьмерых, чтобы усмирить их. Я поговорил с ним, что называется, по душам. Объяснил, что наша задача — заставить йигган работать, а не убивать их. Мы, конечно, списываем какой-то процент на потери, но Стэк зашел слишком далеко, и это стало сказываться на наших доходах.

Десятник вздохнул и закурил сигарету.

— Стэк слишком любил пускать в ход свой бич. Да и многим из наших парней это нравится, но Стэк просто удержу не знал. Его чипетцы снова подняли бунт, и ему пришлось прикончить целую дюжину. В драке он потерял руку. Руку с бичом. Думаю, чипетцы просто сжевали ее. Я поставил его на работу в сушильне, но и здесь он затеял драку и убил четырех чипетцев. Тогда терпение мое лопнуло. В конце-то концов, эти рабочие денег стоят, и мы не можем держать у себя бешеного идиота, который вышибает из них душу, как только ему что-то

не понравится. Я дал Стэку расчет и послал его ко всем чертям.

— Он сказал, куда собирается идти? — спросил Кромптон.

— Он сказал, что йигтан надо стереть с лица земли, чтобы расчистить пространство для землян, и что мы в этом ни черта не смыслим. Сказал, что собирается присоединиться к Бдительным. Это что-то вроде кочующей армии, которая контролирует воинственные племена.

Кромптон поблагодарил десятника и спросил, где ему найти штаб-квартиру Бдительных.

— Они расположились лагерем на левом берегу реки Дождей, — сказал Гаарис, — и пытаются навязать свои условия сериидам. Вам, видно, позарез нужен этот Стэк, а?

— Он мой брат, — сказал Кромптон, ощущая внезапно подступившую к горлу тошноту.

Десятник внимательно посмотрел на него.

— Да-а-а, брат есть брат, тут уж ничего не поделешь. Но хуже вашего братца я никого не встречал, а повидал я всякого на своем веку. Лучше не связывайтесь с ним.

— Я должен его найти, — сказал Кромптон.

Гаарис безнадежно махнул рукой.

— До реки Дождей дорога неблизкая. Могу продать вам выючных мулов и провизию и прислать местного парнишку-проводника. Вы пойдете по замиренным районам, так что сможете спокойно добраться до Бдительных. Надеюсь, там все еще мирно.

Глава 8

Весь вечер Лумис уговаривал Кромптона отказаться от продолжения поисков. Ясно ведь, что Стэк — вор и убийца. Какой смысл объединяться с таким подонком?

Кромптон считал, что все не так просто. В конце концов, все эти рассказы о Стэке могли быть несколько преувеличены.

Но даже если все в них было правдой, это означало, что Стэк — всего лишь еще один стереотип, неадекватная моноличность, так же выпадающая за рамки нормальных человеческих отношений, как и Кромптон с Лумисом. Внутри целого, после слияния Стэк станет другим. Он лишь восполнит то, чего недостает Кромптону и Лумису — внесет некую толику агрессивности, твердости, жизненных сил.

Лумис так не думал, но решил промолчать хотя бы до встречи с недостающим собратом.

Утром Кромптон за невообразимую цену купил мулов и снаряжение и на рассвете следующего дня тронулся в путь в сопровождении молодого чипетца по имени Рекки.

Девственными лесами вслед за проводником Кромптон вышел к острым горным хребтам Томпсона; потом долго карабкался на заоблачные вершины, пробирался узкими гранитными ущельями, где ветер завывал, как мученик в аду, и наконец спустился в густые, насыщенные испарениями джунгли по другую сторону хребта. Лумис, напуганный тяжестью долгого пути, забился в самый отдаленный уголок сознания и возник только по вечерам, когда в лагере уже горел костер и висел гамак. Кромптон, сжав зубы, с налитыми кровью глазами, брел, спотыкаясь, сквозь пылающие жаром джунгли,

волоча на себе весь груз лишений и задаваясь вопросом, насколько еще хватит его сил.

На восемнадцатый день они вышли на берег мелкой грязной речушки. Это, сказал Рекки, и есть река Дождей. Двумя милями дальше они нашли лагерь Бдительных.

Командир Бдительных, полковник Прентис, высокий, худощавый человек с серыми глазами, истощенный недавней лихорадкой, хорошо помнил Стэка.

— Да, какое-то время он был с нами. Я сомневался, стоит ли его принимать. С одной стороны — его репутация... К тому же однорук. Но он научился стрелять левой рукой лучше, чем другие — правой, да и кулья у него заканчивалась бронзовым зажимом. Он сам его смастерили и сделал паз для мачете. Соображал парень, ничего не скажешь! Он был с нами почти два года. Потом я его отчислил.

— Почему? — спросил Кромптон.

Командир с грустью вздохнул.

— Вопреки общему мнению, мы, Бдительные, вовсе не разбойничья армия завоевателей. Мы здесь не для того, чтобы преследовать и казнить туземцев. Мы здесь для того, чтобы следить за соблюдением добровольного соглашения между йигганами и поселенцами, не допускать набегов как с одной, так и с другой стороны, а главное — чтобы поддерживать мир. Но втемяшить это в тупую башку Стэка было трудно.

Видимо, Кромптон немного изменился в лице, и командир сочувственно кивнул ему.

— Вы ведь знаете, каков он, да? Так что легко представите себе, что случилось дальше. Я не хотел терять его. Он был сильным, способным солдатом, легко освоил лесную и горную науку и в джунглях чувствовал себя как дома. Пограничные патрули разбросаны далеко один от другого, и у нас каждый человек на счету. Мы Стэка ценили. Я приказывал сержантам следить за ним и не допускать жестокости по отношению к туземцам. Сначала это действовало. Стэк очень старался. Поведение его было безупречным. И вдруг этот случай у пика Тени, о котором вы, полагаю, слышали.

— Нет, не слыхал, — сказал Кромптон.

— Да ну? А я думал, на Йигте все знают о нем. Так вот как было дело. Патруль Стэка окружил сотню йигган

из дикого племени, доставлявшего нам немало хлопот. Их препровождали в особую резервацию, расположенную на пике Тени. На марше они учинили небольшую драку. У одного из йигтан был нож, он полоснул Стэка по левому запястью. По-видимому, потеряв одну руку, Стэк стал особенно чувствителен к возможности потерять вторую. Рана была пустяковая, но Стэк будто обезумел. Он пристрелил аборигена, а потом перестрелял и всех остальных. Остановить его не было никакой возможности, и лейтенанту пришлось вырубить его ударом по башке. В результате был нанесен страшный урон отношениям землян с йигтанами. И я не мог оставить такого человека в своем полку. Ему необходим психиатр. Я его отчислил.

— Где он теперь? — спросил Кромптон.

— На что вам этот человек? — в свою очередь раздраженно спросил командир.

— Мы родственники.

— Понятно. Я слышал, что Стэк отправился в порт Нью-Хэзлен и работал там в доках. Сошелся с неким Бартоном Финчем, оба попали в тюрьму за пьянство и дебош. Потом их выпустили, они вернулись на границу Белого Облака и теперь совместно владеют лавочкой где-то возле Кровавой Дельты.

Кромптон устало потер лоб и спросил:

— Как туда добраться?

— На каноэ, — ответил командир. — Нужно спуститься по реке Дождей до развилки. Ее левый рукав и есть Кровавая река. До самой Кровавой Дельты река судоходна. Но я не советую вам пускаться в это путешествие. Во-первых, это слишком рискованно. Во-вторых, бесполезно. Стэку помочь невозможно, он прирожденный убийца. Лучше всего оставить его в покое в этом пограничном городишке, там он, по крайней мере, не сможет принести большого вреда.

— Я должен добраться до него, — выговорил Кромптон пересохшим ртом.

— Законом это не возбраняется, — сказал командир с видом человека, исполнившего свой долг.

Глава 9

Кровавая Дельта, как узнал Кромптон, находилась на самой границе освоенной человеком территории Йигги. Ее окружали враждебные племена грелов и тенгтцев; в отношениях с ними был достигнут непрочный мир, и приходилось закрывать глаза на непрекращающуюся партизанскую войну, которую вели эти племена. В этом краю легко было стать богачом. Аборигены приносили бриллианты и рубины величиной с кулак, мешки с редчайшими пряностями и случайные находки, вроде резьбы по дереву из заброшенного города Алльтерейна. Они обменивали все эти ценности на оружие и снаряжение, которое потом с энтузиазмом использовали против тех же торговцев и друг против друга. Так что в Дельте можно было обрести и состояние, и смерть — внезапную или же медленную и мучительную. В глубинах Кровавой реки, которая тихим потоком вливалась в самое сердце Дельты, таились свои, особые опасности, уносившие в мир иной не менее пятидесяти процентов путешественников, рискнувших пуститься в плавание.

Кромптон решительно отверг все разумные доводы. Теперь до Дэна Стэка, их недостающей части, было рукой подать. Конец их странствий был не за горами, и Кромптон намеревался достичь его. Он купил каноэ, нанял шестерых гребцов-туземцев, приобрел ружья, снаряжение, продовольствие и объявил о выходе из лагеря на следующее утро, на заре.

Ночь они провели в маленькой палатке на краю лагеря. При свете коптящей керосиновой лампы Кромп-

тон набивал патронами нагрудный патронташ и настолько погрузился в это занятие, что не замечал, да и не хотел замечать ничего вокруг.

— Выслушай меня наконец, — не выдержал Лумис. — Я признал тебя главным в нашем союзе. Я не предпринимаю попыток завладеть телом. Я всегда был в хорошем настроении и помогал тебе сохранять бодрость духа, пока мы тащились по этой проклятущей Йигте. Верно?

— Да, — согласился Кромптон, неохотно откладывая в сторону патронташ.

— Я сделал все, что было в моих силах, но теперь с меня хватит. Я тоже хочу реинтеграции, но не с маньяком-убийцей! И не толкуй мне о моноличности. Стэк — убийца, и я не желаю иметь с ним ничего общего!

— Он — часть нас, — возразил Кромптон.

— Ну и что? Прислушайся к себе, Кромптон. Ты ведь самая трезвомыслящая часть из нас троих. А теперь тебя словно бес обуял — ты готов отправить нас на верную смерть в этой паршивой реке!

— Мы ее одолеем, — не очень уверенно сказал Кромптон.

— Одолеем ли? — усомнился Лумис. — Ты слышал, что рассказывают о Кровавой реке? Но предположим, мы благополучно пройдем эту речку — и что нас ждет в самой Дельте? Маньяк-убийца! Он нас прикончит, Эл!

Кромптон не нашел подходящего ответа. Чем больше в процессе поисков он узнавал о Стэке, тем больше ужасался и одновременно все сильнее хотел найти его. Лумис никогда не стремился к реинтеграции, для него эта проблема возникла под воздействием внешних обстоятельств, а не в результате внутренней потребности. Но Кромптона всю жизнь обуревала жажда выйти за искусственные рамки своей личности, стать полноценным человеком. Без Стэка это было невозможно. С ним появлялась надежда, пусть даже призрачная.

— Мы продолжаем поиски, — сказал Кромптон.

— Ну, пожалуйста, Элистер! Ты и я, мы прекрасно уживаемся друг с другом. Нам и без Стэка будет очень хорошо. Давай вернемся на Эйю или на Землю.

Кромптон покачал головой.

-
- Ты не согласен? — спросил Лумис.
 - Нет.
 - Тогда держись, Эл!

Личность Лумиса неожиданно пошла в атаку и частично захватила контроль над двигательными функциями организма. Кромптон на мгновение остался без сознания. Затем, почувствовав, что власть упывает из его рук, схватился с Лумисом не на жизнь, а на смерть. Это была безмолвная война при свете коптящей керосиновой лампы, который с наступлением утра все больше бледнел. Полем боя служил мозг Кромптона. Наградой за победу должно было стать тело Кромптона, которое тряслось мелкой дрожью в парусиновом гамаке и обливалось потом, вперив невидящий взор в керосиновую лампу и подрагивая жилкой у виска.

Личность Кромптона была доминирующей, но конфликт с Лумисом и чувство вины ослабили ее, к тому же она была подавлена грузом собственных сомнений. Лумис, хотя и был по натуре слабее, на этот раз собрался, чувствуя уверенность в собственной правоте, и целиком отдался сражению; ему удалось завладеть двигательными центрами и заблокировать поток опасных антител.

На долгие часы две личности схватились в поединке, и тело Кромптона, подвешенное в гамаке, стонало и корчилось, словно в лихорадке. Наконец, когда забрезжили серые предрассветные сумерки, Лумис стал одолевать. Кромптон попытался собрать последние силы для решающего удара, но ничего не вышло. Тело угрожающее перегрело в этой битве: еще немного, и ни для одной личности не осталось бы оболочки.

Лумис продолжал наступление, захватывая все новые жизненно важные синапсы и подчиняя себе моторные функции.

К рассвету победа целиком и полностью была за Лумисом.

Глава 10

Лумис встал на дрожащие ноги, потрогал щетину на подбородке, потер онемевшие пальцы и огляделся. Теперь это было *его* тело. Впервые после того как он покинул Эйю, он видел и чувствовал непосредственно, сам; восприятие внешнего мира не фильтровалось и не ретранслировалось больше через личность Кромптона. Приятно было вдыхать застоявшийся воздух, чувствовать прокосновение одежды к телу, ощущать голод, просто жить! Он вернулся из мира теней в мир сверкающих красок. Чудесно! Он хотел, чтобы так было всегда.

Бедняжка Кромптон...

— Не волнуйся, старина, пойми, я и для тебя стараюсь. Никакой реакции не последовало.

— Мы вернемся на Эйю, — продолжал Лумис, — и все образуется.

Кромптон то ли не хотел, то ли не мог ответить. Это слегка встревожило Лумиса.

— Где ты там, Эл? У тебя все в порядке?

Кромптон молчал.

Лумис нахмурился и поспешил в палатку командира.

— Я передумал, не буду я искать Дэна Стэка, — сказал Лумис полковнику. — Он и в самом деле слишком далеко зашел.

— По-моему, вы приняли мудрое решение, — сказал командир.

— Так что я немедленно возвращаюсь на Эйю.

— Все космические корабли отправляются из Йиггавилля, куда вы в свое время прибыли.

— Как мне добраться до него?

— Это не так-то просто. Думаю, смогу дать вам проводника из местных. Вам снова придется пересечь хребет Томпсона, чтобы добраться до У-Баркара. Советую вам на сей раз идти долиной Дессета, так как по лесам бродят орды Кмикты, а от этих дьяволов всякого можно ожидать. В У-Баркар вы попадете в период ливневых дождей, так что на зирни в Инийо проехать не удастся. Можете присоединиться к каравану, направляющему соль по кратчайшему пути через ущелье Ножа, если успеете. Если же опоздаете, направление легко определить по компасу, правда, при этом надо учитывать отклонения, характерные для данных областей. В Инийо вы будете как раз в разгар муссонов. Это, я вам скажу, зрелище! Возможно, вам посчастливится поймать вертолет до Нью-Сен-Дени, а потом — до Йиггавилля, но сомневаюсь, чтобы они летали — из-за зикра. Этот ветер очень опасен для авиации. Так что, может, лучше вам добраться до Восточного болота на колесном пароходе, а затем на грузовом судне спуститься до Инланд Зее. По-моему, вдоль южного берега есть несколько удобных бухт, где можно переждать ураган. Сам я предпочитаю путешествовать по земле или по воздуху. Так что решайте, как вам удобнее.

— Спасибо, — сказал Лумис.

— Сообщите мне о вашем выборе, — попросил командир.

Лумис снова поблагодарил его и в сильном волнении вернулся в свою палатку. Он раздумывал о предстоящем путешествии через горы и болота, мимо первобытных поселений и диких бродячих орд. Он ясно представил себе, какие осложнения несут с собой ливневые дожди и зикр. Никогда еще его богатое воображение не проявляло себя с такой силой, как сейчас, рисуя жуткие картины обратного пути.

Трудно было добраться сюда; куда труднее будет возвращение. Ведь на этот раз его утонченная душа эстета будет лишена защиты спокойного, выносливого Кромптона. Ему, Лумису, придется ощутить на себе удары ветра, дождя, переносить голод, жажду, усталость,

страх. Ему, Лумису, придется питаться грубой пищей и пить вонючую воду. И ему, Лумису, достанутся все утомительные будничные заботы, связанные с путешествием, которые раньше нес на своих плечах Кромптон.

Теперь на нем вся ответственность. Ему предстояло выбрать дорогу и принимать решения в критические моменты ради сохранения своей жизни и жизни Кромптона.

Справится ли он? Он ведь дитя города, чистый продукт цивилизации. Его проблемы всегда были сопряжены с капризами и странностями людей, а никак не с причудами стихии. Обитая в тщательно отделанных человеческих норках внутри городов-муравейников, он никогда раньше не сталкивался с грубой, первозданной мощью солнца и небес. Отделенный от земли тротуарами, окнами, дверями и потолками он никогда всерьез не принимал рассказы о несокрушимой силе того гигантского, все перемалывающего механизма природы, которую с таким увлечением описывали в своих произведениях писатели древности и которая являлась великолепным исходным материалом для стихов и песен поэтов. Лумису, привыкшему нежиться под ласковыми лучами солнца в спокойный летний день или сонно прислушиваться к завыванию ветра за окном в штормовую ночь, эти рассказы всегда казались сильно преувеличенными.

И вот теперь волей-неволей он должен взять в свои руки и тяжелую ношу бытия, и штурвал управления.

Лумис задумался об этом и внезапно увидел картину собственной смерти. В какой-то миг, когда силы покинут его, он будет лежать в открытом всем ветрам ущелье или понурив голову сидеть под проливным дождем в болоте. Он попытается продолжить путь, обрести так называемое второе дыхание. Но второе дыхание не придет, и он, одинокий, обессиленный, почувствует себя потерянным в этом огромном мире и решит, что жизнь требует от него слишком больших усилий и напряжения. И, как уже многие до него, он расслабится, ляжет и будет ждать смерти, смирившись с поражением.

И Лумис прошептал:

— Кромптон?

Ответа не последовало.

— Кромптон! Ты слышишь меня? Я отдаю тебе управление телом. Только вытащи нас из этой непомерно разросшейся оранжереи. Верни нас на Эйю или на Землю! Кромптон, я не хочу умирать!

Ответа не было.

— Ну, хорошо, Кромптон, — сипло прошептал Лумис. — Твоя взяла. Ты победил. Делай что хочешь, я сдаюсь. Только, пожалуйста, возьми все на себя!

— Спасибо, — ледяным тоном сказал Кромптон и вернул себе контроль над телом.

Через десять минут он снова был в палатке командира и сообщал ему, что опять переменил решение. Командир устало кивнул, а про себя подумал, что люди всегда останутся для него загадкой.

Вскоре Кромптон сидел в середине большого, выдолбленного из ствола каноэ, загроможденного самыми разными товарами. Гребцы грянули бодрую песню и пустились в путь по реке. Кромптон обернулся назад и долго смотрел на палатки лагеря, пока они не исчезли за поворотом.

Глава 11

Путь по Кровавой реке показался Кромптону путешествием в первобытные времена. Шесть аборигенов бесшумно и дружно погружали весла в воду, и каноэ, словно водяной паук, скользило по раздольному, спокойному потоку. С берега над рекой свешивались гигантские папоротники; они начинали мелко дрожать, когда каноэ приближалось к ним, и в жадном порыве тянулись к нему своими длинными ветвями. Тогда гребцы поднимали тревожный крик и спешно выталкивали лодку на середину реки, и папоротники снова поникали над рекой, разомлев от полуденной жары. В некоторых местах ветви смыкались над их головами, образуя сплошной зеленый туннель. Тогда гребцы и Кромптон укрывались под тентом, пуская лодку по течению, и слышали мягкие всплески падающих ядовитых капель. Затем лодка вновь вырывалась на свет, под ослепительное сияние белого неба, и аборигены брались за весла.

— Жуть! — сказал Лумис.

— Да, жутковато, — искренне согласился Кромптон.

Кровавая река несла их в самые глубины континента. По ночам, причалив к какому-нибудь валуну посреди реки, они слышали боевой клич враждебных йигтан. Однажды днем четыре лодки аборигенов погнались за ними. Гребцы Кромптона налегли на весла, и каноэ помчалось вперед. Враги следовали за ними по пятам; Кромптон вынул ружье и приготовился к бою. Но его гребцы, подгоняемые страхом, работали так усердно, что вскоре нападавшие отстали и исчезли за очередным изгибом реки.

Однако не успели они перевести дух, как в узкой протоке на них с обеих сторон дождем посыпались стрелы. Один из гребцов, пронзенный четырьмя стрелами, упал замертво. Остальные снова нажали на весла и вывели лодку из протоки.

Убитого гребца сбросили за борт, и голодные речные обитатели устремились к добыче. А огромное панцирное чудовище с клешнями, как у краба, поплыло за лодкой в ожидании новой жертвы, то и дело высовывая из воды круглую голову. Даже ружейные выстрелы не могли отогнать это кошмарное создание.

Чудовище получило еще один обед, когда серая плесень, прокравшаяся в лодку по веслам, прикончила двух гребцов. Крабоподобное существо слопало их, но преследования не прекратило. Оно безумно раздражало Кромптона, но одновременно служило ему и его гребцам защитой: пустившаяся было в погоню банда аборигенов, заметив чудовище, подняла страшный крик и бросилась наутек в джунгли.

Чудовище сопровождало их все последние сто миль пути. А когда они наконец добрались до замшелой пристани, оно остановилось, понаблюдало некоторое время за людьми и тронулось обратно, вверх по реке.

Лодка причалила к полуразрушенной пристани. Кромптон вскарабкался на нее и увидел кусок доски, заляпанный красной краской. Он перевернул доску и прочитал: «Кровавая Дельта, население 92».

Кругом не было ничего, кроме джунглей. Они достигли последнего пристанища Дэна Стэка.

Глава 12

Узкая, заросшая травой тропинка вела от пристани к просеке в джунглях. Там среди деревьев виднелось нечто похожее на город-призрак. Ни души не было на его единственной пыльной улице, никто не выглядывал из окон низких некрашеных домов. Городок в полном молчании пекся под полуденным солнцем, и, кроме шарканья своих собственных утопавших в грязи ботинок, Кромптон не слышал ни звука.

— Не нравится мне здесь, — сказал Лумис.

Кромптон медленно брел по улице. Он прошел мимо складов, на стенах которых корявыми буквами были выведены имена владельцев. Миновал пустой салун с болтавшейся на одной петле дверью и разбитыми окнами, завешенными противомоскитной сеткой. Оставил позади три заброшенных магазина и наконец увидел четвертый с вывеской: «Стэк и Финч. Провиант».

Кромптон вошел. На полу лежали аккуратные связки товаров, свешивались они и со стропил. В лавке никого не было.

— Есть тут кто-нибудь? — позвал Кромптон и, не получив ответа, снова вышел на улицу.

В конце поселка он набрел на крепкое строение, что-то вроде амбара. Возле него на табурете сидел загорелый усатый мужчина лет пятидесяти с револьвером за поясом и, казалось, дремал, опершись спиной о стену амбара.

— Дэн Стэк? — спросил Кромптон.

— Там, — махнул незнакомец.

Кромптон направился к двери. Усач шевельнулся, и револьвер внезапно оказался у него в руке.

— Прочь от двери! — заорал он.
 — Почему? В чем дело?
 — А то вы не знаете?
 — Ничего я не знаю. Кто вы такой?
 — Я Эд Тайлер, шериф. Назначен гражданами Кровавой Дельты, утвержден в должности командиром Бдительных. Стэк сидит в тюрьме. Этот амбар пока что и есть тюрьма.

— Ну и сколько ему еще сидеть? — спросил Кромптон.

— Всего пару часов.
 — Можно мне с ним поговорить?
 — Не-а.
 — А когда он выйдет, можно будет?
 — Ясное дело, — сказал Тайлер. — Только, боюсь, он вам не ответит.
 — Почему?

Шериф криво усмехнулся.

— Стэк пробудет в тюрьме только два часа по той причине, что в полдень мы повесим его на первом же сукне, чтоб он сдох. Когда мы покончим с этим дельцем, пожалте, разговаривайте с ним сколько душе угодно. Но, как я уже сказал, сомневаюсь, чтобы он ответил вам.

Кромптон настолько устал, что даже не ощутил всей тяжести удара.

— За что?
 — За убийство.
 — Аборигена?
 — Чертова сума, — с отвращением ответил Тайлер, — кому какое дело до этих вонючих аборигенов! Стэк убил человека! Он убил Бартона Финча, своего собственного компаньона. Финч еще жив, но вот-вот кончится. Старый док сказал, что он не протянет и дня. Суд присяжных признал Стэка виновным в убийстве Бартона Финча, в том, что он сломал ногу Билли Редберну и два ребра Эли Талботу, что он разнес салун Мориарти и вообще постоянно возмущает спокойствие поселка. Судья, то есть я, приговорил его повесить, и как можно скорее. Выходит, сегодня к полудню, когда ребята вернутся с дамбы, где они сейчас вкалывают, его и повесят.

— Когда был суд?
 — Сегодня утром.

— А убийство?

— Часа за три до суда.

— Быстрая работа, — заметил Кромптон.

— Мы здесь, в Кровавой Дельте, зря времени не теряем, — с гордостью констатировал Тайлер.

— Я так и понял, — сказал Кромптон. — Вы даже вешаете человека до того, как его жертва скончалась.

— Я же сказал, что Финч вот-вот отдаст концы, — повторил Тайлер, и глаза его сузились в щелочку. — А вы тут потише, не вмешивайтесь в дела правосудия Кровавой Дельты, иначе вам самому не поздоровится. Нам ни к чему все эти адвокатские штучки-дрючки, мы и сами разберемся, кто прав, а кто виноват.

— Оставь его, пойдем отсюда, — испуганно пролепетал Лумис.

Кромптон не обратил на него внимания.

— Мистер Тайлер, Дэн Стэк — мой сводный брат, — сказал он шерифу.

— Тем хуже для вас, — сказал Тайлер.

— Мне в самом деле необходимо увидеться с ним. Всего на пять минут. Чтобы передать ему последние слова его матери.

— Ничего не выйдет, — сказал шериф.

Кромптон порылся в кармане и вытащил замусоленную пачку банкнот.

— Всего две минуты.

— Ну, может, я и смогу... А, черт!

Проследив за взглядом Тайлера, Кромптон увидел толпу людей, шагавших к нему по пыльной улице.

— Вот и парни идут, — сказал Тайлер. — Теперь уж точно ничего не получится, даже если бы я захотел. Но вы, пожалуй, можете посмотреть, как его будут вешать.

Кромптон отошел в сторонку. Их было человек пятьдесят, и к ним подтягивались все новые и новые люди. Все как на подбор жилистые, сухощавые, битые жизнью, — таким палец в рот не клади, — и почти у каждого на лице усы и пистолет за поясом. Они перебросились несколькими словами с шерифом.

— Не делай глупостей, — предупредил Кромптона Лумис.

— А что я могу сделать?

Шериф Тайлер отворил дверь амбара. Несколько человек вошли туда и вскоре вернулись, волоча за собой арестанта. Кромптон не мог разглядеть его — толпа сомкнулась вокруг Стэка.

Кромптон шел за толпой, тащившей осужденного в другой конец поселка, где через сук крепкого дерева уже была перекинута веревка.

— Кончай с ним! — орала толпа.

— Ребята! — прозвучал сдавленный голос Стэка. — Дайте мне слово.

— К чертям собачим! — крикнул кто-то. — Надо с ним кончать!

— Мое последнее слово! — возопил Стэк.

Неожиданно за него вступил шериф.

— Пусть говорит, ребята. Это его право, право приговоренного к смерти. Давай, Стэк, только не тяни особенно.

Стэка поставили на фургон, накинули ему на шею петлю, другой конец веревки подхватила дюжина рук. Наконец-то Кромптон увидел его. Он с любопытством уставился на этот столь долго разыскиваемый сегмент его самого.

Дэн Стэк был крупный, крепко скроенный человек. Его грубое, изрезанное морщинами лицо несло на себе следы страсти и ненависти, страха и внезапных вспышек ярости, тайных пороков и затаенных горестей. У него были широкие, будто вывернутые ноздри, толстогубый рот с крепкими зубами и узкие вероломные глаза. Жесткие черные волосы свисали на пылающий лоб, горящие щеки заросли черной щетиной. В его облике явственно проступал холерический Дух Воздуха, вызванный разлитием горячей желтой желчи, которая возбуждает в человеке беспричинный гнев и лишает его разума.

Стэк смотрел поверх голов в раскаленное добела небо. Потом медленно опустил голову, и бронзовая кулья правой руки полыхнула красной вспышкой в ровном сиянии дня.

— Ребята, я сделал много плохого в своей жизни, — начал Стэк.

— И это ты нам рассказываешь? — выкрикнули из толпы.

— Я был мошенником и вором, — закричал Стэк. — Я ударил девушку, которую любил, сильно ударил, чтобы изувечить. Я обокрал своих дорогих родителей. Я проливал кровь несчастных аборигенов и даже людей. Я жил неправильно!

Толпа смеялась над его покаянной речью.

— Но я хочу, чтобы вы знали, — орал Стэк, — я хочу, чтобы вы знали, что я сопротивлялся своей греховной натуре, я пытался победить ее. Я постоянно сражался со старым дьяволом, поселившимся в моей душе, знали бы вы, как я сражался с ним! Я вступил в отряд Бдительных и два года был человеком. А потом словно спятил — взял и убил...

— Ну, кончил? — спросил шериф.

— Но я хочу, чтобы вы знали вот что! — завопил Стэк, и глаза его чуть не выскочили из орбит на раскрасневшемся от волнения лице. — Я признаю, я сделал много плохого, я признаю это искренне и от всей души. Но, ребята, я не убивал Бартона Финча!

— Хорошо, — сказал шериф. — Если у тебя все, то пора приступать к делу.

— Финч был моим другом, моим единственным другом на всем белом свете! Я пытался спасти его, я слегка встрыхнул его, чтобы привести в чувство. А когда он так и не пришел в себя, я, наверное, потерял голову, и тогда я расколошматил салун Мориарти и покалечил ребят. Но, клянусь богом, я не причинял вреда Финчу!

— Ну, закончил ты наконец? — спросил шериф.

Стэк открыл рот, снова закрыл его и кивнул.

— Порядок, ребята! Приступай! — сказал шериф.

Люди взялись за фургон, на котором стоял Стэк. Стэк обвел толпу последним отчаянным взглядом и заметил Кромптона.

И сразу понял, кто это.

Лумис торопливо нашептывал Кромптону:

— Осторожно, не верь ему, ничего не делай, вспомни его прошлое, вспомни его историю, он погубит нас, разобьет нас на кусочки. Он подавит нас, он сильный и злобный, он убийца!

В памяти Кромптона неожиданно всплыли слова доктора Власека: «Попытка реинтеграции приведет вас к безумию, а то и к смерти».

— Совершенно погибший тип, — продолжал бубнить Лумис, — злой, никчемный, полная безнадега...

Но Стэк был частью его! Стэк страстию хотел измениться, победить свою натуру, терпел поражения и снова отдавался борьбе. Стэк был не более безнадежен, чем Лумис или он сам.

Однако правда ли все то, что говорил Стэк? Или этой вдохновенной речью он надеялся тронуть аудиторию и изменить приговор?

Он должен поверить Стэку. Он обязан протянуть ему руку помощи.

Как только фургон тронулся с места, глаза Стэка и Кромптона встретились. Кромптон быстро принял решение и впустил Стэка.

Толпа взревела, когда тело Стэка свалилось с повозки и после страшной короткой судороги безжизненно повисло на натянувшемся канате. А Кромптон пошатнулся от удара, когда сознание Стэка вошло в его мозг.

И упал в обморок.

Глава 13

Кромптон очнулся в небольшой полутемной комнате на кровати.

— Как вы, в порядке? — услышал он чей-то голос. В наклонившемся над ним человеке он узнал шерифа Тайлера.

— Да, в порядке, — автоматически ответил Кромптон.

— Оно и понятно, для такого цивилизованного человека повешение — вещь тяжелая. Теперь сможете обойтись без меня?

— Конечно, — вяло сказал Кромптон.

— Вот и хорошо. А то у меня там дел... Загляну к вам через часок-другой.

Тайлер ушел. Кромптон принял тщательно обследовать самого себя.

Интеграция... Слияние... Завершение. Достиг ли он всего этого во время своего целительного обморока? Со всей осторожностью он занялся своими мозгами.

Он обнаружил там Лумиса, безутешно причитавшего, безумно напуганного, лепечущего что-то об Оранжевой пустыне, о путешествиях и стоянках на Бриллиантовых горах, о женщинах, о роскоши, о чувствах и красоте.

Был там и Стэк, тяжелый и неподвижный.

Кромптон тут же понял, что Стэк абсолютно, ни на йоту не способен измениться, приобрести самоконтроль, выдержку. Он и сейчас, несмотря на все свои старания, был исполнен страстного желания отомстить. Его мысли яростно громыхали, контрастируя с визгливыми притчаниями Лумиса. Это были великие планы отмщения. Дикие мечты разорвать проклятого шерифа

Тайлера на мелкие кусочки, расстрелять из пулемета весь поселок, собрать вокруг себя преданных людей, армию почитателей СТЭКА, вооружить ее железной дисциплиной, перерезать глотки всем Бдительным и открыть полный простор убийствам, мести, ярости, террору во всем мире!

Раздираемый на части противоречивыми желаниями своих компонентов, Кромптон постарался восстановить равновесие, распространив свою власть на них обоих. Он начал борьбу за слияние их в единое, устойчивое целое. Но его составные части, в свою очередь, бились каждый за свою автономию. Линии расщепления углублялись, раскол становился непреодолимым, и Кромптон почувствовал, что зашаталась его собственная стабильность, что над его рассудком нависла угроза.

Потом вдруг у Дэна Стэка с его упорным, но тщетным стремлением к самосовершенствованию наступил момент просветления.

— Извини, — обратился он к Кромптону, — недостает еще одного, другого...

— Какого еще другого?

— Я ведь старался, — сказал Стэк. — Я старался измениться. Но слишком было во мне разного... Так что я пошел на расщепление.

— На что?

— Ты что, не слышишь? — сказал Стэк. — Я... я тоже был шизоид. Скрытый. Это проявилось здесь, на Йигге. Я поехал в Йигтавиль, обзавелся там еще одним телом Дюрьера и расщепился.

— Значит, есть еще один? — воскликнул Кромптон. — Вот почему мы не реинтегрируем! Кто он, где находится?

— Я старался, — стонал Стэк. — Ох, я же старался. Мы с ним были как братья, он и я. Я надеялся научиться у него, он был такой тихий, терпеливый и спокойный. И я учился! Потом он стал сдавать...

— Кто он? — спросил Кромптон.

— Как я старался ему помочь, выбить из него эту блажь! Но ему совсем не хотелось жить, он быстро терял силы, и я будто спятил, и встряхнул его, и пошел громить салун Мориарти. Но я не убивал Бартона Финча.

— Так Финч — наш последний компонент?

— Да! Вам нужно спешить, пока он не разрешил себе умереть, и надо принять его в свой мозг. Он лежит в задней комнатке, в лавке... Торопитесь...

И Стэк снова погляз в своих мечтах о кровавых побоищах, а Лумис забормотал о голубых пещерах Ксанаду.

Кромптон поднял свое тело с постели и дотащил его до двери. В конце улицы он разглядел лавку Стэка. «Доберись до лавки!» — приказал он себе и, спотыкаясь на каждом шагу, поплелся вдоль улицы.

Дорога растянулась на миллион миль. Тысячу лет полз он по горам, перебирался через реки, болота, спускался в пещеры, ведущие к центру Земли, и подымался наверх, и переплыval нескончаемые океаны до самых дальних берегов. А завершилось это путешествие в лавке Стэка.

В задней комнате, на кушетке, укрытый до самого подбородка простыней, лежал Финч — последняя надежда на реинтеграцию. Взглянув на него, Кромптон понял всю тщетность своих усилий.

Финч лежал совсем тихо, уставившись в пустоту отсутствующим, неуловимым взглядом. У него было белое, широкое, абсолютно ничего не выражавшее лицо идиота. В плоских, как у Будды, чертах застыло нечеловеческое спокойствие — он ничего не хотел, ничего не ждал. Тонкая струйка слюны стекала изо рта, дыхание было почти незаметно. Самый неполноценный из четверых, он был олицетворением флегматичного Духа Земли, который делает человека пассивным и безразличным ко всему.

Кромптон подавил в себе подступающее безумие и подполз к кровати. Он вперил взгляд в глаза идиота, пытаясь заставить Финча посмотреть на него, узнать и соединиться с ним.

Финч ничего не видел.

Кромптон уронил свое измученное, усталое тело на постель рядом с идиотом и стал безучастно наблюдать, как его сознание погружается в мир иррационального.

В это мгновение Стэк пробудился от мечтаний о мщении и одновременно преисполнился реформаторским рвением. Вместе с Кромптоном он принялся по-

буждать Финча посмотреть и увидеть их. Даже Лумис собрался с силами и присоединился к ним, преодолев свое изнеможение и страх.

Усилия всех троих были направлены в одну точку. И Финч, пробужденный тремя четвертями своего «я», отчаянно взывающими к воссоединению, наконец ожил. В его глазах мелькнуло осмысленное выражение. Он узнал. И присоединился к своим измученным братьям.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Глава 1

Город Бренх'а расположен на восточном рукаве Инланд Зее, недалеко от устья Злобной реки, в широкий и неспешный поток которой стекаются воды всех болот Дикой Данайды. Прозванный Жемчужиной Захолустья, он по сути представляет собой современный и быстро растущий международный пакгауз на краю ойкумены, обеспечивающий всем необходимым разношерстное население Йигти и прибывающих на планету путешественников. Фактически это первый — или последний, в зависимости от точки зрения, — аванпост цивилизации, улицы которого, особенно субботними вечерами, обычно забиты пестрыми толпами народа.

Самой известной достопримечательностью Бренх'а безусловно является ресторан «Караван-сарай Макса» на улице Литл Даг, сразу за памятником Джону Чивви, нежному певцу Бэдленда. «Макс» — это целый музей с анфиладой залов, в которых представлено кулинарное искусство двадцати четырех миров. Это единственное место на Йигте, где привередливый некчериз с планеты Рамбл может получить чашечку своей любимой скоблянки из мозгов и клубней, прибывший издалека моряк с Драмфитти насладится заливным из копатинки, а нью-йоркцы с Сола III найдут свои родные пастрами, сувлаки и пикули с укропом.

И в это вот знаменитое заведение как-то вечером зашел сухопарый невысокий землянин. Судя по многочисленным красным пятнам на куртке, он явился сюда

прямо с Кровавой реки. У него было суровое, неулыбчивое лицо клерка с крепко сжатыми губами. Ничего особо примечательного в нем не было, но какая-то атмосфера неуравновешенности, близкой к безумию, окружала его, и это не предвещало ничего хорошего.

Старший официант безошибочно учуял что-то неладное и сразу же отправил к посетителю Герту Симз.

Герта — крупная, полногрудая женщина с большим приятным лицом, обрамленным веселыми рыжими кудряшками, умела управляться с такими странными типами. Она и сама была немного странной.

— С чего начнем? — приветливо спросила она, протягивая Кромптону огромное сувенирное меню с тремя тысячами тремя названиями блюд. — Выпьете глоточек для аппетита? Напитки у нас — на любой вкус.

— Ни с чего не начнем, — жестко заявил Кромптон. Он внимательно изучал меню, пока не дошел до раздела «Земные лакомства». — Мне, пожалуйста, дуврский палтус без масла, зеленый салат без приправ и большой стакан молока. Еще кусочек прожаренного тоста и...

Он замолк на полуслове. Герта ждала с карандашом наготове. Она заметила, как исказилось лицо клиента. Похоже, в нем шла какая-то внутренняя борьба: лицо его менялось беспрестанно, будто он надевал на себя то одну, то другую маску.

— Я знаю, как это бывает, когда не знаешь, что выбрать, — посочувствовала Герта.

Клиент с большим усилием взял себя в руки.

— Вы должны извинить меня, — сказал Кромптон, — у нас тут возникли трудности... то есть, у меня возникли кое-какие трудности.

— Не надо спешить, — сказала Герта. — Вы прямо из пустыни? Там не больно повыбираешь, что поесть.

— Совершенно верно, — согласился Кромптон. — В первый раз возникла такая проблема.

Лицо его снова задергалось, различные гримасы сменяли друг друга с неуловимой скоростью. Похоже, будто два парня спорят друг с другом, подумала Герта.

— Ну ладно, — сказал клиент, — принесите нам фунт нью-йоркского бифштекса с кровью, без овощей.

— Очень хорошо, — сказала Герта.

— А также сечuanские¹ лакомства. И палтус, пожалуйста. Боюсь, вам такой набор кажется не совсем обычным.

— Ах, если бы вы знали историю моей жизни, — вздохнула Герта, — вы поняли бы, что никакими странностями меня не удивишь. Что будете пить?

Клиент снова изменился в лице, но быстро успокоился.

— Мы... я хотел бы кружечку «Лаки Лейджера», стакан молока и хорошего французского вина.

Когда стол был накрыт, Герта заметила, что клиент чередует разные блюда в строгой последовательности. Примечательно, как при этом менялось выражение его лица: вот оно расплылось от удовольствия — и тут же скривилось в гримасе отвращения. Еда, похоже, его не успокоила, поскольку он беспрерывно что-то бормотал себе под нос.

Герта прислушалась.

— Я просто не выношу запах этого мяса... — ворчал клиент. — Шел бы ты куда подальше со своими китайскими помоями... Что это за гадость? Разве сейчас твоя очередь? Лумис, ты сожрал вдвое больше, чем мы оба вместе взятые...

К концу обеда клиент весь покрылся потом, руки его тряслись, казалось, его вот-вот хватит кондрашка.

И Герта приняла решение — решение, которое она принимала всегда при виде одинокого, больного странника, которого никто не пожалеет, разве что родная мать.

— Послушайте, — сказала она, — похоже, вы порядком взвинчены. У вас есть где остановиться?

Клиент прекратил свое ворчанье и взглянул на нее страдальческими глазами.

— Пока нет. Вы знаете какой-нибудь тихий отель?

— Вы шутите? Да ни в каком отеле вам не только комнаты не дадут, вас в таком виде даже на порог не пустят. Вот, держите, — и она положила перед ним ключ.

— Что это?

¹Сечuanь — провинция в центральном Китае.

— Это ключ от моей комнаты. Поднимайтесь по служебной лестнице, в конце коридора — моя комната. Согласны?

— Очень мило с вашей стороны... — замялся Кромптон. — Право же, я не знаю... — По лицу его прошла болезненная судорога, и он продолжил совсем другим тоном, обволакивающим и нежным: — Моя дорогая, как вы добры! Как только я немножко оправлюсь, я вам возмешу... — Тут голос снова изменился, на сей раз он был грубым и хриплым: — Большое спасибо, леди. Я вам не помешаю...

Клиент расплатился и неуверенной походкой направился к лестнице, позывая ключом, словно это был ключ к вратам рая. Герта провожала его взглядом. К ней подошел старший официант и тоже посмотрел ему вслед.

— Герта, — сказал он, — куда ты вляпалась на сей раз?

Она пожала плечами и нервно рассмеялась.

— Что это за парень? — спросил официант.

— Не знаю, Гарри. Может, безработный чревовещатель, к тому же чокнутый. Послушал бы ты, как он тут разговаривал на разные голоса!

Глава 2

Вернувшись к себе, Герта обнаружила, что мужчина, которого она приютила, распростерся на полу в жесткой горячке. Она с трудом уложила его на кровать, а сама пристроилась рядом на стуле, вслушиваясь в его бессвязные речи.

Вскоре она уже различала три голоса, претворившиеся между собой, причем у каждого было свое имя. Кромптон был тот, с кем она разговаривала в ресторане вначале. Казалось, он был главным, но двое остальных яростно оспаривали его лидерство. Он был педантичен, рационален, сдержан, говорил негромко и взвешенно. Лумис показался ей легкомысленным малым, рафинированным и опытным сердцеедом. Третий, Стэк, производил впечатление человека кругого и буйного, но было в нем и что-то мальчишеское, легко ранимое. В его голосе звучали сила, страсть и упрямство. Иногда они обращались к четвертому, Финчу. Он, по-видимому, был одним из них, но ни разу не произнес ни слова.

Герта решила, что она любит их всех, только каждого по-своему. Но фаворитом был Кромптон, его она жалела.

Казалось, их спор никогда не кончится. К рассвету, когда речной туман прокрался в комнату, Герта озябла. Три голоса все не умолкали. Она попыталась вмешаться в разговор, но они ее не заметили. Тогда, поразмыслив немного, она забралась к ним в кровать.

Это сразу прекратило ссору. Они переключили все свое внимание на нее, и весьма небезуспешно.

Позднее Герта никак не могла решить, было ли то, что произошло между ними, оргией. Но, как ни называй, это было хорошо: все эти мужчины давно не имели

женщин. И все они были разными: Стэк был мужественным и любвеобильным, Лумис — искусственным и забавным, а Кромптон, хотя и сопротивлялся поначалу, оказался неискушенным, ребячливым и бесконечно милым.

На следующий день Кромптон проснулся раньше других и поведал Герте обо всех своих мытарствах. Рыжеволосая женщина спокойно выслушала его рассказ.

— Что ж, — проговорила она, — пришлось вам хлебнуть, ничего не скажешь. Ну а теперь, когда все вы оказались в одной голове, что теперь будет?

— Мы должны слиться, — шепотом, чтобы не разбудить других, сказал Кромптон.

— Что это значит?

— Это значит, что мы должны стать одной цельной личностью. Но вот этого как раз и не получилось и, боюсь, не получится.

— А вы можете что-то сделать для этого?

Кромптон пожал плечами.

— Я сделал все, что только мог. Мой врач на Земле предупреждал, что шансы на успех реинтеграции невелики. Но я должен был попытаться.

— И что же теперь будет?

— Боюсь, я... мы сходим с ума. Ни один из нас не может взять верх. По идее я самый устойчивый в этой команде, но я чувствую, что силы мои на исходе.

— А не могли бы вы, мальчики, как-нибудь договориться между собой? — спросила Герта.

— Мы пытались, — сказал Кромптон. — Но этого хватало недолго, даже в тех случаях, когда мы по очереди контролировали тело. Наши противоречия фактически неразрешимы. Герта, вы были добры к нам. А теперь я прошу вас — уйдите, пока остальные не проснулись. Они могут распалиться...

— Послушайте, у меня идея, — сказала Герта. — Почему бы вам не сходить к моему психиатру? Со мной он буквально сотворил чудеса.

— Это бесполезно, — сказал Кромптон. — Самые лучшие доктора на Земле занимались моим случаем и ничем не смогли мне помочь.

— Все равно, сходите к доктору Бейтсу! — сказала Герта. — А вдруг за это время что-то изменилось?

— Слишком поздно, — прошептал Кромптон. — Мои компоненты скоро проснутся, и это будет наше последнее представление. По совести говоря, я даже рад. Я так устал, что мне на все наплевать.

Кромптон уронил голову, глаза его закрылись, лицо погасло. Затем он внезапно сел и выпрямился. Широко открытые глаза смотрели в пространство со странным выражением, какого Герта у него еще не видела.

— Не путайтесь, Герта, — произнес незнакомый голос, мягкий и глубокий.

— Кто вы?

— Герта, у вас должно быть такое лекарство — «Голубые сумерки».

— Это опасное средство. Откуда вы узнали, что оно у меня есть?

— Дайте им четыре капсулы.

— Черт возьми! Да это же огромная доза!

— Порошок не повредит им. Он подействует на них как снотворное.

— Я должна усыпить их? И что это даст?

— У Кромптона иммунитет к этой группе транквилизаторов. С помощью «Голубых сумерек» он продержится еще несколько дней и будет полностью контролировать тело.

— Я знаю, кто вы! — воскликнула Герта. — Вы Финч!

— Дайте им порошок, — настаивал глубокий, проникновенный голос. — Скажите Кромптону, что я советую ему навестить вашего доктора и последовать его рекомендациям.

Герта взяла снадобье и вложила Кромптону в рот четыре капсулы. Финч смотрел куда-то сквозь нее оставившимся бездумным взором.

— Почему вы раньше не помогали им? — спросила Герта. — Вы можете сделать для них еще что-нибудь? И что вы сами за личность?

— Я не личность, — сказал Финч. — Я даже не никто. Я ничего не сделал, а это уже кое-что. И вообще — может, все это просто приснилось вам.

И Финч исчез.

Когда Кромптон пришел в себя, Герта рассказала ему о Финче и «сумерках».

— Не нравится мне все это, — покачал головой Кромптон. — Финч вроде бы с нами, но он не вмешивается в наши разговоры. Я не знаю, чего он хочет.

— Думаю, он просто хочет жить, — сказала Герта.

— Сомневаюсь, что это его волнует... Но зато я действительно хочу жить!

Доктор Герты сразу согласился встретиться с Кромптоном.

— Четыре самостоятельные личности в одном теле! — воскликнул доктор Бейтс, откладывая в сторону когнокоп. — Явление редкое, но небеспрецедентное.

— Мы никак не можем соединиться, — объяснил ему Кромптон. — Мы даже не можем жить в согласии. Мы без конца деремся, и, кажется, конец наш близок. Вы можете помочь нам?

— Я бы с радостью, — ответил Бейтс. — У нас на Йитте такие случаи — большая редкость. Но, честно говоря, у меня нет ни нужного оборудования, ни средств, чтобы помочь вам.

— Тогда что вы предлагаете? Вернуться на Землю и там заняться лечением?

Бейтс в задумчивости покачал головой.

— Здесь необходимо самое лучшее и передовое техническое оснащение. Оно есть только в одном месте. Это абсолютно новое и, по правде говоря, пока экспериментальное предприятие. Вы слыхали что-нибудь об Эйоне?

Глава 3

Добраться до Эйона оказалось легче, чем предполагал Кромптон: на местном корабле он перелетел из Бренх'а в Йигтавилль, в ближайшем трансагентстве взял билет на космолет, в тот же день доставивший его на Танг-Бредер, как раз вовремя, чтобы пересесть на «Стар Вэлли Коннекшн», следующий до Эйона.

Путешествие было для Кромптона приятным отдыхом. Он подружился с корабельным доктором-андроидом, шотландцем и выпивохой, таким же фанатиком кроссвордов, как и сам Кромптон. Доктор снабдил его пачкой «Блотта-44», одного из новейших психостероидов. Благодаря его уникальному эффекту периферийного насыщения (ЭПН) Лумис и Стэк по-прежнему пребывали в глубокой спячке. На Финча это средство не действовало. Но Финча можно было не брать в расчет, хотя Кромптон постоянно ощущал его зловещее присутствие-отсутствие.

Впервые за много дней Кромптон был единоличным и полновластным хозяином своего ума и тела. Это доставляло ему истинное удовольствие, несмотря на побочные явления, такие, как сырье на левой ноздре, зеленая слюна и зуд в указательных пальцах.

О, благословенные космические дни! Как бы хотелось Кромптону, чтобы этот полет длился вечно, и он оставался бы хозяином самому себе, отложив на время все свои заботы. Однако Кромптона предупредили, что через несколько дней Лумис и Стэк снова оживут и громогласно заявят о себе.

Он внимательно изучал брошюру об Эйоне, которую ему дали в трансагентстве. Она называлась «Предварительные заметки к статье о некоторых проблемах Эйона».

«Эйон, расположенный под куполом на непригодной для обитания планете Деметра V, раскинулся на десяти тысячах квадратных миль, пейзаж которых создавался по образу и подобию Калифорнии. В результате получилась зеленая благодатная местность с горами, долинами, чарующими пляжами, прекрасными ресторанами, самыми разнообразными развлечениями и — конечно же! — со всеми видами психотерапии.

В Эйон за помощью прибывают существа самого разного происхождения, наклонностей, и прочая, и прочая. И мы со всеми стараемся обращаться как можно более деликатно. По нашему мнению, все виды лечения — только разные аспекты одного Универсального Лечения, так же как все виды разумных существ — это лишь различные аспекты Универсального Разума.

Соответствует эта концепция истине или нет, она настолько красива, что над нею стоит призадуматься.

Мы здесь, в Эйоне, не формалисты и не слепые почитатели академических знаний. Мы не пишем учебников, не проводим конференций по психологии и стараемся не злоупотреблять словечком «символ». Мы не претендуем на фундаментальные знания, на какое-то особое мастерство и категорически отвергаем роль гуру, которую нам иногда навязывают пациенты в своем бесплодном стремлении найти легкую дорожку к самосовершенствованию. И все-таки, пусть даже это прозвучит несколько парадоксально, все, что можно сделать для вас, мы сделаем, а невозможное вы с нашей помощью сделаете для себя сами. И все это, заметьте, по вполне доступным ценам!

Мы надеемся, таким образом, что нам удалось развеять одно из наиболее распространенных заблуждений, касающихся Эйона. А потому разрешите нам закончить словами: «Добро пожаловать!» Вы не ошиблись, выбрав такое благословенное место, как Эйон. Постарайтесь воспользоваться этой счастливой возможностью в полной мере, работайте прилежно, чтобы обрести спасение!»

Кромптон подумал, что все это звучит довольно туманно, но многообещающе. В любом случае, деваться ему было некуда. Корабль приземлился, и Лумис что-то забормотал во сне.

Глава 4

Кромптон прошел иммиграционные службы, таможню и карантин, а затем отправился в приемную, где хорошенькая блондинка в клетчатом трико помогла ему заполнить необходимые бумаги, получила с него плату (200 тысяч СВУ без сдачи) и вручила ему ключи от номера и карту с подробным описанием достопримечательностей Эйона, включая рестораны, модные лавки, кинотеатры, секс-шопы, кегельбаны, а также сотни разнообразных частных клиник, которые наперебой приглашали к себе на прием.

— Вы можете идти куда захотите, — сказала блондинка, — все оплачено вашим взносом. Центр связется с вами, как только вы устроитесь. Счастливо.

— А вы сами проходили лечение? — спросил Кромптон.

Она покачала головой.

— Они не приняли меня. Велели прийти тогда, когда возникнут настоящие проблемы. Негодяи! И смеют еще толковать о сострадании! Меня это просто взбесило: я-то знаю, какая глубокая драма скрывается за моим внешним спокойствием! Вы этого не заметили, совсем не заметили?

— Да нет, — признался Кромптон.

Она вздохнула.

— А, ладно. Вы, наверное, очень больны, да?

— Ну, — сказал Кромптон, — у меня параноидальная шизофрения, во мне обосновались три личности, не считая моей собственной. Думаю, мне придется несладко, когда они вырвутся на свободу.

— Четыре личности, и все разные! — воскликнула она, посмотрев на Кромптона с нескрываемым интересом.

— Должен сказать, что один из них не говорит ни слова, и с ним никаких проблем нет. А вот двое других — это сплошное наказание.

Глядя на него заблестевшими глазами, блондинка проворковала влажными губками:

— Вы и в самом деле тяжелый случай, не правда ли? Я это сразу поняла, как только увидела вас. Вокруг тяжелых всегда особая аура... Между прочим, меня зовут Сью. Если хотите, приходите сегодня вечером ко мне. Я приготовлю ужин, мы повеселимся, и, может быть, вы поможете мне разобраться в моих болезнях. Я знаю, что в глубине души я сумасшедшая, но прямые симптомы у меня не проявляются.

При виде ее пылающего от страсти лица с приоткрытым ртом Кромптон подумал, что безумие тоже имеет свою иерархию, своих героев и поклонников. Неудивительно, что в Эйоне, где процветает единственный вид индустрии — индустрия болезней, звездами считаются настоящие сомнамбулы, а обыкновенный невротик чувствует себя аутсайдером. Короче говоря, Эйон — не место для страдающих возрастными или сексуальными расстройствами домохозяек. Нет, Эйон — для сильно сдвинутых, таких, как Кромптон с его тремя «сожителями», ведущими борьбу за власть над телом, со всеми вытекающими из этого последствиями. Вот *настоящее дело для Эйона!*

Ответ Кромптона был продиктован этой новой внутренней самооценкой.

— Спасибо, Сью, — сказал он, — но я воспользуюсь вашим предложением как-нибудь в другой раз. Сначала я должен разобраться, что к чему.

— Все тяжелые так говорят, — печально заметила Сью. — Ах да, вот идет ваш друг-на-два-часа.

К ним приближался высокий негр с веселой физиономией и густой вьющейся шевелюрой.

— Мой что? — переспросил Кромптон.

— Человеку с тяжелым психическим расстройством, — сказала Сью, — в первую очередь необходим друг, особенно когда он потрясен прибытием в незнакомое место.

-
- Не понимаю.
 - «Эйон Фаундейшн» каждого вновь прибывшего гостя обеспечивает другом. На эту работу нанимают добровольцев, и только на два часа, потому что быть другом абсолютно чужого и неинтересного тебе человека — это тяжкий и изматывающий труд.
 - Эй, — сказал негр, — я Кави с Фиджи.
 - Не нужен мне никакой назначенный друг, — возмутился Кромптон. — Я отказываюсь...
 - Не говорите это мне, — сказала Сью. — Скажите все это вашему другу. Затем он к вам и приставлен.
 - Скажи мне, детка, все, что думаешь, — предложил Кави, и Кромптон послушно поплелся за фиджийцем к ожидающему их на улице такси.

Глава 5

Кави помог Кромптону устроиться в современном однокомнатном номере на бульваре Поляни. В комнате была установлена автоматическая видеосистема, записывающая каждое произнесенное слово и каждое движение. Предназначалась она для того, чтобы пациент мог проследить за своим поведением и таким образом наблюдать за процессом выздоровления. Кромптон, как и многие до него, отключил систему. Он хотел знать, когда начнется настояще лечение, в чем оно будет заключаться и сколько часов в день займет. Кави объяснил ему, что никаких строго определенных процедур не будет.

— Вы должны запомнить, — сказал добродушный фиджиец, достав из своей роскошной шевелюры сигарету, зажигалку и пепельницу, — что Эйон — самый передовой центр терапии во всей Галактике. Здесь не существует какого-то одного вида лечения или процедур, здесь преобладает эклектизм. Как у нас принято говорить, «все зависит»...

— Но от чего зависит? — спросил Кромптон.

— Этого мне никогда не объясняли, — признался Кави.

— А как лечат вас?

— Ко мне каждую ночь прилетает черный ворон и просвещает меня. Вас будут лечить иначе, если вы не страдаете, как я, психосимволической ритуальной полноценностю.

— У меня параноидальная шизофрения, — сказал Кромптон.

— О, таких, как вы, здесь немногого, — сказал Кави.

Два часа, отведенные им для дружбы, почти истекли. Новоиспеченные друзья договорились созвониться в ближайшие дни, вместе выпить и обсудить свои проблемы. Но это была чистая условность: друзья-на-два-часа редко поддерживали знакомство — может быть, отчасти по этой причине они и оказались в Эйоне.

Остаток дня Кромптон провел, осматривая центр города. Он ему очень понравился, особенно невысокие, окрашенные в пастельные тона дома, утопающие в зелени. Вокруг было много людей, и все они казались веселыми и дружелюбными. Большинство из них подвергалось групповым сеансам терапии прямо в пиццериях, кинотеатрах, парикмахерских и прочих заведениях. Это окутывало Эйон специфической атмосферой взаимопонимания и сочувствия, которая ощущалась даже в космосе, за сотни миль от планеты.

Тотальная приверженность Эйона к лечению и предельно искреннему общению приводила порой к мелким недоразумениям, как это случилось, например, с Кромптоном, когда он обратился в аптеку за лезвиями и кремом для бритья.

Продавец, бородатый коротышка в клетчатом костюме, отложил номер «Инслайта», журнала лилипутов-психологов, и спросил:

— Для чего вам эти предметы?

— Побриться, — ответил Кромптон.

— Но бриться вовсе не обязательно.

— Я знаю, — сказал Кромптон. — Но я люблю бриться.

— В самом деле? — понимающе улыбнулся продавец. — Не хочу заострять ваше внимание, но намного рациональнее обходиться без бритья.

— Не знаю, что вы считаете рациональным, — сказал Кромптон, — но я не понял, вы дадите мне крем и лезвия или нет?

— Не сердитесь, — сказал продавец. — Я просто пытался поставить себя на ваше место, используя те немногие данные, которыми располагаю. — Он выложил на прилавок набор лезвий и кремов. — Выбирай-

те, что вам нравится, и не обращайте на меня внимания, я всего лишь безликое ничтожество с единственным назначением в жизни — обслуживать вас.

— Я не хотел обидеть вас, — сказал Кромптон. — Мне только хотелось получить немного крема для бритья.

— Мне совершенно ясно, — сказал бородач, — что у вас куча важных дел, таких, например, как бритье вашего глупого лица, и что вам недосуг пообщаться с ближним, которому в этот быстролетный момент вдруг захотелось поделиться с вами соображением о том, что мы — это нечто большее, чем навязанная нам кем-то роль, чем наша телесная оболочка... что мы — это наше самосознание, встретившееся с самим собой в необычных условиях.

— Да что вы говорите? — удивился Кромптон и покинул аптеку.

Выходя, он услышал за спиной дружные аплодисменты, которыми наградила бородача его психотерапевтическая группа.

Кромптон уже успел заметить, что люди в Эйоне общаются друг с другом по малейшему поводу, словно они всегда слегка под мухой и просто жаждут стычек. Немного позднее в этот же день ему повезло наблюдать этот эйонский стиль во всей красе.

Две машины слегка столкнулись на одном из перекрестков. Водители, абсолютно целехонькие, повыскакивали из своих машин. И хотя один из них был маленький и толстенький, а второй — выше среднего роста и худой, оба они походили на банковских служащих, переживающих острый средневозрастной кризис. И оба вежливо улыбались.

Высокий осмотрел повреждения и сказал томным и довольным тоном:

— Кажется, нас настигла длинная рука судьбы и привела к столкновению, так сказать. Надеюсь, вы согласитесь со мной, что вы, как говорится, заварили эту кашу и потому вся ответственность за последствия ложится на вас. Я не хочу, чтобы вы чувствовали себя виноватым, вы же понимаете; я просто пытаюсь все

расставить по своим местам, разумно, беспристрастно и объективно — насколько это возможно.

Из быстро собравшейся толпы послышались возгласы одобрения. Теперь все взоры обратились к коротышке, который, заложив руки за спину, покачивался на пятках, как, говорят, любил делать Фрейд, размышляя над вопросом, существует ли инстинкт смерти. Потом он сказал:

— Не кажется ли вам, что аргументы, основанные на предположении о собственной объективности, мягко говоря, несколько некорректны?

В толпе согласно закивали. Высокий непринужденно продолжил:

— Допустим, что все частные суждения по своей природе не могут не быть предубеждением. Но суждение — это единственный инструмент познания действительности, которым мы располагаем, и мы, как существа живые и развивающиеся, естественно, сначала распознаем явление, а затем неизбежно даем ему оценку в виде суждения. И так и должно быть, несмотря на парадокс субъективности, который подразумевается в любом «объективном» утверждении. Вот почему я не-двусмысленно заявляю: вы были не правы, и никакие ссылки на дилемму наблюдателя-наблюдаемого ничего не изменят.

Толпа одобрительно загудела. Многие что-то записывали, а на обочине сформировался небольшой дискуссионный клуб.

Коротышка понял, что допустил тактическую ошибку, которая дала оппоненту возможность произнести длинную речь. Он сделал отчаянную попытку перехватить инициативу и перевел дискуссию в другую плоскость:

— А вам самому никогда не приходилось подвергать сомнению свои слова? — спросил он с ядовитой улыбкой Яго на устах. — Вы всегда прибегаете к таким вот сокрушающим атакам, чтобы доказать свою правоту? Как долго трудились вы над изобретением ситуаций, в которых всегда виноват кто-то другой, чтобы таким образом отдалить момент, когда вам придется волей-неволей признать свою изначальную и непоправимую вину?

Высокий, уже предвкушая победу, ответил:

— Друг мой, все это пустое психологизирование. Вы, очевидно, расстроены «демоническим» аспектом своего собственного поведения и намерены оправдать себя любой ценой.

— Ага, теперь вы уже читаете мои мысли? — парировал коротышка.

Зрители зашумели. Высокий нейтрализовал удар следующим заявлением:

— Нет, мой друг, я не читаю чужих мыслей, я просто использую широкие возможности своего подсознания для объяснения этиологии вашего поведения. Думаю, это ясно всем здесь присутствующим.

Толпа живо зааплодировала.

— Но, черт побери, — обратился к зрителям коротышка, — неужели вы не видите, что он просто играет словами? Факты свидетельствуют против него, не говоря уже о том, что эти подсознательные озарения — всего лишь плод его искренней веры в собственное всемогущество.

Послышался недовольный ропот, и один из зрителей шепнул на ухо Кромиттону:

— Вечно они прибегают к аргументам *ad hominem*¹ как к последнему средству!

Высокий закончил дискуссию убийственным выступлением:

— Мой несчастный друг, вы непременно хотите сделать из меня виноватого? Прекрасно, я восхищен, я рад быть виноватым, если это хоть в какой-то мере поможет вашей больной психике. Но ради вашего же блага я вынужден подчеркнуть, что такие символические победы вряд ли послужат вам утешением, когда придет судный день. Нет, добрый мой товарищ, лучше взгляните смело в лицо реальности, посмотрите на окружающий мир — в нем есть страдания и боль, но есть и радость,

¹ Применительно к человеку (лат.). *Argumentum ad hominem* — доказательства, основанные не на объективных данных, а рассчитанные на чувства убеждаемого.

и невыразимое блаженство в нашей, увы, быстротечной жизни на этой зеленой планете!

Воцарилось молчание, слышно было только шурша-
ние кассет в записывающих устройствах. Потом коро-
тышка закричал:

— Иди ты к такой-то матери, словоблуд, ублюдок
чертов!

Высокий поклонился иронически, толпа заволнова-
лась. Коротышка попытался сделать вид, что эта вспышка
раздражения была умышленной пародией на обычный
поведенческий стереотип. Но никто не попался на эту
удочку, кроме Кромптона, который нашел весь этот
спор крайне странным и непонятным.

Вернувшись к себе в отель, Кромптон обнаружил на
столе повестку: завтра к десяти часам утра его пригла-
шали явиться на прием в Центр взаимочувствующей
терапии.

Глава 6

Центр взаимоувещающей терапии представлял собой обширный комплекс зданий, разных по форме и размеру, соединенных между собою крытыми аллеями, перекидными мостиками, переходами, аппарелями и другими архитектурными деталями. А по сути Центр был единственным гигантским строением на территории в 115,3 квадратных миль. Это было одно из самых больших сооружений в данном районе Галактики, уступавшее только Центру переработанной пищи на Опикусе V, который занимал 207 квадратных миль.

Кромптон прошел в главные ворота, украшенные знаменитым девизом Центра: «Здоровый дух в здоровом теле — или крах!». Охранник обыскал его на предмет оружия, регистраторша проверила направление и отвела его в большой уютный кабинет на третьем этаже. Здесь его представили доктору Чейерсу, невысокому лысому юноше с золотым пенсне.

— Присаживайтесь, мистер Кромптон, — сказал Чейерс. — Сейчас заполним вашу лечебную карту и начнем лечение. У вас есть ко мне вопросы? Пожалуйста, не стесняйтесь, спрашивайте обо всем, что вас интересует: мы все к вашим услугам.

— Очень мило с вашей стороны, — сказал Кромптон. — Не скажете ли вы мне, что последует за моим визитом к вам?

Доктор Чейерс сочувственно улыбнулся.

— Боюсь, не скажу. Этот вид информации предопределит ваши ожидания и тем самым затормозит выздоровление и подавит вашу интуицию. Вы же не хотите, чтобы подобное произошло?

— Нет, конечно, — сказал Кромптон. — Но вы, наверное, можете сказать, сколько времени займет курс лечения?

— Это зависит только от вас, — ответил Чейерс. — Скажу вам откровенно: бывало, хотя и очень редко, что пациенты выздоравливали прямо в этом кресле, во время подготовки к лечению. Но, как правило, процесс излечения длится гораздо дольше. Самое главное — чтобы пациент созрел для выздоровления, ради этого мы и трудимся здесь. И, кроме того, я был бы не до конца искренен с вами, если бы не отметил, что динамика личного здоровья и рост динамики — это пока еще почти недоступная нашему пониманию переменная, или, как я предполагаю ее называть, пучок взаимосвязанных модальностей потенциала.

— Я, пожалуй, понял, что вы имеете в виду, — сказал Кромптон. — Но вы лично — вы действительно уверены, что сможете вылечить меня?

— Наша уверенность выходит за рамки личного, — со спокойным достоинством ответил Чейерс. — Мы в Эйоне верим, что любое чувствующее существо от природы наделено здравым умом, а мы — лишь инструмент, призванный возродить его, и не более. У нас не бывает неудач — за исключением, разумеется, тех случаев, когда наши усилия оказываются безрезультатными из-за преждевременного прекращения жизненных процессов в организме пациента. К сожалению, мы не всесильны. У вас есть еще вопросы?

— По-моему, вы дали мне исчерпывающий ответ, — сказал Кромптон.

— Тогда почитайте эту расписку, — предложил Чейерс, протягивая ему супертермофакс. — В ней говорит-ся, что вы осознаете, что лечение может окончиться смертью, потерей памяти, неизлечимым безумием, слабоумием, импотенцией и другими нежелательными последствиями. Мы, конечно, примем все необходимые меры, чтобы избежать их, но если, к несчастью, что-нибудь подобное случится, вы не будете возлагать на нас вину за это, и так далее. Подпишите вот здесь, внизу.

Он передал Кромптону «вечное перо». Кромптон заколебался.

— Но ничего такого почти никогда не случается, — подбодрил его Чейерс. — Правда, терапевтическая методология включает в себя реальные ситуации с аутентичным исходом, и вас могут ожидать самые разные неожиданности, раз уж вы включились в эту игру.

Кромптон вертел в руке «вечное перо» и думал о том, что такой расклад ему совсем не по душе. Все его нутро восставало против этой угрожающей и непредсказуемой авантюры, в которую вовлекал его Эйон. Если тебя с порога предупреждают, что здесь ты можешь продуться вчистую, имеет смысл поискать другую игру, где ставки будут пониже.

Но разве у него есть выбор? Он чувствовал, как его сожители, хотя и усыпленные, ворочаются, спорят и ссорятся внутри. Перед ним стояла проблема выбора Гобсона¹, излюбленного персонажа кроссвордов, о котором Кромптон вспомнил как о живом олицетворении своей теперешней ситуации.

И тут он услышал глухое бормотание Лумиса: «Эл! Чё там у тёя? Чё деется?»

— Я согласен, — сказал Кромптон и поспешно, чтобы не передумать, нацарапал свою подпись.

— Ну и чуденько, — сказал доктор Чейерс, свернул расписку и положил себе в карман. — Добро пожаловать в мир терапии без обмана, мистер Кромптон!

Кресло Кромптона вдруг отъехало назад и стало опускаться в отверстие, открывшееся в полу.

— Стойте! Я еще не готов!.. — крикнул Кромптон.

— Вечно они не готовы! — проворчал где-то далеко вверху доктор Чейерс.

Отверстие закрылось, и Кромптон, сидя в кресле из искусственной кожи, бесшумно помчался вниз, в непроядную тьму.

¹ Гобсон Томас (умер в 1631г., Англия) — владелец прокатной конюшни, который обслуживал клиентов по принципу: или бери ту лошадь, которая стоит ближе всего к дверям, или не получишь никакой.

Глава 7

Наконец кресло остановилось. Кромптон встал и нащупью определил, что находится в узком коридоре, один конец которого заблокировало кресло. Не отрывая руки от стенки, он пошел в темноте вперед по коридору.

Проснулся Лумис и спросил:

— Что происходит, Эл? Где мы?

— Это довольно трудно объяснить, — сказал Кромптон.

— Но что все это значит?

— Мы проходим спецкурс лечения. В результате мы должны стать цельной личностью.

— По-твоему, прогулки по адски темным туннелям — это и есть лечение?

— Нет, нет, это всего лишь пролог.

— К чему?

— Не знаю. Мне сказали, что этого лучше не знать.

— Но почему?

— Точно не знаю. Думаю, так у них построена система лечения.

Лумис задумался, потом сказал:

— Не понимаю.

— Да и я тоже, — признался Кромптон. — Но так мне сказали.

— Ну-ну, — сказал Лумис. — Нет, это просто потрясающе! В хорошенькую же историю мы вляпались по твоей милости! Ты считаешь себя умным, да? Так я тебе скажу кое-что: ты вовсе не такой умный, Эл! Ты просто дурак!

— Постарайся успокоиться, — попросил Кромптон. — Мы находимся в знаменитом и преуспевающем учреждении. Они знают, что делают.

— А по мне — все это чушь собачья, — заявил Лумис. — Давай слиняем отсюда и попробуем сами разобраться со своими проблемами!

— Боюсь, теперь уже слишком поздно, — сказал Кромптон. — А потом...

Вдруг непонятно откуда брызнул поток света и залил коридор, конец которого расширялся и превращался в огромный зал.

Кромптон вошел в него и обнаружил, что это операционная. В глубине зала, в тени стояли ряды стульев. В центре располагался операционный стол, окруженный людьми в белых халатах, резиновых перчатках и марлевых масках. На столе лежал мужчина с накинутой на лицо салфеткой. Радио негромко наигрывало прошлогодний земной топ «Клыкастые звуки» в исполнении Спайка Дактиля и группы «Парламентское охвостье».

— Ничего хорошего это нам не предвещает, — заметил Лумис. — Я, пожалуй, сделаю так, как советует мне мой внутренний голос: выйду из игры и буду искать забвения в своем обычном духовном занятии, которому привержен с детства — сосредоточусь на собственных гениталиях.

Пробудился Стэк и спросил:

— Что здесь происходит?

— Много чего, но мне сейчас некогда рассказывать все заново.

— Я могу объяснить ему, — предложил Лумис.

— Да, пожалуйста, только потише, ладно? — сказал Кромптон. — Я должен разобраться в этой ситуации. — Он повернулся к врачам: — Что тут творится?

У старейшего из докторов была раздвоенная седая борода и авторитарная манера поведения, которую он сочетал с ажурными разноцветными носками, — возможно, для создания некоего двусмысленного стилистического контраста.

— Вы запаздываете. Надеюсь, вы готовы начать?

— Как это — начать? — испугался Кромптон. — Я ведь не врач. Я не знаю, что делать.

— Именно потому вас и выбрали, что вы не врач, — вступил в разговор маленький рыжий доктор из задних рядов. — Видите ли, мы полагаемся на вашу непредсказуемость и рвение.

— Пора, поехали, — сказал кто-то из врачей.

Несмотря на сопротивление, Кромптона облачили в халат, натянули на руки резиновые перчатки и закрыли лицо марлевой маской. У Кромптона закружилась голова, он был как во сне. Странные мысли замельтешили в мозгу: «*Бывшие замены? Несвоевременный гамбит. Лабиринт забывчивости! А потом ореховое масло*».

Кто-то вложил ему в руку скальпель. Кромптон сказал:

— Если я буду действовать на уровне реальности, произойдет что-то страшное.

Он снял салфетку и увидел лицо пациента — жирное, с родинкой на левой щеке.

— Смотрите, смотрите хорошенько, — сказал ему доктор с раздвоенной бородой. — Полюбуйтесь на свою работу. Это ведь вы, и только вы довели его до такого состояния, и это так же верно, как то, что Господь создал зеленые яблочки.

Кромптон собирался было возразить, но его остановило неожиданное появление рыжеволосой девушки в прозрачном платье с узким лифом и широкой юбкой. Она вошла в операционную и спросила:

— Доктор Гроупер готов заняться мною?

— Нет, — прошипел один из врачей, неприметный человечек с выразительным голосом — мягким, липким и словно бы все время намекавшим на сальные непристойности.

Девушка кивнула и обратилась к Кромптону:

— Хочешь, покажу кое-что?

Это настолько ошеломило Кромптона, что он не смог ответить. Но Лумис в таких случаях всегда был тут как тут и, прервав свои попытки объяснить Стэку сложившуюся ситуацию, овладел телом и сказал:

— Всепременно, дорогая, покажите мне кое-что.

Девушка взяла в руки кошелечек, пришипленный к поясу юбки, и достала оттуда маленькие серебряные ножнички.

— Я никогда никуда не хожу без них, — заявила она.

— Совсем никуда? Как интересно! — удивился Лумис. — Почему бы нам не прогуляться? Вы бы рассказали мне обо всем поподробнее. Между прочим, в этом заведении можно выпить хоть что-нибудь?

— Вы должны извинить меня, — сказала девушка. — Сейчас моим пустячкам пора в постельку.

И она исчезла.

— Очаровательна! — промурлыкал Лумис и последовал бы за ней, если бы в этот момент Кромптон не вернул себе тело.

— Может, займемся делом? — ледяным тоном сказал он. И обратился к врачам: — Насколько я могу судить, это каким-то образом входит в курс лечения? Ведь пациент здесь я, не так ли?

— М-да, здесь нужны некоторые пояснения, — сказал доктор с раздвоенной бородой, приподняв маску, чтобы почесаться, и приоткрыл при этом свою заячью губу.

— Но я так понял, что вам запрещено что-либо объяснять мне, — сказал Кромптон.

— Вы неправильно поняли. Нам можно объяснять все что угодно, только правду нельзя говорить.

— Но не подумайте, что это упрощает вашу задачу, — сказал, входя в зал, хирург-ординатор с небольшой доской для записей в руках. — Даже в нашем вранье есть для вас ценные крупицы.

— Иногда ложь и правда — одно и то же, — сказал бородатый доктор. — В любом случае, они — часть нашей интуиции.

Кромптон посмотрел на человека, распостертого на столе. Он никогда раньше не видел его. В голове продолжалась сумятица. Сначала его беспокоило левое колено, а теперь он не мог вспомнить что-то очень простое, но забавное, и это раздражало его. Он слышал, как шептались между собой Лумис и Стэк. Это взбесило его: как они смеют шуметь у него в голове именно тогда, когда он должен оперировать! Он посмотрел на скальпель, зажатый в руке. Им снова овладела нерешительность. Он постарался вспомнить, где и когда он посещал медицинский колледж. Тут же перед его глазами возникло шоссе в Нью-Джерси рядом с заливом Чискуэйк. Ну и штучки вытворял с ним его мозг!

Он уставился на кусочек блестящей кожи между бровей пациента. Рассеянно поднял скальпель и глубоко рассек лоб.

Тут же в подвале раздался вой трансформатора символов, и скальпель в его руке превратился в розу на длинном стебле.

Кромптон ненадолго потерял сознание. Когда он пришел в себя, пациент, врачи, операционная — все исчезло.

Он стоял в английском парке на высокой скале, а над ним раскинулось бескрайнее синее небо, подернутое легкими облаками.

Глава 8

Когда-то раньше это, видимо, был прекрасный парк с правильными аллеями и симметричными дорожками. Но сейчас все в нем заросло и он представлял собой печальную картину. Красная вербена пока чувствовала себя превосходно, и зубчатые листья каланхое имели вполне процветающий вид; но все вокруг покрыли цветущие одуванчики, а рядом с бельведером пристроился толстобрюхий кактус. Всюду на земле валялись консервные банки, газеты, собачьи испражнения и другие следы пребывания туристов.

Кромптон обнаружил, что в одной руке он держит грабли, а в другой — совок. И он знал, что от него требуется. Мурлыча себе под нос, он собирал в аккуратные кучи мусор, подбирал всякую вонючую дрянь и успел даже подрезать несколько кустов роз. Ему приятно было это занятие.

Но тут он заметил, что следом за ним распространяется зловоние, упадок и гибель. Куда бы он ни ступил, на этом месте появлялись участки гниющей земли.

Небо вдруг потемнело, по парку пронесся вихрь, тяжелые, черные тучи собрались над головой. Разразился сильный ливень, и парк мгновенно превратился в болото. И, будто этого было мало, всю окрестность потрясли оглушительные удары грома, а черно-синее небо расположовали зигзаги ослепительных молний.

Пропасть черных мух внезапно заполнила все пространство, за ними явились полчища перуанских долгоносиков и крохотных древоточцев. Затем пришел черед

стервятников и игуан, и земля под ногами Кромптона задрожала, появились трещины, поднялась медленная зыбь.

Прямо перед ним разверзлась расщелина, в глубине которой Кромптон увидел серные всплески адского пламени.

— К чему все это, в самом-то деле? — спросил Кромптон.

На мгновение наступила жуткая тишина. Потом с небес грянул глубокий голос, шедший, казалось, одновременно со всех сторон:

— Дэниэл Стэк! Пришел твой час расплаты!

— Но послушайте, — сказал Кромптон, — я не Стэк, я Кромптон!

— А где Стэк? — громыхнул голос.

— Он тут, но лечат меня, а не его!

— Мне на это наплевать! — отпарировал голос. — Я получил приказ спросить по заслугам с Дэниэла Стэка. Может, ты будешь вместо него?

— Нет, нет! — взмолился Кромптон. — Мне хватает своих проблем. Одну минутку, он сейчас явится.

Кромптон заглянул внутрь себя.

— Дэн!

— Оставь меня в покое, — сказал Стэк. — Я занимаюсь самоанализом.

— Тут кое-кто хочет побеседовать с тобой.

— Пошли их подальше, — сказал Стэк.

— Пошли сам, — сказал Кромптон и погрузился в столь необходимый ему и недолгий сон.

Стэк нехотя принял на себя контроль над телом со всеми его сенсорными элементами.

— Ну что там еще?

— Дэниэл Стэк! — снова возвзвал голос с небес. — Пришел твой час расплаты. Я говорю от лица людей, убитых тобой. Ты не забыл их, Дэн? Это Арджил, Лэнгиган, Лэндж, Тишлер и Уэй. Долго же они ждали этого момента, Дэн, и теперь...

— Как звали последнего? — спросил Стэк.

— Чарльз Ксавье Уэй.

— Я не убивал человека по имени Уэй, — заявил Стэк. — Других убивал, а его — нет.

— Разве ты не мог забыть, а?

— Вы что, смеетесь? Совсем уже за прикурка меня держите? Чтобы я да не помнил тех, кого убивал? Кто этот Уэй и почему он хочет повесить на меня всех дохлых кошек?

На время все смолкло, слышно было только шипение дождя, падающего в огненную расщелину. Потом голос заявил:

— Делом мистера Уэя мы займемся позже. Но вот, Дэн Стэк, твои мертвецы идут сюда, чтобы поприветствовать тебя.

Опять стало тихо. Потом откуда-то раздался раздраженный голос:

— Да сотрите вы этот парк! Бог мой, да пошевелийтесь же, есть тут кто-нибудь?

И спустилась тьма, такая густая, как будто все кругом окутали пушистым мартышкиным мехом.

Глава 9

Встревоженный происходящим, Кромптон вернул себе контроль над телом. Он увидел, что стоит посреди большой комнаты, окрашенной в желто-коричневый цвет, с высокими узкими окнами и неуловимым запахом закона. На противоположной стене висела табличка: «Верховный кармический суд, секция VIII, председательствующий судья О. Т. Градж». Комната выглядела в точности как судебный зал в любом провинциальном американском городишке: ряды деревянных скамей для зрителей и заинтересованных сторон, столы и стулья для юристов, истцов, адвокатов и свидетелей. Кресло судьи стояло на возвышении, справа от него располагалась стойка для дачи свидетельских показаний.

Судебный пристав провозгласил:

— Всем встать!

В зал влетел судья Обадия Градж, маленький, почти лысый человечек среднего возраста с розовыми щечками и блестящими голубыми глазками.

— Прошу садиться, — сказал он. — Сегодня мы разбираем дело Дэниэла Стэка, существа чувствующего, у которого концы с концами не сходятся, и нам поэтому, попросту говоря, необходимо их связать в соответствии с законом причинности, в том виде, как он обычно трактуется в этом углу Галактики. Подойдите сюда, мистер Стэк.

— Я представляю его, ваша честь, — сказал Кромптон. — Он всего лишь один из компонентов моей личности, так сказать, мой подопечный, в чем вы безусловно разберетесь, если вникнете в детали этого случая. Стэка

нельзя рассматривать как самостоятельного индивида с собственными правами. Он не персона и даже не персонаж, в том смысле, в каком обычно употребляют это слово критики, если мне позволено будет прибегнуть к этой аналогии. Стэк — это часть более значительной личности, то есть меня, извините за нескромность; его вычленили из меня по причинам, не зависящим от нас. И мы утверждаем, что Дэниэла Стэка нельзя судить в качестве индивидуума, поскольку его так называемая индивидуальность есть не более чем одна из граней меня самого, чьей тенью, по сути дела, он и является, если можно так выразиться.

— Мистер Кромптон, вы сами готовы понести наказание за те преступления, которые мы здесь докажем? — спросил судья.

— Ни в коем случае, ваша честь! Я, Элистер Кромптон, не совершил никаких преступлений, поэтому, если бы даже я захотел, меня за них судить нельзя. Но я настаиваю на том, что и Стэка нельзя судить по причине, как было изложено выше, отсутствия индивидуальности, а также потому, что у него просто нет тела, которое можно было бы подвергнуть наказанию.

— Нет тела?

— Нет, ваша честь! Его тело погибло. Он временный жилец в теле Элистера Кромптона, то есть в моем теле. Я сейчас нахожусь в процессе реинтеграции, которую можно рассматривать как смертный приговор тем остаткам индивидуальности, что еще находятся в распоряжении Стэка: он прекратит свое существование полностью, став чисто символической частью меня самого. И раз уж тело Стэка погибло и скоро прекратит свое существование его личность, язываю к *habeas corpus*¹: здесь нет ни ума, ни тела, ответственных за преступления Дэна Стэка.

— Ваши аргументы убедительны и связно изложены, мистер Кромптон, — хихикнул судья. — Но мне не придется принимать их к сведению, так как они не относятся к делу. Самое интересное в ваших рассужде-

¹ Начальные слова английского закона 1679 г. о неприкосновенности личности.

ниях — это вопрос о том, что является частью целого и что можно считать дискретным, завершенным и самодостаточным. Но это чисто философский вопрос. Что же касается обвинения, тут все ясно, оно построено на основе бесчисленных прецедентов, цитировать которые нет нужды. Достаточно сказать, что, согласно закону, любое явление на одном уровне можно рассматривать как законченное целое, а на другом — как составную часть чего-либо. Поэтому ни ваше положение, ни мое качественно не отличаются от положения Дэна Стэка. Все мы в ответе за то, что творим, мистер Кромптон, независимо от того, насколько далеки наши характеры от цельности и завершенности.

— Но, ваша честь, мне-то каково? Я, к своему несчастью, вынужден делить свое тело со Стэком. И любой вынесенный ему приговор падет на мою голову, что совершенно несправедливо.

— Чисто человеческая ситуация, мистер Кромптон, — мягко заметил судья.

— Но я невиновен в преступлениях, совершенных Стэком. А в основе юриспруденции, которую мы оба с вами исповедуем, всегда лежал принцип, что невиновный не должен пострадать ни в коем случае, даже если для этого придется освободить виновного!

— Но вы не невинны, — настаивал судья Градж. — Вы отвечаете за Стэка, а он за вас.

— Но как же так, ваша честь? И физически, и умственно мы были разъединены со Стэком, когда он совершал свои преступления.

— С позиции кармического закона шизофрения не может служить оправданием, — заявил судья. — Все составные части ума/тела в ответе друг за друга. Или, проще говоря, левая рука так же подлежит наказанию, как и правая, укравшая варенье из банки.

— Отвод! — потребовал Кромптон.

— Отклоняю, — сказал судья. — Пусть выйдет сюда Стэк, процесс начинается.

Глава 10

Кромптон передал контроль над телом Стэку.

— Дэниэл Стэк? — спросил судья.

— Да, ваша честь, — ответил Стэк.

— Вот ваши обвинители. — Судья указал на расположенную прямо перед ним скамью. На ней сидели четверо мужчин, выглядевших так, будто они только что побывали в автомобильной катастрофе. Израненные, окровавленные, угрюмые — в общем, картина из фильма ужасов.

Стэк подошел к скамье. Обвиняемый и обвинители посмотрели друг на друга. Затем Стэк кивнул им, и они кивнули ему в ответ.

— Да-а-а, — сказал Стэк, — никак не думал, что так скоро придется свидеться с вами. Ну и как вы?

Эбнер Лэндж, самый старший из его жертв, сказал:

— Да мы в порядке, Дэн. Ты-то как?

Он говорил с трудом, потому что череп у него был разрублен топором.

— А я малость запутался, — сказал Стэк. — Но это слишком долго рассказывать. Давайте лучше ближе к делу. Вы что, ребята, что-то имеете против меня?

Мужчины неловко посмотрели друг на друга. Потом Эбнер Лэндж сказал:

— Да мы тут по делу об убийстве, Дэн, ты же нас убил. Мы — неизбежное следствие твоих поступков, и поэтому мы составляем главную часть твоей невыполненной кармы. Так они нам объяснили, но, по правде говоря, я не совсем понял, что к чему.

— А я так и вовсе ничего не понимаю, — сказал Стэк. — Но сами-то вы чего хотите?

— Черт его знает, — сказал Лэндж. — Они велели нам прийти сюда и выступить каждому за себя.

Стэк потер подбородок. Он был сбит с толку и не мог придумать, что ему делать с этими парнями.

— Ну, что я могу сказать вам, ребята? Так уж получилось, — пробормотал он.

Один из пострадавших, Джек Тишлер, высокий мужчина с начисто отстреленным носом, заявил:

— Черт побери, Дэн, может, это вовсе не мое дело, но мне кажется, что от тебя здесь ждут раскаяния или чего-то в этом роде.

— Ну, ясно, — сказал Стэк. — Я сожалею. Я прошу прощения за то, что поубивал вас всех, парни.

— Не думаю, что это все, чего они хотят от тебя, — сказал Лэндж. — Человек убил человека, и он должен сказать что-нибудь еще, а не промямлить просто «сожалею». Да разве ты на самом деле о чем-то сожалеешь, а?

— Да нет, пожалуй, — признался Стэк. — Это я из вежливости. А можете вы назвать мне хоть одну причину, по которой я действительно должен о чем-то сожалеть?

Жертвы задумались. Потом Рой Арджил сказал:

— Ну, хотя бы из-за наших овдовевших жен и осиротевших детей. Как насчет них, Дэн?

Стэк усмехнулся.

— Ты бы еще вспомнил о своих троюродных сестричках с их разбитыми сердцами и о любимых собачках. Вы, братцы мои, плевать на них хотели, пока были живы. Что это вас сейчас вдруг так разобрало?

— Дело говорит, — заметил Джим Лэнгтан.

— Дэн всегда был силен потрепаться, — согласился Лэндж.

— А если бы вы прикончили меня, вы бы сильно об этом сожалели? — спросил Дэн.

— Чертова с два, — сказал Эбнер Лэндж. — Я бы и сейчас с удовольствием сделал это, если б мог!

Стэк повернулся к судье.

— Вот мы и разобрались, ваша честь, — сказал он. — Я всегда утверждал, что убийство надо рассматривать как преступление без жертвы, потому что ни до, ни

после никто ни о чем не жалеет, и это в основном вопрос везения: кто убьет, а кто будет убитым. Поэтому я почтительно предлагаю: хватит разводить здесь этот базар, пошли выпьем на пару и забудем все это дело.

— Мистер Стэк, — сказал судья Градж, — вы являете собой пример морального уродства, и мне хочется дать вам по морде, да простится мне это простонародное выражение.

— Ах вот оно что! — сказал Стэк. — Ваша честь, не хочу оскорблять вас, однако разрешите не согласиться с вами по поводу морального уродства. С моей точки зрения, это вы слабы морально, когда преувеличиваете и придаете несоответствующую важность процессу ухода из жизни чувствующих существ. Вы заблуждаетесь, судья, все мы покинем сей мир, а каким образом — не так уж это важно. И кроме того, кто вы такой, чтобы сидеть там и судить о кодексе чести и о чувствах людей?

— Я фон судия, — с удовольствием отрекомендовался судья. — И поэтому я здесь сижу и творю суд над вами, Дэн. Должен признаться, я с интересом выслушал ваши логические обоснования, а ваши убогие потуги в области дискурсивной философии послужат прекрасным развлечением для моих коллег в клубе «Справедливость». А теперь мне осталось только объявить вам приговор, что я и сделаю не без удовольствия.

Стэк выпрямился и, не спуская глаз с судьи, сложил на груди руки в знак презрения.

— Und zo¹, — сказал судья, — выслушав показания свидетелей, поразмыслив и взвесив все обстоятельства, я выношу следующий вердикт: отсюда вас отведут на место наказания, где подвесят вниз головой над котлом с кипящим коровьим дермом и заставят слушать симфонию до-минор Франка, исполняемую на игрушечной дудочке казу, до тех пор, пока кармометр не покажет, что ваша сперма сварилась и вы созрели для окультивирования.

Стэк отступил на шаг с выражением ужаса на лице.

— Только не казу! — взмолился он. — Ради всего святого, откуда вы узнали о казу?

¹ Итак (нем.).

— Ну недаром же нас считают знатоками психологии, — сказал судья. — Обнаружением этой маленькой скрытой фобии мы обязаны миссис Аде Стэк. Встаньте и поклонитесь, Ада!

В задних рядах поднялась со скамьи приемная мать Дэна и помахала ему зонтиком. Ради такого случая она подкрасила волосы хной и сделала прическу.

— Ma! — закричал Стэк. — Зачем ты это сделала?

— Ради твоего же блага, Дэниэл, — сказала она. — Я просто счастлива, что могу способствовать твоему спасению, сынок, а эти добрые люди сказали мне, что любой пустяк может помочь им добраться до твоего нежного, любящего, богобоязненного сердца, которое, как нам всем известно, жаждет исправиться.

— Бог мой, — заскрипел зубами Стэк, — я совсем забыл, какая ты у меня дурочка!

— Ну, прости меня, если я причинила тебе неприятности, — сказала миссис Стэк. — По крайней мере, они ничего не узнали от меня о кружевных панталонах и маленькой пластмассовой лейке.

— Ma!!

— Я всегда хочу только хорошего, но я такая неуклюжая, — сказала миссис Стэк. — Такая уж я с детства. Если позволите, я расскажу одну трогательную историю...

— В другой раз, — остановил ее судья. — Приставы! Отведите этого грубияна к месту его заслуженных мучений.

Через боковую дверь в комнату вошли четыре бугая в водонепроницаемых костюмах в клеточку и схватили Стэка. Кромптон изо всех сил пытался взять на себя контроль над телом, чтобы заявить о своей невменяемости. (Он сыграет сумасшедшего, если другого выхода нет. Кромптон не имел ничего против казу, но висеть вниз головой над котлом с кипящим коровьим дерьмом... Это уж увольте!)

В это самое мгновение прозвучал пронзительно-мелодичный удар гонга.

Глава 11

Двери примыкающих к залу двух смежных комнат распахнулись, и процессия жрецов в серебряных одеждах, с бритыми головами и резными чашами для подаяний в руках прошествовала через проход. Под торжественный аккомпанемент тимпанов и селестий они нараспев бубнили басом какие-то непонятные мантры, пока не достигли подиума, на котором восседал судья. Тут они остановились и преклонили колени немыслимо сложным и грациозным образом. Когда обряд был завершен, вперед выступил самый почтенный из жрецов.

Он кивнул судье.

Он поклонился Дэну Стэку!

— Добро пожаловать, добро пожаловать, трижды добро пожаловать, о, Аватар! — обратился почтенный жрец к Стэку. — Мы, наше Имманентное Братство, пользуясь предоставленной нам возможностью, благодарим тебя за то, что ты, преодолев все трудности, явился нам во плоти. Это исключительно великодушно с твоей стороны. Мы понимаем, что это входит в твой обет и явление твое предопределено, и все же нам хочется, чтобы ты знал, бодхисатва¹: мы это высоко ценим.

— Гм! — довольно уклончиво ответил Стэк.

— Мы приготовили для тебя прекрасное помещение в храме, хотя нам известно твое почтенное равнодушие к подобным вещам. Что касается еды, мы знаем, что ты

¹ Бодхисатва — тот, чья сущность — просветление (санскр.). У буддистов — наставник, ведущий людей по пути самосовершенствования.

довольствуешься любой пищей или вообще обходишься без нее, поэтому нам довольно трудно составить приятное для тебя меню. Но мы постараемся. Ты увидишь, что дела человеческие мало в чем изменились после твоего последнего воплощения на Земле. Та же пьеса, актеры другие.

Тут не выдержал судья Градж.

— Но постойте, падре, я не хочу обидеть ваши религиозные чувства, я понимаю — у вас свои способы обделять дела. Но так уж получилось, что этот парень, которого вы называете Аватаром, — хладнокровный убийца. Я просто подумал, что вам это будет небезынтересно.

— Ах! — сказал жрец. — Это просто недоразумение, и весьма забавное!

— Отказываюсь понимать вас, — сказал судья.

— Этот человек, Дэниэл Стэк, — сказал жрец, — вовсе не то существо, кому мы пришли воздать честь. О нет! Стэк — всего лишь колесница, внешняя оболочка, которую скоро взорвет Аватар...

— Неплохая идея, — согласился судья. — Возможно, это даже лучше, чем коровье дермо.

К этому моменту Кромптону удалось завладеть телом.

— Послушайте, — сказал он, — все это неверно. Прежде всего, это тело принадлежит не Стэку. Это мое тело. Я Элистер Кромптон, и я стараюсь добиться реинтеграции всех компонентов моей личности.

— Все это нам известно, — сказал жрец. — Наши Мудрейшие в своих пещерах на Тибете и на вершинах гор в Калифорнии все это предвидели. Мы сочувствовали той неуместной одержимости, с которой вы бросились в погоню за несбыточной надеждой.

— Почему это несбыточной? Я прекрасно знаю, что делаю!

Жрец сокрушенно покачал головой.

— Все ваши знания порочны. Вы, наверное, считаете, что живете своей собственной жизнью и добиваетесь своих целей?

— Конечно!

— Но это совсем не так. Никакой независимой собственной жизни у вас нет. Это не вы живете, это вас живут. Вы просто автомат со встроенным «я»-рефлек-

сом. Ваша жизнь не имеет никакого смысла, потому что вы даже не личность. Вы не более чем случайный набор непоследовательных и кратковременных стремлений. Ваше единственное назначение — служить непроизвольной колесницей, чтобы доставить к нам Аватара.

— А кто такой Аватар? Надеюсь, вы не имеете в виду Лумиса?

— И вы, и Лумис, и Стэк — все вы лишь ступеньки эволюции, не более. Миллионы лет назад в Совете, ведающем тайными документами человечества, была запланирована ваша встреча с единственной целью — доставить сюда бодхисаттву Майтрея¹, который вам известен под именем Бартона Финча.

— Финч! — вскричал Кромптон. — Но он же дебил!

— Так-то вы разбираетесь во всем этом! — сказал жрец.

— Вы это серьезно?

— Абсолютно.

— И вы настаиваете на том, что смысл всей моей жизни — доставить Финча в этот мир?

— Прекрасно сказано, — согласился жрец. — И вас будут почитать как непосредственного предвестника сверхчеловека. Вы как личность выполнили свое космическое предназначение, что должно послужить для вас великим утешением. Теперь вы можете отдохнуть, Кромптон, — и вы, и Лумис, и Стэк, так как ваши кармические обязательства исполнены, и вы освободились от цикла страданий и перерождений, наслаждения и боли, зноя и стужи. Вы свободны от Колеса Жизни! Разве это не прекрасно?

— О чём это вы? — подозрительно спросил Кромптон.

— О том, что вы достигли нирваны!

— А что такое нирвана?

Этот вопрос вызвал оживление в рядах жрецов и послушников, поскольку в наше время редко выпадает возможность продемонстрировать свои эзотерические

¹ Майтрея — в буддийской мифологии бодхисаттва и Будда грядущего мирового порядка, который ждёт своего прихода в мир людей.

познания в ответ на столь прямо поставленный вопрос, — не то что в далекие времена дзэн¹, когда в мире было еще много прямодушных людей.

— Нирвана, — сказал один из жрецов, — это опухоль на моем мизинце.

— Нет, — сказал другой. — Нирвана — это все что угодно, только не опухоль на вашем мизинце.

— Зачем вы так усложняете? — сказал третий. — Нирвана — это то, что остается после того, как вытекла вся вода.

И еще многие готовы были высказать свои соображения, но тут невысокий, но довольно почтенный жрец поднял руку, требуя тишины, и громко пукнул. Четыре ученика немедленно впали в состояние самадхи². Казалось, окончательный ответ наконец-то найден, но тут другой невысокий и очень почтенный жрец недовольно буркнул:

— В этом больше вони, чем смысла.

— Совсем не легко объяснить нирвану, — сказал Кромптону первый его собеседник. — Для этого никакие слова не годятся, так что трудно дать определение. Короче говоря, вы просто ничего не будете чувствовать и даже не будете осознавать, что ничего не чувствуете.

— Мне это не нравится, — мгновенно отреагировал Кромптон.

— Да вы только подумайте, — сказал ему судья, — вы же отказываетесь от очень выгодного предложения. Этот религиозный джентльмен весьма мило предлагает вам нирвану в обмен на то, что из вас вылупится их бог, или дьявол, или какой-то чудодей, словом, этот самый Финч, а вы тянете волынку, будто он предлагает вам что-то ужасное.

— Эта нирвана, — сказал Кромптон, — похоже, не что иное, как смерть.

— Ну так что же, — сказал судья, — попробуйте, может это не так уж плохо.

— Если вам это кажется таким привлекательным, почему бы вам самому не попробовать?

¹ Течение в буддизме, возникшее в Китае в VI в.

² Состояние религиозного транса (санскр.).

— Потому что я недостоин, — сказал судья. — Но все-таки, где этот Финч? Я хотел бы получить от него автограф для сына. Трудно найти хороший подарок для ребенка двадцати двух лет, который дал обет жить в нищете и поселился в пещере Бхутан.

— Между прочим, — промолвил почтенный жрец, — я забыл сказать, что вместе с нирваной вы обретете полное и абсолютное просветление.

— Ну надо же! — сказал судья. — Это уже действительно кое-что!

— Но я не желаю просветления! — закричал Кромптон.

— Вот это, — заметил один из жрецов другому, — и есть настоящее просветление!

Почтенный жрец сказал:

— Хватит ходить вокруг да около. Приступим к церемонии.

Гобои заиграли туш. В воздухе разлилось сияние. Рони неземных созданий вступили в зал с четырех сторон Вселенной, чтобы приветствовать новоявленного бодхисаттву. Были там, конечно же, индуистские боги, пришли Тор, Один, Локи и Фригт¹, переодетые в шведских туристов, потерпевших разочарование в любви. Явился сам Орфей в желтой шелковой рубашке и в джинсах «левис», сыграл на электрической аргентинской гитаре, включив ее в сеть через свой тумос. Показался и Кецалькоатль² в боа из перьев, за ним — Дамбалла в ожерелье из черепов и многие, многие другие.

Они целиком заполнили зал, зарядив атмосферу такой духовной мощью, что даже мебель и другие предметы приобрели квазичеловеческие черты и было слышно, как красный бархатный занавес говорил портрету Вашингтона: «Хотел бы я, чтобы мой дядюшка Отто увидел все это своими глазами».

— А теперь, — сказал Кромптону жрец, — не будете ли вы так добры убрать свою псевдоличность и позволить Финчу...

¹ Тор, Один, Локи — боги скандинавской мифологии. Фригт — богиня любви, семейного очага в германской мифологии.

² Пернатый Змей, легендарный вождь толтеков.

— Черт с два, — прорычал Кромптон. — Если Финч такая значительная фигура, пусть найдет себе другое тело. Это я оставляю себе.

— Вы расстраиваете все мероприятие, — сказал ему жрец. — Вы способны думать о ком-нибудь, кроме себя? Неужели вы не понимаете, что все сущее взаимоподобно?

Кромптон помотал головой. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь гулом кондиционера.

И вдруг в центре зала воздвиглось нечто гигантское. Черное, многоголовое, в ботинках девятого размера, по форме похожее на удава, проглотившего козу. Его конечности из слоновой кости испускали серебряное сияние, свисавшие со всех сторон щупальца сжимали самое разнообразное, острое и зубастое оружие.

— Я Тангранак, — заявило зловещее явление. — Знаете ли вы, что сейчас три луны Квууца выстроились в ряд с великим созвездием Грепщера и двуносые поклонники Мерзопакости в горошок требуют крови в качестве Фай-дара согласно нашему давнему соглашению? И вот посредством непредвиденных случайностей, настолько мимолетных, что это трудно себе представить, явился я, чтобы принести смерть Избранному.

— Кто это? — спросил почтенный жрец невысокого.

Тот быстро просмотрел распечатку микрофильма «Краткого справочника галактических божественных сил» Смита, которую астральным способом переправил ему из Лхасы недремлющий Божественный Анализатор и Табулятор (БАТ).

— Не нахожу никаких упоминаний о нем.

— А не мошенник ли он? — задумчиво протянул почтенный. — Да нет, вряд ли. Он, должно быть, из другой вселенной. Это самое подходящее объяснение для всего необъяснимого.

— Но можем ли мы разрешить ему присутствовать в собрании? — спросил невысокий жрец. — Он выглядит грубым и человекообразным и совсем не относящимся к нашему виду.

— А что мы можем сделать? Божества из других вселенных всегда пользовались привилегией посещения наших собраний. Во всяком случае, он решит нашу проблему.

— Ах вот оно что!

— Именно. Кромптон отказывается слить свое фиктивное «я» с квинтэссенцией угасания, которую включает в себя обретение нирваны, и таким образом открыть дорогу бодхисаттве Финчу. Мы люди мирные и не можем силой принудить Кромптона погаснуть, как бы нам этого ни хотелось. А тут в нужный момент является это мужеподобное божество, чтобы сделать за нас нашу работу. Разве не замечательно? Тангранак, делай свое дело!

Глава 12

В этот момент произошла полная смена декораций — цвета, скорости, действия. Исчезли торжественные жрецы, судья, жуткое экстравселенское божество, судебный зал и вся его невзрачная обстановка. Не осталось ничего, кроме вереницы блестящих бронзовых кубиков — основных кирпичиков для построения реального мира. Потом и они куда-то делись, и осталась только пыльная субстанция сновидений, которая спрессовывалась, выпустила отростки и протуберанцы и превратилась в помещение, точь-в-точь похожее на секретный контрольный бункер Безжалостного Минга в недрах невидимой планеты Ксинго.

Кромптон стоял посреди комнаты, пытаясь хоть что-нибудь понять.

В комнату вошел человек. Несмотря на оранжевое трико и чудовищный парик, Кромптон узнал бы его где угодно.

— Джон Блаунт!

— Удивлены, Кромптон, а? Я с удовольствием наблюдал за всеми вашими бесполезными метаниями по Галактике. Так близко и так далеко, а, Кромптон? Хи-хи-хи!

— Как вам удалось похитить меня? — спросил Кромптон. — Институт наверняка начнет поиски.

— Сомневаюсь, — сказал Блаунт. — Видите ли, я хозяин Эйона.

— Агр-р! — сказал Кромптон.

— Я расставил ловушку для вас давным-давно, Элистер. Мои агенты под маской конюхов, полковников, доверенных лиц и официанток постоянно находились

при вас, а при случае помогали вам. Почему бы нет? Я был рад помочь вам добраться до Эйона... и до меня.

— Долго же вы точили зуб на меня, — заметил Кромптон.

— Мой «зуб» питает и насыщает меня, — сказал Блаунт. — Мне с ним интересно жить, благодаря ему я раскрыл в себе новые таланты. Я вам чрезвычайно признателен, Кромптон. Без вас я бы никогда не узнал истинного смысла и цели моей жизни.

— И цель вашей жизни, видно, состоит в том, чтобы мстить мне.

— И это тоже. Но это только начало. Сколько возможностей открылось, Кромптон!

— Не понимаю.

— Вы верующий, Кромптон? Думаю, что нет. И вы едва ли способны постичь всю грозную красоту того, что случилось со мной однажды в роковой день, когда я как всегда твердил себе: «Не забудь, ты должен отомстить Кромптону».

— Что же с вами случилось?

— В моей голове вдруг раздался голос, великий Глас, который, казалось, шел ниоткуда и отовсюду, и я пал на колени, так как сразу узнал, что это Истинное Слово. И Глас сказал мне: «Джоник! (Да, он употребил именно это имя, так меня называла только моя покойная бабушка!) Джоник! Что ты собираешься делать, когда покончишь с Кромптоном?» Я ответил: «Тогда, наверное, я буду нуждаться в отдыхе; может быть, куплю на несколько недель Португалию». И Глас сказал мне: «Малко плаваешь, Джоник!» И я сказал: «Согласен, Господи, это звучит довольно банально, так ведь? Вот я, самый богатый, самый умный, самый всемогущий человек во Вселенной, и на что я расходую свою жизнь? На отмщение какому-то Кромптону! А потом у меня вообще ничего не останется. Скажи мне, что я должен делать?» И Он сказал: «Все очень просто, Джоник. Покончив с Кромптоном, примись за всех остальных!» И словно яркий свет вдруг озарил мою душу, и я упал ниц, и смеялся, и плакал, и благодарил Господа. Единственный раз в жизни меня посетило божественное откровение!

Блаунт прервался, чтобы отпить глоток воды.

— И чем больше я размышлял об этом, тем больше убеждался в Его правоте. Действительно, почему бы не отомстить всем тем, кто хоть когда-нибудь причинил мне неприятность? Это была захватывающая идея, и я тут же сел составлять список. Но таких людей оказалось слишком много. Тогда я решил разбить их по категориям. Надо было разделаться со всеми официантами и водителями такси, поп-певцами и полицейскими, контролерами автомобильных стоянок и устроителями гонок на роликах, фермерами и виноделами, фолк-певцами, наркоманами, юристами, албанцами, бейсболистами... Я мог перечислять еще и еще.

— Уверен, что не только могли, но именно так и сделали, — сказал Кромптон.

— Тогда я понял, что лучше составить список тех, кого я не хочу убивать, это сэкономит время. Я думал, думал и пришел к выводу, что таких просто нет. Я было решил спасти грязных далматов, потому что один далмат воспитал меня. Но даже они немало соли насыпали мне под хвост. И вдруг меня озарило: ведь я ненавижу всех и вся. Это облегчило мою задачу. Я сообразил, что мне нужно делать. Уверен, и вы поняли, что я имею в виду.

— Вы действительно имеете в виду то, о чём я подумал? — спросил Кромптон.

Блаунт помолчал немного.

— А что вы подумали?

— Я подумал, что вы на полном серьезе намереваетесь уничтожить все человечество.

— Правильно! Именно это я собираюсь сделать! И мужчин, и женщин! И животных, потому что все они — дерьмо собачье.

— Да вы спятили! — задохнулся Кромптон.

— Выпустите меня отсюда! — завопил Лумис.

В разговор вдруг вмешался Дэн Стэк.

— Уймитесь, — уверенно и безапелляционно заявил он. — Похоже, ситуация как раз подходит для вашего покорного слуги. Беру контроль на себя.

Кромптон не сопротивлялся. Дэн Стэк овладел телом.

Глава 13

— Да, — сказал Стэк, — впечатляющий план, ничего не скажешь! Просто чертовски хорош!

Блаунт был поражен.

— Но... Спасибо большое! А я-то думал, что в вашем положении...

— Вот еще! — сказал Стэк. — При чем тут мое положение? Я способен оценить артистизм. А вы большой артист, детка.

— Вы и в самом деле чувствуете? — спросил Блаунт. — И вы не считаете меня сумасшедшим?

— Вы такой же сумасшедший, как и я! — подмигнув, сказал Стэк. — Да я на вашем месте сделал бы то же самое, а я не сумасшедший, верно?

— Конечно! — сказал Блаунт. — Так вам и вправду нравится мой план?

— Я в восторге от него! — сказал Стэк. — С чего начнем?

— Первоначальные шаги я уже разработал, — с гордостью заявил Блаунт.

В этот момент Кромптону удалось перехватить контроль и крикнуть:

— Нет, я отказываюсь участвовать в этом и вам не позволю!

— Что это с вами? — спросил Блаунт.

— Да нет, — сказал Стэк, — это не я, это был Кромптон.

— А вы что — не Кромптон?

— Конечно, нет. Я один из его компонентов. Мое имя Дэн Стэк.

— О! Рад познакомиться. Трудно поверить... То есть вы так похожи... А я Джон Блаунт.

— Я о вас все знаю, — сказал Стэк. — Я прошелся по файлам кромптоновской памяти.

— Тогда вам известно, что он сотворил со мной.

— Известно. И это не делает ему чести, — сказал Стэк. — Да и вообще он дермо порядочное. Господь свидетель, я не видел ничего, кроме тревог и мучений с тех пор, как он уговорил меня воссоединиться!

— Могу себе представить. Знаете, Дэн, вы мне нравитесь. Слушайте, я не прочь оставить вас при себе, если вас это устраивает.

— Еще как устраивает, — ответил Стэк.

— Мне ведь не с кем даже поговорить о моем деле, представляете?

— Уничтожение человечества — занятие, требующее одиночества, — согласился Стэк.

— Но мы должны отделаться от этого Кромптона.

— Точно. Вы читаете мои мысли. Что-нибудь сообразим. — Стэк хихикнул. — Раз уж мы займемся Кромптоном, прихватим заодно и Лумиса. Грош ему цена в базарный день!

— А вы интересно мыслите, — заметил Блаунт, обеими руками пожимая руку Стэка. — С вами будет приятно работать. А теперь пойдемте в мою комнату военных игр и займемся планом всеобщего уничтожения. Сначала я разделяюсь со всеми земными почтальонами. Хватит терпеть вечные задержки с доставкой моих важнейших посланий.

— Прекрасно, — сказал Стэк. — Пошли.

Глава 14

И в это мгновение произошел разрыв континуума. Он начался в виде мерцания, дрожания и сотрясений. Потом появились клубы желтоватого дыма, сгустившиеся в медведей коала, которые тут же попрятались под мебелью. Затем стены пошли пузырями и затрещали, кресла то вспыхивали ярким светом, то гасли.

Все это предвещало опасность вселенотрясения, которое изменяет все вокруг и, как правило, к худшему.

Комната преобразилась в римский Форум, в Башню торговцев, в застенок для предателей в Сан-Франциско, в торговый ореховый центр «Стакки» в Джорджии и наконец стала довольно небрежной копией греческого рекреационного зала из 2001 года.

В этом зале вокруг огромного стола из красного дерева сидели мужчины в ковбойских шляпах и черных шелковых масках.

Из потайной двери слева в зал стремительно вошел человек в серо-голубом костюме и теннисках. Это был Секюйль.

— Агр-р! — прохрипел Блаунт, и лицо его посерело.

— Да, — сказал Секюйль, — пришел час расплата, Блаунт. Здесь собран Комитет по охране целостности повествования. Возможно, вам он лучше известен под названием «Архетип Бдительных».

— Бог мой, нет! — воскликнул Блаунт.

— Блаунт, вам действительно должно быть стыдно. Ваше вшивое *Weltanschauung*¹ никому не интересно. Это повесть о Кромгтоне, а вы в ней всего лишь второстепенный персонаж.

¹ Мировоззрение (нем.).

— Но, черт возьми, — сказал Блаунт, — действующее лицо имеет право на самосовершенствование, не так ли?

Секьюль обратился к Бдительным:

— Джентльмены, думаю, вы тоже заметили: Блаунт из эгоистических побуждений сломал сценарий и, искашив сюжет, направил действие в нежелательное и невыгодное русло.

— Ясное дело, — подтвердил один из Бдительных. — Считаю, его надо вообще вымарать из повести.

— Блаунт, как вы хотите исчезнуть? — спросил другой. — В автомобильной катастрофе? В толпе во время коронации? Или примете сноторвное?

— О, пожалуйста, не вычеркивайте меня! — взмолился Блаунт. — Простите! Я раскаиваюсь, я больше так не буду!

— Сомневаюсь, можно ли вам верить, — сказал Секьюль.

— Я буду хорошим! Вот увидите! Вы еще будете гордиться мной!

— Хм...

Блаунт не стал терять времени даром. Почувствовав, что ему предоставлена последняя возможность избежать вычеркивания из повести, он обратил все свое имущество в наличные, роздал их бедным и ретировался в ту самую пещеру Бхутан, где обитал Otto Градж, сын судьи О. Т. Граджа. Через несколько лет о Блаунте заговорили, как о Странном Монахе — так его прозвали за привычку пересчитывать свои зубы на людях. В этой повести вы больше не встретитесь с ним.

— Секьюль, не знаю, как вас благодарить, — сказал Кромптон. — Не могу ли я чем-нибудь помочь вам в вашей Игре?

— Вы уже помогли мне, Кромптон, — сказал Секьюль, — тем, что вляпались в эту забавную ситуацию, из которой я благополучно извлек вас, заработав таким образом пятьсот красных очков за три чистых броска. Вот так-то.

— Я очень рад, — сказал Кромптон.

— Ну, пока.

Секьюль запихнул «Архетип Бдительных» в большой коричневый конверт и направился к двери.

— Постойте! — вскричал Кромптон.

— Что такое?

— А что мне теперь делать? — спросил Кромптон.

— Прошу прощения? — удивился Секюйль.

— Да с этими Стэком, Лумисом и Финчем?

— Откуда мне знать? Это ваша история. Я только вспомогательный персонаж, не такой уж и важный.

— Секюйль, ну пожалуйста! Я не могу больше так!

— Вам, мальчики, остается только одно, — сказал Секюйль. — Сразиться друг с другом как следует, чтобы наступила наконец интеграция или один из вас взял бы верх над остальными силой.

— Да с тех пор, как мы встретились, мы только и делаем, что сражаемся, — сказал Кромптон. — И тихо сходим с ума.

— Это потому, что вы боролись старомодным способом внутреннего конфликта. А современная наука предлагает новейший метод — вывести ваши внутренние конфликты наружу и тогда решать их.

— Как это?

— К счастью для вас, Комитет универсальных методов и средств собрался на свою пленарную сессию и специально для вас изобрел устройство под названием «Имитатор внешних обстоятельств».

— Правда? Изобрели для меня? Это первый реальный шанс для меня во всей этой истории!

— Посмотрим, насколько он вам поможет. Но в любом случае, это будет ваш последний номер. Честно говоря, нам пора очистить сцену для следующего представления. Вы все согласны?

— Да! — воскликнул Кромптон.

— Да хуже-то не будет, — проворчал Лумис.

— Поехали, чего там! — прогремел Стэк.

Какой-то намек на согласие выразил даже Финч.

— Итак, вперед, вперед, вперед! И прочь отсюда! — сказал Секюйль.

И снова начался разрыв непрерывности, все поползло, словно размытые, снятые наплывом кинокадры в чьем-то иллюзорном восприятии. Кромптону стало тошно, он закричал:

— Что там происходит? Как работает этот имитатор внешних обстоятельств?

— Он работает, — сказал Секюйль. — Удачи вам!

Глава 15

В мозгу бессмысленным эхом билось слово «параметры». Кромптон осмотрелся и понял, что попал в никуда. Это было странное и сверхъестественное ощущение, ибо в этом *нигде* не было ничего, даже самого Кромптона.

Сначала все это, включая собственное небытие, развеселило его, как может развеселить полет вниз по лыжне длиной в миллион миль. Но потом ему стало страшно. Скорость убивает, не так ли? А когда убивают ничто, остается взамен двойное ничто, или просто ничто, — положение поистине гибельное.

Кромптон толком не знал, как выбраться из него, и решил воплотиться и тем самым создать различия.

Облекшись телом, он почувствовал себя гораздо увереннее. Но ему совсем не улыбалось висеть в полном ничто единственным плотным телом — тут не очень-то пофункционируешь! — и тогда по возможности быстро и аккуратно он создал Землю, остановился, посмотрел на плоды труда своего и убедился, что допустил досадную ошибку: все побережье Северной Америки получилось у него вздутым и неправильным, а дубы почему-то напоминали карликовые мандарины. Было еще много всяческих аномалий, и не все их можно было извинить неопытностью. Кромптон надеялся, что у него еще будет время вернуться к ним.

Затем он задумался, что же делать дальше. Он не мог вспомнить, а может, никогда и не знал, и поэтому набросал местечко, где мог бы подождать дальнейшего развития событий: Мейплвуд, Нью-Джерси, 1944 год. В данный момент это был единственный город на Земле, и Кромптон наладил в нем такую справедливую и спо-

койную жизнь, которую не могли забыть призрачные исторические анналы штата. Золотой век мог бы длиться бесконечно, но однажды в золотое октябрьское утро его прервал зловещий грохот с запада, и, когда Кромптон вышел из своего президентского дворца, построенного в стиле ранчо, он увидел колонну бронетанковых войск, продвигавшуюся по южной Оранж-авеню. На переднем танке восседал фельдмаршал Эрвин Роммель. Рядом с ним, очень довольный собой, стоял Дэниэл Стэк.

Тогда Кромптон вспомнил, что должна произойти битва не на жизнь, а на смерть путем имитации. Он, оказывается, зря терял время, пока холерик Стэк постигал науку захвата власти.

Хотя игра была для Кромптона в новинку, он сразу ухватился за первые попавшиеся образы и умудрился вызвать в воображении пятьдесят швейцарских гвардейцев, вооруженных пиками, команду викингов-берсерков и подразделение венгерской нерегулярной кавалерии под предводительством Фон Зуппе. Эти силы удерживали подходы к Спрингфилд-авеню, а Кромптон тем временем успел спастись бегством на юг и по пути имитировал новую территорию.

Стэк преследует его аж до самой Гуадаррамы со всей, черт бы ее побрал, Великой армией республиканцев и многочисленными отрядами гурков¹, буров и албанцев. Стэк собирает большие силы, но он не может объединить их, его войска охватывает паника, когда классическое поле боя на глазах превращается в глубокие овраги и необозримые долины. Тогда Стэк вводит в бой подкрепление — мембрильских апачей и царя Атаяульпа² с его безликими инками, а также парочку зулусских бесенят. Как и следовало ожидать, вся эта стреляющая катафасия расползается, расплывается в фокусе и тает, быстро превращаясь в пустую иллюзию, и Лумис, оказавшийся не таким уж мягкотелым, использует предоставленную возможность и бросает в битву вооруженных пиками гашишников и малайских амоков — удивительно воинственный поступок для такого миролюбивого человека.

¹ Воинственный народ, проживающий в горах Непала.

² Последний король инков в Перу (1525—1539).

Между тем Кромптон тоже собирает армию и спускается с Голубых холмов с десятью эскадронами «круглоголовых» Кромвеля, чтобы показать, что он шутить не намерен. В поддержку ему выступает великий Густав Адольф, возглавивший потерянный легион Вара¹. Стэк поспешно противопоставляет им Золотую Орду, но варяги Кромптона охватывают ее с флангов и обстреливают продольным огнем из шерент, пока Стэк не поражает всех берсерков бубонной чумой, которую распространяют среди них гигантские красные пауки во главе с Субмаринером.

Как и всех усилий Стэка, этого изобретения хватает недолго, швы начинают расплзаться, и кто бы вы думали вступает в битву? Сам Финч с царем Ашокой и войском из бодхисаттв, арахантов и пратиека-будд². Их сметают почти мгновенно, но Лумису хватает времени, чтобы превратиться в Оуэна Глендоуэра³ и смыться в горы Уэльса, где к нему присоединяются «Крейзи Хорс»⁴ и индейское племя сиу.

Кромптон воспользовался минутным замешательством и переместился в траншеи у Ричмонда, где Грант⁵ остановил противника, а Шерман⁶ раздолбал его, и все, что осталось на долю Джейбу Стоарту⁷, это стать эскадроном П-51, чтобы отсрочить падение Миннандао⁸, тем

¹ Густав II (1594—1632) — король Швеции, великий полководец; Вар Публий Квинтилий (ок. 53 до н. э. — 9 н. э.) — римский полководец. Восставшие германские племена заманили его войско в Тевтобургский лес, где оно и стинуло.

² Ашока — древнеиндийский правитель III в. до н. э.; пратиека-будда — достигший нирваны, но, в отличие от бодхисаттв, не возвращающийся на землю для просвещения людей.

³ Глендоуэр Оуэн (1359—1416) — вождь восставших крестьян в Уэльсе.

⁴ «Крейзи Хорс» — кабаре в Париже.

⁵ Грант Улисс Симпсон (1822—1885) — главнокомандующий войсками Севера в Гражданской войне в США 1861—1865 гг.

⁶ Шерман Уильям (1820—1891) — американский генерал северян. В Гражданскую войну вывел свою армию в тыл южанам, чем предопределил их поражение.

⁷ Стоарт Джеймс (1833—1864) — командир кавалерийского корпуса южан. Покончил с собой под Ричмондом, видя безнадежное положение своего войска.

⁸ Остров на юге Филиппинского архипелага, бывшая колония США.

самым позволив Стэку сотворить Дьенбьенфу¹ (неудачный ход), а потом Мадагаскар (еще более неудачный). Стэк явно выдохся. Слышно было, как он, крепко зажатый, бормотал:

— Я Фрейд, а этот день — начало Юнга и Адлера², Адлера...

И Кромптон вдруг остается совсем один. Слезы застревают у него в горле, он взирает на кровавую бойню и замечает, как сам он меняется, меняется, меняется, превращаясь в безжалостного убийцу, рыдающего пивом, которое заливает весь его шотландский костюм.

А потом Кромптон умер, и было новое время и новый человек. Этот человек открыл глаза, потянулся и зевнул, с удовольствием ощущая свет и цвет. Прежнее владение Элистера Кромптона, в котором временно обитали Эдгар Лумис, Дэн Стэк и Бартон Финч, это тело поднялось и нашло, что жизнь хороша. Теперь, как и все другие люди, он станет многогранным и непредсказуемым, будет поступать как захочет его левая нога, и никакой упрощенности, никаких стереотипов. Теперь он будет искать любви, секса, денег, и, боже мой, у него еще останется время на множество разных хобби.

Но чем заняться прежде всего? Что если деньгами и Богом, а любовь пусть приходит сама? Или любовью и деньгами, а Бога оставить на потом?

Он задумался. В голову ничего путного не приходило. Он лишь понял, что его ждет немало дел и что есть множество причин как для того, чтобы переделать их все, так и для того, чтобы не делать ни одного.

Сидел и думал новый человек. И вдруг дурное предчувствие охватило его, и он сказал:

— Эй, ребята, вы еще здесь? Боюсь, из этого все равно ничего не выйдет.

¹ Город и уезд во Вьетнаме, где в 1954 г. вьетнамцы одержали окончательную победу над французскими войсками.

² Адлер Альфред (1870—1937) — австрийский врач-психиатр и психолог, ученик Фрейда, основатель направления «индивидуальной психологии».

БИЛЕТ НА ПЛАНЕТУ ТРАНАЙ

В один прекрасный июньский день высокий, худощавый, серьезного вида, скромно одетый молодой человек вошел в контору Межзвездного бюро путешествий. Он равнодушно прошел мимо яркого плаката, изображающего Праздник урожая на Марсе. Громадное фотопанно танцующих лесов на Триганиуме не привлекло его взгляда. Он оставил без внимания и несколько двусмысленную картину обряда рассвета на планете Опикус-ХI и подошел к столу агента.

— Я хотел бы заказать билет на планету Транай, — сказал молодой человек.

Агент закрыл журнал «Полезные изобретения», который он читал, и сдвинул брови.

— Транай? Транай? Это, кажется, одна из лун Кента-IV?

— Нет, — ответил молодой человек. — Транай — планета, обращающаяся вокруг звезды, носящей то же название. Я хочу туда съездить.

— Никогда о ней не слышал. — Агент взял с полки Звездный каталог, туристскую звездную карту и справочник под названием «Редкие межпланетные маршруты».

— Так, — сказал агент уверенным голосом. — Каждый день приходится узнавать что-то новое. Значит, вы хотите заказать билет на планету Транай, мистер...

— Гудмэн. Марвин Гудмэн.

— Гудмэн... Так вот, оказывается, Транай — одна из самых далеких от Земли планет, на краю Млечного Пути. Туда никто не ездит.

— Знаю. Вы оформите мне проезд? — спросил Гудмэн, и в голосе его послышалось подавляемое волнение.

Агент покачал головой.

— Никаких шансов. Даже нон-скеды не забираются так далеко.

— До какого ближайшего пункта вы можете меня отправить?

Агент подкупоще улыбнулся.

— Зачем об этом беспокоиться? Я могу направить вас на планету, на которой будет все, чем располагает Транай, плюс такие дополнительные преимущества, как быстрое сообщение, сниженные цены, комфортаельные отели, экскурсии...

— Я еду на Транай, — угрюмо сказал Гудмэн.

— Но туда невозможно добраться, — терпеливо начал объяснять агент. — Что вы рассчитываете там найти? Возможно, я мог бы помочь.

— Вы можете помочь мне, оформив билет хотя бы до...

— Вы ищете приключений? — перебил его агент, быстро окинув взглядом тощую сутулую фигуру Гудмэна. — Могу предложить планету Африканус-II, доисторический мир, населенный дикими племенами, саблезубыми тиграми, человекоядными папоротниками; там есть зыбучие пески, действующие вулканы, птеродактили и все такое прочее. Экспедиции отправляются из Нью-Йорка каждый пятый день, причем максимальный риск сочетается с абсолютной безопасностью. Вам гарантируется голова динозавра, иначе мы возвращаем деньги назад.

— Транай, — сказал Гудмэн.

— Гм. Клерк оценивающе взглянул на упрямо сжатый рот и немигающие глаза клиента. — Возможно, вам надоели пуританские правила на Земле? Тогда позвольте предложить вам путешествие на Альмагордо-III — «Жемчужину южного звездного пояса». Наш десятидневный тур в кредит предусматривает посещение таинственного альмагордийского туземного квартала, восьмиочных клубов (первая рюмка за счет фирмы), осмотр цинталовой фабрики, где вы сможете с колоссальной скидкой купить настоящие цинталовые пояса, обувь и бумажники, а также осмотр двух винных заводов. Девушки на Альмагордо красивы, жизнерадостны и обезоруживающе наивны. Они считают туристов

высшим и наиболее желанным типом человеческих существ. Кроме того...

— Транай, — повторил Гудмэн. — До какого ближайшего пункта вы можете меня доставить?

Клерк нехотя вытащил стопку билетов.

— Вы можете долететь на «Королеве созвездий» до планеты Легис-II, затем пересесть на «Галактическую красавицу», которая доставит вас на Оуме. Там придется сделать пересадку на местный корабль, который останавливается на Мачанге, Инчанге, Панканге, Лекунге и Ойстере и высадит вас на Тунг-Брадаре-IV, если не потерпит аварию в пути. Затем на нон-скеде вы пересечете Галактический вихрь (если удастся) и прибудете на Алумсридгию, откуда почтовая ракета летает до Белисморанти. Я слышал, что почтовая ракета все еще там курсирует. Таким образом, вы проделаете полпути, а дальше доберетесь сами.

— Отлично, — сказал Гудмэн. — Вы сможете приготовить необходимые бумаги к вечеру?

Агент кивнул.

— Мистер Гудмэн, — спросил он в отчаянии, — все-таки что это за место — Транай?

На лице Гудмэна появилась блаженная улыбка.

— Утопия, — сказал он.

Марвин Гудмэн прожил большую часть жизни в небольшом городе Сикирке (штат Нью-Джерси), которым в течение почти пятидесяти лет управляли сменяющие друг друга политические боссы. Большинство граждан Сикирка равнодушно относились к коррупции среди всех слоев государственных служащих, игорным домам, баталиям уличных шаек, пьянству среди молодежи. Они апатично наблюдали, как разрушаются их дороги, лопаются старые водопроводные трубы, выходят из строя электростанции и разваливаются их обветшалые жилые здания, в то время как боссы строят новые большие дома, новые большие плавательные бассейны и утепленные конюшни. Люди к этому привыкли. Но только не Гудмэн.

Прирожденный борец за справедливость, он писал разоблачительные статьи, которые нигде не печатались,

посыпал в конгресс письма, которые никем не читались, поддерживал честных кандидатов, которые никогда не избирались. Он основал «Лигу городского благоустройства», организацию «Граждане против гангстеризма», «Союз граждан за честные полицейские силы», «Ассоциацию борьбы с азартными играми», «Комитет равных возможностей для женщин» и дюжину других организаций.

Его усилия были безрезультатны. Апатичные горожане не интересовались этими вопросами. Политикины открыто над ним смеялись, а Гудмэн не терпел насмешек над собой. В дополнение ко всем бедам его невеста ушла к горластому молодому человеку, который носил яркий спортивный пиджак и единственное достоинство которого заключалось в том, что он владел контрольным пакетом акций Сикирской строительной корпорации.

Это был тяжелый удар. По-видимому, девушку Марвина не беспокоил тот факт, что Сикирская строительная корпорация подмешивала непомерное количество песка в бетон и выпускала стальные балки на несколько дюймов уже стандарта. Она сказала как-то Гудмэну: «Боже мой, Марвин, ну и что такого? Так все делают. Нужно быть реалистом».

Гудмэн не собирался быть реалистом. Он сразу же ретировался в «Лунный бар» Эдди, где за рюмкой вина начал взвешивать привлекательные стороны травяного шалаша в зеленом аду Венеры.

В бар вошел старик с ястребиным лицом, державшийся очень прямо. По его тяжелой поступи человека, отвыкшего от земного притяжения, по бледному лицу, радиационным ожогам и пронзительным серым глазам Гудмэн определил, что это космический пилот.

— «Особый транайский», Сэм, — бросил бармену старый космонавт.

— Сию минуту, капитан Сэвидж, — ответил бармен.

— «Транайский»? — невольно вырвалось у Гудмэна.

— «Транайский», — сказал капитан. — Видно, никогда не слыхал о такой планете, сынок?

— Нет, сэр, — признался Гудмэн.

— Так вот, сынок, — сказал капитан Сэвидж. — Что-то меня тянет на разговор сегодня, поэтому расска-

жу-ка я тебе о благословенной планете Транай, там, далеко за Галактическим вихрем.

Глаза капитана затуманились, и улыбка согрела утром сжатые губы.

— В те годы мы были железными людьми, управлявшими стальными кораблями. Джонни Кавано, и Фрог Ларсен, и я пробрались бы в самый ад ради тонны терганиума. Да, и споили бы самого Вельзевула, если бы в экипаже не хватало людей. То были времена, когда от космической цинги умирал каждый третий и тень Большого Дэна Макклинтона витала над космическими трассами. Молл Гэнн тогда еще хозяйничала в трактире «Красный петух» на астероиде 342-АА, заламывала по пятьсот земных долларов за кружку пива, и люди давали, потому что это было единственное заведение на десять миллиардов миль в округе. В те дни шайка скарбиков еще промышляла вдоль Звездного пояса, а корабли, направлявшиеся на Продентгум, должны были лететь по страшной Прогнотой стрелке. Так что можешь себе представить, сынок, что я почувствовал, когда однажды высадился на Транае.

Гудмэн слушал, как старый капитан рисовал картину той великой эпохи, когда хрупкие корабли бросали вызов железному небу, стремясь ввысь, в пространство, вечно туда — к дальним границам Галактики.

Там-то, на краю Великого Ничто, и находилась планета Транай.

Транай, где найден смысл существования и где люди уже не прикованы к Колесу! Транай — обильная, миролюбивая, процветающая, счастливая страна, населенная не святыми, не скептиками, не интеллектуалами, а людьми обычными, которые достигли Утопии.

В течение часа капитан Сэвидж рассказывал о многообразных чудесах планеты Транай. Закончив, он пожаловался на сухость в горле. «Космический катар», — назвал он это состояние, и Гудмэн заказал ему еще один «Транайский особый» и один для себя. Потягивая экзотическую буро-зеленую смесь, Гудмэн погрузился в мечтания.

Наконец он мягко спросил:

— Почему бы вам не вернуться назад, капитан?
Старик покачал головой.

— Космический радикулит. Я застрял на Земле навсегда. В те дни мы понятия не имели о современной медицине. Теперь я гожусь лишь на сухопутную работу.

— А что вы сейчас делаете?

— Работаю десятником в Сикирской строительной корпорации, — вздохнул старик. — Это я, который когда-то командовал пятидесятитрубным клипером... Ох, уж как эти люди делают бетон! Может быть, еще по маленькой в честь красавицы Транай?

Они еще несколько раз выпили по маленькой. Когда Гудмэн покидал бар, дело было решено. Где-то там, во Вселенной, найден модус вивенди, реальное осуществление древней мечты человека об идеальном обществе.

На меньшее он бы не согласился.

На следующий день он уволился с завода роботов в Ист-Косте, где работал конструктором, и забрал свои сбережения из банка.

Он отправлялся на Транай.

На «Королеве созвездий» он долетел до Легис-II, а затем на «Галактической красавице» — до Оуме. Сделав остановки на Мачанге, Инчанге, Панканге, Лекунге и Ойстере, которые оказались убогими местечками, он достиг Тунг-Брадара-IV. Без всяких инцидентов он пролетел сквозь Галактический вихрь и наконец добрался до Белисморанти, где кончалась сфера влияния Земли.

За фантастическую сумму лайнер местной компании перевез его на Дваста-II, откуда на грузовой ракете он миновал планеты Севес, Олго и Ми и прибыл на двойную планету Мванти. Там он застрял на три месяца, но использовал это время, чтобы пройти гипнopedический курс транайского языка. Наконец он нанял летчика, который доставил его на планету Динг.

На Динге он был арестован как хигастомеритреанский шпион, однако ему удалось бежать в грузовом отсеке ракеты, возившей руду для г'Мори. На г'Мори ему пришлось лечиться от обморожения, теплового удара и поверхностных радиационных ожогов. Там же он договорился о перелете на Транай.

Он уже отчаялся и не верил, что попадет к месту назначения, когда корабль пронесся мимо лун Доз и Ри и опустился в порту планеты Транай.

Когда открылись шлюзы, Гудмэн ощутил глубокую депрессию. Частично она объяснялась усталостью, неизбежной после такого путешествия. Но была и другая причина: его внезапно охватил страх оттого, что Транай может оказаться химерой.

Он пересек всю Галактику, поверив на слово старому космическому летчику. Теперь его повесть звучала уже не столь убедительно. Скорее можно поверить в существование Эльдорадо, чем планеты Транай, к которой его так влекло.

Он сошел с корабля. Порт Транай оказался довольно приятным городком. Улицы полны народу, и в магазинах много товаров. Мужчины похожи на обычных людей. Женщины весьма привлекательны.

И все же он почувствовал что-то странное, что-то неуловимо, но в то же время ощутимо необычное. Вскоре он понял, в чем дело.

Ему попадалось по крайней мере десять мужчин на каждую женщину, и что более странно: все женщины, которых он видел, были моложе 18 или старше 35 лет.

Что же случилось с женщинами от 18 до 35? Наложено ли какое-то табу на их появление в общественных местах? Или была эпидемия?

Надо подождать, вскоре он все узнает.

Он направился в Идриг-Билдинг, где помещались все правительственные учреждения планеты, и представился в канцелярии министра по делам иноземцев. Его сразу провели к министру.

Кабинет был небольшой и очень заставленный, на стенах синели странные потеки. Что сразу поразило Гудмэна, так это дальнобойная винтовка с глушителем и телескопическим прицелом, которая зловеще висела на стене. Однако раздумывать над этим было некогда, так как министр вскочил с кресла и энергично пожал ему руку.

Министр был полным веселым мужчиной лет пятидесяти. На шее у него висел небольшой медальон с гербом планеты Транай: молния, раскалывающая початок куку-

рузы. Гудмэн правильно определил, что это официальный знак власти.

— Добро пожаловать на Транай, — сердечно приветствовал его министр. Он смахнул кипу бумаг с кресла и пригласил Гудмэна сесть.

— Г-н министр... — официально начал Гудмэн по-транайски.

— Ден Мелит. Зовите меня просто Ден. Мы здесь не любим официальщины. Кладите ноги на стол и располагайтесь, как у себя дома. Сигару?

— Нет, спасибо, — сказал Гудмэн, слегка ошарашенный. — Мистер... эээ... Ден, я приехал с планеты Земля, о которой вы, возможно, слышали.

— Конечно, слышал, — сказал министр. — Довольно нервное, суетливое место, не правда ли? Конечно, не хочу вас обидеть.

— Да, да. Я придерживаюсь того же мнения о Земле. Причина, по которой я приехал... — Гудмэн запнулся, надеясь, что он не выглядит слишком глупо. — В общем, я слыхал кое-что о планете Транай. И, поразмыслив, пришел к выводу, что все это, наверное, сказки. Но если вы не возражаете, я бы хотел задать несколько вопросов.

— Спрашивайте что угодно, — великодушно сказал Мелит. — Можете рассчитывать на откровенный ответ.

— Спасибо. Я слышал, что на Транае не было войн уже в течение четырехсот лет.

— Шестисот лет, — поправил его Мелит. — Нет, и не предвидится.

— Кто-то мне сказал, что на Транае нет преступности.

— Верно.

— И поэтому здесь нет полиции, судов, судей, шерифов, судебных приставов, палачей, правительенных следователей. Нет ни тюрем, ни исправительных домов, ни других мест заключения.

— Мы в них просто не нуждаемся, — объяснил Мелит, — потому что у нас не совершается преступлений.

— Я слышал, — сказал Гудмэн, — что на Транае нет нищеты.

— О нищете и я не слыхивал, — сказал весело Мелит. — Вы уверены, что не хотите сигару?

— Нет, спасибо. — Гудмэн в возбуждении наклонился вперед. — Я так понимаю, что вы создали стабильную экономику без обращения к социалистическим, коммунистическим, фашистским или бюрократическим методам.

— Совершенно верно, — сказал Мелит.

— То есть ваше общество является обществом свободного предпринимательства, где процветает частная инициатива, а функции власти сведены к абсолютному минимуму.

Мелит кивнул.

— В основном на правительство возложены второстепенные функции: забота о престарелых, украшение ландшафта.

— Верно ли, что вы открыли способ распределения богатств без вмешательства правительства, даже без налогов — способ, основанный только на индивидуальном желании? — настойчиво интересовался Гудмэн.

— Да, конечно.

— Правда ли, что правительство Траная не знает коррупции?

— Никакой, — сказал Мелит. — Видимо, по этой причине нам очень трудно утешать людей заниматься государственной деятельностью.

— Значит, капитан Сэвидж был прав! — воскликнул Гудмэн, который уже не мог сдерживаться. — Вот она, Утопия!

— Нам здесь нравится, — сказал Мелит.

Гудмэн глубоко вздохнул и спросил:

— А можно мне здесь остановиться?

— Почему бы и нет? — Мелит вытащил анкету. — У нас нет иммиграционных ограничений. Скажите, какая у вас профессия?

— На Земле я был конструктором роботов.

— В этой области возможностей для работы много. — Мелит начал заполнять анкету. Его перо выдавило чернильную кляксу. Министр небрежно кинул ручку в стену. Она разбилась, оставив после себя еще один синий потек.

— Анкету заполним в следующий раз, — сказал он. — Я сейчас не в настроении этим заниматься. — Он откинулся на спинку кресла. — Хочу вам дать один

совет. Здесь, на Транае, мы считаем, что довольно близко подошли к Утопии, как вы выразились. Но наше государство нельзя назвать высокоорганизованным. У нас нет сложного кодекса законов. Мы живем, придерживаясь нескольких неписаных законов, или обычая, если хотите. Вы сами узнаете, в чем они заключаются. Хочу вам посоветовать, это, конечно, не приказ, их соблюдать.

— Конечно, я буду это делать, — с чувством скзал Гудмэн. — Могу вас заверить, сэр, что я не имею намерения угрожать какой-либо сфере вашего рая.

— О, я не беспокоюсь насчет нас, — весело улыбнулся Мелит. — Я имел в виду вашу собственную безопасность. Возможно, моя жена тоже захочет вам что-либо посоветовать.

Он нажал большую красную кнопку на письменном столе. Перед ними возникло голубоватое сияние. Сияние материализовалось в красивую молодую женщину.

— Доброе утро, дорогой, — сказала она Мелиту.

— Скоро вечер, — сказал Мелит. — Дорогая, этот юноша прилетел с самой Земли и хочет жить на Транае. Я ему дал обычные советы. Можем ли мы что-нибудь еще для него сделать?

Г-жа Мелит немножко подумала и потом спросила Гудмэна:

— Вы женаты?

— Нет, мадам, — ответил Гудмэн.

— В таком случае ему надо познакомиться с хорошей девушкой, — сказала г-жа Мелит мужу. — Холостая жизнь не поощряется на Транае, хотя она, безусловно, не запрещена. Подождите... Как насчет той симпатичной Дриганти?

— Она помолвлена, — сказал Мелит.

— В самом деле? Неужели я так долго находилась в стасисе? Дорогой, это не слишком разумно с твоей стороны.

— Я был занят, — извиняющимся тоном сказал Мелит.

— А как насчет Мины Вензис?

— Не его тип.

— Жанна Влэй?

— Отлично! — Мелит подмигнул Гудмэну. — Очаровательная молодая женщина. — Он вынул новую

ручку из ящика стола, записал на бумажке адрес и протянул его Гудмэну. — Жена позвонит ей, чтобы она вас ждала завтра.

— И обязательно как-нибудь заходите к нам на обед, — сказала г-жа Мелит.

— С удовольствием, — ответил Гудмэн, у которого кружилась голова.

— Рада была с вами познакомиться.

Тут Мелит нажал красную кнопку. Г-жа Мелит пропала в голубом сиянии.

— Пора закрывать, — заметил Мелит, взглянув на часы. — Перерабатывать нельзя, не то люди станут болтать. Заходите как-нибудь, и мы заполним анкеты. Вообще вам, конечно, следовало бы нанести визит Верховному Президенту Боргу в Национальный дворец. Или он сам вас посетит. Только смотрите, чтобы эта старая лиса вас не обманула, и не забудьте насчет Жанны.

Он хитро подмигнул Гудмэну и проводил его до двери.

Через несколько секунд Гудмэн очутился один на тротуаре.

— Это Утопия, — сказал он себе. — Настоящая, действительная, стопроцентная Утопия.

Правда, она была не лишена странностей.

Гудмэн пообедал в небольшом ресторане, а затем устроился в отеле неподалеку. Приветливый дежурный проводил его в номер, где Гудмэн сразу же растянулся на постели. Он устало потер глаза, пытаясь разобраться в своих впечатлениях.

Столько событий за один день — и уже многое не понятного. Например, соотношение мужчин и женщин. Он собирался спросить об этом Мелита.

Но, возможно, у Мелита и не стоило спрашивать, потому что он сам был со странностями. Например, почему он кидал ручки в стену? Разве такое может позволить себе зрелый и ответственный государственный деятель? К тому же жена Мелита...

Гудмэн уже догадался, что г-жа Мелит вышла из дерсин-стасисного поля; он узнал характерное голубое сияние. Дерсин-поле применялось и на Земле. Иногда

были веские медицинские причины для того, чтобы прекратить на время всякую деятельность организма, рост и распад. Например, если пациенту требовалась особая вакцина, которую можно было достать лишь на Марсе, такого человека просто-напросто помещали в стасисное поле, пока не прибывала вакцина.

Однако на Земле только дипломированные врачи могли экспериментировать с этим полем. Использование его без разрешения строго каралось.

Гудмэн никогда не слышал, чтобы в этом поле держали жен.

Однако, если все жены на Транае содержатся в стасисном поле, это объясняло отсутствие женщин между 18 и 35 годами, а также явное преобладание мужчин.

Но в чем причина этой электромагнитной параджи?

И еще одна вещь беспокоила Гудмэна. Не столь уж важная, но не совсем приятная.

Винтовка, висевшая у Мелита на стене.

Может быть, он охотник? Значит, на крупную дичь. Или занимается спортивной стрельбой? Но к чему тогда телескопический прицел? И глушитель? Почему он держит винтовку в кабинете?

В конце концов, решил Гудмэн, все это не имеет значения: так, мелкие причуды, которые будут проясняться по мере того, как он будет жить здесь. Нельзя ожидать, что он получит немедленное и полное объяснение всему, что творится на этой, между прочим чужой, планете.

Он уже засыпал, когда услышал стук в дверь.

— Войдите, — сказал он.

Небольшого роста человек с серым лицом, озираясь по сторонам, вбежал в комнату и захлопнул дверь.

— Это вы прилетели с Земли?

— Да.

— Я так и решил, что найду вас здесь, — сказал маленький человек с довольно улыбкой. — Отыскал сразу же. Собираетесь пожить на Транае?

— Я остаюсь навсегда.

— Отлично, — сказал человек. — Хотите стать Верховным Президентом?

— Что?

— Хорошая зарплата, сокращенный рабочий день, и всего лишь на один год. Вы похожи на человека, принимающего интересы общественности близко к сердцу, — весело говорил незнакомец. — Так как же вы решите?

Гудмэн не знал, что ответить.

— Вы хотите сказать, — изумленно спросил он, — что ни за что ни про что предлагаете мне высший пост в этом государстве?

— Что значит «ни за что ни про что»? — обиделся незнакомец. — Вы что думаете, мы предлагаем пост Верховного Президента первому встречному? Такое предложение — большая честь.

— Я не хотел...

— А вы, как житель Земли, очень подходите для этого поста.

— Почему?

— Общеизвестно, что жители Земли любят власть. Мы, транайцы, власть не любим, вот и все. Слишком многое возни.

Оказывается, так просто. Кровь реформатора вскипела в жилах Гудмэна. Хоть Транай и идеальная планета, здесь кое-что можно усовершенствовать. Он вдруг представил себя правителем Утопии, который осуществляет великую миссию улучшения самого совершенства. Однако чувство осторожности помешало ему принять предложение сразу. А вдруг незнакомец — сумасшедший?

— Спасибо за ваше предложение, — сказал Гудмэн. — Но мне нужно подумать. Возможно, я переговорю с нынешним Президентом, чтобы узнать о характере работы.

— А как вы считаете, для чего здесь я? — воскликнул маленький человечек. — Я и есть Верховный Президент Борг.

Только сейчас Гудмэн заметил официальный медальон на шее у незнакомца.

— Сообщите мне ваше решение. Я буду в Национальном дворце.

Борг пожал Гудмэну руку и отбыл. Гудмэн подождал пять минут и позвонил портье:

— Кто это был?

— Верховный Президент Борг, — сказал портье. — Вы согласились?

Гудмэн пожал плечами. Он неожиданно понял, что ему предстоит еще многое выяснить о планете Транай.

На следующее утро Гудмэн составил алфавитный список местных заводов по изготовлению роботов и пошел искать работу. К своему удивлению, место он нашел себе сразу. На огромном заводе домашних роботов фирмы «Аббаг» его приняли на работу, лишь бегло взглянув на документы.

Его новый начальник мистер Аббаг был невысокого роста энергичный человек с копной седых волос.

— Рад заполучить землянина, — сказал Аббаг. — Насколько я слышал, вы изобретательный народ, а это нам и нужно. Буду откровенен с вами, Гудмэн, я надеюсь с выгодой использовать ваши необычные взгляды. Дело в том, что мы зашли в тупик.

— Техническая проблема? — спросил Гудмэн.

— Я вам покажу. — Аббаг повел Гудмэна через прессовую, обжиговую, рентгеноскопию, сборочный цех и наконец привел в испытательный зал. Он был устроен в виде комбинированной кухни и гостиной. Вдоль стены стояло около десятка роботов.

— Попробуйте, — предложил Аббаг.

Гудмэн подошел к ближайшему роботу и взглянул на пульт управления. Все довольно просто, никаких премудростей. Он заставил машину проделать обычный набор действий: поднимать различные предметы, мыть сковородки и посуду, сервировать стол. Реакции робота были довольно точными, но ужасно медленными. На Земле замедленные реакции были ликвидированы сотню лет назад. Очевидно, в этом отношении на Транае отстали.

— Вроде медленно, — осторожно сказал Гудмэн.

— Вы правы, — сказал Аббаг. — Очень медленно. Аично я считаю, что все как надо. Однако, как утверждает наш отдел сбыта, потребители желают, чтобы робот функционировал еще медленнее.

— Что?

— Глупо, не правда ли? — задумчиво сказал Аббаг. — Мы потеряем деньги, если будем еще больше его замедлять. Взгляните на его внутренности.

Гудмэн открыл заднюю панель, обнажилась масса спутанных проводов. Разобраться было нетрудно. Робот был построен точно так же, как и современные машины на Земле, с использованием обычных недорогих высокоскоростных передач. Однако в механизм были включены специальные реле для замедления сигналов, блоки ослабления импульсов и редукторы.

— Скажите, — сердито спросил Аббаг, — разве мы можем замедлить его еще больше без удешевления стоимости в два раза и увеличения размеров в три? Не представляю, какое разусовершенствование от нас потребуют в следующий раз.

Гудмэн с усилием понял образ мыслей собеседника и концепцию «разусовершенствования» машины.

На Земле всегда стремились к созданию робота с более быстрыми, плавными и точными реакциями. Сомневаться в мудрости такой задачи не приходилось. Он в ней и не сомневался.

— Но это еще не все, — продолжал жаловаться Аббаг. — Новая пластмасса, которую мы разработали для данной модели, катализируется или что-то в этом роде. Смотрите.

Он подошел к роботу и ударил его ногой в живот. Пластмассовый корпус прогнулся, как жестя. Аббаг ударил еще раз. Пластмасса еще больше вогнулась, робот заскрипел, а лампочки его жалобно замигали. С третьего удара корпус развалился. Внутренности взорвались с оглушительным шумом и разлетелись по всему полу.

— Не очень-то он крепок, — сказал Гудмэн.

— Чересчур крепок. Он должен разбиваться вдребезги от первого же удара. Наши покупатели не почувствуют удовлетворения, ушибая ноги о его корпус. Но скажите, как мне разработать пластмассу, которая выдержит обычные воздействия (нельзя же, чтобы роботы случайно разваливались) и в то же время разлетится на куски, когда этого пожелает покупатель?

— Подождите, — запротестовал Гудмэн. — Давайте объяснимся. Вы сознательно замедляете своих роботов, чтобы они раздражали людей, а люди их за это уничтожали?

Аббаг поднял брови.

— Вот именно!

— Почему?

— Вы здесь новичок, — сказал Аббаг. — А это известно каждому ребенку. Это же основа основ.

— Я был бы благодарен за разъяснение.

Аббаг вздохнул.

— Ну, прежде всего вы, конечно, понимаете, что любой механизм является источником раздражения. У людей непоколебимое затаенное недоверие к машинам. Психологи называют это инстинктивной реакцией жизни на псевдожизнь. Вы согласны?

Марвин Гудмэн припомнил книги, которые он читал о бунте машин, о кибернетическом мозге, завоевавшем мир, о восстании андроидов и т. д. Он вспомнил забавные происшествия, о которых писали газеты, как, например, о человеке, который расстрелял свой телевизор, или разбил тостер о стену, или «расправился» с автомобилем. Он вспомнил враждебность, сквозившую в анекдотах о роботах.

— С этим, пожалуй, я могу согласиться, — сказал Гудмэн.

— Тогда позвольте мне вернуться к исходному тезису, — педантично продолжал Аббаг. Любая машина является источником раздражения. Чем лучше машина работает, тем сильнее чувство раздражения, которое она вызывает. Таким образом, мы логически приходим к тому, что отлично работающая машина — источник чувства досады, подавляемых обид, потери самоуважения...

— Стойте! взмолился Гудмэн. Это уж слишком!

— ...а также шизофренических фантазий, — беспощадно докончил Аббаг. — Однако для развитой экономики машины необходимы. Поэтому наилучшим и гуманным решением вопроса будет использование плохих работающих машин.

— Я не согласен.

— Но это очевидно. На Земле ваши машины работают в оптимальном режиме, создавая чувство неполноценности у тех, кто ими управляет. К сожалению, у вас существует мазохистское племенное табу против разрушения машин. Результат? Общий трепет перед священной и сверхчеловечески эффективной Машиной,

что приводит к поиску объекта для проявления агрессивных наклонностей. Обычно таковым бывает жена или друг. Ситуация не очень веселая. Конечно, можно предположить, что ваша система эффективна в переводе на робото-часы, однако в плане долгосрочных интересов здоровья и благополучия она чрезвычайно беспомощна.

— Вы уверены...

— Человек — животное беспокойное. На Транае мы даем конкретный выход этому беспокойству и открываем клапан для многих проявлений чувств разочарования. Стоит человеку вскипеть и — трах! Он срывает свою злость на роботе. Налицо мгновенное и целительное освобождение от сильного напряжения, что ведет к благотворному и реальному ощущению превосходства над простой машиной, здоровому притоку адреналина в кровь; кроме того, это способствует индустриальному прогрессу на планете, так как человек пойдет в магазин и купит нового робота. И в конце концов, что он такого совершил? Он не избил жену, не покончил с собой, не объявил войну, не изобрел новое оружие, не прибегнул к обычным средствам освобождения от агрессивных инстинктов. Он просто разбил недорогой робот, который можно немедленно заменить.

— Мне необходимо время, чтобы все понять, — признался Гудмэн.

— Конечно. Я уверен, что вы принесете здесь пользу, Гудмэн. Подумайте над тем, что я вам рассказал, и попытайтесь разработать какой-нибудь недорогой способ разусовершенствования этого робота.

Гудмэн обдумывал эту проблему в течение всего остатка дня, однако он не мог сразу приспособить свое мышление к идее создания худшего варианта машины. Это отдавало святотатством. Он закончил работу в половине шестого недовольный собой, однако полный решимости добиться успеха или неуспеха, в зависимости от того, как на это дело посмотреть.

Быстро поужинав в одиночестве, Гудмэн решил на нести визит Жанне Влэй. Ему не хотелось оставаться наедине со своими мыслями, он вдруг почувствовал

сильное желание найти что-нибудь приятное и несложное в этой непростой Утопии.

Возможно, у Жанны Влэй он найдет ответ.

Дом семьи Влэй был в нескольких кварталах от отеля, и он решил пройтись пешком.

Главная беда заключалась в том, что он имел свое собственное представление об Утопии, и было трудно согласовать эти идеи со здешней реальностью. Раньше он рисовал себе пасторальный пейзаж, планету, жители которой живут в небольших милых деревушках, бродят по улицам в ниспадающих одеждах, такие мудрые, нежные и все понимающие. Дети играют в лучах золотистого солнца, молодые люди танцуют на деревенской площади.

Как глупо! Вместо действительности он представлял себе картинку, стилизованные позы вместо безостановочного движения жизни. Живые люди не могли бы так существовать, даже если предположить, что они этого желали. В таком случае они бы перестали быть живыми.

Он подошел к дому семьи Влэй и остановился в нерешительности. Что ждет его здесь? С какими чужеземными (хотя, безусловно, утопическими) обычаями он сейчас столкнется?

Он чуть было не повернулся вспять. Однако перспектива провести долгий вечер одному в номере отеля показалась ему невыносимой. Стиснув зубы, он нажал на кнопку звонка.

Дверь открыл рыжий мужчина среднего роста, средних лет.

— Ах, вы, наверное, тот землянин! Жанна сейчас будет. Проходите и познакомьтесь с моей супругой.

Он провел Гудмэна в приятно обставленную гостиную, нажал красную кнопку на стене. На этот раз Гудмэна не испугало голубое сияние дерсин-поля. В конце концов, дело транайцев, как обращаться со своими женами.

Привлекательная женщина лет двадцати восьми выступила из дымки.

— Дорогая, — сказал рыжий. — Познакомься с мистером Гудмэном с Земли.

— Рада вас видеть, — сказала г-жа Влэй. — Хотите что-нибудь выпить?

Гудмэн кивнул. Влэй указал на удобное кресло. Через минуту супруга внесла поднос с холодными напитками и присела.

— Так, значит, вы с планеты Земля, — сказал мистер Влэй. — Нервное, суетливое место, не так ли? Все куда-то спешат.

— Да, примерно так, — согласился Гудмэн.

— У нас вам понравится. Мы умеем жить. Все дело в том...

На лестнице послышалось шуршание юбок. Гудмэн поднялся.

— Мистер Гудмэн, это наша дочь Жанна, — сказала г-жа Влэй.

Волосы Жанны были цвета сверхновой звезды из созвездия Цирцеи, глаза немыслимо голубого оттенка осеннего неба над планетой Альго-II, губы — нежно-розовые, цвета газовой струи из сопла реактивного двигателя Скарклотт-Тэрнера, нос...

Астрономические эпитеты Гудмэна иссякли, да и вряд ли они были подходящими. Жанна была стройная и удивительно красивая блондинка, и Гудмэн внезапно охватило чувство радости оттого, что он пересек всю Галактику ради планеты Транай.

— Идите, дети, повеселитесь, — сказала г-жа Влэй.

— Не задерживайтесь поздно, — сказал Жанне мистер Влэй.

Так на Земле родители говорят своим детям.

Свидание было как свидание. Они посетили недорогой ночной клуб, танцевали, немного выпили, много разговаривали. Гудмэн поразился общности их вкусов. Жанна соглашалась со всем, что он говорил. Было приятно обнаружить глубокий ум у такой красивой девушки.

У нее дух захватило от рассказа об опасностях, с которыми он столкнулся во время полета через Галактику. Она давно слышала, что жители Земли по натуре искатели приключений (хотя и очень нервозны), однако риск, которому подвергался Гудмэн, не поддавался ее пониманию.

Мурашки пробежали у нее по спине, когда она услышала о гибельном Галактическом вихре. Раскрыв глаза, она внимала истории о страшной Прогнотой стрел-

ке, где кровожадные скарбки охотились вдоль Звездного пояса, прячась в адских закоулках Проденгума. Как сказал ей Марвин, земляне были железными людьми в стальных кораблях, которые бросали вызов Великому Ничто.

Жанна обрела речь, лишь услышав сообщение Гудмэна о том, что кружка пива в трактире Молл Гэнн «Красный петух» на астероиде 342-АА стоила пятьсот земных долларов.

— Наверное, вы испытывали большую жажду, — задумчиво сказала она.

— Не очень, — сказал Гудмэн. — Просто деньги там ничего не значат.

— Понимаю, но не лучше ли было бы сохранить эти деньги? Я имею в виду, что когда-нибудь у вас будут жена и дети... — Она покраснела.

Гудмэн уверенно сказал:

— Ну, эта часть моей жизни позади. Я женюсь и обоснусь здесь, на Транае.

— Прекрасно! — воскликнула она.

Вечер очень удался.

Гудмэн проводил Жанну домой, пока еще не было поздно, и назначил ей свидание на следующий вечер. Осмелев от собственных рассказов, он поцеловал ее в щеку. Она не отстранилась, но Гудмэн деликатно не использовал это преимущество.

— До завтра, — улыбнулась она, закрывая дверь:

Он пошел пешком, ощущая необыкновенную легкость. Жанна, Жанна! Неужели он уже влюбился? А почему бы и нет? Любовь с первого взгляда — реальное психофизиологическое состояние и в качестве такового вполне оправданно. Любовь в Утопии! Как чудесно, что здесь, на идеальной планете, ему удалось найти идеальную девушку.

Неожиданно из темноты выступил незнакомый человек и преградил ему путь. Гудмэн обратил внимание, что почти все лицо незнакомца закрывала черная шелковая маска. В руке у него был крупный и с виду мощный лучевой пистолет, который он наставил Гудмэну прямо в живот.

— О'кэй, парень, — сказал незнакомец, — давай сюда все деньги.

— Что? — не понял Гудмэн.

— Ты слышал, что я сказал. Деньги. Давай их сюда.

— Вы не имеете права, — сказал Гудмэн, слишком пораженный, чтобы логически мыслить. — На Транае нет преступности!

— А кто сказал, что есть? — спокойно спросил незнакомец. — Я просто прошу тебя отдать свои деньги. Отдашь мирно или же мне придется выколачивать их из тебя?

— Вам это так не пройдет! Преступления к добру не приводят!

— Не говори глупостей, — сказал человек и поднял лучевой пистолет повыше.

— Хорошо. Вы не волнуйтесь. — Гудмэн вытащил бумажник, содергавший все его сбережения, и протянул его человеку в маске.

Незнакомец пересчитал деньги. Видимо, сумма произвела на него впечатление.

— Это лучше, чем я ожидал. Спасибо тебе, парень. Не горюй.

Он быстро зашагал прочь по темной улице.

Гудмэн лихорадочно озирался, ища глазами полицейского, прежде чем вспомнил, что полиции на Транае не существует. Он заметил небольшой бар на углу, над которым горела неоновая вывеска бара «Китти Кэт». Он рванулся туда.

Внутри никого не было, кроме бармена, который сосредоточенно протирал стаканы.

— Ограбили! — закричал Гудмэн.

— Ну и что? — сказал бармен, не поднимая глаз.

— Но ведь я считал, что на Транае нет преступности.

— Верно.

— А меня сейчас ограбили.

— Вы здесь, вероятно, новичок, — сказал бармен, взглянув наконец на Гудмэна.

— Я недавно прилетел с Земли.

— С Земли? Как же, слышал, такая нервная, беспокойная планета...

— Да, да, — сказал Гудмэн. Ему уже начал надоедать этот однообразный припев. — Как может не существовать преступности на Транае, если меня ограбили?

— Так это понятно. На Транае ограбление не считается преступлением.

— Ограбление — всегда преступление!

— А какого цвета у него была маска?

Гудмэн подумал.

— Черная. Черная шелковая.

Бармен кивнул.

— Значит, этот человек был государственным сборщиком налогов.

— Странный метод взимания налогов, — пробормотал Гудмэн.

Бармен поставил перед Гудмэном рюмочку «Транайского особого».

— Попробуйте взглянуть на это через призму общественного блага. Какие-то средства правительству в конце концов нужны. Собирая их таким способом, мы избегаем необходимости вводить подоходный налог, с его юридическим крюкотворством и бюрократией. Да и с точки зрения психологической гораздо лучше изымать деньги при помощи кратковременной и безболезненной операции, чем заставлять граждан мучиться целый год в ожидании дня, когда им все равно придется платить.

Гудмэн залпом осушил рюмку, и бармен поставил перед ним другую.

— Я думал, — сказал Гудмэн, — что ваше общество основано на идее частной инициативы и свободы воли.

— Верно, — подтвердил бармен. — Но в таком случае правительство (в его здешнем урезанном виде) тем более должно иметь право на свободу воли, как любой гражданин, не так ли?

Не найдя, что ответить, Гудмэн опрокинул вторую рюмку.

— Можно еще? — попросил он. — Я заплачу при первой возможности.

— Конечно, конечно, — приветливо сказал бармен, наливая еще рюмку Гудмэну и ставя другую перед собой.

Гудмэн сказал:

— Вы интересовались цветом маски незнакомца. Почему?

— Черный цвет — государственный. Частные лица носят белые маски.

— Вы хотите сказать, что частные граждане также совершают ограбления?

— Еще бы! Таков наш способ перераспределения богатств. Состояния нивелируются без государственного вмешательства, даже без налогов, исключительно через проявление личной инициативы. — Бармен закивал головой. — Действует эта система безотказно. Между прочим, ограбления — великий уравнитель.

— По-видимому, так, — согласился Гудмэн, заканчивая третью рюмку. — Если я правильно вас понял, любой человек может взять лучевой пистолет, надеть маску и выйти на большую дорогу?

— Именно, — подтвердил бармен. — Только все делается в определенных рамках.

Гудмэн хмыкнул.

— Если таков закон, я могу тоже включиться в игру. Вы можете одолжить мне маску? И пистолет.

Бармен пошарил под прилавком.

— Только не забудьте вернуть. Это фамильные реликвии.

— Обязательно, — пообещал Гудмэн. — И тогда заплачу за угощение.

Он засунул пистолет за пояс, натянул маску и вышел из бара. Если такова жизнь на Транае, к ней можно приспособиться. Его хотят грабить? Ну что ж, он их сам будет грабить, да еще как!

Дойдя до слабо освещенного перекрестка, он затаился в тени дома и стал ждать. Скоро он услышал шаги; из-за угла он увидел быстро приближающегося солидного, хорошо одетого транайца.

Гудмэн вышел вперед и зарычал:

— Стой, друг!

Транаец остановился и посмотрел на лучевой пистолет в руке у Гудмэна.

— Гм... я вижу, у вас широкоугольный лучевой пистолет системы Дрог-3, не так ли? Несколько старомодное оружие. Как вы его находитите?

— Я доволен, — сказал Гудмэн, — давай-ка твои...

— Спусковой механизм действует медленно, — задумчиво протянул транаец. — Лично я рекомендовал

бы вам игло-лучевой Милс-Сливен. Кстати, я местный представитель оружейной компании Сливен. Сдав вашу старую марку и немного доплатив...

— Давай-ка сюда деньги, — отрезал Гудмэн.

Солидный транаец улыбнулся.

— Главный дефект вашего Дрог-3 заключается в том, что он не выстрелит, пока не снят предохранитель. — Транаец шагнул вперед и выбил пистолет из руки Гудмэна. — Вот видите? Вы ничего не смогли бы сделать. — Он повернулся и пошел.

Гудмэн подобрал пистолет, нащупал предохранитель и кинулся за транайцем.

— Руки вверх, — приказал он, чувствуя прилив отчаянной решимости.

— Ну нет, дорогой, — бросил через плечо транаец, даже не обернувшись. — Только по одной попытке на клиента. Нехорошо нарушать неписаный закон.

Гудмэн стоял и смотрел, пока незнакомец не скрылся из виду. Он внимательно оглядел свой Дрог-3, проверил, сняты ли все предохранители. Затем вернулся на прежнее место.

Прождав час, он снова услышал шаги. Рука его стиснула рукоятку пистолета. На этот раз он был готов грабить, и ничто не могло его остановить.

— Эй, парень, — окликнул он, — руки вверх!

На этот раз жертвой оказался грузный транаец в поношенном рабочем комбинезоне. С отвалившейся челюстью он уставился на пистолет в руке Гудмэна.

— Не стреляйте, мистер, — взмолился транаец.

Вот это уже другой разговор! Гудмэна захлестнула теплая волна удовлетворения.

— Не двигаться, — предупредил он. — Предохранители сняты.

— Вижу, — выдавил из себя толстячок. — Осторожнее с этой штукой, мистер. Я и мизинцем не пошел.

— Так-то лучше. Давай твои деньги.

— Деньги?

— Да, деньги, и пошевеливайся.

— У меня нет денег, — заскулил транаец. — Мистер, я бедный человек. Я в тисках нищеты.

— На Транае нет нищеты, — поучительным тоном сказал Гудмэн.

— Знаю. Но иногда настолько приближаешься к этому состоянию, что особой разницы не ощущаешь. Отпустите меня, мистер.

— Почему вы такой безынициативный? — спросил Гудмэн. — Если вы бедняк, почему бы вам не ограбить кого-нибудь? Все так делают.

— Не было никакой возможности. Сначала дочка заболела коклюшем, и я несколько ночей с ней просидел. Потом испортилось дерсин-поле, так что жена меня пилила дни напролет. Я всегда говорил, что в каждом доме должен быть запасной дерсин-генератор. Затем, пока чинили дерсин-генератор, жена решила устроить уборку квартиры, куда-то засунула мой лучевой пистолет и не могла вспомнить куда. Только я собрался одолжить пистолет у приятеля...

— Хватит, — сказал Гудмэн. — Ограбление есть ограбление, и что-то я должен у вас забрать. Давайте бумажник.

Незнакомец, жалобно всхлипывая, протянул Гудмэну потертый бумажник. Внутри Гудмэн обнаружил один дигло, эквивалент земного доллара.

— Это все, что у меня есть, — продолжал всхлипывать транаец, — но можете его забрать. Я понимаю, каково вам торчать здесь на ветру всю ночь.

— Оставьте его себе, — сказал Гудмэн, отдал бумажник и пошел прочь.

— Спасибо, мистер.

Гудмэн не ответил. С тяжелым чувством он возвратился в бар «Китти Кэт» и вернул бармену пистолет и маску. Когда бармен услышал, что произошло, он презрительно рассмеялся.

— У него не было денег? Дружище, этот трюк стар, как мир. Все носят запасной бумажник на случай ограбления, иногда два или даже три. Ты его обыскал?

— Нет, — признался Гудмэн.

— Ну и зелен же ты, братец!

— Видимо, так. Послушай, я тебе заплачу за угощение, как только что-нибудь заработаю.

— Не беспокойся, — сказал бармен. — Иди-ка лучше домой и выспись. У тебя была тяжелая ночь.

Гудмэн доплелся до отеля и заснул, как только голова его коснулась подушки.

На следующее утро, прияя на завод домашних роботов, он мужественно принял за решение проблемы разусовершенствования автоматов. И даже в таких труднейших условиях природная земная смекалка не подвела.

Гудмэн получил новый вид пластмассы для корпуса робота. Это была силиконовая пластмасса группы, родственной упругому детскому пластилину, появившемуся на Земле очень давно. Новая пластмасса отличалась необходимой степенью прочности, гибкости и стойкости; она могла выдержать значительные перегрузки. В то же время от удара ногой силой тридцать фунтов или более корпус робота внезапно со страшным треском раскалывался.

Директор похвалил Гудмэна за изобретение, выдал ему премию (которая была очень кстати), посоветовал разрабатывать идею дальше и, если возможно, довести минимальное усилие до двадцати трех фунтов. В отделе научных исследований считали, что такова сила среднего удара раздосадованного человека.

Он был так занят, что практически некогда было продолжать изучение нравов и обычаев планеты Транай. Ему довелось, правда, побывать в так называемой Гражданской приемной. Это чисто транайское учреждение помещалось в небольшом здании на тихой боковой улочке.

Внутри Гудмэн увидел большую доску с именами нынешних государственных чиновников Траная и с указанием их постов. Рядом с каждой фамилией находилась кнопка. Дежурный объяснил, что граждане путем нажатия кнопки выражают свое неодобрение действиям того или иного чиновника. Нажатие автоматически регистрируется в Историческом зале и навсегда клеймит провинившегося.

Безусловно, несовершеннолетним нажимать кнопки не разрешалось.

Такая система показалась Гудмэну довольно бесполезной; возможно, правда, сказал он себе, чиновники на Транае движимы иными стимулами, чем на Земле.

Он встречался с Жанной почти каждый вечер, и вдвоем они обследовали много аспектов культурной жизни планеты: бары и кинотеатры, концертные залы, научный музей, ярмарки и карнавалы. Гудмэн носил с собой лучевой пистолет, и после нескольких неудачных попыток ограбил одного торговца на сумму в пятьсот дигло.

Как любая разумная транайская девушка, Жанна восторженно приветствовала это его достижение, и они отпраздновали событие в баре «Китти Кэт».

На следующий вечер эти пятьсот дигло плюс остаток премии были украдены у Гудмэна незнакомцем, очень похожим ростом и сложением на бармена из «Китти Кэт»; незнакомец орудовал древним лучевым пистолетом системы Дрог-3.

Гудмэн успокоил себя мыслью о том, что это способствует свободной циркуляции денег, чего и требует жизненный уклад планеты.

Вскоре он одержал еще одну производственную победу. На заводе домашних роботов он создал радикально новую технологию производства корпуса. Ему удалось найти новый вид пластмассы, стойкой к сильным ударам и падениям. Владелец робота должен был носить специальные ботинки с каталитическим веществом в каблуках. При ударе робота ногой катализатор вступал в контакт с корпусом автомата, и немедленно следовал результат.

Директор Аббаг вначале колебался: фокус показался ему слишком сложным. Однако новинка так быстро завоевала признание покупателей, что завод домашних роботов открыл обувной цех и начал продавать пару специальной обуви с каждым роботом.

Проникновение компании в другие отрасли было расценено пайщиками как более важное, чем изобретение каталитической пластмассы. Гудмэну повысили зарплату и выдали крупную премию.

Находясь на гребне этой волны успеха, он сделал Жанне предложение и получил в ответ немедленное «да». Родители благословили брак; оставалось лишь получить официальное разрешение властей, так как Гудмэн пока формально считался иностранцем.

Он отпросился с работы и пошел пешком до Идриг-Билдинга повидаться с Мелитом. Стояла чудесная весенняя погода, какая на Транае бывает десять месяцев в

году, и Гудмэн шел быстро и легко. Он был влюблен, успешно работал и скоро собирался получить транайское гражданство.

Вне сомнения, даже Транай не идеал, и здешняя утопия нуждается в ряде усовершенствований. Может быть, ему следует согласиться принять на себя обязанности Верховного Президента для осуществления необходимых реформ. Но спешить пока не стоит...

— Эй, мистер, — прервал его раздумье чей-то голос. — Подайте хотя бы дигло.

Гудмэн наклонился и увидел сидящего на корточках, одетого в лохмотья, немытого старика с оловянной кружкой в руке.

— Что такое? — переспросил Гудмэн.

— Брат, подайте хотя бы дигло, — жалобным тоном пропел старик. — Помогите бедному человеку купить чашку огло. Два дня не ел, мистер.

— Стыдно! Почему бы вам не взять пистолет и не пойти грабить?

— Я слишком стар, — заскулил старики. — Мои жертвы надо мной смеются.

— Может быть, вы просто ленивы? — строго спросил Гудмэн.

— О нет, сэр, — сказал нищий. — Посмотрите, как у меня трясутся руки.

Он вытянул перед собой дрожащие грязные руки.

Гудмэн вытащил бумажник и протянул старику один дигло.

— Я думал, на Транае не существует нищеты. Насколько я слышал, правительство заботится о престарелых.

— Да, правительство заботится о них, — сказал старики. — Смотрите. — Он протянул кружку. На ней была выгравирована надпись: «Официальный государственный нищий, номер DR-43241-3».

— Вы хотите сказать, что государство заставляет вас этим заниматься?

— Государство разрешает мне этим заниматься, — подчеркнул старики. — Попрошайничество — государственная служба, и оно резервируется за престарелыми и инвалидами.

— Это позор!

— Вы, верно, не здешний.
— Я с Земли.
— А, как же, как же! Такое нервное, беспокойное место, не так ли?
— Наше правительство не допускает попрошайничества, — сказал Гудмэн.
— Нет? А что делают старики? Сидят на шее своих детей? Или ждут конца в доме для престарелых? Здесь такого не бывает, молодой человек. На Транае каждому старику государство обеспечивает работу, не требующую особой квалификации, хотя иметь ее неплохо. Некоторые выбирают работу в помещении, в церквях или театрах. Других влечет беззаботная обстановка ярмарок и гуляний. Лично мне нравится работать на улице. Такая работа позволяет бывать на солнце и свежем воздухе, много двигаться и встречать необычных и интересных людей, как, например, вы.

— Но как можно попрошайничать?
— А что еще я могу делать?
— Не знаю. Но... посмотрите на себя! Грязный, немытый, в засаленной одежде...
— Это моя рабочая одежда, — обиделся государственный нищий. — Посмотрели бы вы на меня в воскресенье!

— У вас есть другая одежда?
— А как же? Да еще и симпатичная квартирка, ложа в опере, два домашних робота и больше денег в банке, чем вам когда-нибудь доводилось видеть. Приятно было с вами побеседовать, молодой человек, и спасибо за ваше пожертвование. Однако пора за работу, что я и вам советую сделать.

Гудмэн пошел дальше, бросив последний взгляд на государственного нищего. Тот, казалось, преуспевал.

Но как можно попрошайничать?

Совершенно необходимо покончить с такой практикой. Если он согласится стать Президентом (а очевидно, это придется сделать), он поглубже разберется в этом вопросе.

В Идриг-Билдинге Гудмэн рассказал Мелиту о своих матrimониальных планах.

Министр по делам иноземцев обрадовался.

— Чудесно, просто чудесно, — сказал он. — Я хорошо знаю семью Влэй. Прекрасные люди. А Жанна такая девушка, которой гордился бы любой мужчина.

— Какие юридические формальности мне предстоит выполнить? — спросил Гудмэн. — Как-никак я ведь чужеземец и все такое...

— Никаких. Ничего не нужно. Я решил, что обойдемся без формальностей. Если вы хотите стать гражданином Траная, достаточно вашего устного заявления. Можете остаться гражданином Земли, и никто на это не обидится. Можете иметь двойное гражданство — Траная и одновременно Земли. Была бы согласна Земля, а у нас, безусловно, возражений нет.

— Я хотел бы стать гражданином Траная, — сказал Гудмэн.

— Как вам угодно. Но если вы намерены стать Президентом, то можно занимать этот пост, оставаясь гражданином Земли. Мы не щепетильны в подобных вопросах. Кстати, одним из наших лучших Верховных Президентов был ящероподобный парень с планеты Акварелла-ХI.

— Что за просвещенный подход!

— Ничего особенного. Равные возможности для всех — таков наш девиз. Теперь о вашей женитьбе: любой государственный служащий может оформить брак. Верховный Президент Борг будет счастлив обручить вас сегодня же во второй половине дня, если хотите. — Мелит подмигнул. — Старый чудак любит целовать невест. Но мне кажется, вы ему действительно нравитесь.

— Сегодня? — воскликнул Гудмэн. — Пожалуй, мне действительно хотелось бы жениться сегодня, если Жанна согласится.

— Ну конечно, согласится, — заверил его Мелит. — А где вы собираетесь жить после медового месяца? Номер в гостинице едва ли подходит. — Он задумался на мгновение. — Вот что я вам скажу: есть у меня небольшой дом за городом. Почему бы вам временно не пожить там, пока не подыщете чего-нибудь получше? Или оставайтесь в нем навсегда, если понравится.

— Вы слишком щедры... — запротестовал Гудмэн.

— Пустяки. А у вас не возникало желания стать министром по делам иноземцев? Эта работа вам может понравиться. Никакой канцеляршины, сокращенный рабочий день, хорошая зарплата. Нет? Подумываете о президентском посту? Не могу винить.

Мелит пошарил в карманах и вынул два ключа.

— Вот этот от парадного входа, а другой — от черного. Адрес выгравирован на ключах. Дом полностью меблирован и оборудован всем необходимым, в том числе новым дерсин-генератором.

— Дерсин-генератором?

— Конечно. На Транае ни один дом не считается готовым без дерсин-генератора.

Откашлявшись, Гудмэн осторожно сказал:

— Я давно собирался у вас спросить, для какой цели используется стасис-поле?

— Чтобы держать в нем жену, — ответил Мелит. — Я думал, это вам известно.

— Да, — сказал Гудмэн. — Но почему?

— Почему? — Мелит нахмурил лоб. Очевидно, подобный вопрос никогда не приходил ему в голову. — Почему мы вообще что-то делаем? Очень просто — таков обычай. И притом весьма логичный. Кому это понравится, чтобы женщина была все время рядом и болтала языком и днем и ночью?

Гудмэн покраснел. С момента своей встречи с Жанной он постоянно думал о том, как было бы хорошо, если бы она всегда была рядом, и днем и ночью.

— По-моему, это не очень-то справедливо по отношению к женщинам, — заметил Гудмэн.

Мелит засмеялся.

— Дорогой друг, вы, я вижу, проповедуете доктрину равенства полов? Так ведь это же полностью развенчанная теория. Мужчины и женщины просто не одно и то же. Что бы там вам ни твердили на Земле, они отличаются друг от друга. Что хорошо для мужчины, не обязательно и далеко не всегда хорошо для женщины.

— Поэтому вы относитесь к ним, как к низшим существам, — сказал Гудмэн, реформистская кровь которого начала бурлить.

— Ничего подобного. Мы относимся к ним иначе, чем к мужчинам, но не как к низшим существам. Во всяком случае, они не возражают.

— Только потому, что лучшего им не дано было узнать. Есть ли закон, требующий, чтобы я держал свою жену в дарсии-поле?

— Конечно, нет. Просто, согласно обычая, каждую неделю в течение некоторого минимального времени вы должны разрешать жене находиться вне стасиса. Нехорошо держать бедную женщину в полном заточении.

— Конечно, нет, — саркастически заметил Гудмэн. — Надо же ей какое-то время позволять жить.

— Совершенно верно, — сказал Мелит, не заметив сарказма. — Вы быстро все усвоите.

Гудмэн встал.

— Это все?

— Думаю, что да. Желаю удачи и всего прочего.

— Благодарю вас, — сухо ответил Гудмэн, резко повернулся и вышел из кабинета.

После полудня в Национальном дворце Верховный Президент Борг совершил несложный транайский обряд бракосочетания, а затем пылко поцеловал невесту. Церемония была прекрасной, но ее омрачала одна деталь.

На стене кабинета Борга висела винтовка с телескопическим прицелом и глушителем — точная копия винтовки Мелита. Назначение ее в равной мере было непонятно.

Борг отвел Гудмэна в сторону и спросил:

— Ну как, подумали вы над моим предложением о президентстве?

— Я все еще его обдумываю, — сказал Гудмэн. — По правде говоря, мне не хочется занимать государственный пост...

— Никому не хочется.

— ...но Транай остро нуждается в ряде реформ. Мне думается, что мой долг — привлечь к ним внимание населения.

— Вот это правильный подход, — одобрительно сказал Борг. — У нас уже давно не было по-настоящему предприимчивого Верховного Президента. Почему бы

вам не занять этот пост прямо сейчас? Тогда вы смогли бы провести медовый месяц в Национальном дворце в полном уединении.

Искушение было велико. Но Гудмэн не хотел связывать себя дополнительными обязанностями во время медового месяца, к тому же пост был у него в кармане. Раз Транай существовал в своем нынешнем почти утопическом состоянии уже немало лет, то, без сомнения, продержится несколько недель.

— Я приму решение, когда вернусь, — ответил Гудмэн.

Борг пожал плечами.

— Ну что ж, полагаю, что смогу выдержать это бремя еще немного. Да, чуть не забыл.

Он протянул Гудмэну запечатанный конверт.

— Что это?

— Всего лишь стандартный совет, — сказал Борг. — Торопитесь, ваша невеста ждет!

— Скорее, Марвин! — окликнула его Жанна. — Опоздаем на космолет!

Гудмэн поспешил за ней в лимузин.

— Всего наилучшего! — закричали родители.

— Всего наилучшего! — крикнул Борг.

— Всего наилучшего! — добавили Мелит с женой и все остальные гости.

На пути в космодром Гудмэн вскрыл конверт и прочел находившийся в нем листок.

СОВЕТ МОЛОДОМУ МУЖУ

Вы только что вступили в брак и ожидаете, естественно, жизнь, полную супружеского блаженства. И это совершенно правильно, ибо счастливый брак — основа здорового государства. Но одного желания недостаточно. От вас требуется нечто большее. Хороший брак не даруется свыше. Необходимо бороться за то, чтобы он был успешным!

Помните, ваша жена — это живое существо. Ей необходимо предоставить определенную степень свободы, так как это ее неотъемлемое право. Мы предлагаем, чтобы вы выпускали ее из стасис-поля по меньшей мере раз в неделю. Длительное пребывание в стасисе

плохо скажется на ее координации, нанесет ущерб цвету лица, а от этого проиграете и вы, и она.

Во время каникул и праздников целесообразно выпускать жену из стасис-поля на целый день или даже на два-три дня подряд.

Вреда это не причинит, а новизна впечатлений исключительно благотворно скажется на ее настроении.

Руководствуйтесь этими правилами, основанными на здравом смысле, и вы обеспечите себе счастливую брачную жизнь.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ СОВЕТ ПО БРАКОСОЧЕТАНИЯМ

Гудмэн медленно порвал листок на мелкие клочки и швырнул их на пол лимузина. Его реформистская душа пылала. Он знал, что Транай слишком хорош, чтобы быть справедливым ко всем. Кто-то должен расплачиваться за совершенство. В данном случае расплачивались женщины.

Это был первый серьезный изъян, который он обнаружил в раю.

— Дорогой, что это было? — спросила Жанна, глядя на клочки бумаги.

— Глупейшие советы, — ответил Гудмэн. — Милая, ты когда-нибудь серьезно задумывалась над брачными обычаями вашей планеты?

— Нет. А что, разве они плохие?

— Они неправильные, совершенно неправильные. Здесь с женщинами обращаются как с игрушками, как с куклами, которых прячут, наигравшись. Неужели ты этого не видишь?

— Я никогда об этом не думала.

— Теперь ты сможешь над этим подумать, — заявил Гудмэн. — Многое скоро переменится, и эти перемены начнутся в нашем доме.

— Тебе лучше знать, дорогой, — послушно сказала Жанна. Она пожала ему руку. Он поцеловал ее.

Лимузин подъехал к космодрому, и они поднялись в космолет.

Медовый месяц на Доз был похож на краткое путешествие в безупречный рай. Прелести этой маленькой

транайской луны были созданы для влюбленных, и только для них одних. Бизнесмены не приезжали сюда для кратковременного отдыха, хищные холостяки не рыскали по тропинкам. Все усталые и разочарованные искатели мимолетных встреч должны были охотиться в других местах. Единственное правило на Доэ, которое строго соблюдалось, состояло в том, что сюда допускались лишь парочки, веселые и влюбленные, всем другим путь был закрыт.

Этот транайский обычай Гудмэн оценил сразу.

На маленькой планете было полно лужаек с высокой травой и густых зеленых рощиц для прогулок; в лесных чащах мерцали прохладные темные озера, а зубчатые высокие горы манили наверх. Влюбленные, к их величайшему удовольствию, постоянно терялись в лесах, но заблудиться по-настоящему было невозможно, так как всю планету можно было обойти за день. Благодаря слабому притяжению никто не мог утонуть в темных озерах, а падение с горы, хотя и вселяло страх, едва ли было опасным.

В укромных местечках находились маленькие отели. В барах хозяинчили приветливые седовласые бармены и царил полумрак. Были там мрачные пещеры, которые вели глубоко (но не очень глубоко) вниз, в фосфоресцирующие подземные залы с мерцающим льдом, где лениво текли подземные реки, в которых плавали огромные светящиеся рыбы с огненно-красными глазами.

Правительственный Совет по Бракосочетаниям находил эти бесхитростные аттракционы достаточными и не утруждал себя строительством бассейнов для плавания, полей для гольфа, теннисных кортов и дорожек для верховой езды. Считалось, что, как только у влюбленной парочки возникает потребность в подобных вещах, медовый месяц должен заканчиваться.

Гудмэн и его жена провели чудесную неделю на Доэ и наконец вернулись на Транай.

После того как Гудмэн внес жену на руках через порог своего нового дома, он первым делом отключил генератор дерсин-поля.

— Дорогая, — сказал он, — до сих пор я соблюдал все обычай Траная, даже если они казались мне смехотворными. Но с подобным обычаем я мириться не могу. На Земле я был основателем «Комитета равных возможностей для женщин». На Земле мы относимся к женщинам как к равным, как к товарищам, как к партнерам в радостях и трудностях жизни.

— Что за странные идеи, — сказала Жанна, нахмутив красивое лицо.

— Подумай, — настаивал Гудмэн. — В этом случае наша жизнь будет гораздо полнее и счастливее, чем если бы я заточил тебя в гарем дерсин-поля. Неужели ты не согласна?

— Ты знаешь намного больше меня, милый. Ты объехал всю Галактику, а я никогда не покидала Порт Транай. Раз ты говоришь, что так лучше, значит так и есть.

«Вне всякого сомнения, — подумал Гудмэн, — она самая совершенная из женщин».

Он вернулся на завод домашних роботов фирмы «Аббаг» и вскоре с головой погрузился в новый проект разусовершенствования. На этот раз его осенила блестящая идея: заставить суставы робота скрипеть и пищать. Шум повысит раздражающие свойства робота и тем самым сделает его уничтожение более приятным и более ценным психологически.

Мистер Аббаг пришел в восхищение от идеи, вновь повысил ей зарплату и попросил подготовить новое разусовершенствование к быстрейшему внедрению в производство.

Первоначально Гудмэн намеревался просто удалить некоторые из маслопроводов. Но оказалось, что трение ведет к слишком быстрому износу важных деталей. Естественно, этого допустить было нельзя.

Он начал работать над схемой вмонтированного приспособления, которое издавало бы писк и скрип. Шум должен был быть совершенно натуральным, а само приспособление недорогим, не ведущим к износу робота, а главное — небольших габаритов, так как корпус робота уже был до предела начинен разусовершенствованиями.

Однако Гудмэн обнаружил, что небольшие приспособления пищали как-то неестественно, а более круп-

ные приборы либо были чересчур дороги, либо не умещались в корпусе. Он начал задерживаться на работе по вечерам, похудел и стал раздражительным.

Жанна была хорошей, надежной женой. Она вовремя готовила завтраки, обеды и ужины, вечером была неизменно приветлива и с сочувствием выслушивала рассказы Гудмэна о его трудностях на работе. Днем она следила за тем, как роботы убирают дом. На это уходило меньше часа, а затем она читала книги, пекла пироги, вязала и уничтожала роботов — иногда трех, а иногда четырех в неделю.

Гудмэна это немного тревожило. Однако у каждого должно быть свое хобби, и он мог позволить себе баловать ее, поскольку роботов он получал с завода со скидкой.

Гудмэн зашел в тупик в своих исследованиях, когда другой изобретатель, некий Дат Херго, придумал новую систему контроля за движениями робота. Она основывалась на принципе контргироскопа и позволяла роботу входить в комнату с креном в 10 градусов. (Отдел исследований установил, что вызывающий наибольшее раздражение крен, допустимый для роботов, равен 10 градусам.) Более того, особое кибернетическое устройство заставляло робота время от времени шататься как пьяного — робот ничего не ронял, но создавал неприятное впечатление, что вот-вот уронит.

Это изобретение, разумеется, приветствовали как значительный шаг вперед в технике разусовершенствования. Гудмэну удалось вмонтировать свой узел писка и скрипа прямо в центр кибернетической контрольной системы. Научно-технические журналы упомянули его имя рядом с именем Дат Херго.

Новая модель домашних роботов произвела сенсацию.

Настал час, когда Гудмэн решил оставить работу и взять на себя обязанности Верховного Президента Транай. Он чувствовал, что это его долг перед транайцами. Если изобретательность и знания землянина помогли улучшить разусовершенствование, они дадут еще больший эффект в улучшении совершенства. Транай был

близок к Утопии. Когда он возьмет штурвал в свои руки, планета сможет пройти последний отрезок пути к совершенству.

Он пошел обсудить это с Мелитом.

— На мой взгляд, всегда можно что-то изменить, — глубокомысленно изрек Мелит. Министр по делам иноzemцев сидел у окна и праздно глядел на прохожих. — Правда, наша нынешняя система существует уже немало лет и дает отличные результаты. Не знаю, что вы улучшите. Например, у нас нет преступности...

— Потому что вы ее узаконили, — заявил Гудмэн. — Вы просто уклоняетесь от решения проблемы.

— У нас другой подход. Нет нищеты...

— Потому что все воруют. И нет проблемы престарелых, потому что правительство превращает их в попрошайек. Что вы ни говорите, многое нуждается в улучшении и перестройке.

— Пожалуй, — сказал Мелит. — Но, на мой взгляд... — он внезапно умолк, бросился к стене и схватил винтовку. — Вот он!

Гудмэн выглянул в окно. Мимо здания шел человек, внешне ничем не отличающийся от других прохожих. Он услышал приглушенный щелчок и увидел, как человек покачнулся и рухнул на мостовую.

Мелит застрелил его из винтовки с глушителем.

— Зачем вы это сделали? — выдавил из себя изумленный Гудмэн.

— Потенциальный убийца, — ответил Мелит.

— Что?

— Конечно, у нас нет открытой преступности, но все остаются людьми, поэтому мы должны считаться с потенциальной возможностью.

— Что он натворил, чтобы стать потенциальным убийцей?

— Убил пятерых, — заявил Мелит.

— Но... черт вас побери, это же несправедливо! Вы его не арестовали, не судили, он не мог посоветоваться с адвокатом...

— А как я мог это сделать? — спросил несколько раздосадованный Мелит. — У нас нет полиции, чтобы арестовывать людей, и нет судов. Бог мой, неужели вы ожидали, что я позволю ему продолжать убивать лю-

дей? По нашему определению, убийца тот, кто убил десять человек, а он был близок к этому. Не мог же я сидеть сложа руки. Мой долг — защищать население. Могу вас заверить, что я тщательно навел справки.

— Но это несправедливо! — закричал Гудмэн.

— А кто сказал, что справедливо? — заорал, в свою очередь, Мелит. — Какое отношение справедливость имеет к Утопии?

— Прямое! — Усилием воли Гудмэн заставил себя успокоиться. — Справедливость составляет основу человеческого достоинства, человеческого желания...

— Громкие слова, — сказал Мелит со своей обычной добродушной улыбкой. — Постарайтесь быть реалистом. Мы создали Утопию для людей, а не для святых, которым она не нужна. Мы должны считаться с недостатками человеческой натуры, а не притворяться, что их не существует. На наш взгляд, полицейский аппарат и законодательная система имеют тенденцию создавать атмосферу, порождающую преступность и допустимость преступлений. Поверьте мне, лучше не признавать возможности совершения преступлений вообще. Подавляющее большинство народа поддержит эту точку зрения.

— Но когда сталкиваешься с преступлением, как это неизбежно бывает...

— Сталкиваешься лишь с потенциальной возможностью, — упрямо отстаивал свои доводы Мелит. — И это бывает гораздо реже, чем вы думаете. Когда такая возможность возникает, мы ее ликвидируем простым и быстрым способом.

— А если вы убьете невинного?

— Мы не можем убить невинного. Это исключено.

— Почему исключено?

— Потому что, согласно определению и неписанным законам, каждый, кого ликвидировал представитель власти, является потенциальным преступником.

Марвин Гудмэн несколько минут молчал. Затем заговорил снова:

— Я вижу, что правительство имеет больше власти, чем мне казалось вначале.

— Да, — бросил Мелит. — Но не так много, как вы себе представляете.

Гудмэн иронически улыбнулся.

— А я еще могу стать Верховным Президентом, если захочу?

— Конечно. И без всяких условий. Хотите?

Гудмэн на минуту задумался. Действительно ли он хотел этого? Но кто-то должен править. Кто-то должен защищать народ. Кто-то должен провести несколько реформ в этом утопическом сумасшедшем Доме.

— Да, хочу, — проговорил Гудмэн.

Дверь распахнулась, и Верховный Президент Борг ворвался в кабинет.

— Чудесно, чудесно! Вы можете перебраться в Национальный дворец сегодня же. Я уложил свои вещи неделю назад в ожидании вашего решения.

— Очевидно, предстоит выполнить какие-то формальности...

— Никаких формальностей, — ответил Борг. Лицо его лоснилось от пота. — Абсолютно никаких. Я просто передам вам президентский медальон, затем пойду вычеркну свое имя из списков и впишу ваше.

Гудмэн бросил взгляд на Мелита. Круглое лицо министра по делам иноземцев было непроницаемым.

— Я согласен, — сказал Гудмэн.

Борг взялся рукой за президентский медальон и начал снимать его с шеи.

Внезапно медальон взорвался.

Гудмэн с ужасом уставился на окровавленное месиво, которое только что было головой Борга. Какое-то мгновение Верховный Президент держался на ногах, затем покачнулся и сполз на пол.

Мелит стащил с себя пиджак и набросил его на голову Борга. Гудмэн попытился и тяжело опустился в кресло. Губы его шевелились, но дар речи покинул его.

— Какая жалость, — заговорил Мелит. — Ему так немного осталось до конца срока президентства. Я его предупреждал против выдачи лицензии на строительство нового космодрома. Граждане этого не одобряют, говорил я ему. Но он был уверен, что они хотят иметь два космодрома. Что ж, он ошибся.

— Вы имеете в виду... я хочу... как... что...

— Все государственные служащие, — объяснил Мелит, — носят медальон — символ власти, начиненный определенным количеством тесскума — взрывчатого вещества, о котором вы, возможно, слышали. Заряд контролируется по радио из Гражданской приемной. Каждый гражданин имеет доступ в Приемную, если желает выразить недовольство деятельностью правительства. — Мелит вздохнул. — Это навсегда останется черным пятном в биографии бедняги Борга.

— Вы позволяете людям выражать свое недовольство, взрывая чиновников? — простонал испуганный Гудмэн.

— Единственный метод, который эффективен, — возразил Мелит. — Контроль и баланс. Как народ в нашей власти, так и мы во власти народа.

— Так вот почему он хотел, чтобы я занял его пост. Почему же мне никто этого не сказал?

— Вы не спрашивали, — сказал Мелит с еле заметной улыбкой. — Почему у вас такой перепуганный вид? Вы же знаете, что политическое убийство возможно на любой планете при любом правительстве. Мы стараемся сделать его конструктивным. При нашей системе народ никогда не теряет контакта с правительством, а правительство никогда не пытается присвоить себе диктаторские права. Каждый знает, что может прибегнуть к Гражданской приемной, но вы удивитесь, если узнаете, как редко ею пользуются. Конечно, всегда найдутся горячие головы...

Гудмэн поднялся и направился к двери, стараясь не глядеть на труп Борга.

— Разве вы уже не хотите стать Президентом? — спросил Мелит.

— Нет!

— Как это похоже на вас, землян, — грустно заметил Мелит. — Вы хотите обладать властью при условии, что она не влечет за собой никакого риска. Неправильное отношение к государственной деятельности.

— Может быть, вы и правы, — сказал Гудмэн. — Я просто счастлив, что вовремя об этом узнал.

Он поспешил домой.

В голове у него царил кавардак, когда он открыл входную дверь. Что же такое Транай — Утопия? Или

вся планета — гигантский дом для умалишенных? А велика ли разница?

Впервые за свою жизнь Гудмэн задумался над тем, стоит ли добиваться Утопии. Не лучше ли стремиться к совершенству, чем обладать им? Может быть, предпочтительнее иметь идеалы, чем жить согласно этим идеалам? Если справедливость — это заблуждение, может быть, заблуждение лучше, чем истина?

А может, наоборот? Запутавшись в своих мыслях, расстроенный Гудмэн устало вошел в комнату и застал жену в объятиях другого мужчины.

В его глазах сцена запечателась необычайно четко, как при замедленной съемке. Казалось, Жанне потребовалась целая вечность, чтобы подняться, привести в порядок платье и уставиться на него с широко раскрытым ртом. Мужчина — высокий красивый парень, совершенно незнакомый Гудмэну, — от изумления потерял дар речи. Он беспорядочными движениями приглаживал лацканы пиджака, поправлял манжеты.

Затем он неуверенно улыбнулся.

— Ну и ну! — сказал Гудмэн. В данной ситуации такое выражение было слабоватым, но результат был достигнут. Жанна заплакала.

— Виноват, — пробормотал незнакомец. — Не ожидал, что вы так рано вернетесь домой. Для вас это должно быть ударом. Я ужасно сожалею.

Единственно, чего Гудмэн не ждал и не хотел, — это сочувствия со стороны любовника своей жены. Не обращая внимания на мужчину, он в упор глядел на плачущую Жанну.

— А ты что думал? — внезапно завопила Жанна. — Я была вынуждена! Ты меня не любил!

— Не любил тебя? Как ты можешь так говорить?

— Из-за твоего отношения ко мне.

— Я очень тебя любил, Жанна, — тихо сказал Гудмэн.

— Неправда! — взвизгнула она, откинув назад голову. — Только посмотри, как ты со мной обращался. Держал меня в доме целыми днями, каждый день заставлял заниматься домашним хозяйством, стряпать,

просто сидеть без дела. Марвин, я физически ощущала, что старею. Изо дня в день все те же нудные, глупые, будничные дела. И в большинстве случаев ты возвращался домой слишком усталым и даже не замечал меня. Ни о чем не мог говорить, кроме своих дурацких роботов! Ты растречивал мою жизнь, Марвин, растречивал.

Внезапно Гудмэну пришла в голову мысль, что его жена потеряла рассудок.

— Жанна, — заговорил он нежно, — такова жизнь. Муж и жена вступают в дружеский союз. Они стареют вместе, рядом друг с другом. Жизнь не может состоять из одних радостей...

— Нет, может! Постарайся понять, Марвин, здесь, на Транае, это возможно — для женщины!

— Невозможно, — возразил Гудмэн.

— На Транае женщину ожидает жизнь, полная наслаждений и удовольствий. Это ее право, так же как у мужчин есть свои права. Она ждет, что выйдет из стасиса и ее поведут в гости, пригласят на коктейль, возьмут на прогулку под луной, в бассейн или кино. — Она снова зарыдала. — Но ты хитрый. Тебе надо было все переделать. Как глупо я поступила, доверившись землянину.

Я знаю, Марвин, ты не виноват, что ты чужеземец. Но я хочу, чтобы ты понял. Любовь — это еще не все. Женщина должна быть также практичной. При таком положении вещей я стала бы старухой, тогда как мои друзья были бы все еще молодыми.

— Все еще молодыми, — тупо повторил Гудмэн.

— Разумеется, — сказал мужчина. — В дерсин-поле женщина не стареет.

— Но это же отвратительно! — воскликнул Гудмэн. — Я состарюсь, а моя жена все еще будет молодой.

— Именно тогда ты и будешь ценить молодых женщин, — сказала Жанна.

— А как насчет тебя? — спросил Гудмэн. — Ты стала бы ценить пожилого мужчину?

— Он все еще не понял, — заметил незнакомец.

— Марвин, подумай. Неужели тебе еще не ясно? Всю твою жизнь у тебя будет молодая и красивая

женщина, чье единственное желание — доставлять тебе удовольствие. А когда ты умрешь — что ты удивляешься, милый, все мы смертны, — когда ты умрешь, я все еще буду молода и по закону унаследую все твои деньги.

— Начинаю понимать, — вымолвил Гудмэн. — Еще один аспект транайской жизни — богатая молодая вдова, живущая в свое удовольствие.

— Естественно. Так лучше для всех. Мужчина имеет молодую жену, которую он видит только тогда, когда захочет. Он пользуется полной свободой, у него к тому же уютный дом. Женщина избавлена от всех неприятностей будничного быта, хорошо обеспечена и может еще насладиться жизнью.

— Ты должна была мне об этом рассказать, — жалобно сказал Гудмэн.

— Я думала, ты знаешь, — ответила Жанна, — раз ты считал, что твой метод лучше. Но я вижу, что ты все равно бы не понял. Ты такой наивный — хотя должна признаться, что это одна из твоих привлекательных черт. — Она грустно улыбнулась. — Кроме того, если бы я тебе все рассказала, я никогда бы не встретила Рондо.

Незнакомец слегка поклонился.

— Я принес образцы кондитерских изделий фирмы Греа. Можете представить мое изумление, когда я нашел эту прелестную молодую женщину вне стасиса. Все равно как если бы сказка стала былью. Никогда не ждешь, что грезы сбудутся, поэтому вы должны признать, что в этом есть особая прелесть.

— Ты любишь его? — мрачно спросил Гудмэн.

— Да, — сказала Жанна. — Рондо заботится обо мне. Он собирается держать меня в стасис-поле достаточно долго, чтобы компенсировать потерянное мною время. Это жертва со стороны Рондо, но у него добрая душа.

— Если так обстоят дела, — сухо сказал Гудмэн, — я, конечно, вам мешать не буду. В конце концов, я цивилизованный человек. Я даю тебе развод.

Он скрестил руки на груди, смутно сознавая, что его решение вызвано не столько благородством, сколь-

ко внезапным острым отвращением ко всему транайскому.

— У нас на Транае нет разводов, — сказал Рондо.

— Нет? — Гудмэн почувствовал, как по его спине пробежал холодок.

В руке Рондо появился пистолет.

— Подумайте, сколько было бы неприятностей, если бы люди вечно обменивались партнерами по браку. Есть лишь один способ изменить супружеское состояние.

— Но это же гнусно! — выпалил Гудмэн, пятясь назад, — Это просто неприлично!

— Вовсе нет, если только супруга этого желает. Между прочим, еще одна отличная причина для того, чтобы держать жену в стасисе. Ты мне разрешаешь, дорогая?

— Да. Прости меня, Марвин, — сказала Жанна и зажмурила глаза.

Рондо поднял пистолет. В ту же секунду Гудмэн нырнул головой вперед в ближайшее окно. Луч из пистолета Рондо сверкнул над ним.

— Послушайте! — закричал Рондо. — Будьте мужчиной! Где же ваша храбрость?

Гудмэн больно ударился плечом при падении. Он мигом вскочил и пустился наутек. Второй выстрел Рондо обжег ему руку. Он юркнул за дом и на минуту оказался в безопасности. И не стал тратить время, чтобы обдумать случившееся, а изо всех сил побежал к космодрому.

К счастью, на взлетной площадке стояла ракета, которая доставила его на г'Мори. Оттуда он послал радиограмму в порт Транай с просьбой выслать принадлежащие ему деньги и купил билет на Хигастомерит-рейю, где его арестовали, приняв за шпиона с плачеты Динг. Дингане — амфибийная раса, и Гудмэн едва не утонул, прежде чем доказал, ко всеобщему удовольствию, что может дышать лишь воздухом.

Беспилотная грузовая ракета перевезла его мимо планет евес, Олго и Ми на двойную планету Мванти. Он нанял частного летчика, и тот доставил его на Белисморанти, где начиналась сфера влияния Земли. Оттуда на космическом лайнере местной компании он

пролетел сквозь Галактический вихрь и, сделав остановки на планетах Ойстер, Лекунг, Панканг, Инчанг и Мачанг, прибыл на Тунг-Брадар-IV.

Деньги у него к этому времени кончились, но, если исходить из астрономических расстояний, он практически был уже на Земле. Ему удалось заработать на билет на Оуме, а с Оуме перебраться на Легис-II. Там Общество содействия межзвездным путешественникам помогло ему получить место на корабле, на котором он вернулся на Землю.

Гудмэн осел в Сикирке, штат Нью-Джерси, где человек может ни о чем не беспокоиться, пока регулярно платит налоги. Он занимает должность главного конструктора роботов в Сикиркской строительной корпорации, женат на маленькой тихой брюнетке, которая явно обожает его, хотя он редко позволяет ей выходить из дома.

Вместе со старым капитаном Сэвиджем он частенько навещает «Лунный бар» Эдди. Там они пьют «Особый транайский» и беседуют о благословенной планете Транай, где люди познали смысл существования и обрели наконец истинную свободу. В таких случаях Гудмэн жалуется на легкий приступ космической лихорадки, из-за которой он никогда не сможет вновь отправиться в космос, не сможет вернуться на Транай.

Недостатка в восхищенных слушателях в такие вечера не бывает.

Недавно Гудмэн при поддержке капитана Сэвиджа учредил Сикиркскую лигу за лишение женщин избирательных прав. Они единственные члены этой лиги, но, как говорит Гудмэн, разве что-нибудь может остановить борца за идею?

ОБМЕН РАЗУМОВ

Глава 1

На рекламной полосе в «Стэнхуп газетт» Марвин Флинн вычитал такое объявление:

«Джентльмен с Марса, 43 лет, тихий, культурный, начитанный, желает обменяться телами с земным джентльменом сходного характера с 1 августа по 1 сентября. Справки по требованию. Услуги маклеров оплачены».

Этого заурядного сообщения было достаточно, чтобы у Марвина Флинна залихорадил пульс. Махнуться телами с марсианином!

Идея увлекательная и в то же время отталкивающая. В конце концов любому неприятно, если какой-то пескоядный марсианин станет из его собственной головы двигать его собственными руками и ногами, смотреть его глазами и слушать его ушами. Но в возмещение этих неприятностей он, Марвин Флинн, увидит Марс. Причем увидит так, как надо видеть: через восприятие аборигена.

Одни коллекционируют картины, другие — книги, третьи — женщин, а Марвин Флинн стремился охватить сущность всех увлечений, путешествуя. Однако его всепоглощающая страсть к путешествиям оставалась, увы, неудовлетворенной. Он родился и вырос в Стэнхупе, штат Нью-Йорк. Географически родной городок находился милях в трехстах к северу от Нью-Йорка. В духовном же и эмоциональном отношении между этими двумя пунктами пролегало чуть ли не целое столетие.

Стэнхуп — милое пасторальное селеньице, расположеннное в предгорье Адирондаков, изобилующее фруктовыми садами и испещренное стадами пегих коров на

зеленых холмистых пастбищах. Неуязвимый в своем пристрастии к буколике, Стэнхуп упорно цеплялся за древние обычаи. Дружелюбно, хоть и не без задора, городок держался подальше от каменного сердца страны — суперстолицы. Линия метро ИРТ — Седьмая авеню прогрызла себе путь под землей до Кингстона, но не далее. Исполинские шоссе раскинули бетонные щупальца по всему штату, но не дотянулись до усаженной вязами Мейн-стрит — главной улицы Стэнхупа. В других городах были ракетодромы — Стэнхуп хранил верность архаичному аэропорту. По ночам в постели Марвин то и дело прислушивался к мучительно-волнующему звуку вымирающей сельской Америки — однокому воплю реактивного лайнера.

Стэнхуп довольствовался самим собой. Остальной мир, по-видимому, вполне довольствовался тем, что предоставлял Стэнхупу романтически грезить об ином, не столь стремительном веке.

Единственным, кого такое положение вещей не устраивало, был Марвин Флинн.

Он совершал поездки, как это было принято, и смотрел то, что принято смотреть. Как и все, он не раз проводил субботу и воскресенье в Европе. Он посетил в батискафе затонувший город Миами, полюбовался висячими садами Лондона и поклонился идолам в храме Бах-ай у залива Хайфа. Во время отпусков он ходил в пеший поход по Земле Мэри Бэрд (Антарктида), исследовал леса Дождевых Деревьев в нижнем течении Итури¹, пересек Шинкай на верблюде и даже несколько недель прожил в Лхасе — столице мирового искусства.

Словом, обычный туристский ассортимент. Флинну хотелось путешествовать по-настоящему. То есть отправиться в космические круизы.

Казалось бы, не такое уж невыполнимое желание. Однако Флинн ни разу не был даже на Луне.

В конечном итоге все сводилось к экономике. Межзвездное путешествие во плоти и крови — удовольствие дорогое, для простого человека оно исключается.

¹ Итури — правый приток реки Конго.

Разве что он пожелает воспользоваться преимуществом Обмена Разумов.

Марвин старался примириться со своим положением в обществе и с более чем приемлемыми перспективами, которые открывало перед ним это положение. В конце концов он свободный гражданин, почти совсем белый, ему всего тридцать один год, у него высокий рост, широкие плечи, черные усы и мягкие карие глаза. Он получил традиционное образование — начальная и средняя школа, двенадцать лет в колледже, четыре года последипломной практики, — и его считали достаточно хорошим специалистом в корпорации «Рик-Питерс». Там он подвергал флюороскопии пластмассовые игрушки, исследуя их на микроусадку, пористость, усталостный износ и так далее. Возможно, работа не из самых важных, но ведь не всем же быть королями или космонавтами. Должность у Флинна была, безусловно, ответственная, особенно если учесть роль игрушек в нашем мире и жизненно важную задачу высвобождения нераспространенной детской энергии.

Все это Марвин знал и тем не менее был недоволен. Повидать Марс, посетить Нору Песчаного Царя, насладиться великолепием звуковой гаммы «Мук любви», прислушаться к цветным пескам Великого Сухого Моря...

Раньше он только мечтал. Теперь дело иное.

В горле непривычно першило от готовности вот-вот принять решение. Марвин благоразумно не стал торопить события. Вместо этого он взял себя в руки и отправился в центр, в Стэнхоупскую Аптеку.

Глава 2

Как он и ожидал, его закадычный друг Билли Хейк сидел у стойки с содовой и потягивал фрапп с ЛСД¹!

— Как ты сегодня, старая сводня? — приветствовал друга Хейк на распространенном в те дни жаргоне.

— Полон сил, как крокодил, — традиционной формулой ответил Марвин.

— Ду коомен² мучо-мучо рапидо³? — спросил Билли. (В том году считалось остроумным говорить на ломаном испано-голландском диалекте.)

— Я, минхеер, — с запинкой ответил Марвин. Ему просто было не до состязаний в остроумии.

Билли уловил нотку раздражения. Он насмешливо приподнял бровь, сложил комикс, посвященный Джеймсу Джойсу, сунул в рот сигару «Кин-Смоук», надкусил ее, выпустил ароматный зеленый дым и спросил:

— Отчего скучился?

Вопрос, хоть и заданный кислым тоном, был вполне доброжелателен.

Марвин уселся рядом с Билли. У него было тяжело на душе, но все же не хотелось делиться горестями с легкомысленным другом, и потому, воздев руки, он повел беседу на индейском языке знаков. (Многие молодые люди с интеллектуальными запросами все еще находились под впечатлением прошлогодней сенсации — проектоскопического фильма «Дакотский диалог»; в фильме с участием Бьорна Ракрадиша (Безумный Конь)

¹ЛСД — наркотик.

²Ты пришел (гол.).

³Очень-очень быстро (исп.).

и Миловары Славовивович (Красная Туча) герои изъяснялись исключительно жестами.)

Иронически и в то же время серьезно Марвин изобразил разбитое сердце, блуждающего коня, солнце, которое не светит, и луну, которая не восходит.'

Помешал ему мистер Байджлоу, хозяин Стэнхоупской Алтеки. Это был человек средних лет (ему уже исполнилось семьдесят четыре), лысеющий, с небольшим, но заметным брюшком. Несмотря на все это, замашки у него были как у юнца. Вот и теперь он сказал Марвину:

— Э, минхеер, кверен зи томар ля клопье имменса де ла кабеца вефрувенс им форма де мороженое с фруктами?

Для мистера Байджлоу и прочих представителей его поколения было характерно, что они злоупотребляли молодежным жаргоном.

— Шнелль¹!, — оборвал его Марвин с бездумной жестокостью молодых.

— Ну, знаете ли, — только и вымолвил мистер Байджлоу, оскорбленно удаляясь.

Билли видел, что друг страдает. Это его смущало. Ему уже стукнуло тридцать четыре года, еще чуть-чуть, и он станет мужчиной. И работа у него была хорошая — десятник на 23-м сборном конвейере тарной фабрики «Питерсон». Держался он, конечно, по-прежнему как подросток, но знал, что возраст уже налагает определенные обязательства. Поэтому он преодолел свою природную застенчивость и заговорил со старым другом напрямик:

— Марвин, в чем дело?

Марвин пожал плечами, скривил губы и бесцельно забарабанил пальцами по столу, затем сказал:

— Ойра², омбре, айн клайннахтмузик эс демасиад³, нихт вар? Дер Тодт ты руве коснуться...

— Попроще, — прервал Билли не по возрасту солидно.

¹ Живо (нем.).

² Слушай (исл.).

³ Это уж слишком (исл.).

— Извини, — продолжал Марвин открытым текстом. — У меня просто... Ах, Билли, мне просто ужасно хочется путешествовать, право!

Билли кивнул. Ему было известно, какою страстью одержим его друг.

— Ясно, — сказал он. — Мне тоже.

— Но не так сильно, Билли... я себе места не нахожу.

Принесли мороженое с фруктами. Марвин не обратил на него внимания и продолжал изливать душу своему другу детства.

— Мира¹, Билли, поверь, нервы у меня на взводе, как пружина в пластмассовой игрушке. Я все думаю о Марсе, Венере и по-настоящему далеких местах вроде Альдебарана и Антареса, и... черт возьми, понимаешь, даже думать не могу ни о чем другом. В голове у меня то Говорящий Океан Проциона-4, то трехстворчатые человекоподобные на Аллуи-2, да я просто помру, если не повидаю тех мест воочию.

— Точно, — согласился друг. — Я бы тоже хотел их повидать.

— Нет, ничего ты не понимаешь, — возразил Марвин. — Дело не в том, чтобы повидать... тут совсем другое... гораздо хуже... пойми, не могу я прожить здесь, в Стэнхупе, всю жизнь. Пусть даже у меня недурная работа и я провожу вечера с первоклассными девчонками. Но, черт побери, не могу я просто жениться, наплодить детей и... и... есть же в жизни что-то еще!

Тут Марвин снова сбился на мальчишечью неразборчивую скороговорку. Однако смятение прорывалось сквозь неудержимый поток слов. Поэтому друг мудро кивал головой.

— Марвин, — сказал он мягко, — это все ясно как дважды два, ей-богу же, гадом буду. Но ведь даже межпланетное путешествие обходится в целое состояние. А межзвездное просто-напросто невозможно.

— Все возможно, — ответил Марвин, — если пойти на Обмен Разумов.

— Марвин! Ты этого не сделаешь! — вырвалось у шокированного друга.

¹ Здесь: «знаешь» (исл.).

— Нет, сделаю! — настаивал Марвин. — Клянусь Кристо Мальэридо, сделаю!

На сей раз шокированы были оба. Марвин почти никогда не употреблял имени божьего всуе.

— Как ты можешь?! — не унимался Билли. — Обмен Разумов — грязное дело!

— Каждый понимает в меру своей испорченности.

— Нет, серьезно. Зачем тебе нужно, чтоб у тебя в голове поселился пескоядный старикашка с Марса? Будет двигать твоими руками и ногами, смотреть твоими глазами, трогать твое тело и даже, чего доброго...

Марвин перебил друга, прежде чем тот ляпнул какую-нибудь пакость.

— Мира, — сказал он. — Рекуэрдо ке¹ на Марсе я стану распоряжаться телом этого марсианина, так что ему тоже будет неловко.

— Марсиане не испытывают неловкости, — сказал Билли.

— Неправда, — не согласился Марвин. Младший по возрасту, он во многих отношениях был более зрелым, чем друг. В колледже ему хорошо давалась Сравнительная межзвездная этика. А жгучее стремление путешествовать сделало его менее провинциальным, чем друг, и лучше подготовило к тому, чтобы становиться на чужую точку зрения. С двенадцати лет — с тех пор как он научился читать, — Марвин изучал уклады и обычай множества различных рас Галактики. Больше того, по Симпатическому проецированию личности он набрал девяносто пять очков из ста возможных.

Он вскочил на ноги.

— Разрази меня гром! — воскликнул он, хлопнув себя правым кулаком по левой ладони. — Так и будет!

Загадочная алхимия решения сделала Марвина другим человеком. Без колебаний он вернулся домой, уложил легкий чемодан, оставил родителям записку и сел в реактивный лайнер, следующий в Нью-Йорк.

¹Здесь: «Не забывай, что...» (исл.).

Глава 3

В Нью-Йорке Марвин сразу пошел в контору Отиса, Бландерса и Клента — маклеров по прокату тел. Его направили в кабинет мистера Бландерса — высоченного детины атлетического сложения, в расцвете лет; в свои шестьдесят три года он был уже полноправным компаньоном фирмы. Этому человеку Марвин и изложил цель своего визита.

— Конечно, конечно, — сказал мистер Бландерс. — Вы ссыаетесь на наше объявление от прошлой пятницы. Джентльмена с Марса зовут Зе Краггаш, у него превосходная рекомендация от ректоров Ист-скернского университета.

— На что он похож? — спросил Марвин.

— Судите сами, — ответил Бландерс.

Он показал Марвину фото существа с бочкообразной грудью, тоненькими ногами, руками чуть потолще, крохотной головкой и необычайно длинным носом. На фото Краггаш стоял по колено в илистой глине, махал кому-то руками. Внизу была подпись: «На память о Грязевом Рае — лучшем курортном месте на Марсе, где можно отдыхать круглый год».

— Симпатичный парень, — заметил мистер Бландерс.

Марвин в сомнении кивнул.

— Живет он в Уогомстамке, — продолжал Бландерс, — на краю Исчезающей Пустыни в Нью-Саут-Марсе. Вы, наверное, знаете, что это чрезвычайно популярный туристский край. Подобно вам, мистер Краггаш жаждет путешествий и желает найти подходящее тело-носитель. Выбор он целиком и полностью

предоставил на наше усмотрение, оговорил лишь одно обязательное условие — здоровое тело и здоровый дух.

— Что ж, — сказал Марвин, — не хочу зря хвастаться, но меня всегда считали здоровяком.

— Это видно с первого взгляда, — ответил мистер Бландерс. — У меня, конечно, всего лишь предчувствие, а может быть, интуиция, но за тридцать лет работы с людьми я привык доверять своим предчувствиям. Трех желающих произвести данный обмен я уже отверг, основываясь исключительно на своей интуиции.

Этим обстоятельством мистер Бландерс гордился так явно, что Марвин почел своим долгом вставить:

— Да неужели?

— Можете не сомневаться. Вы не представляете, как часто мне по роду моей деятельности приходится выявлять и отклонять неподходящие кандидатуры. Всякие там невропаты, ищащие грязных и недозволительных приключений; преступники, пытающиеся выбраться из зоны действия местных законов; эмоционально неравновешенные типы. Я их всех выбраковываю.

— Надеюсь, я не подхожу ни под одну из упомянутых категорий? — сказал Марвин со сдавленным смешком.

— Смело могу заявить, что нет, — заверил его мистер Бландерс. — Я склонен считать вас в высшей степени нормальным молодым человеком: даже чрезмерно нормальным, если такое вообще мыслимо. Вас охватила тяга к путешествиям, что вполне свойственно вашему возрасту, эта страсть сродни влюбленности, или участию в спра-ведливой войне, или мировой скорби и прочим причудам молодежи. Ваше счастье, что природный ум или удача привели вас к нам — самой старой и надежной фирме, занимающейся Обменом Разумов, а не к кому-нибудь из менее щепетильных наших конкурентов; или, упаси боже, вас могло угораздить на Свободный Рынок.

Марвин почти ничего не знал о Свободном Рынке, но промолчал, не желая обнаружить свое невежество.

— А теперь, — сказал мистер Бландерс, — прежде чем мы удовлетворим вашу просьбу, надо выполнить кое-какие формальности.

— Формальности? — переспросил Марвин.

— Безусловно. Во-первых, вы должны пройти полное обследование — телесное, духовное и моральное.

Затем вдвоем с марсианским джентльменом вы подпишете акт об ответном ущербе. В акте обусловлено, что всякий ущерб, как умышленно, так и неосторожно причиненный телу-носителю, в том числе и по независящим обстоятельствам, будет: 1) возмещен по расценкам, установленным межзвездной конвенцией и 2) ответно причинен другому телу, согласно *lex talionis*.¹

— Как, как? — не понял Марвин.

— Око за око, зуб за зуб, — пояснил мистер Бландерс. — Допустим, вы, находясь в теле марсианина, сломали ногу. В соответствии с межзвездным правом, когда вы вновь перейдете в свое тело, вам тоже сломают ногу максимально научным и безболезненным способом.

— Даже если это произошло случайно?

— Особенно если это произошло случайно. Мы установили, что акт об ответном ущербе заметно уменьшил число таких случайностей.

— Мне начинает казаться, что это вроде бы опасно, — сказал Марвин.

— Всякое направленное действие содержит элемент опасности, — ответил мистер Бландерс. — Но риск при Обмене Разумов статистически ничтожно мал, только держитесь подальше от Искаженного Мира.

— Я очень мало знаю об Искаженном Мире, — признался Марвин.

— Все знают столько же, — ответил Бландерс. — Поэтому каждый считает, что надо держаться от него подальше.

Марвин в задумчивости кивнул.

— А еще что?

— Да ничего особенного. Просто бумажная волокита, отказы от особых прав и привилегий, все в таком роде. И конечно, я должен официально предостеречь вас от метафорической деформации.

— Ладно, — сказал Марвин. — Давайте я послушаю.

¹ Закон талиона (лат.).

— Да я же вас только что предостерег — удивился Бландерс. — Но могу предостеречь еще раз. Берегитесь метафорической деформации.

— Я бы с радостью, — ответил Марвин, — но мне ведь неизвестно, что это такое.

— В сущности, это совсем простая штука, — сказал Бландерс. — Если хотите, можете считать ее одной из форм ситуационного безумия. Видите ли, наша способность усваивать необычное не беспредельна, а когда путешествуешь на другие планеты, пределы оказываются очень узкими. Слишком много новых впечатлений; их приток становится невыносимым, и мозг ищет отдыха в буферном процессе аналогизирования. Этот процесс как бы создает мост между воспринятым известным и неприемлемым неизвестным, облекает невыносимое неизвестное в желанную мантию привычного. Когда субъект не справляется с притоком новых данных естественным путем концептивного аналогизирования, он становится жертвой перцептивного аналогизирования. Этот процесс известен также под названием «пансионизм». Теперь вам ясно?

— Нет, — ответил Марвин. — Почему это называется «пансионизм»?

— Объяснение заложено в самом названии, — сказал Бландерс. — Дон Кихот считает ветряную мельницу великаном, а Санcho Панса считает великана ветряной мельницей. Донкихотство можно определить как восприятие обыденных явлений в качестве необычайного; противоположное явление — пансионизм, это когда необычайное воспринимается как обыденное.

— Значит, — уточнил Марвин, — я могу подумать, что вижу корову, когда на самом деле предо мной альтаирец?

— Именно, — подтвердил Бландерс. — Но все очень просто, раз уж вы занялись Обменом, значит, привыкнете. Распишитесь вот тут и вот тут, и перейдем к делу.

Глава 4

Марсианин — одно из самых странных созданий в Галактике, хоть он и двуногий. Право же, нам, с нашими органами чувств, альдебаранские квизы как-то ближе, несмотря на то что у них две головы и множество лишних конечностей особого назначения. Не по себе становится, когда вселяешься в тело марсианина.

Марвин Флинн очутился в уютно обставленной комнате. В комнате было окно, через которое он глазами марсианина взирал на марсианский пейзаж.

Он зажмурился, так как не ощущал ничего, кроме ужасающего смятения. Несмотря на все прививки, его одолевали тошнотворные волны культур-шока, пришлось постоять неподвижно, пока тошнота не унялась. Потом он осторожно раскрыл глаза и осмотрелся.

Увидел он невысокие, плоские песчаные дюны, переливающиеся сотнями оттенков серого цвета. Вдоль горизонта проносился серебристо-голубой ветер, на него словно шавка набрасывался охряно-желтый встречный ветерок. Небо было красное, и в инфракрасном диапазоне различались бесчисленные непередаваемые тона.

Повсюду Флинн видел паутинки спектра. Земля и небо подарили ему десятки отдельных палитр, порой дополнительных цветов, но большей частью — цветов кричащих. На Марсе природным краскам недоставало гармонии.

Марвин обнаружил у себя в руке очки и нацепил их на нос. Тотчас же рев и буйство красок уменьшились до терпимой степени. Ошеломление, вызванное шоком, прошло, и Марвин стал воспринимать окружающее.

Прежде всего тяжелый гул в ухе и частый грохот — ни дать ни взять дробь тамтама. Он огляделся по сторонам в поисках источника этого шума, но, кроме земли да неба, ничего не увидел. Тогда он прислушался повнимательнее и установил, что шумы доносятся из его собственной груди. Это работали легкие и сердце — такие звуки сопровождают жизнь всякого марсианина.

Теперь Марвин мог детально ознакомиться с самим собой. Он взглянул на свои ноги, тонкие и веретенообразные. Коленный сустав отсутствовал, зато каждая нога сгибалась в лодыжке, в голени, в средней и верхней части бедра. Руки были чуть толще ног, а кисть с двумя суставами увенчивали три обычных пальца и два противостоящих больших. Эти пальцы сгибались и отгибались в самых неожиданных направлениях.

На нем были черные шорты и белый свитер. Аккуратно свернутый нагрудник лежал в разрисованном кожаном футляре. Марвин даже изумился, до чего естественным все ему казалось.

А удивляться-то было нечему. Именно умение разумных существ приспособиться к новой среде и сделало возможным Обмен Разумов.

Флинн размышлял на эту тему, как вдруг услышал, что у него за спиной открывается дверь. Он обернулся и увидел перед собой марсианина, одетого в полосатую серо-зеленую правительственную форму. В знак приветствия марсианин вывернул ноги под углом сто восемьдесят градусов, Марвин поспешил ответил тем же.

Одна из замечательных особенностей при Обмене Разумов — «автоматическое обучение». На профессиональном жаргоне это формулируется так: «Вселяясь в дом, вы получаете право пользования мебелью». Само собой, под мебелью подразумеваются элементарные сведения, накопленные мозгом носителя. Такие сведения, как язык, обычаи, нравы и этика, общая информация об окружении — общая, безликая, полезная, как справочник, но далеко не всегда надежная. Личные воспоминания, склонности, антипатии остаются, за некоторыми исключениями, недоступными «жильцу», или же становятся доступны лишь в результате неимоверного усилия мысли. Здесь также имеет место нечто вроде иммунологической реакции: между двумя несрав-

нимыми существами возможен лишь самый поверхностный контакт.

— Слабого ветра, — произнес марсианин стариное, классическое марсианское приветствие.

— И безоблачного неба, — ответил Флинн. Он с досадой обнаружил, что его носитель слегка шепелявит.

— Я Миэнгло Орихихих из Туристского Бюро. Добро пожаловать на Марс, мистер Флинн.

— Спасибо, — сказал Флинн. — Ужасно рад здесь очутиться. Это у меня, знаете ли, первый обмен.

— Знаю, — отозвался Орихихих. Он сплюнул на пол (верный признак нервозности) и разогнул большие пальцы. Из коридора донеслись возбужденные голоса. — Так вот, относительно вашего пребывания на Марсе...

— Я бы хотел повидать Нору Песчаного Царя, — сказал Флинн. — И, конечно, Говорящий Океан.

— Обе идеи превосходны, — одобрил чиновник. — Но прежде две или три мелкие формальности.

— Формальности?

— Ничего особенного, — сказал Орихихих, изогнув нос налево в марсианской улыбке. — Прошу вас, ознакомьтесь с этими бумагами и опознайте их.

Флинн взял в руки и бегло просмотрел бумаги, о которых шла речь. Они оказались копиями тех бланков, что он заполнял на Земле. Он прочитал их внимательно и убедился в полной достоверности всех сведений.

— Эти бумаги я подписывал на Земле, — заявил он.

Шум в коридоре усилился. Марвин различил слова:

— Кипятком ошпаренный, яйцекладущий сын замороженного пня! Дебил — пожиратель гравия!

Это были чрезвычайно оскорбительные ругательства.

Марвин вопросительно поднял нос. Чиновник спешно сказал:

— Недоразумение, путаница. Подобные нелепые на кладки случаются даже в самых образцовых из государственных туристских учреждений. Но я совершенно уверен, что мы все уладим, не успеет жаждущий выпить пять глотков рапи, если не раньше. Позвольте спросить, вы не...

Из коридора донесся шум какой-то возни, и в комнату ворвался другой марсианин, а за ним — третий,

чиновник помельче рангом, он хватал за локоть и тщетно пытался удержать второго марсианина.

Ворвавшийся в комнату марсианин был невероятно стар, о чем свидетельствовало слабое фосфорическое свечение его кожи. Руки у него дрожали, когда он простер их в сторону Марвина Флинна.

— Вот! — вскричал стариk. — Вот оно, и клянусь всеми пиями, оно мне нужно тотчас же!

— Сэр, — одернул его Марвин, — я не привык, чтобы обо мне говорили в среднем роде!

— Я говорю не о вас, — ответил престарелый марсианин. — Я вас не знаю, и мне дела нет, кто вы и что вы. Я говорю о теле, которое вы занимаете и которое вам не принадлежит.

— Что вы хотите сказать?

— Этот джентльмен, — вмешался первый чиновник, — утверждает, что вы занимаете принадлежащее ему тело. — Он дважды сплюнул на пол. — Это, конечно, путаница, мы в два счета разберемся.

— Путаница! — взывал престарелый марсианин. — Это махровое надувательство.

— Сэр, — с холодным достоинством возразил Марвин, — вы сильно заблуждаетесь. Это тело было выдано мне в пользование по всем правилам и согласно закону.

— Жаба чешуйчатая! — вскричал стариk. — Пустите меня!

Он стал осторожненько высвобождаться из хватки спутника.

Вдруг в дверях появилась внушительная фигура, с ног до головы облаченная в белое. Все, кто присутствовал в комнате, умолкли, едва их взгляд упал на уважаемого и внушающего страх представителя полиции Южно-Марсианской Пустыни.

— Джентльмены, — сказал полисмен, — взаимные упреки излишни. Пройдемте в полицейский участок. Там с помощью фулжимэянина-телепата мы доберемся до истины и узнаем побудительные мотивы.

Полисмен выдержал эффектную паузу, пристально поглядел каждому в лицо, проглотил слюну, демонстрируя полнейшее спокойствие, и прибавил:

— Уж это я вам обещаю.

Без дальнейших проволочек полисмен, чиновник, старик и Марвин Флинн последовали в полицейский участок. Шли они молча, в одинаково тревожном настроении.

По всей цивилизованной Галактике считается избитой истиной, что, когда идешь в полицию, неприятности у тебя только начинаются.

Глава 5

В полицейском участке Марвина Флинна вместе с прочими сразу отвели в полутемную сырую келью, где обитал фулжимэянин-телепат. Это трехногое существо, как и все жители планеты Фулжимэ, наделено шестым телепатическим чувством — скорее всего в виде компенсации за притупленность пяти остальных.

— Пусть будет что будет, — сказал фулжимэянин-телепат, когда все выстроились перед ним. — Выйди вперед, малый, и расскажи о своем деле.

Он строго указал пальцем на полисмена.

— Сэр, — от смущения полисмен выпрямился во весь свой рост, — я не кто-нибудь, а полисмен.

— Это очень интересно, — ответил телепат. — Но для меня остается неясным, какое отношение имеет данное обстоятельство к вопросу о вашей виновности или невиновности.

— Да ведь меня не обвиняют ни в каком преступлении, — отбивался полисмен.

На мгновение телепат задумался, потом сказал:

— Я, кажется, понимаю. Обвиняют вот этих двух. Так?

— Так, — подтвердил полисмен.

— Приношу извинения. Исходящая от вас эманация виновности спровоцировала меня на поспешный вывод.

— Виновности? — переспросил полисмен. — От меня?

Голос у него оставался спокойным, но на коже проступили характерные оранжевые полосы озабоченности.

— Да, от вас, — повторил телепат. — И нечего удивляться. Крупные хищения — это такая штука, после которой чувствуют вину почти все разумные существа.

— Но постойте! — воскликнул полисмен. — Я не совершил никакого крупного хищения!

Телепат закрыл глаза и углубился в собственные мысли. Наконец он сказал:

— Это верно. Я имел в виду, что вы еще совершиете крупное хищение.

— В суде ясновидение не считается доказательством, — провозгласил полисмен. — Более того, заглянуть в будущее — значит прямо нарушить закон о свободе воли.

— И это верно, — признал телепат. — Приношу извинения.

— Ничего, ничего, — сказал полисмен. — Когда же я совершу вышеупомянутое крупное хищение?

— Месяцев через шесть, — ответил телепат.

— И меня арестуют?

— Нет. Вы покинете эту планету и укроетесь в таком месте, где закон о выдаче уголовных преступников не действует.

— Гм, занятно, — сказал полисмен. — А скажите, пожалуйста... Впрочем, это мы обсудим попозже. Сейчас вы должны заслушать обе стороны и установить, кто виновен и кто невиновен.

Телепат осмотрел Марвина, погрозил ему перепончатой лапой и сказал:

— Приступайте.

Марвин поведал ему свою историю, начав с того, как он впервые прочел объявление, не пропустив ни одной подробности.

— Благодарю вас, — сказал телепат, когда Марвин закончил рассказ. — А теперь, сэр, ваш черед.

Он повернулся к старику, а тот откашлялся, почесал грудь, несколько раз плюнул и приступил к своему повествованию.

ИСТОРИЯ ЭЙЖЕЛЕРА ФРУСА

— Право, и не знаю, с чего начать, так что начну-ка я, пожалуй, со своего имени — меня зовут Эйжелер Фрус, расовой принадлежности — немукфянский адвентист, занятия — владелец магазина готового платья на планете Ахельс-5. Лавочка у меня маленькая, не очень прибыльная, находится в Ламберсе (это Южный Поляр-

ный круг), и я день-деньской продаю одежду рабочим, иммигрантам с Венеры, а это здоровенные, зеленые, волосатые парни, крайне невежественные, вспыльчивые, не дураки подраться, хоть я и чужд расовых предрассудков.

Такое занятие, как у меня, располагает к философии; пусть я небогат, зато сохранил здоровье (слава Богу), и жена моя Очаровала тоже, если не считать хронического фиброза щупалец. К тому же у меня двое взрослых сыновей, один работает врачом в Сидипорте, другой — тренер кланитов. Еще у меня есть замужняя дочь, а значит, само собой, и зять.

Зятю своему я никогда не доверял, потому что он франт, у него двенадцать пар нагрудников, а у моей дочки нет даже приличного комплекта чесательных палочек. Тут уж ничего не поделаешь, сама вырыла себе нору, теперь пусть в нее и лезет. Но все же, когда человек так увлекается нарядами, ароматическими маслами для суставов и прочими роскошествами, и все это на скромное жалованье коммивояжера, торгующего влагой (он-то величает себя инженером-гидросенсором), тут поневоле призадумаешься.

И вечно он пытается раздобыть деньжат на стороне, пускается во всякие дурацкие авантюры, которые я же должен финансировать из своих потом нажитых сбережений, — не так-то просто всучить одежду этим здоровенным зеленым парням. Например, в прошлом году ухватился он за новинку — дворовый тучедел, а я ему и говорю: «Да кому это надо?» Но жена настояла, чтобы я поддержал зятя, и, конечно же, он вылетел в трубу. А в этом году у него появился новый план — на сей раз дешевые изделия из переливчато-радужной синтетической шерсти с Веги-2; груз такой шерсти он откопал в Гелигопорте и хотел, чтобы я этот груз выкупил.

Я ему говорю: «Слушай, а много ли эти венерианские крикуны смыслят в щегольстве? Да они рады-радешеньки, если могут себе позволить твиловые шорты или плащ для воскресенья». Но мой зять за словом в карман не полезет, вот он мне и говорит: «Слушай, папа, я ли не изучал венерианские народные нравы и обычай? Я вот как понимаю: эти ребята выросли в дремучем лесу, они

любят обряды, пляски и особенно яркие цвета. Выходит, дело верняк, так или нет?»

В общем, если покороче, уговорил он меня на эту авантюру, хоть я и был против. Но я, естественно, решил взглянуть на переливчато-радужную шерсть своими глазами, потому что зятю я бы не доверил судить даже о клочке марли. А это значило, что мне нужно пересечь пол-Галактики и попасть на Марс, в Гелиопорт. Вот я и стал готовиться к поездке.

На обмен со мной никто не соглашался. Не то чтобы я кого-нибудь осуждал, ведь на такую планету, как Ахельс-5, никто не рвется, разве что иммигранты с Венеры, но они народ темный. Однако увидел я объявление марсианина Зе Краггаша, который хотел отдать свое тело напрокат, потому что разум он отправлял в холодильник, на длительный отдых. Чертовски дорого, но что оставалось делать? Часть денег я вернул — сдал свое тело приятелю, который охотился на квартенгов, пока его не приковал к постели мышечный дискомиотоз. Потом пошел в Бюро Обмена, и там меня спроектировали на Марс.

Вообразите же мое негодование, когда оказалось, что никакое тело мне не приготовлено! Все сбились с ног, пытаясь выяснить, что стряслось с телом-носителем, норовили даже отослать меня обратно на Ахельс-5; но ничего не вышло, так как приятель в моем теле отправился в экспедицию — охотиться на квартенгов.

Наконец подыскали мне тело в Терезиенштадтской фирме «Прокат». Они сдают максимум на двенадцать часов, потому что летом на краткосрочный прокат у них отбоя нет от заявок. Да и тело-то никудышное, песок из него сыплется, убедитесь сами, и в придачу содрали за него втридорога.

Пошел я выяснять, где что неладно, и что же оказалось? Этот турист с Земли нахально разгуливает в теле, за которое я уплатил сполна и которое в соответствии с контрактом я должен был бы занимать в эту самую минуту.

Это не только несправедливо, но и в высшей степени вредно для моего здоровья. Вот и вся моя история.

Телепат удалился в свою келью — обдумать решение. Не прошло и часа, как он вернулся и произнес:

— Оба вы взяли напрокат, по обмену или иным законным образом получили одно и то же тело, а именно телесную оболочку Зе Краггаша. Тело было предложено его хозяином, упомянутым Зе Краггашем, каждому из вас, а следовательно, сделка осуществлена в прямое нарушение всех соответствующих законов. Действия Зе Краггаша надлежит считать преступными, как по замыслу, так и по исполнению. Поскольку обстоятельства сложились именно так, я распорядился отправить на Землю депешу с требованием безотлагательного ареста упомянутого Зе Краггаша и содержания его под стражей до тех пор, пока не будет оформлена выдача его в руки соответствующих властей.

Оба вы заключили сделку в добросовестном заблуждении. Однако первую, или более раннюю, сделку, судя по бланкам контрактов, заключил мистер Эйжелер Фрус, опередив мистера Марвина Флинна на тридцать восемь часов. Следовательно, мистеру Фрусу, как первому покупателю, и присуждается данная телесная оболочка; мистеру же Флинну предписывается прекратить и прервать незаконное пользование и принять к сведению Уведомление о Выселении, которое я ему передаю и которое вступит в силу через шесть стандартных часов по Гринвичу.

Телепат вручил Марвину Уведомление о Выселении. Флинн взял его с грустью, но покорно.

— По-моему, — сказал он, — лучше будет, если я вернусь на Землю, в свое тело.

— Это самое мудрое решение, — одобрил телепат. — К несчастью, в ближайшее время это не представляется возможным.

— Не представляется? Почему?

— Потому что, — ответил телепат, — по сообщению земных органов власти, чью телепатему я только сейчас принял, ваше тело, одухотворенное разумом Зе Краггаша, не удалось обнаружить. Результаты предварительного дознания внушают опасение, что Зе Краггаш скрылся с планеты, прихватив с собою ваше тело и деньги мистера Эйжелера.

Дошло далеко не сразу. Но в конце концов Марвин Флинн осознал все последствия, вытекающие из услышанного.

Он застрял на Марсе в чужом теле, которое надо освободить. Через шесть часов он превратится в разум, лишенный тела и почти лишенный надежды обрести таковое.

Разум не может существовать вне тела. Медленно и неохотно Марвин Флинн принял к сведению, что стоит перед угрозой неминуемой смерти.

Глава 6

Марвин не предался отчаянию. Зато он предался гневу — эмоции гораздо более оправданной, хотя столь же безрезульятатной. Вместо того чтобы позорить себя, рыдая в суде, он позорил себя, бушуя в коридорах Федерал-Билдинг, требуя либо справедливости, либо, черт побери, какого-нибудь удачного ее эквивалента.

Молодой человек был глух ко всему. Тщетно втолковывали ему юристы, что если бы справедливость действительно существовала, то отпала бы необходимость в законе и законниках, а тогда исчезла бы одна из благоднейших концепций человечества, и целая профессия оказалась бы ненужной.

Этот вразумительный довод не умиротворил взбешенного Марвина, который являл собой существо, не поддающееся убеждению. В груди его трещало и скрежетало дыхание, когда он громовым голосом обличал судебную машину Марса. В таком настроении он подошел к двери с табличкой «Бюро сыска и задержания. Межзвездный отдел».

— Ага! — пробормотал Марвин и вошел внутрь.

Он очутился в маленькой комнатушке, точно сошедшей со страниц старинного исторического романа. Вдоль стен чинно выстроились старые, но надежные электронные калькуляторы. Возле двери стояла одна из первых моделей преобразователя мысли в машинописный текст. Кресла отличались определенностью формы и пластиковой обивкой пастельных тонов — тем, что ассоциируется с минувшей эрой праздности. Комнатушке не хватало только громоздкого «Морэни», чтобы стать точ-

ной копией места действия повести Шекли и других ранних поэтов Переходного века.

В одном из кресел сидел немолодой марсианин и метал стрелы в мишень, очертаниями напоминающую женский зад.

При входе Марвина он поспешил обернуться и сказал:

— Давно пора. Я вас ждал.

— Серьезно? — не поверил Марвин.

— Ну, не то чтобы уж совсем, — признался марсианин. — Но я установил, что такое начало беседы достаточно эффектно и создает атмосферу доверия.

— Зачем же вы губите эту атмосферу, открывая ее секрет?

— Все мы далеки от совершенства, — пожал плечами марсианин. — Я всего лишь простой труженик — сыщик. Урф Урдорф. Садитесь. Кажется, мы напали на след вашей меховой шубки.

— Какой меховой шубки? — удивился Марвин.

— Вы разве не мадам Риппер де Лоу — travesti, которую вчера вечером ограбили в отеле «Красные Пески»?

— Конечно, нет. Я Марвин Флинн. Потерял тело.

— Да, да, разумеется, — энергично закивал сыщик Урдорф. — Давайте-ка по порядку. Вы случайно не помните, где находились, когда впервые заметили пропажу тела? Не спрятал ли его кто-нибудь из ваших друзей, желая подшутить над вами? А может, вы его сами куда-нибудь заткнули или отправили отдохнуть?

— Вообще-то оно не то чтобы пропало, — сказал Марвин. — По-настоящему — его украли.

— Так бы и говорили с самого начала, — обиделся Урдорф. — Теперь дело предстает в совершенно ином свете. Я всего лишь сыщик; никогда не выдавал себя за чтеца чужих мыслей.

— Очень жаль, — сказал Марвин.

— Мне тоже жаль, — сказал сыщик Урдорф. — Это я о вашем теле. Должно быть, для вас это был форменный удар.

— Да, так оно и было.

— Представляю, каково вам теперь.

— Спасибо, — поблагодарил Марвин.

Несколько минут посидели в дружелюбном молчании. Первым заговорил Марвин.

— Ну?

— Прошу прощения? — ответил сыщик.

— Я говорю «ну?»!

— А-а! Извините, первый раз я вас не расслышал.

— Это ничего.

— Спасибо.

— Ради бога, пожалуйста.

Вновь наступило молчание. Затем Марвин опять сказал: «Ну?», а Урдорф ответил: «Прошу прощения?»

— Я хочу, чтобы мне его вернули, — сказал Марвин.

— Кого?

— Мое тело.

— Что-что? Ах да, ваше тело. Гм, еще бы вы не хотели, — подхватил сыщик с понимающей улыбкой. — Но это, конечно, не так-то легко, правда?

— Откуда мне знать, — ответил Марвин.

— Да, знать вам, пожалуй, неоткуда, — согласился Урдорф. — Но смею вас уверить, это не так-то легко.

— Понимаю, — сказал Марвин.

— Я вот и надеялся, что вы поймете.

Произнеся эти слова, Урдорф погрузился в молчание.

Молчание длилось приблизительно секунд двадцать пять плюс-минус секунда или две: к концу этого периода терпение у Марвина лопнуло, и он закричал:

— Черт вас возьми, намерены вы шевельнуть пальцем, чтобы вернуть мне тело, или же будете просиживать свою толстую задницу, не говоря ни единого путного слова?

— Конечно, я намерен вернуть вам тело, — сказал сыщик. — Или, во всяком случае, попытаться. И незачем меня оскорблять. Я, в конце концов, не машина с готовыми ответами на перфокартах. Я разумное существо, такое же, как и вы. У меня свои надежды и страхи. И свой метод ведения беседы. Вам он может казаться не очень действенным, но я нахожу его в высшей степени целесообразным.

— Это действительно так? — смягчился Марвин.

— Право же, так. — В кротком голосе сыщика не было и следа обиды.

Казалось, вот-вот наступит очередное молчание, поэтому Марвин сказал:

— Как по-вашему, есть ли надежда, что я... что мы вернем мое тело?

— Есть, и большая, — ответил сыщик Урдорф. — Я, откровенно говоря, рискну зайти довольно далеко и заявить, что уверен в успехе. Моя уверенность базируется не на изучении вашего конкретного случая, о котором мне известно очень немногое, а на простейших статистических выкладках.

— А выкладки свидетельствуют в нашу пользу? — осведомился Марвин.

— Вне всякого сомнения! Судите сами: я квалифицированный сыщик, владею всеми новейшими методами, мне присвоен высший индекс оперативности — АА-А. И все же, несмотря на это, за пять лет полицейской службы я еще ни разу не раскрыл преступления.

— Ни единого?

— Ни единого, — решительно подтвердил Урдорф. — Любопытно, не правда ли?

— Да, наверное, — сказал Марвин. — Но ведь это значит...

— Это значит, — перебил его сыщик, — что полоса неудач, самая редкостная из всех мне известных, по статистическому ожиданию должна вот-вот закончиться.

Марвин смешался, а это ощущение непривычно для марсианского тела. Он спросил:

— А что если полоса все же не закончится?

— Не будьте суеверным, — ответил сыщик. — Теория вероятностей на нашей стороне; в этом вы убедитесь даже при самом поверхностном анализе создавшегося положения. Я завалил сто пятьдесят семь дел подряд. Ваше сто пятьдесят восьмое. На что бы вы поставили, если бы были заядлым спорщиком?

— На то, что и дальше будет так продолжаться, — сказал Марвин.

— Я тоже, — признался сыщик с виноватой улыбкой. — Но тогда, заключая пари, мы исходили бы из эмоций, а не из разумного расчета. — Урдорф мечтательно поднял глаза к потолку. — Сто пятьдесят восемь

неудач! Фантастическая цифра! Такая полоса неминуемо должна закончиться! Скорее всего я теперь могу сидеть у себя в кабинете сложа руки, а преступник сам найдет ко мне дорогу.

— Да, сэр, — вежливо согласился Марвин. — Но вы, надеюсь, не станете пробовать именно такой метод.

— Да нет, — сказал Урдорф. — Его я испробовал в деле номер сто пятьдесят шесть. Нет, ваше дело я буду расследовать активно. Тем более что здесь налицо преступление сексуальное, а такие вещи меня особенно интересуют.

— Извините? — пролепетал Марвин.

— Вам совершенно не в чем извиняться, — заверил его сыщик. — Не следует испытывать чувство неловкости или вины только оттого, что вы стали жертвой сексуального преступления, пусть даже народная мудрость многих цивилизаций гласит, будто в таких случаях на жертву ложится позорное пятно, исходя из презумпции ее сознательного или подсознательного соучастия.

— Нет, нет, я не извинялся, — сказал Марвин. — Я просто...

— Вполне понимаю, — прервал его сыщик. — Но не стыдитесь, расскажите мне самые чудовищные, омерзительные подробности. Считайте меня безликой официальной инстанцией, а не разумным существом с половыми признаками, страхами, желаниями, вывихами, пополнениями...

— Я все пытаюсь вам втолковать, — сказал Марвин, — что сексуальное преступление здесь ни при чем.

— Все так говорят, — задумчиво произнес сынщик. — Поразительно, до чего неохотно приемлет неприемлемое человеческий разум.

— Вот что, — сказал Марвин, — если бы вы дали себе труд ознакомиться с фактами, то заметили бы, что речь идет о наглом мошенничестве. Мотивы преступления — деньги и самоувековечение.

— Это-то я знаю, — ответил сынщик. — И если бы не процессы сублимации, так бы мы и считали.

— Какими же еще мотивами мог руководствоваться преступник?

— Самыми очевидными, — сказал Урдорф. — Классический синдром. Видите ли, этот малый действовал под влиянием особого импульса, который принято обозначать особым термином. Преступление совершено в тяжелом состоянии давнего проективного нарциссова комплекса.

— Не понимаю, — пробормотал Марвин.

— С таким явлением малоосведомленные люди, как правило, не сталкиваются, — утешил его сыщик.

— А что это значит?

— Я не могу углубляться в дебри этиологии. А если вкратце, то синдром вызывает смещение себялюбия. Попросту говоря, больной влюбляется в другого, но не как в другого. Скорее он влюбляется в другого, как в самого себя.

— Ладно, — смирился Марвин. — Поможет это нам найти того, кто украл у меня тело?

— Вообще-то нет, — сказал сыщик. — Но это нам поможет его понять.

— Когда вы приступите? — спросил Марвин.

— А я уже приступил, — ответил сыщик. — Поплю, конечно, за судебными протоколами и прочими документами, относящимися к делу, запрошу дополнительную информацию у соответствующих органов других планет. Я не пожалею сил, а если будет нужно или полезно — отправлюсь на край Вселенной. Это преступление я раскрою.

— Рад, что вы так настроены, — заметил Марвин.

— Сто пятьдесят восемь дел подряд, — размышлял Урдорф вслух. — Слыханная ли штука — такая полоса неудач? Но теперь она закончится. Я хочу сказать, не может же она тянуться до бесконечности, правда?

— Наверное, не может, — согласился Марвин.

— Хорошо бы мое начальство тоже встало на эту точку зрения, — хмуро сказал сыщик. — Хорошо бы оно перестало называть меня недотепой. Такие словечки, да насмешки, да поднятые брови — все это кого угодно лишит уверенности в себе. На мое счастье, я отличаюсь несгибаемой волей и полнейшей уверенностью.

стью в самом себе. По крайней мере так было еще после первых девяноста неудач.

На несколько секунд сыщик тяжело задумался, потом сказал Марвину:

— Надеюсь, вы окажете мне всяческую помощь и поддержку.

— Рад стараться, — ответил Марвин. — Беда только в том, что не более чем через шесть часов меня лишат тела.

— Чертовски досадно, — рассеянно произнес Урдорф. Он явно погрузился уже в мысли о следствии и лишь с трудом заставил себя вновь уделить внимание Марвину. — Лишат, вот как? Надо полагать, вы приняли меры? Нет? Ну, тогда, надо полагать, вы еще примете меры.

— Не знаю, какие меры тут можно принять, — угрюмо ответил Марвин.

— Ну, об этом не стоит пререкаться, — сказал сыщик подчеркнуто бодрым голосом. — Найдите где-нибудь другое тело, а главное — оставайтесь в живых! Обещайте мне сделать все от вас зависящее, чтобы остаться в живых.

— Обещаю, — сказал Марвин.

— А я буду продолжать расследование и свяжусь с вами, как только смогу что-нибудь сообщить.

— Но как вы меня отыщете? — спросил Марвин. — Я ведь не знаю, в каком буду теле и даже на какой планете.

— Вы забываете, что я сыщик, — с бледной улыбкой ответил Урдорф. — Пусть мне нелегко отыскивать преступников, зато уж жертв я всегда отыскиваю без малейшего затруднения. Так что выше голову, не допускайте, чтоб у вас душа уходила в пятки, а главное, помните: останьтесь в живых!

Марвин согласился остаться в живых, тем более что на этом строились все его планы. И вышел на улицу, сознавая, что драгоценное время истекает, а своего тела у него по-прежнему нет.

Глава 7

Заметка в «Марс-Солнце-ньюз» (печатный орган трех планет):

«СКАНДАЛ ВОКРУГ ОБМЕНА

Сегодня полиции Марса и Земли стало известно о скандале, разразившемся в связи с Обменом Разумов. Разыскивается некий Зе Крагаш (неизвестно, с какой планеты), который, как утверждают, продал, обменял или по иным обязательствам ссудил свое тело двенадцати лицам одновременно. На арест Краггаша выданы ордера, и полиция трех планет не сомневается, что вскоре преступник будет задержан. Дело напоминает знаменитый скандал с «Двухголовым Эдди» в начале 90-х годов, когда...»

Марвин Флинн уронил газету в канаву. Он смотрел, как жидкий песок уносил ее прочь; горькая эфемерность печатного слова казалась символом весьма условного существования самого Марвина. Он стал пристально разглядывать свои руки; голова у него поникла.

— Полно, полно, что у тебя стряслось, а, приятель?

Флинн увидел перед собой добродушное, иссиня-зеленое лицо эрланина.

— Беда у меня, — сказал Флинн.

— Что ж, послушаем, какая именно, — сказал эрланн и свернулся клубком на тротуаре рядом с Флинном.

Как и у всех его компатриотов, у эрланина активное сочувствие сочеталось с бесцеремонностью. Известно, что эрлане — народ грубый, остроумный, склонный к веселому, беззлобному подтруниванию и безыскус-

ным прибауткам. Непревзойденные путешественники и торговцы, эрлане с Эрлана-2 по заветам «своей религии имели право путешествовать только *in corpore*¹.

Марвин поведал свою историю вплоть до того злополучного мимолетного мгновения, которое именуется «сейчас»; того жестокого и неумолимого «сейчас», того ненасытного «сейчас», что пожирало его скучный запас минут и секунд, приближая время, когда истекут контрольные шесть часов и Марвина, лишенного тела, бросят в неведомую Галактику, прозванную людьми «смерть».

— Ух ты! — сказал эрланин. — Ты случайно не жалеешь ли себя?

— Конечно, черт побери, я-то себя жалею, — вспылил Флинн. — Я пожалел бы любого, если он должен умереть через шесть часов. Почему же мне не жалеть самого себя?

— Ставь кастрюлю, как тебе удобней, повар, — ответил эрланин. — Кое-кто обозвал бы это дурным тоном и прочей дребеденью, но я-то стою за учение Гуажуа, а он сказал: «Вблизи тебя гнусавит смерть? Раскровени ей нос!»

Марвин уважал всякую религию и, уж конечно, не питал предрассудков относительно широко распространенной секты антимелодистов. Однако для него оставалось неясным, чем ему помогут слова Гуажуа; так он и заявил.

— Бодрись, — посоветовал эрланин. — При тебе еще остались твои мозги и твои шесть часов, так ведь?

— Пять.

— Вот видишь! Встань-ка на задние лапы и докажи, что ты не размазня, ладно, горячка? Оттого что ты здесь бродишь, точно беглый каторжник, толку ведь не будет, верно?

— Да, навряд ли, — сказал Марвин. — А с другой стороны, что делать? Своего тела у меня нет, а чужие дороги.

— Увы, твоя правда. Не приходила ли тебе в голову мысль о Свободном Рынке? А?

¹Здесь: «в собственном теле», т. е. собственной персоной (лат.).

— Это же, наверное, опасно, — возразил Марвин и вспыхнул при мысли о том, как нелепы его слова.

Эрланин широко ухмыльнулся.

— Дошло, парень? Но, послушай, все не так скверно, как кажется, только возьми тоном выше. Не так уж страшен Свободный Рынок; плетут о нем всякие небылицы, в основном это делают крупные агентства по обмену, они желают сохранить свои взвинченные капиталистические цены. Но знаю я одного малого, он там двадцать лет крутится на краткосрочных сделках, так он говорит, почти все ребята исключительно честные. Так что голову выше, нагрудник не теряй, выбери себе хорошего посредника. Счастливо, малый!

— Постойте! — вскричал Флинн, видя, что эрланин поднялся на ноги. — Как зовут вашего приятеля?

— Джеймс Праведник Мак-Хоннери, — ответил эрланин. — Это тертый, стреляный, тупой, мелкий прохвост, чересчур любит спелый виноград и слишком буен во хмель. Но играет он некраплеными картами, обслуживает без подвоха, а большего ты ведь не станешь требовать даже от самого святого Кзала. Скажи только, что тебя рекомендует Пэнгл-Порох, и желаю тебе удачи.

Флинн горячо поблагодарил Пороха, к смущению этого неотесанного, но мягкосердечного джентльмена. Затем встал и зашагал сперва медленно, потом все быстрее по направлению к Кузину, в северо-западной части которого размещались киоски и открытые ларьки Свободного Рынка. В венах ожидания, только что близких к максимальной энтропии, скромно, но твердо забился пульс надежды.

А рядом в канаве песчаный поток уносил обрывки газет в вечную и таинственную пустыню.

— Э-гей! Э-гей! Новые тела за старые! Приходите, обслужим — новые тела за старые!

Марвин весь задрожал, услышав старинный уличный крик, сам по себе невинный, но вызывающий реминисценции из мрачных готических рассказов. Он нерешительно углубился в запутанный лабиринт дворов и тупиков, из которых и состоял древний район Свобод-

ного Рынка. Пока он шел, ему прожужжали уши не менее чем двенадцатью громкими предложениями.

— Нужны сборщики урожая на поля Дрогхеды! Предоставляем вполне исправное тело с телепатическими способностями! На всем готовом, пятьдесят кредитов в месяц и, главное, удовольствия по классу В-3! Сегодня мы заключаем особо льготные двухгодичные контракты! Приезжайте собирать урожай на прекрасную Дрогхеду!

— Вербуйтесь в армию на Нейгун! В наличии двадцать сержантских тел и несколько штук сортом повышене, в чине младших офицеров. Все тела прошли курс военной подготовки!

— А платить-то сколько будут? — спросил какой-то человек у продавца.

— Полное обеспечение и один кредит в месяц.

Человек фыркнул и отвернулся.

— И, — повысил голос зазывала, — неограниченное право грабежа и мародерства.

— Ну, это хоть на что-то похоже, — проворчал человек. — Но вот уже десять лет как Нейгун терпит в этой войне поражение. Потери большие, а телесная часть войска не пополняется.

— Мы все это коренным образом изменяем, — сказал продавец. — Вы, видно, опытный покупатель?

— Верно, — ответил человек. — Я Шон фон Ардин, участвовал почти во всех крупных войнах Галактики, не считая мелких передряг.

— Последнее воинское звание?

— Джевальдер армии графа Ганимедского, — отчеканил фон Ардин. — А перед тем был в чине Полного Кфузиса.

— Ишь ты, — продавец был явно ошеломлен. — Полный Кфузис, вот как? И документы сохранили? Ладно, тогда мы вот что сделаем. Предлагаю вам на Нейгуне должность манатея второго класса.

Фон Ардин, хмуря брови, принялся подсчитывать на пальцах.

— Дайте сообразить. Манатей второго класса соответствует циклопскому полудолу, а это чуть выше, чем король знамени на Анакзорее и почти на ползвания

ниже дорианского Старика. Значит.. Э, да если я завер-
буясь, то это для меня сильное понижение в чине!

— Да, но вы не выслушали до конца, — продолжал продавец. — В этом чине вы пробудете в течение двадцатипятидневного испытательного срока, чтобы доказать Чистоту Намерений, — о ней очень заботятся политические лидеры Нейгуйна. А потом мы вас сразу повысим на три звания, сделаем меланрамом-супер-иором. Это даст вам реальную надежду стать времененным мечом-джумбая, и, может быть, даже (я ничего не обещаю, но думаю, что неофициально мы это состряпаем), может быть, я вам устрою должность грабежмейстера, когда будут делить добычу под Эридсвургом.

— Что ж, — фон Ардин был под впечатлением обещаний, как ни пытался устоять, — сделка довольно выгодная... если вы беретесь ее протолкнуть.

— Пройдемте в помещение, — сказал продавец. — Я позвоню по телефону.

А Марвин все шагал и слушал, как представители добной дюжины рас препираются с продавцами — представителями другой дюжины рас. Марвину все уши прожужжали сотнями призывов. От оживленности рынка у Марвина поднялось настроение. А услышанные им варианты, хоть порой и отпугивающие, в массе своей были завлекательны:

— Нужен афидмен на пасеку Сенфиса! Хорошая плата, отзывчивая дружба.

— Требуется переписчик для работы над Грязной Книгой Ковенджин! Должен телепатически воспринимать сексуальные побуждения медридарианской расы!

— Ищем садовников-планировщиков на Арктур! Приезжайте на отдых к единственной в Галактике расе разумных овощей!

— Нужен опытный кандалщик на Вегу-4! Пригодятся также полуквалифицированные удержатели! Неограниченные привилегии!

Как много перспектив открывает Галактика! Марвину показалось, что его несчастье на самом деле не несчастье, а замаскированная удача. Он всегда стремился путешествовать... но раньше из скромности позволял

себе лишь жалкую роль туриста. Насколько же лучше, насколько плодотворнее путешествовать с ясной целью! Служить в армиях Нейгуина, изведать жизнь афидмена, узнать, каково быть кандалщиком... И даже переписывать Грязную Книгу Ковенджин.

Прямо перед собой он заметил табличку «Джеймс Праведник Мак-Хоннери, маклер по краткосрочным сделкам, с разрешения властей. Успех гарантируется».

За прилавком, скрытый по пояс, стоял и курил сигару ладный, выдавший виды, надутый коротышка с пронзительными кобальтово-синими глазами. Это и был, судя по всему, Мак-Хоннери собственной персоной. Молчаливый и высокомерный, не унижающийся до трепотни коротышка стоял сложа руки, пока Флинн подходил к его ларьку.

Глава 8

Они очутились лицом к лицу — Марвин с разинутым ртом, Мак-Хоннери со стиснутыми зубами. Несколько секунд прошли в молчании. Затем Мак-Хоннери сказал:

— Слушай, малыш, тут тебе не какая-нибудь занюханная ярмарка, и я тебе не какой-нибудь занюханный урод. Если хочешь что-то сказать, выкладывай. Не хочешь — ступай своей дорогой, пока я тебе хребет не переломал.

Марвин сразу понял, что этот человек не из породы угодливых, медоточивых торговцев телами. В скрипучем голосе не было и тени подобострастия, в очертаниях искривленных губ — ни признака заискивания. Этот человек говорил то, что думал, и не заботился о последствиях.

— Я... я клиент, — выдавил из себя Флинн.

— Повезло же мне, — съязвил Мак-Хоннери. — Прикажешь теперь кувыркаться от радости, что ли?

Его ядовитая реплика и хамоватые манеры знающего себе цену человека вселили во Флинна доверие. Он, конечно, знал, что внешность обманчива, но ему никто никогда не сообщал, как еще можно судить о людях, если не по внешности. Он склонен был отдать себя на милость этого гордого и озлобленного человека.

— Через час-другой меня лишат вот этого тела, — объяснил Марвин. — Поскольку мое собственное украдено, мне позарез нужно какое-нибудь взамен. Денег у меня очень мало, но я... я на все согласен и готов работать.

Мак-Хоннери вытаращил глаза, и его сжатые губы искривились в язвительной усмешке.

— Готов работать, вот оно что? Как мило! И кем же ты готов работать?

— Да кем угодно.

— Вот как? А ты умеешь работать на монткальмском металлорежущем станке со светочувствительным пультом и ручным отбором брака? Нет? Думаешь, справишься с эспресс-сепаратором частиц, работая на заводах компании «Новые редкоземельные элементы»? Не по твоей части, а? Есть у меня заказчик, он хирург на Веге, ему нужен подручный, чтоб управлять стимулятором нервных импульсов — старая модель с двумя педалями. Не совсем то, что ты имел в виду? Далее, есть у нас заказ с Потемкина-2, там нужен исполнитель на коленной чашке, а ресторан в районе Бутса просит прислать повара, чтоб готовил дежурные блюда и знал кухню Кфензиса. Ни уму ни сердцу? Может, тебе подойдет собирать цветы на Мориглии; правда, там надо предвидеть антезис с разбросом не более пяти секунд. Или ты мог бы заняться точечной сваркой плоти, если у тебя нервы крепкие, или контролировать восстановление филопозов, или... Но, по-моему, ничто из перечисленного тебя не трогает, а?

Флинн покачал головой и буркнул:

— Ни в одной из этих работ я ничего не смыслю.

— Почему-то меня это вовсе не так удивляет, как ты думаешь, — сказал Мак-Хоннери. — А хоть что-нибудь ты умеешь?

— Да вот я в колледже изучал...

— К чертовой матери автобиографию! Меня интересует твое ремесло, талант, профессия, способность, искусство, называй как хочешь. Конкретно, что ты умеешь делать?

— Собственно, — сказал Марвин, — если уж вопрос стоит таким образом, то я, наверное, ничего особенного не умею.

— Знаю, — вздохнул Мак-Хоннери. — Ты неквалифицированный. У тебя это прямо на лбу написано. Малыш, может быть, тебе будет интересно узнать, что неквалифицированных разумов везде как собак нереза-

ных. Рынок ими затоварен, Вселенная забита — по швам трещит. Все, что ты сделаешь, машина сделает лучше, быстрее и куда охотнее.

— Очень жаль, сэр, — с достоинством, хоть и грустно, ответил Марвин и собрался уходить.

— Минутку, — сказал Мак-Хоннери. — Если не ошибаюсь, ты искал работу.

— Но вы же сами говорили...

— Я говорил, что ты неквалифицирован, да так оно и есть. И я говорил, что машина все делает лучше, быстрее и гораздо охотнее, но никоим образом не дешевле.

— Ага! — сказал Марвин.

— Да-с, что касается дешевизны, то ты еще дашь автоматике очко вперед. А в наш век, в наши дни это огромное достижение.

— Ну что ж, это все-таки утешительно, — с сомнением произнес Флинн. — И конечно, очень интересно. Но когда Пенгл-Порох посоветовал мне обратиться к вам, я думал...

— Стой, что такое? — встрепенулся Мак-Хоннери. — Ты друг Пороха?

— Считайте, что так, — ответил Флинн, избегая грубой лжи.

— Так бы и говорил с самого начала, — сказал Мак-Хоннери. — Не то что от этого многое изменилось — ведь факты именно таковы, как я их излагаю. Но я бы тебе объяснил, что быть неквалифицированным не зазорно. Проклятье, ведь все мы так начинаем, разве нет? Если тебе повезет с контрактом на краткосрочную сделку, ты и глазом моргнуть не успеешь, как обучишься всяким ремеслам.

— Надеюсь, что так, сэр. — Теперь, когда Мак-Хоннери стал приветлив, Флинн насторожился. — У вас есть на примете какая-нибудь работенка?

— Вообще-то да, — сказал Мак-Хоннери. — Это всего недельная перекидка, а уж неделю можно вытерпеть на любой работе, даже если выполняешь ее, стоя на голове. Тебе-то это не грозит, работа приятная и сходная, на чистом воздухе, мозги напрягать особенно не требуется, хорошие рабочие условия, просвещенное руководство и конгениальная рабочая сила.

— Звучит заманчиво, — сказал Флинн. — А в чем здесь подвох?

— В том, что не такая это должность, где можно разбогатеть, — ответил Мак-Хоннери. — Откровенно говоря, платят хреново. Но какого черта, нельзя же все сразу.

— А что за должность? — спросил Марвин.

— Официально она называется «индикатор уфики, второго класса».

— Звучит внушительно.

— Рад, что тебе нравится. Это значит, что ты должен охотиться за яйцами.

— За яйцами?

— За яйцами. Или, если подробнее, ты должен искать, а когда найдешь, то подбирать яйца грача-ганзера. Думаешь, справишься?

— Я, собственно, хотел бы побольше разузнать о технике сбириания, а заодно об условиях работы и...

Он остановился на полуслове, ибо Мак-Хоннери медленно, печально помотал головой.

— Тебе нужна работа?

— Есть у вас что-нибудь другое?

— Нет.

— Беру.

— Умное решение, — сказал Мак-Хоннери. Он вынул из кармана какую-то бумагу. — Вот стандартный, одобренный правительством контракт на кроумельдском языке, который считается официальным языком планеты Мельд-2, куда приписана нанимающая тебя фирма. Умеешь читать по-кроумельдски?

— К сожалению, нет.

— Ну, текст стандартный... Фирма не несет ответственности за пожар, землетрясение, атомную войну, превращение Солнца в сверхновую звезду, стихийные бедствия... Фирма согласна тебя нанять... снабдить мельдским телом... за исключением случаев, когда окажется не в состоянии, в каковых случаях не обязана... и да помилует Бог твою душу.

— Как-как? Повторите, — попросил Флинн.

— Последняя фраза — просто стандартный оборот речи. Дай сообразить, по-моему, это все. Ты, конечно, обязуешься не совершать актов вредительства, шпиона-жа, непочтительности, неповиновения и так далее, а также всячески избегать и сторониться половых извращений, перечисленных у Гофмейера в «Стандартном справочнике мельдских извращений». Кроме того, ты обязуешься умываться раз в двое суток, не влезать в долги, не превращаться в алкоголика, не сходить с ума. Ну, тут еще всякие обязательства, против которых не станет возражать ни один здравомыслящий человек. Вот, пожалуй, и все. Если у тебя есть деловые вопросы, я постараюсь на них ответить.

— Да, вот, — сказал Флинн, — насчет всех этих обязательств...

— Это неважно, — отмахнулся Мак-Хоннери. — Нужна тебе работа или нет?

У Марвина были кое-какие сомнения.

Но не успел он опомниться, как оказался в мельдском теле, на Мельде.

Глава 9

Дождевой лес ганзеров на Мельде был дремуч и обширен. Среди исполинских деревьев проносился легчайший шепот ветерка, вернее, тень его; он протискивался сквозь переплетения лиан и, словно сломав хребет, проползal по крючковатой траве. Капли воды с трудом соскальзывали вниз по спутанной листве, как заблудившиеся в лабиринте, в изнеможении присевшие отдохнуть на губчатой и равнодушной почве. Тени смешивались и плясали, бледнели и вновь появлялись, приведенные в мнимое движение двумя усталыми солнцами в небе цвета зеленоватой плесени. Над головой безутешный ференгол свистом подзывал подругу, но в ответ слышал только частый зловещий кашель хищного царь-прыгуна.

И по этой-то скорбной местности, так томительно похожей на Землю и так от нее отличной, бродил Марвин Флинн в непривычном мельдском теле, упорно глядя себе под ноги, — он искал яйца ганзеров, не зная толком, на что они похожи.

Все произошло стремительно. С того мига, как он прибыл на Мельд, у него не было времени оглядеться. Едва его воплотили, как кто-то уже повелительно орал у него над ухом.

Флинн только-только успел торопливо осмотреть свое четверорукое, четвероногое тело, для пробы вильнул единственным хвостом и перекинул уши за спину, как его тотчас же, словно скотину, загнали в рабочую бригаду, сообщили ему номер барака и местонахождение столовой, вручили джемпер (на два размера больше, чем нужно) и башмаки (которые пришлись почти впору,

если не считать того, что левый чуть-чуть жал). Флинн расписался в получении и принял набор инструментов, необходимых для новой профессии: большой синтетический мешок, темные очки, компас, сеть, щипцы, тяжелый металлический треножник и бластер.

Его и других рабочих выстроили рядами, их в спешке проинструктировал менеджер — усталый и надменный атреянин.

Флинн узнал, что его новая родина занимает ничтожную часть пространства вблизи Альдебарана. Мельд — планета, прямо скажем, второсортная. По шкале климатических допусков Хэрлихэна-Чанза ее климат классифицируется как «невыносимый», потенциальные природные ресурсы считаются «ниже минимальной нормы», а коэффициент эстетического резонанса (не измеренный) объявлен «невдохновляющим».

— Не такое место, — сказал менеджер, — которое стоило бы выбрать для отпуска, да и вообще для чего бы то ни было.

Слушатели нервно захихикали.

— Тем не менее, — продолжал менеджер, — этот неприветливый и непривечаемый мир, это галактическое недоразумение, эту космическую посредственность обитатели считают своей родиной и прекраснейшей планетой во Вселенной.

Мельдяне, неистово гордясь единственной своей реальной ценностью, делают хорошую мину при плохой жизни. С мужественной решимостью вечных неудачников они возделывают опушки дождевого леса, а в необъятных пылающих пустынях добывают бедные руды с жалким содержанием металла. Их упорную настойчивость можно было бы ставить в пример, если бы она не приводила к неизменному краху.

И сказал менеджер:

— Вот чем был Мельд, если бы не еще один факт. Яйца ганзеров! Ни на одной планете их нет, и ни одна планета не нуждается в них так сильно.

Яйца ганзеров — единственный предмет экспорта с планеты Мельд. К счастью для мельдян, эти яйца повсюду пользуются бешеным спросом. На Оришаде яйца ганзеров служат любовными амулетами; на Офиухе-2 их мелют и едят как непревзойденный стимулятор лю-

бовного желания; на Моришаде после освящения они становятся предметом культа у безрассудных К'тенги.

Итак, яйца ганзеров — жизненно важный природный ресурс, к тому же единственный на Мельде. Благодаря им мельдяне удерживаются на определенной ступени цивилизации. Без них раса неминуемо пришла бы в упадок.

Чтобы заполучить яйцо ганзера, надо всего-навсего нагнуться и поднять его. Но тут-то и кроются некоторые трудности, ибо ганзеры категорически сопротивляются такой практике.

Ганзеры, обитатели лесов, ведут происхождение от древних ящеров. Они свирепы, искусно прячутся, коварны, жестоки и совершенно не поддаются приручению. Все эти качества делают сбор яиц ганзеров занятием крайне опасным.

— Создалось любопытное положение, — отметил менеджер, — не лишенное парадоксальности. Основной источник жизни на Мельде есть в то же время и основная причина смертности. Это послужит вам пищей для размышлений, когда начнете свой рабочий день. Запомните же мои слова: берегите себя, будьте все время начеку, семь раз отмерьте — один отрежьте, сделайте все возможное, чтобы сохранить свои связанные договором жизни, не говоря уже о дорогостоящих телах, выданных вам в пользование. Но, кроме того, не забывайте о норме, — если вы недовыполните дневную норму хотя бы на одно-единственное яйцо, то за этот день вам будет начислена целая штрафная неделя. Желаю успеха, ребята!

Тут Марвина и остальных ребят опять выстроили рядами и без проволочек отвели в лес.

Через час достигли поисковой зоны. Марвин Флинн воспользовался случаем попросить у десятника инструкций.

— Инструкций? — переспросил десятник. — Какой вид, какой род?

Он был переселенцем с Оринафы и не мог похвастать лингвистическими способностями.

— В смысле, что я должен делать? — уточнил Флинн.

Десятник долго обдумывал вопрос и, наконец, отреагировал:

— Ты должен собирай яйца ганзер.

У него получилось «ганьсер».

— Это-то понятно, — сказал Флинн. — Я о другом спрашиваю: я ведь даже не знаю, на что похоже яйцо ганзера.

— Не волнуйтесь, — ответил десятник. — Ты знай, когда увидеть без ошибки, да.

— Есть, сэр, — выпалил Флинн. — А если я найду яйцо ганзера, то существуют ли особые правила насчет того, как с ними обращаться? Например, чтобы нечаянно не разбить...

— Обращаться, — сказал десятник, — ты поднимай яйцо, клай в мешок. Ты понимай такая вещи, да или нет?

— Конечно, понимаю, — заверил Марвин. — Но я еще хотел бы выяснить, велика ли дневная норма. Как подсчитывается выработка, по часам? Перерыв на обед не в счет?

— А! — сказал десятник, и с его широкого добродушного лица исчезло недоуменное выражение. — Наконец это так. Ты поднимай яйцо ганзер, клай в мешок, ясно?

— Ясно, — без запинки ответил Марвин.

— Ты делай так каждый раз, пока мешок не наполняться. Уловил?

— По-моему, да, — ответил Марвин. — Полный мешок соответствует действительной или идеальной норме. Дайте-ка я повторю еще раз все этапы, чтобы действовать наверняка. Сначала я устанавливаю место-пребывание яиц ганзера, пользуясь земными эквивалентами этого понятия и, надо полагать, не испытывая трудностей при опознании. Затем, обнаружив и опознав объект поисков, я приступаю к процессу, именуемому «класть яйцо в мешок», под чем подразумевается...

— Один минута. — Десятник постучал себя хвостом по зубам и спросил: — Ты меня разыгрывай, малыш?..

— Помилуйте, сэр, я хотел только удостовериться...

— Ты шутки шутить на деревенщина со старый планета Оринафа. Ты думать, ты такой ловкий. Ты не такой ловкий. Никто не любить чересчур большой умник.

— Прошу прощения, — сказал Флинн, почтительно виляя хвостом.

— Так или иначе, я мне казайся, ты усвоить элементарные начатки работа очень хорошо, так что иди теперь выполняй работа-труд как следует. Держать греха подальше. Иначе я перебить тебе шесть и более конечно-сти, усекаешь?

— Усекаю.

Флинн повернулся через правое плечо и галопом пропустил в лес, где начал поиски.

Глава 10

Марвин Флинн бесшумно несся по лесу; ноздри его трепетали, глаза вращались и выпячивались, увеличивая поле зрения. Золотистая шкура, слегка надушенная апписфиамом, нервно подрагивала — так играли под нею мышцы, с виду расслабленные, на самом деле безукоризненно слаженные.

Лес развертывал перед зрителем симфонию зеленых и серых тонов, где время от времени возникала алая тема ползучих растений, или пурпурные фанфары кустарника лилибабы, или, еще реже, выведенный гобоем лейтмотив второй темы — оранжевого хлысткинжала. Общий же эффект был мрачен и наводил на печальные раздумья, как просторный городской парк в тихий час перед рассветом.

Но что это? Вон там! Чуть левее! Да, да, как раз под деревом бокку! Это не... Не может быть!..

Правыми руками Флинн разгреб листья и низко наклонился. Там, в гнезде, свитом из травы и веточек, он увидел нечто такое, что сверкало наподобие страусиного яйца, изукрашенного драгоценными камнями.

Десятник не солгал. Яйцо ганзера ни с чем невозмож но спутать.

На выпуклой радужной поверхности ярко горели мириады волшебных костров. Исчезая и возвращаясь наподобие полузабытых снов, пробегали тени. В душе Марвина всколыхнулось ощущение сумерек, вечернего звона, медлительного стада, пасущегося у прозрачного ручья, под сенью пыльных безутешных кипарисов.

Как ни противилось этому все его естество, Марвин совсем низко нагнулся и протянул руку. Ладонь его любовно сомкнулась на пылающем сфероиде.

Он быстро отдернул руку. Пылающий сферионд обжигал адским огнем.

Марвин посмотрел на него с еще большим уважением. Теперь он понял назначение выданных ему щипцов. Этими щипцами он осторожно обхватил сказочный сфероид.

Сказочный сфероид отскочил, как резиновый мяч. Марвин ринулся за ним, на бегу бестолково размахивая сетью. Яйцо ганзера увернулось, рикошетировало и молнией метнулось в густые заросли.

Марвин отчаянно взмахнул сетью, и руку его направила сама фортуна. Яйцо ганзера попалось в сеть.

Оно лежало неподвижно, пульсируя, словно переведя дух. Марвин с осторожностью приблизился — он ожидал любой каверзы.

И тут яйцо ганзера заговорило.

— Слушай-ка, мистер, — сказали оно сдавленным голосом, — что это на тебя нашло?

— Как-как? — переспросил Марвин.

— Слушай, — сказали яйцо ганзера. — Я себе сижу в общественном парке, никого не трогаю, и вдруг здрасьте — ты набрасываешься на меня, как ненормальный, всего исцарапал и вообще ведешь себя как псих. Ну, я, естественно, разгорячился. А кто бы не разгорячился? Вот я и решило отойти подальше, ведь у меня сегодня выходной и мне скандалы ни к чему. И здрасьте — ты накидываешь на меня сеть, будто я тебе какая-то паршивая бабочка. Вот я и спрашиваю: что на тебя нашло?

— Видишь ли, — ответил Марвин, — ты ведь яйцо ганзера.

— Это мне известно, — сказали яйцо ганзера. — Я яйцо ганзера, факт. А что, теперь так, ни с того ни с сего, это запрещается законом?

— Конечно, нет, — ответил Марвин. — Но дело в том, что я как раз охочусь за яйцами ганзеров.

Последовала недолгая пауза. Затем яйцо ганзера попросило:

— Не откажите в любезности, повторите, пожалуйста.

Марвин повторил. Яйцо ганзера сказали:

— М-да, мне так и послышалось. — И рассмеялось почти беззвучно. — Вы шутите, не правда ли?

— К сожалению, нет.

— Конечно, шутите, — с ноткой отчаяния в голосе настаивало яйцо ганзера. — Ну ладно, повеселились и хватит. Теперь выпустите меня отсюда.

— Извините...

— Выпустите меня!..

— Не могу.

— Почему?

— Потому что я охочусь за яйцами ганзеров.

— О Господи, — сказало яйцо ганзера, — большего идиотизма я за всю свою жизнь не слыхало! Мы ведь, по-моему, впервые сталкиваемся, не так ли? Почему же ты за мной охотишься?

— Меня наняли охотиться за яйцами ганзеров, — пояснил Марвин.

— Слушай, парень, ты просто ходишь себе и охотишься за любыми яйцами ганзеров? Тебе безразлично, за какими именно?

— Точно.

— И действительно не ищешь какое-то определенное яйцо ганзера, которое, чего доброго, сделало тебе гадость?

— Нет, нет, — заверил Марвин. — Я в жизни не встречал ни одного яйца ганзера.

— Ты даже не... И все-таки охотишься... Я, должно быть, схожу с ума. И наверняка ослышалось. Собственно, так просто-напросто не бывает. Это какой-то чудовищный кошмар... Подходит к тебе помешанный, спокойно, как будто так и надо, хватает тебя в лапы и глазом не моргнув заявляет: «Я вообще-то охочусь за яйцами ганзеров». Собственно... слушай, парень, ты меня разыгрываешь, верно?

Марвин сконфузился, раскипятился и возмечтал, чтобы яйцо ганзера заткнулось. Он грубо сказал:

— Я вовсе не валяю дурака. Моя работа — собирать яйца ганзеров.

— Собирать... яйца ганзеров! — простонало яйцо ганзера. — Ах, нет, нет, нет! Боже, не верится, что все это на самом деле, и все же это происходит, на самом деле проис...

— Не распускайся! — прикрикнул Марвин: яйцо ганзера явно готово было впасть в истерику.

— Спасибо, — проговорило яйцо ганзера, помолчав. — Теперь я в норме. Слушай, можно задать тебе один-единственный вопрос?

— Только поживей, — ответил Марвин.

— Я вот что хочу спросить, — сказало яйцо ганзера, — тебе такие дела доставляют удовольствие? Я хочу сказать, ты не склонен ли к извращениям? Только не обижайся.

— Ничего, — ответил Марвин. — Нет, я не склонен к извращениям и, поверь, никакого удовольствия не испытываю. Клянусь, мне самому все это очень неприятно.

— Тебе неприятно! — взвизгнуло яйцо ганзера. — А мне-то, по-твоему, каково? По-твоему, для меня это в порядке вещей, если кто-то подходит, как в кошмарном сне, и «собирает» меня?

— Спокойней, — попросил Марвин.

— Бешеный, — пробормотало яйцо ганзера в сторону. — Абсолютно, совершенно невменяемый. Можно... можно, я оставлю жене записку?

— Некогда, — твердо ответил Марвин.

— Тогда разреши мне хотя бы помолиться.

— Валяй молись, — сказал Марвин. — Только побыстрее закругляйся.

— О Господь Бог, — нараспев затянуло яйцо ганзера, — не понимаю, что со мной происходит и почему. Я всегда старалось быть хорошим, и хоть церковь посещаю нерегулярно, но ты ведь знаешь, что истинная вера — в сердце верующего. Возможно, порой я поступаю дурно, не стану отрицать. Но, Господь, отчего караешь ты так жестоко? И отчего именно меня? Отчего не другого, настоящего грешника, например закоренелого преступника? Отчего именно меня? И отчего именно так? Какая-то тварь «собирает» меня, будто я неодушевленная вещь... не понимаю. Но знаю, что ты всеведущ и всемогущ, а еще знаю, что ты добр, и, значит, есть тому причина... хоть я и слишком глупо, чтобы ее разгадать. Слушай, Боже, если ты так рассудил, тогда ладно, пусть так и будет. Но ты уж, пожалуйста, позаботься о моей жене и детях. А особенно о младшеньком. — Голос у яйца ганзера прервался, но оно тотчас же овладело собой. — Особенно молю тебя о младшем, Боже, ведь он хроменький, и другие детишки его обижают, и ему нужно большое... большое участие. Аминь.

Яйцо ганзера подавило рыдание. Голос его мгновенно окреп.

— Теперь я готово, — сказало оно Марвину. — Делай свое грязное дело, паршивец, сукин ты сын.

Но молитва яйца ганзера совершенно выбила Марвина из колеи. На глаза навернулись слезы, щеточки на ногах задрожали, он распутал сеть и выпустил пленника. Яйцо ганзера откатилось совсем недалеко и замерло, явно опасаясь подвоха.

— Ты... ты всерьез? — спросило оно.

— Всерьез, — ответил Марвин. — Я не гожусь для такой работы. Не знаю уж, что со мною сделают там, в лагере, но больше в жизни я не трону ни одного яйца ганзера!

— Благословленно будь имя Божие, — тихо проговорило яйцо ганзера. — На своем веку я насмотрелось странных вещей, но, мне кажется, рука провидения...

Изложить свою философскую позицию, известную под названием «софистика вмешательства», яйцу ганзера помешал внезапный зловещий треск в кустах. Марвин стремительно обернулся и вспомнил о том, какими опасностями чревата планета Мельд.

Его предупреждали, а он забыл. Теперь он стал отчаянно нащупывать бластер, а тот, как назло, запутался в сети. Марвин яростно рванул бластер, выдернул его, услышал пронзительный крик яйца ганзера...

Тут его с силой швырнуло оземь. Бластер полетел в кустарник. А Марвин увидел перед собой черные глаза, щели под низким бронированным лбом.

Представлять ему нового знакомца не было никакой нужды. Флинн понял, что наскочил на взрослого, совершенно взрослого мародера-ганзера, и наскочил, пожалуй, в самых скверных обстоятельствах. Слишком явны были улики: вопиющая сеть, недвусмысленные темные очки, обличители-щипцы. И все приближались, норовя сомкнуться у него на шее, острозубые челюсти гигантского ящера, они были уже рядом. Марвин даже различил три золотые коронки и временную фарфоровую пломбу.

Флинн извивался, пытаясь высвободиться. Ганзер прижал его к земле лапой размером с седло для яка; его беспощадные когти, каждый величиной с два ледоруба, безжалостно впились в золотистую шкуру Марвина. Чудовищно зияла слюнявая пасть, надвигалась, готовая заглотнуть голову Марвина целиком.

Глава 11

И вдруг время остановилось! Марвин видел застывшую полуразинутую пасть ганзера, налитый кровью левый глаз, все огромное тело, скованное какой-то странной, непреодолимой инерцией.

Рядом лежало яйцо ганзера, неподвижное, как резная копия самого себя.

Ветерок замер на полпути. Деревья оцепенели в напряженных позах, а мерифейский коршун повис в разгаре полета, точно воздушный змей на веревочке.

Даже солнце остановило свой неутомимый бег!

И в этой необычной живой картине Марвин с замиранием сердца воззрился на единственный движущийся феномен, который возник в воздухе, в трех футах от головы Марвина и чуть левее.

Началось это как пылевой вихрь, набухло, расширилось, утолщилось в основании и сошло на конус в вершине. Вращение стало еще более бешеным, и фигура приобрела четкие контуры.

— Сыщик Урдорф! — вскричал Марвин.

Действительно, это был марсианский сыщик, тот самый, кого преследовали бесчисленные неудачи, кто обещал Марвину раскрыть преступление и вернуть законное тело.

— Тысяча извинений за то, что врываюсь, не предупредив, — сказал Урдорф, когда материализовался полностью и тяжело плюхнулся наземь.

— Слава Богу, что вы здесь! — ответил Марвин. — Вы спасли меня от чрезвычайно неприятной смерти, и если бы вы еще помогли мне скинуть с себя вот эту гадину...

Ведь Марвина все еще пригвождала к земле лапа ганзера, теперь словно налитая высокоуглеродистой сталью. И он никак не мог высвободиться.

— Вы уж извините, — сказал сыщик, вставая с земли и отряхиваясь, — но этого я, к сожалению, сделать не могу.

— Почему?

— Против правил, — объяснил сыщик Урдорф. — Всякое перемещение тел в течение искусственно вызванной остановки времени (а налицо именно она) может повлечь за собой парадокс, а парадоксы запрещены, так как могут привести к сжатию времени, а сжатие времени запросто может вызвать искривление структурных линий в нашем континууме и разрушить Вселенную. Поэтому всякое перемещение карается тюремным заключением сроком на один год и штрафом в тысячу долларов.

— А-а, я этого не знал.

— Да, к сожалению, это так, — сказал сыщик.

— Понимаю, — сказал Марвин.

— Я вот и надеялся, что вы поймете, — сказал сыщик.

Последовало долгое и томительное молчание. Затем Марвин сказал:

— Ну?

— Что вы сказали?

— Я сказал... вернее, хотел сказать, зачем вы сюда явились?

— А-а, — протянул сыщик. — Я решил задать вам несколько вопросов, которые раньше не пришли мне в голову и которые помогут мне оперативно расследовать и раскрыть дело.

— Валяйте задавайте, — сказал Марвин.

— Благодарю вас. Прежде всего, какой ваш любимый цвет?

— Голубой.

— Но какой именно оттенок? Прошу вас, поточнее.

— Цвета воробышного яйца.

— Угу. — Сыщик занес это в свой блокнот. — А теперь быстро, не задумываясь, назовите первое попавшееся число

— 87792,3, — без колебаний ответил Марвин.

— Ум-гум. А теперь, без паузы, укажите название любой эстрадной песенки.

— «Рапсодия орангутанга», — ответил Марвин.

— Угу. Отлично, — сказал Урдорф, захлопнув блокнот. — Кажется, у меня все.

— А какова цель ваших вопросов?

— Располагая данной информацией, я у всех подозреваемых могу выявить остаточные рефлексы. Это часть теста Дуулмена на проверку самоличности.

— Вот как, — сказал Марвин. — А вообще как идут дела, удачно?

— Об удаче пока и речи нет, — ответил Урдорф. — Но, смею вас уверить, дело продвигается удовлетворительно. Мы выследили вора на Иораме-2, где он зайцем прятался в груде быстрозамороженного мяса, отправляемого на Большую Геру. На Гере он выдал себя за беженца с Гаги-2, и это снискало ему немалую популярность. Он умудрился наскрести на проезд до Квантиса — там у него были спрятаны деньги. На Квантисе он, не проведя и дня, взял билет в местный космолет до Автономной Области Пятидесяти Звезд.

— А потом? — спросил Марвин.

— А потом мы временно потеряли его след. Область Пятидесяти Звезд — это четыреста тридцать две планетные системы с общим населением триста миллиардов. Так что, как видите, работка будет славная.

— Безнадежная, судя по вашим словам, — сказал Марвин.

— Как раз наоборот, все складывается на редкость благоприятно. Непосвященные вечно принимают осложнения за сложности. Но интересующего нас преступника не спасет простейшее множество, которое всегда поддается статистическому анализу.

— Что же теперь будет? — спросил Марвин.

— Продолжим наш анализ, затем на основе теории вероятностей сделаем проекцию, пошлем эту проекцию через всю Галактику и посмотрим, не превратится ли она в сверхновую звезду... я, разумеется, выражаясь метафорически.

— Разумеется, — сказал Марвин. — Вы действительно надеетесь задержать преступника?

— Я нисколько не сомневаюсь в результатах, — ответил сыщик Урдорф. — Но следует запастись терпением. Вы должны помнить, что межгалактические преступления — область сравнительно новая, и потому межгалактическое следствие еще новее. Есть много преступлений, где невозможно даже доказать существование преступника, не говоря уж о том, чтобы его разыскать. Так что в некоторых отношениях нам везет.

— Придется, видно, верить вам на слово, — сказал Марвин. — А насчет моего нынешнего положения...

— Именно от такого положения я вас и предостерегал, — строго ответил сыщик. — Прошу вас учесть это на будущее... если умудритеесь выбраться живым из нынешней переделки. Желаю успеха, дружище.

Сыщик Урдорф завертелся перед глазами Марвина все быстрее, быстрее, слился в мелькающий вихрь, померк и исчез.

Время разморозилось.

И Марвин вновь уставился в черные глаза-щели под узким бронированным лбом, увидел, как смыкается чудовищно разинутая пасть, готовая заглотнуть всю его голову целиком...

Глава 12

— Погоди! — заорал Марвин.

— Зачем? — спросил ганзер.

Мотивировки Марвин еще не придумал. Он услышал, как яйцо ганзера пробормотало:

— Пусть испытает на своей шкуре, так ему и надо. А все же он был добр ко мне. С другой стороны, мне-то какое дело? Только высунься, сразу тебе скорлупу надобыт. А все же...

— Я не хочу умирать, — сказал Марвин.

— Я и не думаю, что ты хочешь, — ответил ганзер отнюдь не враждебным тоном. — И ты, конечно, заведешь словопрения. Затронешь этику... мораль, всякие там проблемы. Боюсь, не выйдет. Нас, видишь ли, специально предупредили, чтоб мы не позволяли мельдянину разговаривать. Велели просто выполнять работу, и вся недолга; не вносить ничего личного. Просто сделай дело и переходи к следующему. Умственная гигиена, право же. Поэтому, пожалуйста, закрой глаза...

Челюсти стали смыкаться. Но Марвин, осененный нелепой, отчаянной догадкой, воскликнул:

— Ты говоришь — работа?

— Конечно, работа, — сказал ганзер. — В ней нет ничего оскорбительного, я ничего не имею против тебя лично...

Он нахмурился — видимо, рассердился на себя за то, что заговорил.

— Работа! Твоя работа — охотиться за мельдянами, так ведь?

— Само собой. С этой планеты Ганзер, видишь ли, взять нечего, разве что вот охотиться за мельдянами.

— Но зачем за ними охотиться? — спросил Марвин.

— Ну, во-первых, яйцо ганзера достигает зрелости только в плоти взрослого мельдянина.

— Полнота, — сказало яйцо ганзера, перекатываясь в смущении, — стоит ли вдаваться в гнусную биологию? Я ведь не распространяюсь о твоих естественных отправлениях, верно?

— А во-вторых, — продолжал ганзер, — у нас единственный предмет экспорта — шкуры мельдян, из которых на Триане-2 делают императорские облачения, на Немо — амулеты, а на Крайслере-30 — чехлы для стульев. Спрос на неуловимых и опасных мельдян — единственный способ кое-как поддерживать цивилизацию и...

— Мне говорили в точности то же самое! — воскликнул Марвин и быстро повторил слова менеджера.

— Вот те на! — сказал ганзер.

Теперь оба поняли истинное положение вещей: мельдяне целиком зависят от ганзеров, а те, в свою очередь, целиком зависят от мельдян. Обе расы охотятся одна на другую, живут и гибнут одна ради другой и по невежественной злобе не желают признавать между собою ничего общего. Они связаны ярко выраженными отношениями симбиоза, но обе расы полностью игнорируют этот симбиоз. Больше того, каждая утверждает, будто она единственный носитель цивилизации и разума, а другая — скотская, презренная и не в счет.

А теперь обоим пришло в голову, что они в равной степени входят в общую категорию разумных существ.

Озарение внушило обоим благоговейный ужас, но Марвин все еще был пригвожден к земле тяжелой лапой ганзера.

— Это ставит меня в несколько затруднительное положение, — сказал ганзер чуть погодя. — Естественный мой порыв — отпустить тебя на все четыре стороны. Но я здесь работаю по контракту, а в нем обусловлено...

— Значит, ты не настоящий ганзер?

— Нет. Я обменщик, как и ты, а родом с Земли.

— Моя планета! — вскричал Марвин.

— Я уж и сам догадался, — ответил ганзер. — Ты американец? Скорее всего с восточного побережья, может, из Коннектикута или Вермонта...

— Штат Нью-Йорк! — вскричал Марвин. — Я из Стэнхоупа!

— А я из Саранак-Лейка, — сказал ганзер. — Звать меня Отис Дагобер, мне тридцать семь лет.

С этими словами ганзер убрал лапу с груди Марвина.

— Мы соседи, — тихо произнес он. — Поэтому я не могу тебя убить, точно так же как ты, я почти уверен, не мог бы убить меня, даже будь у тебя возможность. А теперь, когда мы узнали правду, вряд ли мы сможем продолжать наш страшный труд. Но это печально, потому что, значит, мы нарушили договорную дисциплину, а за ослушание фирма-наниматель произведет с нами окончательный расчет. А уж что это такое, ты и сам знаешь.

Марвин подавленно кивнул. Он знал слишком хорошо. С поникшей головой сидел он в безутешном молчании рядом с новым другом.

— Не вижу выхода, — сказал Марвин, после того как некоторое время обдумывал ситуацию. — Может, спрячемся в лесу на денек-другой? Но нас ведь наверняка разыщут.

Неожиданно вмешалось яйцо ганзера.

— Полно, будет вам, может, все не так безнадежно, как кажется!

— Что ты имеешь в виду? — спросил Марвин.

— Да вот, — сказало яйцо ганзера, покрываясь ямочками от удовольствия, — я считаю, за добро надо платить добром. Правда, я могу влить в неприятнейшую историю... Но какого черта! Я думаю, что помогу вам покинуть планету.

Марвин и Отис рассыпались в благодарностях, но яйцо ганзера сразу предупредило их.

— Не исключен, что вы перестанете благодарить, когда увидите, что вас ждет, — сказало оно зловеще.

— Ничего не может быть хуже, — отозвался Отис.

— Вы еще удивитесь, — напрямик сказали яйцо ганзера. — Вы еще очень и очень удивитесь... Сюда, джентльмены.

— Но куда мы идем? — спросил Марвин.

— Я отведу вас к Отшельнику, — ответило яйцо ганзера и упорно не произносило больше ни слова. Оно решительно покатилось вперед, а Марвин с Отисом двинулись следом.

Глава 13

Шагали они и катились по дикому и буйному дождевому лесу, на каждом шагу ожидая опасности. Но ни одна тварь на них не набросилась, и в конце концов они вышли на лесную поляну.

Там они увидели посреди поляны грубо сколоченную хижину и сидящего перед ней на корточках человека.

— Вот Отшельник, — сказало яйцо ганзера. — Он совсем чокнутый.

У землян не было времени переварить эту информацию. Отшельник встал и воскликнул:

— А ну стоп, постой, остановись! Откройтесь моему разумению!

— Я — Марвин Флинн, — сказал Марвин, — а это мой друг Отис Дагобер. Мы хотим покинуть планету.

Казалось, Отшельник не рассыпал; он гладил длинную бороду и задумчиво созерцал кроны деревьев. Низким унылым голосом он произнес:

Пришел тот час, когда навеет скорбь
Крик стаи журавлей, летящей вдаль.
Сова-беглянка минет стороной
Печальный мой приют, лишенный благ, —
Что дарит небо, отнимают люди!
Мерцают звезды, молча глядя в окна.
О бегстве королей вещает шумом лес.

— Он говорит, — перевело яйцо ганзера, — что предчувствовал, что вы придетете именно этой дорогой.

— Он что, с приветом? — спросил Отис. — Он так разговаривает...

Отшельник сказал:

Теперь прочти мне вслух! Не потерплю,
Чтоб ложь змеей вползла
В мой разум, мне измену предвещая!

— Он не желает, чтоб вы шептались, — перевело яйцо ганзера. — Шепот наводит его на подозрения.

— Это-то я и без тебя мог сообразить, — сказал Флинн.

— Ну и сиди голодный, — оскорбилось яйцо ганзера. — Я просто старалось быть полезным.

Отшельник сделал несколько шагов вперед, остановился и сказал:

— Что чего тебе здесь, аруун?

Марвин покосился на яйцо ганзера, но оно упорно молчало. Тогда, угадав смысл слов, Марвин ответил:

— Сэр, мы хотим покинуть планету и пришли к вам за помощью.

Отшельник покачал головой и молвил:

Речь варвара! Паршивая овца
И та пристойней блеет!

— На что он намекает? — спросил Марвин.

— Ты такой умный, догадайся сам, — ответило яйцо ганзера.

— Извини, если я тебя чем обидел, — сказал Марвин.

— Ничего, ничего.

— Право же, я раскаиваюсь. Буду очень обязан, если ты нам переведешь.

— Ладно, — сказало яйцо ганзера по-прежнему хмуро. — Он говорит, что не понимает тебя.

— Не понимает? Но я ведь достаточно ясно выражаюсь.

— Не для него, — сказало яйцо ганзера. — Чтобы до него дошло, надо изложить все стихами.

— Я? Никогда в жизни! — воскликнул Марвин с инстинктивной дрожью отвращения, которое испытывают все разумные земляне мужского пола при мысли о стихах. — Я просто не умею! Отис, может быть, ты...

— Нет уж! — в панике отозвался Отис.

Молчание стущается. Теперь
Пусть муж честной уста свои развернет.
Мне оборот событий не по нраву.

— Он начинает злиться, — прокомментировало яйцо ганзера. — Попробуй, попытка не пытка.

— Может, ты ответишь вместо нас, — предложил Отис.

— Я вам не шестерка, — возмутилось яйцо ганзера. — Хотите говорить — говорите сами за себя.

— Единственное, что я помню еще со школьной скамьи, — это «Рубаи» Омара Хайяма, — признался Марвин.

— Ну и валяй, — подбодрило его яйцо ганзера.

Марвин подумал-подумал, нервно дернулся и произнес:

Откуда мы грядем? Куда свой путь вершим?
На расу раса ополчилась без причин...
Пришли мы получить совет, поддержку, помошь —
Не обращай надежды нашей в дым.

— Размер ломается, — шепнуло яйцо ганзера. — Но для первой попытки недурно.

Отис захихикал, и Марвин стукнул его хвостом.

Отшельник отвечал:

Изложено отменно, чужестранец!
Сверх ожидания, найдешь ты помошь:
Мужчины, невзирая на обличье,
Всегда в беде друг друга выручают.

Уже с меньшей запинкой Марвин произнес:

Везде зеленый рай, куда ни кинешь взгляд.
Заря роскошна, сумрачен закат.
Найдет ли бедный пилигрим спасенье
Там, где у сильного бессильный виноват?

Отшельник сказал:

Зело способен; в тощие года
Худому языку навлечь недолго
Беду на голову злосчастного владельца.

Марвин сказал:

Коль ты мне друг, оставь словесную игру.
И прочь отправь тотчас, иначе я умру.
Мне дела нет, что скажут пустомели, —
Бери меня и мной хоть затыкай дыру.

Отшельник сказал:

За мною, господа! Расправьте плечи!
Мужайтесь!
И пусть надежны будут стремена!

И так, мирно беседуя речитативом, они прошествовали к хижине Отшельника, где увидели прикрытый куском коры запрещенный разумопередатчик древней и диковинной конструкции. Тут Марвин понял, что даже в самом крайнем безумии есть система. Ибо Отшельник не пробыл на этой планете и года, а уже сколотил изрядное состояние, занимаясь контрабандной переброской беглецов на самые захудальные из рынков Галактики.

Неэтично, но как выразился Отшельник:

Пусть вам приспособление не по нраву —
Зачем хулой уста вы осквернили?
Свет истины не меркнет, если даже
Лучи его на вас не пролились.
Мозгами пораскиньте: сколь разумно
Пренебрегать дурным вином в пустыне,
Где губы запекаются от жажды?
Зачем же избавителей своих
Вы судите сурово? Грех великий —
Неблагодарность: кто укусит руку,
Которая разжала смерти хватку?

Прошло не так уж много времени. Найти работу для Отиса Дагобера оказалось совсем нетрудно. Несмотря на все его уверения в противном, в молодом человеке обнаружилась слабая, но многообещающая садистская струнка. Поэтому Отшельник переселил его разум в тело ассистента зубного врача на Проденде-9.

Яйцо ганзера пожелало Марвину всяческих благ и укатилось домой, в лес.

— А теперь, — сказал Отшельник, — займемся тобой. Мне кажется, что если твою психологию проанализировать с предельной объективностью, то в тебе явственно прослеживается тенденция к жертвенности.

— Во мне? — поразился Марвин.

— Да, в тебе, — ответил Отшельник.

— К жертвенности?

— Именно к жертвенности.

— Не уверен, — заявил Марвин. На этой формулировке он остановился из вежливости; в действительности же он был вполне уверен, что Отшельник заблуждается.

— Зато я уверен, — сказал Отшельник. — И без ложной скромности могу сообщить, что опыт подыскания работ у меня побольше твоего.

— Да, наверное. Вы, я вижу, перестали говорить стихами.

— Конечно, — сказал Отшельник. — С какой стати мне продолжать?

— Потому что раньше вы говорили только стихами, — ответил Марвин.

— Но это же совсем другое дело, — сказал Отшельник. — Тогда я был на открытом воздухе. Приходилось защищаться. Теперь я у себя дома и, следовательно, в полной безопасности.

— Неужели на открытом воздухе стихи действительно защищают?

— А как по-твоему? Я на этой планете второй год живу, и второй год на меня охотятся две кровожадные расы, которые убили бы меня на месте, если б только поймали. А я, как видишь, цел и невредим.

— Что ж, это очень хорошо. Но я не совсем понимаю, какое отношение имеет ваша речь к вашей личной безопасности.

— Черт меня побери, если я сам это понимаю, — сказал Отшельник. — Вообще-то я считаю себя рационалистом, но вынужден признать, хоть и с неохотой, что стихи действуют безотказно. Они помогают; что еще можно добавить?

— А вам не приходило в голову произвести опыт? — спросил Марвин. — Я имею в виду, не пробовали вы разговаривать на открытом воздухе прозой? Возможно, что стихи вовсе не обязательны.

— Возможно, — ответил Отшельник. — А если бы ты попробовал прогуляться по океанскому дну, то, возможно, оказалось бы, что и воздух вовсе не обязательен.

— Это не совсем одно и то же, — возразил Марвин.

— Это абсолютно одно и то же, — сказал Отшельник. — Но мы говорили о тебе и твоей склонности приносить себя в жертву. Повторяю, эта склонность

открывает перед тобой путь к чрезвычайно увлекательной работе.

— Не интересуюсь, — уперся Марвин. — А еще что у вас есть?

— Больше ничего! — отрезал Отшельник.

По странному стечению обстоятельств в этот миг снаружи, из кустов, донесся невероятный треск и грохот, и Марвин заключил, что за ним гонятся либо мельдяне, либо ганзеры, либо те и другие.

— Работу я принимаю, — сказал Марвин. — Однако вы ошибаетесь.

За Марвином осталось последнее слово, но зато за Отшельником осталось последнее дело. Ибо, наладив свое оборудование и отрегулировав приборы, он замкнул выключатель и отправил Марвина навстречу новой карьере, на планету Цельсий-5.

Глава 14

На Цельсии-5 высшее проявление культуры — дарить и принимать подарки. Отказаться от подарка немыслимо; такой поступок вызывает в любом цельсианине эмоцию, сравнимую разве что с земной боязнью кровосмешения. Как правило, дарение не беда. Большей частью дары «белые» и выражают всевозможные оттенки любви, благодарности, нежности и так далее. Но бывают еще «серые» дары предупреждения и «черные» дары смерти.

И вот некий выборный чиновник получил от своих избирателей красивое кольцо в нос. В нем обязательно надо красоваться две недели. Великолепная была вещица, только с одним недостатком — она тикала.

Существо другой расы скорее всего закинуло бы это кольцо в ближайшую канаву. Но ни один цельсианин, находясь в здравом уме, этого не сделает. Он даже не отдаст кольцо на проверку. Цельсиане руководствуются правилом: дареному коню в зубы не смотрят. К тому же, просочись хоть слово подозрения, разгорится непоправимый публичный скандал.

Проклятое кольцо надо было таскать в носу целые две недели.

А оно тикало.

Чиновник, которого звали Мардук Крас, обдумывал эту проблему. Он размышлял о своих избирателях, о том, как он им помогал, и о том, как он их давил. Кольцо символизировало предупреждение, это-то было ясно. В лучшем случае — предупреждение, серый дар. В худшем — черный; миниатюрная бомба простейшей конструкции по истечении нескольких томительно-тревожных дней разнесет ему голову.

По природе своей Мардук не был самоубийцей; он знал, что не хочет носить проклятое кольцо. Но он также знал, что обязан носить проклятое кольцо. Итак, он оказался перед классической цельсианской дилеммой.

«Неужели они проделают со мной такое? — спрашивал себя Мардук. — Только из-за того, что я перепланировал старый, грязный жилой округ под предприятияя тяжелой промышленности и вступил в соглашение с гильдией домовладельцев, обязавшись повысить квартирную плату на 320 процентов взамен их обещания в пятидесятилетний срок установить новые водопроводные трубы? Так ведь, Боже правый, я никогда и не выдавал себя за совершенство».

Кольцо весело тикало, отсчитывая секунды, щекоча нос и будоража душу. Мардуку вспомнились другие чиновники, которые головами поплатились, получив дары от слабоумных озорников. Да, вполне возможно, что это черный дар.

— Голодранцы тупые! — прорычал Мардук, облегчив душу ругательством, которого никогда бы не осмелился произнести на публике. Он горько переживал обиду. Работаешь не покладая рук на всяких дряблокожих крючконосых кретинов — и что же получаешь в награду? Бомбу в нос.

Какое-то мгновение его так и подмывало закинуть кольцо в ближайший бак с хлором. Тут бы он их проучил! И ведь был прецедент. Разве святой Вориэг не отверг тотальное подношение трех призраков?

Да... Но по каноническому толкованию подношение призраков было задумано как коварный подкоп под самую сущность Даров и, следовательно, под самые устои общества; ведь, сделав свое тотальное подношение, они исключили возможность каких бы то ни было подарков в будущем.

А кроме того, то, что достойно восхищения в святом Второго Царства, отвратительно во второразрядном чиновнике Десятой Демократии. Святые вольны поступать как им заблагорассудится; простые люди должны поступать так, как положено.

Плечи Мардука поникли. Он облепил ступни горячей целебной грязью, но и это не принесло ему облегчения. Выхода не было. Не может один цельсианин противостоять целому обществу. Придется носить кольцо и ждать того леденящего душу мига, когда тиканье прекратится...

Но постойте! Есть же выход!

Да, да, выход найден! Надо только все организовать как следует; но если получится, то Мардук сохранит и безопасность, и доверие общества. Пусть только проклятое кольцо даст ему срок...

Мардук Крас срочно созвонился с несколькими инстанциями и устроил себе срочную командировку на Таами-2 (эдакое Таити в Зоне Десяти Звезд). Разумеется, не телесную. Высокое начальство не станет разбазаривать средства на то, чтобы отправлять чье-то тело за сотни световых лет, когда достаточно одного лишь разума. Бережливый, положительный Мардук отправится по обмену. Он соблюдет если не дух, то букву цельсианского обычая — оставит дома тело с дареным кольцом, весело тикающим в носу.

Надо только найти разум, который поселился в теле Мардука на время его отсутствия. Но это несложно. В Галактике чересчур много разумов и чересчур мало тел. Почему так — никто не знает доподлинно. Ведь в конце концов каждый начинает жизнь, обладая и тем и другим. Но в финале у одних всегда оказывается чего-то больше, чем им нужно, будь то богатство, власть или тела, а у других — меньше.

Мардук связался с фирмой «Отшельник» (Тела для любых надобностей). У Отшельника нашлось как раз то, что нужно: ярко выраженный землянин, молодой, мужского пола, находящийся под угрозой скорой смерти и согласный на риск, который связан с ношением тикающего кольца в носу.

Вот так Марвин Флинн попал на Цельсий-5.

В виде исключения спешить было некуда. По прибытии Марвин Флинн имел возможность проделать все процедуры, предписываемые обменом. Он полежал в полной неподвижности, медленно привыкая к новому телу. Он пошевелил каждой конечностью, проверил все органы чувств и быстро перебрал в уме первичную культурно-конфигурационную нагрузку, излучаемую лобными

долями, на предмет аналогичных и тождественных факторов. Затем оценил эмоциональные и структурные факторы мозжечка на предмет зенита, надира и седловины. Почти все это он выполнил машинально. Оказалось, что цельсианско тело сидит на нем как нельзя лучше.

Конечно, не обошлось без затруднений: дельта-кризиса была до нелепости эллиптичной, а УИТ (универсальные грек-точки) — не трапециевидными, а серповидными. Но чего и ждать на планете типа ЗВ; если все пойдет нормально, ему не грозят никакие неприятности.

В общем с таким комплексом «тело — среда — культура — роль» он вполне мог сжиться и отождествить себя.

Очень мило, мысленно подытожил Марвин. Только бы проклятое кольцо в носу не взорвалось.

Он встал и приглядился к обстановке. Первым ему бросилось в глаза письмо от Мардука Краса — оно было привязано к запястью, чтобы Марвин сразу заметил.

«ДОРОГОЙ ОБМЕНЩИК!

Добро пожаловать на Цельсий! Я понимаю, что при данных обстоятельствах вы не замечаете особого гостеприимства, и сожалею об этом не меньше вашего. Но я бы вам от всей души советовал выкинуть из головы всякую мысль о внезапной кончине и сосредоточиться на приятном времяпрепровождении. Пусть вас утешает, что статистика смерти от черного дара не выше, чем от несчастных случаев на плутониевом руднике, если вы добываете плутониевую руду. Так что не нервничайте и наслаждайтесь жизнью.

Моя квартира вместе со всем, что в ней находится, — к вашим услугам. Тело — также, только не переутомляйте его, укладывайте спать не слишком поздно и не вливайте в него чересчур много спиртного. Левое запястье повреждено, будьте осторожны, если придется поднимать что-нибудь тяжелое. Счастливо оставаться и не волнуйтесь, ведь тревога никому еще не помогла разрешить ни одной проблемы.

Не сомневаюсь, что вы джентльмен и не станете пытаться вынуть кольцо из носа. Но на всякий случай

сообщаю, что у вас все равно ничего не выйдет: кольцо заперто на молекулярный замок Джейверга. Еще раз до свидания, постарайтесь выкинуть из головы все заботы и хорошо провести время на нашей славной планете.

Ваш преданный друг МАРДУК КРАС».

Сперва письмо обозлило Марвина, но после он расхохотался и смял его в комок. Мардук, бесспорно, негодяй, но негодяй симпатичный и широкая душа. Марвин решил извлечь максимум возможного из сомнительной сделки, позабыть о предполагаемой бомбе, прикорнувшей у него над губой, и наслаждаться временным пропровождением на Цельсии.

Он пошел осматривать свой новый дом и остался очень доволен. Квартира оказалась холостяцкой норой, спланированной так, чтобы жить в свое удовольствие, а не просто плодить детей. Основная особенность планировки — пентабрахия — отражала служебное положение Краса. Сошки помельче обходились системой трех-четырех галерей, а в трущобах «Северные Болотники» целые семьи ютились в одно- и двухгалерейных квартирах. Однако в ближайшем времени намечалась жилищная реформа.

Кухня, чистенькая и современная, изобиловала гастрономическими чудесами. Были там и банки засахаренных кольчатых червей, и миски с экзотическим салатом из морских звезд, и восхитительно вкусные ломтики манилы, ваниллы, горгонии и рениксы. Была консервированная «казарка белощекая под ротифероорхидейным соусом» и пакет быстрозамороженных сладких и кислых юсов. Но (как это похоже на холостяков!) не было главного — ни головки гастробула, ни бутылки газированного имбирного меда.

Блуждая по длинным изогнутым галереям, Марвин обнаружил музыкальную комнату. Здесь Мардук не пожалел затрат. Большую часть комнаты занимал огромный усилитель «Империал» с двумя динамиками «Тиран» по бокам. Мардук применял микрофон «Вихрь» с сорокаканальным подавлением, селектор-дискриминатор ощущений «расширяющегося» типа был оборудован поплав-

ковым щелегорловым «пассивным» регулятором. Сигнал снимали путем регенерирования изображений, но можно было переключиться на модуляцию спада. Пусть не профессионально сделанный, но все же отличный любительский комбайн.

Сердцем комплекса был, само собой, инсектарий — генератор модели «Супер Макс», с ручным и автоматическим контролем отбора и смешения, с регулируемой подачей и выброской, с различными максимизирующими и минимизирующими устройствами.

Марвин выбрал «Гавот кузнечика» (Корестал, 431Б) и стал вслушиваться в волнующее трахейное облигато и нежный аккомпанемент духовых инструментов — спаренных мальфиговых трубеол. Познания Марвина в музыке были весьма поверхностными, но он оценил всю виртуозность исполнения: в отдельной ячейке сидел кузнечик, зеленый в голубую полоску, и у него слегка вибрировал второй сегмент брюшка.

Марвин склонился над инсектарием и одобрительно кивнул. Кузнечик в голубую полоску щелкнул жвалами, затем вновь принялся за свою музыку. Это был специально выведенный диксант для техничного исполнения; блестательный артист, хотя трактовка у него не столь правильна, сколь эффектна. Правда, этого Марвин не мог постигнуть.

Марвин выключил тумблер, вернул переключатель из позиции «Активность» в позицию «Спячка»; кузнечик вновь погрузился в сон. Хорошо был укомплектован инсектарий, особенно выделялись симфонии майских мух и новейшие причудливые песни гусениц, но Марвина предстояло еще многое увидеть, и он пока не стал забивать себе голову музыкой.

В гостиной Марвин сел на массивную старинную глиняную скамью (настоящий Уормстеттер!), прислонился к щербатому гранитному подголовнику и решил отдохнуть. Но кольцо в носу тикало и тикало, беспрерывно юсяя на его чувство благополучия. Он потянулся к низенькому столику и наудачу вытянул из целой груды первую попавшуюся палочку-почиталочку. Пробежался цупальцами по желобкам, но без толку. Трудно

было сосредоточиться даже на развлекательном чтении. Нетерпеливо отшвырнув палочку-почиталочку, он принялся строить планы.

Но он был зажат в тисках неумолимого времени. Приходилось исходить из того, что мгновения жизни строго ограничены и их становится все меньше. Хотелось как-то отметить последние часы. Но как?

Он соскользнул с Уормстеттера и заметался по главной галерее, ожесточенно пощелкивая когтями. Затем внезапно принял решение и отправился в гардеробную. Там он выбрал новую оболочку из золотисто-бронзовогого хитина и тщательно задрапировал ею плечи. Лицевые щетинки он покрыл ароматическим kleem и уложил еп grosse¹ по щекам. Щупальца обрызгал лаком, придающим жесткость, расправил под изысканным углом шестьдесят градусов и придал им изящный естественный изгиб. В заключение пригудрил лавандовым песком средний сегмент, а плечевые суставы окаймил черной полосой.

Он оглядел себя в зеркале и остался доволен своей внешностью: одет хорошо, но без пиажонства. Судя о себе с предельной беспристрастностью, он нашел, что молод, представителен и смахивает на ученого-гуманистария. Звезды с неба вряд ли хватает, но и в грязь лицом нигде не ударит.

Он вышел из норы через главный вход и закрыл его входной пробкой.

Сгущались сумерки. Звезды мерцали над головой, но их там, казалось, не больше, чем огней у входов в бесчисленные норы, публичные и частные, и все огни сливаются в пульсирующее сердце большого города. Зрелище это глубоко взволновало Марвина. Наверняка, наверняка где-нибудь в переплетении столичных лабиринтов найдется нечто такое, что доставит ему радость. Или хотя бы мирное забытье под занавес.

Итак, Марвин скорбно, хотя и не без трепетной надежды, направил стопы к манящей, лихорадочной Центральной Канаве — выяснить, что уготовано ему фортуной или велено роком.

¹ На манер малярной кисти (фр.).

Глава 15

Стремительной размашистой походкой, скрипя кожаными сапогами, шел Марвин Флинн по деревянному тротуару. Едва уловимо повеяло смешанным ароматом шалфея и туи. Справа и слева кирпичные стены жилищ отливали в лунном свете тусклым мексиканским серебром. Из соседнего салуна донеслись отрывистые аккорды банджо.

Марвин затормозил на всем ходу и нахмурился. Откуда здесь шалфей? И салун? Что тут происходит?

— Что-нибудь неладно, чужестранец? — нараспев спросил хриплый голос.

Флинн круто обернулся. Из тени, падающей от универсального магазина, выступила какая-то фигура. Это оказался ковбой — дурно пахнущий сутулый бродяга в пыльной черной шляпе, смешно заломленной на немытом лбу.

— Да, что-то очень и очень неладно, — ответил Марвин. — Все кажется каким-то чудным.

— Не стоит волноваться, — заверил его ковбой-бродяга. — У тебя просто изменилась система метафорических критериев, а за это, видит бог, в тюрьму не сажают. Собственно говоря, ты радоваться должен, что избавился от кошмарных ассоциаций со зверями и насекомыми.

— А что плохого было в моих ассоциациях? — возразил Марвин. — В конце концов я ведь нахожусь на Цельсии-5 и живу в норе.

— Ну и что? — сказал ковбой-бродяга. — Разве у тебя нет воображения?

— Воображения у меня хоть отбавляй, — вознегодовал Марвин. — Но не в том дело. Дело в том, что нелогично воображать, будто ты на Земле и ковбой, когда по-настоящему ты кротоподобное существо на Цельсии-5.

— Ничего не попишешь, — сказал ковбой-бродяга. — Ты, видно, перенапряг способность аналогизирования, и у тебя вроде как предохранитель сгорел, вот что... Соответственно твое восприятие взяло на себя задачу эмпирической нормализации. Такое состояние называется «метафорическая деформация».

Тут Марвин вспомнил, как мистер Бландерс предостерегал его от этого феномена. Метафорическая деформация, болезнь всякого межзвездного путешественника, настигла его мгновенно, без всякого предупреждения.

Он знал, что должен встревожиться, но чувствовал лишь кроткое удивление. Эмоции его соответствовали восприятию, ибо незамеченная перемена есть перемена неощутимая.

— Когда же я начну видеть вещи такими, какие они есть на самом деле? — спросил Марвин.

— Вот вопрос, достойный философа, — ответил ковбой-бродяга. — Но применительно к твоему случаю синдром пройдет, если только ты вернешься на Землю. А будешь и дальше путешествовать — процесс перцептивного аналогизирования обострится; правда, можно ожидать кратковременных самопроизвольных светлых промежутков — ремиссий нормального состояния.

Все это показалось Марвину занятным, но не опасным. Он поддернул джинсы и протянул с ковбойским выговором:

— Что-о-о ж, я так понимаю, играть надо теми картами, что сданы, и нечего тут всю ночь препираться. А ты-то сам кто будешь, чужестранец?

Ковбой-бродяга отвечал не без самодовольства:

— Я тот, без кого была бы невозможна наша беседа. Я воплощение Необходимости; без меня тебе пришлось бы самому припомнить всю теорию метафорической

деформации, а ты вряд ли на это способен. Позолоти ручку.

— Так цыганки говорят, — презрительно сказал Марвин.

— Извини, — отвечал ковбой-бродяга без тени смущения. — Сигаретки не найдется?

— Табачок найдется, — сказал Марвин и протянул ему кисет с «Булл-Дэргем». С секунду он задумчиво разглядывал нового приятеля, затем объявил: — Что-о-о ж, вид у тебя препоганый, к тому же ты, по-моему, наполовину осел и наполовину шакал. Но я, пожалуй, буду тебя держаться, какой ты ни есть.

— Браво, — серьезно проговорил ковбой-бродяга. — С изменением контекста ты справляешься лихо, как мартышка с бананами.

— Я так понимаю, ты это капельку загнул, — хладнокровно сказал Марвин. — Куда мы теперь двинем, прохвессор?

— В путь-дорогу, — ответил ковбой. — В ближайший салун сомнительной репутации.

— Гип-гип ура! — гаркнул Марвин и развязной походкой устремился в распахнутые двери салуна.

В салуне на руке у Марвина тотчас повисла некая особа. Она впилась в него взглядом с улыбкой, напоминавшей ярко-красный барельеф. Бегающие подчеркнутые глаза имитировали прищур веселья; вялое лицо было размалевано лживыми иероглифами оживления.

— Пошли со мной наверх, детуля, — вскричала омерзительная красотка. — Гулять будем, веселиться будем!

— Самое забавное, — сказал бродяга, — что маску этой девы предписывает обычай, требуя, чтобы те, кто продает наслаждение, изображали радость. Требование, мой друг, нелегкое, и не на всякую профессию оно налагается. Заметь: торговке рыбой дозволено не любить селедку, торговец овощами может в рот не брать репы, даже мальчишке-газетчику прощается неграмотность. Никто не требует, чтобы сами святые угодники получали удовольствие от священного мученичества. Лишь смиренные продавцы наслаждений обязаны, подобно Танталу, вечно ждать недосягаемого пиршества.

— Твой друг — большой шутник, точно? — сказала накрашенная ведьма. — Но ты мне больше по нраву, крошка, от тебя у меня внутри все обмирает.

На шее у бесстыдницы болтался кулон с миниатюрными брелоками — черепом, пианино, стрелой, пинеткой и пожелтевшим зубом.

— Что это такое? — полюбопытствовал Марвин.

— Символы.

— Символы чего?

— Пойдем наверх, я тебе все объясню, миленок.

— Итак, — нараспив произнес ковбой-бродяга, — перед нами истинное непосредственное самовыражение пробудившейся женской натуры, рядом с которым наши мужские причуды кажутся всего лишь детскими игрушками.

— Пошли! — воскликнула гарпия и завертела мощным торсом, имитируя страсть, которая казалась еще более отталкивающей из-за того, что была неподдельна.

— Большое вам, э-э... спасибо, — промямлил Марвин, — но сейчас я, пожалуй, не...

— Ты не жаждешь любви? — недоверчиво переспросила женщина.

— Вообще-то не очень.

Женщина уперла суковатые кулаки в крутые бедра и сказала:

— Кто бы мог подумать, что я доживу до такого дня?

Ладонью, по размерам и форме не уступающей чилийскому плащу-панчо, она вцепилась ему в горло.

— Пойдешь тотчас же, гнусный, трусливый, эгоистичный ублюдок с нарциссовым комплексом, иначе, клянусь Аресом, я сверну тебе шею как цыпленку!

Казалось, драмы не миновать, ибо страсть лишила женщину способности умерять свои желания.

К счастью, ковбой-бродяга, повинуясь если не природным склонностям, то по крайней мере велению рассудка, выхватил из кобуры веер, жеманно склонился к разъяренной женщине и похлопал ее по носорожьей руке.

— Не смей делать ему больно! — приказал он скрипучим контральто.

Марвин быстро, хоть и не в тон, подхватил:

— Да, скажи ей, чтоб перестала меня лапать! По-моему, это уж слишком, нельзя даже спокойно выйти вечером из дома, сразу нарвешься на скандал...

— Не плачь, бога ради, не плачь! — прервал его ковбой-бродяга. — Знаешь ведь, я не выношу, когда ты плачешь!

— Я не плачу! — насморочно всхлипнул Марвин. — Просто она разорвала на мне рубашку. Твой подарок!

— Подарю другую! — утешил ковбой. — Только не надо больше сцен!

Женщина глазела на них, разинув рот, и Марвин воспользовался ее секундным замешательством, вынул из сумки с инструментами ломик, подсунул его под распухшие багровые пальцы женщины и высвободился из ее хватки. Пользуясь благоприятным моментом, Марвин и ковбой-бродяга метнулись в дверь, в два прыжка свернули за угол, перескочили через мостовую и стремительно понеслись навстречу свободе.

Когда непосредственная опасность миновала, Марвин сразу же пришел в себя. С глаз спала пелена метафорической деформации, наступила перцептивно-эмпирическая ремиссия. Теперь стало до боли ясно, что «ковбой-бродяга» на самом деле не ковбой, а крупный жук-паразит вида «кфулу». Ошибки быть не могло: жуки кфулу отличаются вторичным слюнным протоком, расположенным чуть пониже и левее подпищеводного ганглия.

Жуки эти питаются чужими эмоциями — их собственные давным-давно атрофировались. Как правило, они прячутся в темных закоулках, поджиная, чтобы беззаботный цельсианин прошел в поле досягаемости их рецепторов. Именно такое и случилось с Марвином.

Осознав это, Марвин направил на жука столь сильное чувство гнева, что кфулу — жертва сверхостроты своих эмоциональных рецепторов — свалился без сознания. Затем Марвин оправил на себе золотисто-бронзовую оболочку, напружиnil щупальца и двинулся по дороге дальше.

Глава 16

Он подошел к мосту, переброшенному через широкую и быструю песчаную реку. И, дойдя до середины моста, уставился вниз, на черные глубины, что непреклонно текли к таинственному песчаному морю. Он смотрел, как загипнотизированный, а кольцо в носу отбивало мелкую дробь втрое чаще, чем сердце. И думалось Марвину:

«Всякий мост — единство противоположностей. Горизонтальная его протяженность свидетельствует о том, что все на свете проходит, а вертикали неумолимо напоминают о грозящих неудачах, о неизбежности смерти. Мы все пробиваемся вперед, невзирая на препятствия, но под ногами у нас разверзается бездна расплаты за первородный грех. Мы строим, воздвигаем, сооружаем, но верховный архитектор — смерть, она создает вершины лишь затем, чтобы существовали пропасти.

Перебрасывайте же ваши великолепные мосты хоть через тысячу рек, о цельсиане, соединяйте разобщенные части своей планеты. Ваше мастерство напрасно, ибо могила все еще у вас под ногами, она все еще ждет, все еще терпелива. Перед вами открыт путь, цельсиане, но он неминуемо ведет к смерти. Несмотря на всю вашу хитрость, цельсиане, вы никак не можете понять простую вещь. У сердца такая форма специально для того, чтобы его пронзила стрела. Остальные эффекты — побочные».

Вот о чем думал Марвин, стоя на мосту. И его одолела великая тоска, желание перечеркнуть все желания, отказаться от боли и удовольствий, забыть мелкие радости и горести успехов и неудач, покончить с развлече-

чениями и продолжить дело жизни, которое сводится к смерти.

Медленно взобрался он на парапет и встал, балансируя над вихрящимися струями песка. И тут он заметил краешком глаза, как от столба отделяется тень, нерешительно подходит к парапету, склоняется над бездной и с опасностью для жизни перевешивается...

— Стой! Погоди! — вскричал Марвин. Его разрушительные стремления мгновенно угасли. Видел он лишь одно: живое существо на краю гибели.

Тень ахнула и рванулась к зияющей бездне. В тот же миг Марвин кинулся к тени и ухватил ее за ногу.

Нога так отчаянно открынулась, что Марвин чуть не перелетел через парапет. Однако он быстро оценил обстановку, впился присоской в пористый камень пешеходной дорожки, для упора расставил пошире нижние конечности, двумя верхними обвил фонарный столб, а двумя свободными руками удерживал спасенного.

Настал миг напряженного равновесия; затем сила Марвина сломила сопротивление незадачливого самоубийцы. Медленно, осторожно Марвин начал стаскивать спасенного вниз — отпустил предплечьи, перехватил его ногу в области большой берцовой кости и тянул вниз до тех пор, пока неизвестный не оказался в безопасности на проезжей части моста.

От собственных мрачных помыслов и следа не осталось. Марвин сгреб самоубийцу за плечи и свирепо встряхнул.

— Дурак несчастный! — закричал он. — Что это за трусость? Только идиот или безумец сводит так счеты с жизнью. Неужто у тебя вовсе нет силы воли, чертова ты...

Он вовремя прикусил язык. Перед ним, отведя взгляд, дрожал незадачливый самоубийца. И Марвин только теперь заметил, что спас женщину.

Глава 17

Позже, в отдельном кабинете примостного ресторана, Марвин извинился за резкие слова, что вырвались у него не от души, а по вспыльчивости. Но женщина, грациозно помахав лапкой, отказалась принять извинение.

— Вы ведь правы, — сказала она. — Мой поступок — поступок идиотки, или безумной, или той и другой. Боюсь, ваше определение точно. Надо было дать мне прыгнуть.

Марвин заметил, что она красива. Миниатюрная, ему едва по грудь, но сложена безукоризненно. Брюшко подобно точеному цилинду, гордая головка наклонена к телу под углом пять градусов (от такого наклона щемило сердце). Черты лица совершенны, начиная от милых шишек на лбу и кончая квадратной челюстью. Два яйцеклада скромно прикрывают белый атласный шарф покроя «принцесс», обнажая лишь соблазнительную полоску зеленой кожи. Ножки в оранжевых обмотках, подчеркивающих гибкие сегменты суставов.

Пусть она незадачливая самоубийца — для Марвина она была самой ослепительной красавицей из всех, кого ему довелось повидать на Цельсии.

От ее красоты у Марвина пересохло в горле и зачастил пульс. Он поймал себя на том, что не сводит глаз с белого атласа, скрывающего и оттеняющего высокие яйцеклады. Он потупился и поймал себя на том, что разглядывает сладострастное чудо — длинную членистую ногу. Густо краснея, он заставил себя смотреть на сморщенную родимую шишечку на лбу.

Женщина, казалось, не замечала его пылкого внимания. Она простодушно предложила:

— Может, мы познакомимся, раз уж так получилось? Оба неудержимо расхохотались над ее остротой.

— Марвин Флинн, — представился Марвин.

— Фристия Хэлд, — называлась молодая женщина.

— Я буду звать вас Кэти, если вы не возражаете, — сказал Марвин.

Они снова рассмеялись. Затем Кэти стала серьезной. Увидя, как быстро летит время, она сказала:

— Еще раз большое вам спасибо. А теперь мне пора.

— Конечно, — ответил Марвин, тоже вставая. — Когда мы увидимся?

— Никогда, — проговорила она тихо.

— Но мне это необходимо! — воскликнул Марвин. — Я хотел сказать — теперь, когда я вас нашел, я ни за что не соглашусь вас потерять.

Она грустно покачала головой.

— Вы будете вспоминать обо мне хоть изредка? — прошептала она.

— Мы не должны расставаться! — сказал Марвин.

— Ничего, переживете, — ответила она вовсе не в строгом тоне.

— Я теперь никогда больше не улыбнусь, — прорыдал Марвин.

— Кто-нибудь займет мое место, — предсказала она.

— Вы просто демон-искуситель! — вскричал он в ярости.

— Мы разошлись, как в море корабли, — поправила она.

— Неужели мы не встретимся? — осведомился Марвин.

— Время покажет.

— Я бы ходил за вами как тень, — с надеждой сказал Марвин.

— К востоку от солнца и к западу от луны, — произнесла она нараспев.

— Как вы немилостивы, — надулся Марвин.

— Я забыла про время, — сказала она. — Но теперь я о нем вспомнила!

С этими словами она вихрем метнулась к двери и исчезла.

Марвин проводил ее глазами, потом сел за стойку бара.

— Один за мою крошку, другой на дорожку, — бросил он бармену.

— Все бабы фальшивые, — сочувственно заметил бармен, наполняя бокалы.

— При ней иссохну, без нее сдохну, хандра у меня, — пожаловался Марвин.

— Парню нужна девушка, — изрек бармен.

Марвин осушил бокал и снова протянул его бармену.

— Розовый коктейль за мою голубую мечту, — распорядился он.

— Может, она устала, — предположил бармен.

— Не знаю, за что я ее так люблю, — констатировал Марвин. — Но по крайней мере знаю, отчего в небе померкло солнце. Среди моего одиночества она преследует меня, как бренчанье пианино в соседней квартире. Я буду поблизости, как бы она со мной ни обращалась. Может, все это напрасно, но я сохранию в памяти весну и ее, и не для меня ласкает кроны вешний ветерок, и...

Неизвестно, долго ли продолжал бы Марвин свои причитания, если бы где-то на уровне его ребер, на два фута влево, кто-то не прошептал:

— Эй, миштер!

Обернувшись на зов, Марвин увидел на соседнем табурете маленького толстенького цельсианина в лохмотьях.

— Чего тебе? — грубо спросил Марвин.

— Вы хотеть видеть тот очень красивый мучача еще раз?

— Да, хочу. Но что ты можешь...

— Я частый сыщик разыскивать безвестно пропавших успех гарантирован иначе ни цента в вознаграждение.

— Что за странный у тебя говор? — поразился Марвин.

— Ламбробианский, — ответил сырщик. — Я Хуан Вальдец, родом из земель фиесты, что у самой границы, а сюда, в большой город Норт, я приехал сколотить состояние.

— Чучело гороховое, — ощерился бармен.

— Какая вещь ты меня назвать? — с подозрительной кротостью переспросил маленький ламбробианин.

— Я назвал тебя «чучело гороховое», паршивое ты чучело гороховое, — ощерился бармен.

— Так я и услышать, — сказал Вальдец. Он потянулся к поясу, вытащил длинный нож с двусторонним лезвием и, всадив его бармену в сердце, уложил того на месте.

— Я человек кроткий, сеньор, — обратился он к Марвину. — Я не легко обижаться. Право же, в родном селе Монтана Верде де лос трес Пикос меня считать безобидный. Я ничего не просить, только разводить пейотовый побеги в высокий горах Ламбробии под сень того дерева, что называется «шляпа от солнца», ибо то есть лучшие в мире пейтовые побеги.

— Вполне сочуствую.

— И все же, — продолжал Вальдец с нажимом в голосе, — когда эксплуататор дель норте оскорбляет меня, а тем самым позорит память взрастивших меня родителей, о сеньор, тогда глаза мои застилает красный туман, нож сам вскакивает ко мне в руку и оттуда без пересадки вонзается в сердце тому, кто обидел сына бедняка.

— С каждым может случиться, — сказал Марвин.

— А ведь несмотря на острое чувство чести, — заявил Вальдец, — я в общем-то как дитя — порывист и беспечен.

— Я, собственно, успел это заметить, — отозвался Марвин.

— Но хватит об этом. Так вы хотите нанять меня сыщик искать девушка? Ну конечно. Эль буэн пано эн эль арва се венде, вердад?¹

— Си, омбре, — со смехом ответил Марвин. — И эль дезео венсе аль миедо!²

— Луэс,adelante!³

И рука об руку два приятеля шагнули в ночь под тысячи сверкающих звезд, подобных остриям пик несметного воинства.

¹ Хороший урожай продаётся на корню, не так ли? (исл.)

² И желание побеждает страх! (исл.)

³ Итак, вперед (исл.).

Глава 18

Выйдя из ресторана, Вальдец обратил смуглое усатое лицо к небесам и отыскал созвездие Инвидиус, которое в северных широтах безошибочно указывает на северо-северо-восток. Приняв его за базисную линию, Вальдец мысленно начертил крест с учетом ветра (дующего в щеку с запада со скоростью пять миль в час) и мха на деревьях (отрастающего с северной стороны стволов роняпיסה на миллиметр в день). Он сделал поправку на восточную погрешность — один фут на милю (снос) и южную погрешность — пять дюймов на сто ярдов (сокупность эффектов тропизма). Затем, приняв к сведению все данные, зашагал в юго-юго-западном направлении.

Марвин последовал его примеру. Не прошло и часу, как они вышли из городской черты на покрытые живицей поля. Еще через час исчезли последние признаки цивилизации, потянулось нагромождение гранита и скользкого полевого шпата.

Вальдец не выказывал намерения остановиться, и в Марвине смутно шевельнулось беспокойство.

— Нельзя ли все же узнать, куда мы идем? — спросил он наконец.

Вальдец сверкнул белозубой улыбкой на загорелой физионии цвета сиены:

— Искать вашу Кэти.

— Неужто она живет так далеко от города?

— Понятия не имею, где она живет, — пожал плечами Вальдец.

— Не имеете?

— Да, не имею.

Марвин остолбенел.

— Но вы же говорили, будто знаете.

— Никогда я ничего подобного не говорил ни прямо, ни косвенно, — сказал Вальдец, наморщив темно-коричневый лоб. — Я говорил, что помогу вам искать ее.

— Но если вы не знаете, где она живет...

— Совершенно неважно, — заявил Вальдец, строго подняв куцый палец. — Наши поиски не имеют ничего общего с тем, где Кэти живет; наши поиски сводятся к простейшей задаче — найти саму Кэти. По крайней мере так я вас понял.

— Да, конечно, — сказал Марвин. — Но если мы идем не туда, где она живет, то куда мы идем?

— Туда, куда она будет, — безмятежно ответил Вальдец.

— Ага, — сказал Марвин.

Шли они сквозь вздывающиеся чудеса минерального царства и наконец пришли к низкорослым холмам, что как усталые моржи залегли вокруг искрящегося голубого кита — величественной горной цепи. Прошел еще час, и Марвин опять забеспокоился. Однако на сей раз он высказал свои сомнения обиняками, надеясь вывести тайну хитростью.

— А вы давно знаете Кэти? — спросил он.

— Ни разу не имел удовольствия встретиться, — ответил Вальдец.

— Значит, впервые увидели ее со мной в ресторане?

— К сожалению, даже там я ее не видел, ибо, пока вы с ней беседовали, я в мужском туалете выгонял из почки камень. Возможно, я заметил ее краешком глаза, когда она рас прощалась с вами и вышла, но скорее всего то был лишь доплеровский эффект, созданный красным турникетом.

— Следовательно, вы вообще ничего не знаете о Кэти?

— Только то немногое, что слышал от вас; а это, по совести, практически ничего.

— Так как же вы собираетесь отвести меня туда, где она будет? — возмутился Марвин.

— А очень просто, — ответил Вальдец. — Если бы вы хоть на секунду задумались, вам бы сразу все стало ясно.

Марвин задумался на целых несколько секунд, но орешек оказался ему не по зубам.

— Будем рассуждать логически, — сказал Вальдец. — Какая передо мной задача? НАЙТИ КЭТИ. Что мне известно о Кэти? Ничего.

— Не очень-то вы меня обнадеживаете.

— Но это лишь половина задачи. Допустим, мне ничего не известно о Кэти; но что мне известно об отыскании?

— Что?.. — спросил Марвин.

— Представьте, об отыскании мне известно решительно все, — торжествующе объявил Вальдец, размахивая изящными терракотовыми руками. — Ибо я специалист по теории поисков!

— По чему? — переспросил Марвин.

— По теории поисков, — повторил Вальдец уже не так торжествующе.

— Понятно, — сказал Марвин, ничуть не потрясенный. — Что же, замечательно. Я уверен, что теория великолепна. Но если вы ничего не знаете о Кэти, не представляю, чем вам поможет даже самая распрекрасная теория.

Вальдец вздохнул (отнюдь не демонстративно) и провел красновато-коричневой ладонью по усам.

— Дружище, если бы вам было известно о Кэти все — ее привычки, друзья, желания, антипатии, надежды, страхи, мечты, планы и тому подобное, — как по-вашему, удалось бы вам ее найти?

— Наверняка удалось бы, — ответил Марвин.

— Несмотря на то что вы ничего не знаете о теории поисков?

— Да.

— Что ж, — сказал Вальдец, — а теперь рассмотрим обратный случай. О теории поисков я знаю решительно все. Следовательно, мне нет нужды знать что-либо о Кэти.

Они безостановочно шагали вверх по склону горы, а склон становился все круче. Выл и хлестал в лицо колючий ветер, на тропинке под ногами появились лоскутья инея.

Вальдец углубился в тонкости теории поисков, привел следующие характерные случаи: Гектор ищет Ли-

зандра, Адам поджидает Еву, Галахад отправляется на поиски чаши святого Грааля, Фред Доббс разведывает сокровища Сьерра-Мадре, Эдвин Арлингтон Робинсон выявляет диалектальные особенности типично американской *milieu*¹, Гордон Слай разыскивает Наяду Маккарти, энтропия преследует энергию, Бог присматривает за человеком, а янг исследует имм.

— Из этих примеров, — говорил Вальдец, — мы строим общую концепцию поисков и ее основные следствия.

Марвин был слишком подавлен, чтобы ответить. Ему вдруг пришло в голову, что в этой ледяной безводной пустыне и погибнуть недолго.

— Как ни смешно, — продолжал Вальдец, — теория поисков навязывает нам немедленный вывод: ничто не теряется в истинном (или идеальном) смысле этого слова. Судите сами. Для того чтобы вещь потерялась, должно существовать какое-то место, в котором она потерялась. Однако найти такое место невозможно, поскольку простое множество не подразумевает качественного различия. Или, выражаясь терминами поисков, одно место похоже на любое другое. Поэтому мы заменяем понятие «потеря» понятием «неопределенное местонахождение», которое, само собой, поддается математическому анализу.

— Но ведь, если Кэти по-настоящему не потерялась, — сказал Марвин, — значит, ее нельзя по-настоящему найти.

— Суждение само по себе справедливое, — ответил Вальдец. — Но это, конечно, всего-навсего ИДЕАЛЬНОЕ суждение, в данном случае оно недействительно. Для практических целей теорию поисков надо модифицировать. Больше того, надо коренным образом изменить главную посылку и вернуться к первоначальной концепции Потерянного и Найденного.

— Звучит страшно путано.

— Ну, это все довольно просто, лишь бы осилить теорию, — успокоил Марвина Вальдец. — А теперь, чтобы гарантировать успех, нам надо выбрать оптималь-

¹Среда (фр.).

ный принцип поиска. Самоочевидно, что, если оба будете активно искать, вероятность того, что вы найдете друг друга, резко уменьшится. Представьте себе, что двое ловят друг друга по бесконечным многолюдным анфиладам универсального магазина; и сравните такой метод с усовершенствованной стратегией, когда один ищет, а другой стоит на месте и спокойно ждет, пока его найдут. Математически это формулируется чрезвычайно сложно, вам придется поверить мне на слово. С наибольшей вероятностью вы разыщете девушку или она разыщет вас, если кто-то один будет разыскивать, а другой — позволит себя разыскать. Народная мудрость так и гласит.

— Так что же будем делать?

— Я ведь вам твержу! — вскричал Вальдец. — Один должен искать, другой — ждать. Поскольку мы не в состоянии держать поступки Кэти под контролем, придется исходить из того, что она, следуя своему инстинкту, разыскивает вас. Поэтому вы должны подавить свои инстинкты и ждать, тем самым позволив ей вас найти.

— Ждать? Только и всего? — переспросил Марвин.

— Вот именно.

— И вы серьезно думаете, что она меня найдет?

— Ручаюсь жизнью.

— Что ж... Ладно. Но куда же мы, в таком случае, направляемся?

— В то место, где вы будете ждать. На языке специалистов — в пункт обнаружения.

У Марвина был оторопелый вид, поэтому Вальдец объяснил подробнее:

— Математическое ожидание того, что она вас найдет, для всех мест одинаково. Поэтому пункт обнаружения мы можем выбирать произвольно.

— И какой же вы выбрали пункт обнаружения? — спросил Марвин.

— Поскольку это роли не играет, — ответил Вальдец, — я выбрал село Монтана Верде де лос трес Пикос в провинции Аделанте страны Ламбробии.

— Это, кажется, ваша родина? — спросил Марвин.

— Вообще-то да, — сказал Вальдец, несколько удивленный и сконфуженный. — Потому-то, верно, мне о нем сразу подумалось.

— Но ведь до Ламбробии, по-моему, очень далеко?

— Порядочно, — признался Вальдец. — Но мы время зря не потеряем: я обучу вас логике, а также народным песням моей страны.

— Это нечестно.

— Дружище, — сказал ему на это Вальдец, — когда вы принимаете чью-то помощь, довольствуйтесь тем, что вам дают, а не тем, что вы хотели бы взять. У меня, как и у всех, возможности ограниченные, но с вашей стороны попрекать меня их ограниченностью — черная неблагодарность.

Пришлось Марвину это снести: он понимал, что вряд ли найдет обратную дорогу без посторонней помощи. И они зашагали дальше по горам, распевая народные песни.

Глава 19

Они все шли да шли вперед по зеркальному склону большой горы. Свистал и выл ветер, трепал одежду, норовил оторвать перетруженные пальцы. Крошился под ногами предательский ноздреватый лед, когда путники судорожно искали опоры, прижимая исхлестанные тела к обледенелому склону и на манер пиявок передвигаясь по ослепительной поверхности.

Вальдец сносил все с равнодушием святого.

— Это есть трудно, — ухмыльнулся он. — Но все же ради ваша любовь к той женщина вы не раскаиваться, си?

— Да, уж конечно, — пробормотал Марвин. По правде говоря, у него появились сомнения. В конце концов с Кэти он не провел и часу.

Рядом прогремел снежный обвал, тонны белой смерти пронеслись буквально в дюймах от изнемогающих странников. Вальдец безмятежно улыбнулся.

— За всеми препятствиями, — нараспев произнес он, — вас ждет вершина мироздания — лицо и фигура возлюбленной.

— Да, уж конечно, — откликнулся Марвин.

Вокруг вихрились и сверкали копья ледяных сосулек, сорванных с высокой докальмы. Марвин стал было думать о Кэти и обнаружил, что не помнит, как она выглядит. Ему пришло в голову, что любовь с первого взгляда сильно переоценивают.

Впереди неясно виднелся обрыв. Марвин поглядел на него, на мерцающие ледяные поля за ним и пришел к выводу, что игра, собственно, не стоит свеч.

— По-моему, — сказал Марвин, — нам лучше вернуться.

Вальдец чуть заметно улыбнулся, помедлил в самом начале головокружительного спуска в бушующий ветрами ад фантастических снежных гор.

— Дружище, — сказал он, — я знаю, почему вы так говорите.

— Знаете? — переспросил Марвин.

— Конечно. Вы явно не хотите, чтобы я рисковал своею жизнью, продолжая безрассудные, хоть и возвышенные поиски. И явно намереваетесь пуститься на поиски в одиночку.

— Вы так считаете? — переспросил Марвин.

— Безусловно. Даже самый невнимательный наблюдатель заметит, что вы твердо решили искать свою любовь, невзирая ни на какие опасности, — такой уж у вас железный характер. Точно так же ясно, что вашей благородной и великодушной натуре претит мысль вовлечь преданного друга и надежного товарища в столь гиблую авантюру.

— Да вот, — начал Марвин, — я не уверен...

— Зато я уверен, — спокойно заявил Вальдец. — И на ваш невысказанный вопрос отвечаю так: «Дружба подобна любви — она не ведает границ».

— Что ж, это очень мило с вашей стороны, — сказал Марвин, не сводя глаз с обрыва. — Но вообще-то я не так уж коротко знаком с Кэти и не знаю, подходим ли мы с ней друг другу. Так что в конце концов, может быть, нам лучше уносить отсюда ноги.

— Вашим словам недостает убеждения, дружище, — рассмеялся Вальдец. — Умоляю вас, не тревожьтесь о моей безопасности.

— Собственно говоря, — возразил Марвин, — я тревожусь о своей безопасности.

— Пустое! — весело вскричал Вальдец. — Жар страсти обличает наигранную холодность ваших слов. Вперед, дружище!

По-видимому, Вальдец твердо решил силой привести Марвина к Кэти, хочет того Марвин или нет. Единственный выход — нанести молниеносный удар в челюсть, после чего можно будет утащить Вальдеца, да и самому вернуться назад к цивилизации. Марвин бочком подался вперед.

Вальдец попытился.

— О нет, дружище! — вскричал он. — Опять-таки самонадеянная любовь выдает все ваши побуждения. Оглушить меня хотите, не так ли? А потом, удостоверясь, что мне здесь удобно, что я в безопасности и обеспечен едой, вы ринетесь один-одинешенек в белую пустыню. Но я отказываюсь подчиняться. Мы продолжим путь вместе, компадре.

И, взвалив на плечи рюкзак со всей провизией, Вальдец начал спускаться по обрыву. Марвину оставалось только последовать за ним.

Не будем утомлять читателя подробностями великого перехода через горы Мореску, страданиями обалдевшего от любви юного Флинна и его непоколебимого спутника. Не будем описывать ни причудливые галлюцинации, мучившие странников, ни временное помешательство Вальдеца, когда он вообразил себя пташкой, способной перемахнуть через тысячефутовую бездну. Точно так же никого, кроме философов, не заинтересует психологический процесс, в результате которого Марвин от размышлений о принесенных им жертвах, через привязанность к упомянутой даме, пришел к пылкой привязанности, затем к любви и наконец к всепоглощающей страсти.

Достаточно сказать, что все это было, что путешествие по горам длилось много дней и принесло много переживаний. Но наконец оно завершилось.

С гребня последней горы Марвин глянул вниз и вместо ледяных полей увидел зеленые луга, холмистые леса под летним солнцем и деревушку, приютившуюся в речной извилине.

— Это... это не... — начал Марвин.

— Да, сын мой, — тихо сказал Вальдец. — Это село Монтана де лос трес Пикос, провинции Аделанте, страна Ламбробия, в долине Последождика.

Марвин поблагодарил своего гуру¹ — никаким другим словом не обозначишь роль, сыгранную лукавым, безгрешным Вальдецом, — и стал спускаться в пункт обнаружения, где должен был поджидать Кэти.

¹ Наставник (шаг.).

Глава 20

Монтана де лос трес Пикос! Здесь, среди прозрачных озер и высоких гор, простые добродушные крестьяне неторопливо трудятся под лебедиными шеями пальм. В полдень и в полночь по амбразурам стен старинного замка прокатывается жалобное эхо гитарных переборов. Шоколадно-коричневые девы собирают палые гроздья винограда, а за ними надзирает усатый каюк с дремлющим кнутом, намотанным на мохнатую кисть. В этот-то странный, но привлекательный осколок отошедшей эпохи и привел Флинна верный Вальдец.

Сразу за окольцем села, на живописном пригорке, стояла гостиница, или посада. Туда-то и устремился Вальдец.

— А это действительно лучшее место для ожидания? — спросил Марвин.

— Нет, не лучшее, — с всеведущей улыбкой ответил Вальдец. — Но, выбрав его, а не запыленную городскую площадь, мы избегли ошибки «мнимооптимального варианта». К тому же тут гораздо уютнее.

Марвин склонился перед высокой мудростью усатого спутника и устроился в посаде как дома. Он сел за вкопанный в землю стол, откуда хорошо просматривалася двор и дорога за ним. Он подкрепился фляжкой вина и в соответствии с теорией поиска приступил к выполнению своей теоретической функции, а именно — стал Ждать.

Час спустя Марвин заметил, что по белой глянцевой ленте дороги медленно движется крохотная темная фигурка. Она приблизилась, и Марвин увидел перед собой уже немолодого человека, согнутого под бреме-

нем тяжелого цилиндрического предмета. Но вот человек поднял изможденное лицо и взглянул Марвину прямо в глаза.

— Дядя Макс! — закричал Марвин.

— А-а, Марвин, здравствуй, — отвечал дядя Макс. — Будь добр, налей мне стаканчик вина. Дорога уж очень пыльная.

Марвин налил стакан вина, с трудом веря собственным глазам: ведь дядя Макс таинственно исчез лет десять назад. Последний раз его видели, когда он играл в гольф при загородном клубе «Фэйрхэвен».

— Что с тобой приключилось? — спросил Марвин.

— На двенадцатой лунке угодил в искривление времени, — ответил дядя Макс. — Если вернешься на Землю, Марвин, поговори об этом с директором клуба. Я ведь никогда не был кляузником; но мне представляется, что финансовую комиссию надо поставить в известность, пусть обнесет аварийный участок забором или какой-нибудь изгородью. Я-то ладно, а вот если исчезнет ребенок, будет большой скандал.

— Конечно, поговорю, — сказал Марвин. — Но, дядя Макс, сейчас-то ты куда направляешься?

— У меня свидание в Самарре¹, — отвечал дядя Макс. — Спасибо за вино, мальчик, и побереги себя. Кстати, знаешь ли ты, что у тебя в носу что-то тикает?

— Знаю, — сказал Марвин. — Это бомба.

— Надо полагать, ты отдаешь себе отчет в своих поступках, — сказал дядя Макс. — До свидания, Марвин.

И дядя Макс устало потащился дальше по дороге; сумка для гольфа покачивалась у него за спиной, а

¹ Намек на восточную легенду, известную в пересказе Сомерсета Моэма. Некоему вельможе бросился в ноги раб. Он рассказал, что встретил на базаре Смерть, которая грозила ему пальцем, и стал умолять господина, чтобы тот дал ему коня. Раб решил спастись от Смерти, бежав в город Самарру. Вельможа подарил рабу коня, и тот умчался, а сам на другой день пошел на базар и, встретив Смерть, спросил: «Зачем ты пугала моего раба? Зачем грозила ему пальцем?» — «Я его не пугала, — ответила Смерть. — Просто я очень удивилась, встретив его в этом городе, потому что в тот же вечер мне предстояло с ним свидание в Самарре».

ключка номер два была вместо посоха. Марвин возобновил прерванное ожидание.

Полчаса спустя Марвин заметил, что по дороге спешит какая-то женщина. В нем всколыхнулась было надежда, но он тотчас же тяжело опустился на стул. Это была отнюдь не Кэти, а всего-навсего его мать.

— Далеко ты забралась от дома, мамуля, — сказал он спокойно.

— Знаю, Марвин, — откликнулась мать. — Но меня, понимаешь, схватили торговцы живым товаром.

— Господи, мамуля! Как это случилось?

— Видишь ли, Марвин, — рассказала мать, — я пошла отнести рождественские гостинцы одной бедной семье в переулке Вырвиглаз, а там, как на грех, полицейская облава, и вообще много чего приключилось, и меня опоили наркотиками, и очнулась я в Буэнос-Айресе, в роскошной комнате, а возле меня стоял человек, делал мне глазки и на ломаном английском языке спрашивал, не хочу ли я побаловатьсь. А когда я сказала «нет», он сгреб меня с явно гнусными намерениями.

— Ух ты! А что потом?

— Да что ж, — сказала мать, — на мое счастье, я вспомнила прием, которому меня научила миссис Джесперсон. Ты знаешь, что человека можно убить, если сильно ударить пониже носа? Не хотелось мне так делать, Марвин, но это оказалось наилучшим выходом. И вот я очутилась на улицах Буэнос-Айреса, а потом потянулось то, другое, одно за одним, и вот я здесь.

— Вина выпьешь? — предложил Марвин.

— Спасибо за внимание, — сказала мать, — но мне, право же, пора.

— Куда ты?

— В Гавану, — ответила мать. — У меня поручение к Гарсии. Марвин, ты не простужен?

— Нет, это я гнусавлю оттого, что у меня в носу бомба.

— Побереги себя, Марвин, — сказала мать и заторопилась дальше.

Шло время. Марвин пообедал на веранде, запил обед графином Сангре ди Омбре урожая ...36-го года и

расположился в густой тени беленого палладиума. Золотое солнце потянулось к горным вершинам. По дороге мимо гостиницы поспешно шел какой-то человек...

— Отец! — закричал Марвин.

— Добрый день, Марвин, — поздоровался отец, умело скрывая, как он ошарашен. — Должен тебе заметить, что ты мне попадаешься в самых неожиданных местах.

— Могу сказать о тебе то же самое, — ответил Марвин.

Отец нахмурился, поправил галстук и переложил чемоданчик в другую руку.

— В том, что я здесь, нет ничего удивительного, — сказал он сыну. — Обычно твоя мать отвозит меня со станции домой на машине. Но сегодня она опоздала, и я пошел пешком. Раз уж я шел пешком, мне взбрело в голову срезать угол и пройти по площадке для гольфа.

— Понятно, — произнес Марвин.

— Признаться, — продолжал отец, — кратчайший путь оказался самым длинным, так как, по моим подсчетам, я гуляю по этой местности почти час, а то и больше.

— Папа, — сказал Марвин, — только не волнуйся, но дело в том, что ты уже не на Земле.

— Не вижу в твоей шутке ничего смешного, — заметил отец. — Я, бесспорно, дал кругаля, да и архитектура здесь не такая, какую рассчитываешь увидеть в штате Нью-Йорк. Но не сомневаюсь, что если я пройду по этой дороге еще ярдов сто, то попаду на Эннендейл-авеню, а она выведет меня на перекресток Кленового и Елового переулков. А уж оттуда и до дома рукой подать.

— Наверное, ты прав, — сказал Марвин. Ему еще ни разу в жизни не удалось переспорить отца.

— Мне пора, — сказал отец. — Между прочим, Марвин, тебе известно, что у тебя в носу какой-то чужеродный предмет?

— Да, сэр, — отвечал Марвин. — Это бомба.

Отец сурово нахмурился, испепелил сына взглядом, горько покачал головой и зашагал дальше.

— Не понимаю, — делился позднее Марвин с Вальдесом. — Почему они все меня находят? Это даже как-то противоестественно!

— Противоестественно, — заверил его Вальдец. — Но зато неизбежно, что гораздо важнее.

— Может, и неизбежно, — сказал Марвин. — Но и в высшей степени невероятно.

— Факт, — согласился Вальдец. — Хотя мы предпочитаем называть это форсированной вероятностью; другими словами, это одно из неопределенных обстоятельств, сопутствующих теории поиска.

— Боюсь, я не совсем понимаю, — сказал Марвин.

— Все довольно просто. Теория поиска — чистая теория; это значит, что на бумаге она подтверждается всегда. Но стоит только применить ее на практике, как мы сталкиваемся с трудностями, главная из которых — явление неопределенности. В самых простых словах происходит вот что: наличие теории препятствует подтверждению теории. Видите ли, теория не может учитывать свое влияние на самое себя. Идеальный вариант — когда теория поиска действует во Вселенной, где вообще нет никакой теории поиска. Практически же (а нас волнует именно практика) теория поиска действует в мире, где есть теория поисков, которой свойствен так называемый «зеркальный эффект», или «эффект удвоения самой себя».

— Гмм... — промычал Марвин.

— Конечно, — прибавил Вальдец, — надо принимать в расчет лямбду-ши — выражение, обозначающее обратно пропорциональную зависимость всех возможных поисков и всех возможных находок. Так, когда в связи с неопределенностью прочих факторов лямбда-ши возрастает, вероятность неудачного поиска стремительно падает почти до нуля, а вероятность поиска успешного быстро увеличивается до единицы.

— Означает ли это, — спросил Марвин, — что из-за такого эффекта теории все поиски будут успешны?

— Именно, — ответил Вальдец. — Вы сформулировали превосходно, хотя и недостаточно строго. Все возможные поиски будут успешны в течение, или на протяжении, периода, соответствующего коэффициенту раскрытия системы.

— Теперь понятно, — сказал Марвин. — Если верить теории, я обязательно найду Кэти.

— Да, — подхватил Вальдец. — Вы обязательно найдете Кэти: больше того, вы обязательно найдете всех и каждого. Единственное ограничение — коэффициент раскрытия системы, или РС.

— Вот оно что, — протянул Марвин.

— Естественно, поиски бывают успешными лишь в течение срока, или периода РС. Но длительность РС есть величина переменная, она колеблется от 6,3 микросекунды до 1005,34543 года.

— А в моем случае сколько будет длиться РС? — спросил Марвин.

— Многие мечтали бы услышать ответ на этот вопрос, — искренне развеселился Вальдец.

— Этого-то я и боялся, — поскучнел Марвин.

— Наука — жестокий хозяин, — согласился Вальдец. Но тут же игриво подмигнул и сказал: — Правда, и самого жестокого из хозяев можно обвести вокруг пальца.

— Вы хотите сказать, что решение есть? — вскричал Марвин.

— К несчастью, не академическое, — ответил Вальдец.

— И все же, — сказал Марвин, — если оно правильное, то давайте попробуем.

— По-моему, не стоит, — ответил Вальдец.

— Я настаиваю, — сказал Марвин. — В конце концов в поиске заинтересован именно я.

— С точки зрения математики это к делу не относится, — заметил Вальдец. — Но вы, наверное, все равно не дадите мне покоя до тех пор, пока я вас не ублажу.

Вальдец удрученно вздохнул, извлек из пояса клошок бумаги и огрызок карандаша и спросил:

— Сколько монет у вас в кармане?

Порывшись в кармане, Марвин сказал:

— Восемь.

Вальдец записал эту цифру, потом выяснил год и день рождения Марвина, номер его удостоверения личности, размер обуви и рост в сантиметрах. Над этими данными

он произвел какие-то математические выкладки. Затем попросил Марвина назвать наудачу любое число от 1 до 14. К названному числу он прибавил несколько своих, после чего несколько минут выводил какие-то каракули и что-то подсчитывал.

— Ну? — поторопил его Марвин.

— Помните, результат представляет собой всего-навсего статистическую вероятность, — сказал Вальдец, — и заслуживает доверия лишь как таковой.

Марвин кивнул. Вальдец продолжал:

— В вашем конкретном случае период раскрытия системы истекает ровно через одну минуту сорок восемь секунд плюс-минус пять минимикросекунд.

Он сверился с часами и удовлетворенно кивнул.

Марвин собрался было категорически запротестовать против такой несправедливости и спросить, почему Вальдец не произвел столь существенных подсчетов раньше. Но взгляд его упал на дорогу, неповторимой белизной светящуюся на фоне густой синевы вечера.

Он увидел, что по направлению к посаде медленно движется какая-то фигура.

— Кэти! — закричал Марвин. Ибо это действительно была она.

— Поиск завершен за сорок три минимикросекунды до истечения периода РС, — констатировал Вальдец. — Еще одно экспериментальное подтверждение теории поиска.

Но Марвин его не слышал: он устремился по дороге навстречу долгожданной своей любви и сжал ее в объятиях. А Вальдец, лукавый друг и молчаливый попутчик, скромно улыбнулся про себя и заказал еще бутылку вина.

Глава 21

Наконец-то они соединились: прекрасная Кэти, пронесявшая звезды и затравленная планетами, притянутая таинственной магией пункта обнаружения, и Марвин, молодой и сильный, с белозубой улыбкой, вспыхивающей на загорелом добродушном лице. Марвин, с задором и бездумной самоуверенностью юных собравшийся принять вызов древней непознаваемой Вселенной; и рядом с ним Кэти, моложе годами, но много старше унаследованной интуитивной женской мудростью, прелестная Кэти, в красивых темных глазах которой словно притаилась задумчивая грусть, неуловимая тень предвидимой скорби, о которой Марвин и не подозревал, лишь чувствовал горячее, непреодолимое желание защищать и лелеять эту девушку, с виду такую хрупкую, окутанную тайной, которую она не может открыть, девушку, что наконец пришла к нему — человеку, лишенному тайны, которую мог бы открыть.

Счастье их было омрачено и возвыщенно. В носу у Марвина тикала бомба, отсчитывала неумолимые мгновения его судьбы, создавала четкий метрономический ритм для танца любви. Но чувство обреченности лишь теснее сплело две несхожие судьбы, вдохнуло в их отношения нежность и значимость.

Из утренней росы он создал для нее водопад, из разноцветных камешков на лугу у ручья сделал ожерелье красивее изумрудного, печальнее жемчужного. Она оплела его сетью шелковистых волос, увлекла его далеко вниз, в глубокие и бездонные воды, за пределы забвения. Он показал ей замерзшие звезды и расплавленное солнце; она подарила ему длинные перевитые

тени и шуршанье черного бархата. Он протянул к ней руку и коснулся мха, травы, вековых деревьев, радужных скал; кончики ее пальцев задели старые планеты и серебряный свет луны, вспышки комет и вскрик испаряющихся солнц.

Они играли в такие игры, где он умирал, а она старилась; они делали так, чтобы испытать радость повторного рождения. Любовью они рассекали время на части и вновь складывали, лучшим, более емким, более медитательным. Их игрушками были горы, степи, равнины, озера. Души их искрились, словно дорогой мех.

Они стали любовниками. И не постигали ничего, кроме любви.

Но их любило далеко не все живое и неживое. Сухие пни, бесплодные орлы, зацветшие пруды таили злобу на их счастье. Клятвы и заверения любовников проходили мимо безотлагательности перемен, безразличных к тому, что предполагает человек, и с удовольствием продолжавших свою деятельность по разрушению Вселенной. Выводы, не поддающиеся подтасовкам, угодливо подчинялись древним предначертаниям, записанным на костях, вкрапленным в кровь, вытатуированным на коже тела.

Бомбе предстояло взорваться. Тайна требовала раскрытия. А из страха рождались знание и печаль.

И однажды утром Кэти не стало, словно вовсе не бывало.

Глава 22

Ушла! Кэти ушла! Возможно ли? Неужто жизнь, этот мрачный шутник, вновь принялась за свои губительные шутки?

Марвин отказывался верить. Он обшарил все закоулки посады, терпеливо облазил всю деревушку. Нигде. Он продолжил поиски в ближайшем городе Сан Рамон де лас Тристеас, опросил официанток, домовладельцев, лавочников, проституток, полицменов, сводников, нищих и всех прочих. Он спрашивал, не видал ли кто девушки, прекрасной, как утренняя заря, с волосами красоты неописуемой, руками и ногами несравненной гибкости, с чертами лица, прелесть которых равняется лишь их правильности, и так далее. Но те, кого он спрашивал, грустно отвечали: «Увы, сеньор, мы не видали та женщина, ни нынче, ни ранее, никогда в жизни».

Он успокоился ровно настолько, чтобы дать связное описание ее примет, и нашел на Шоссе романтика, который видел девушку, похожую на Кэти, — она катила на запад в большом автомобиле вместе с плотным мужчиной, курившим сигару. А какой-то трубочист подглядев, как она покидала город с золотисто-голубой сумочкой в руках. Шла твердым шагом.

Затем подручный на бензозаправочной станции передал ему от Кэти в спешке нацарапанную загадку, которая начиналась словами: «Марвин, милья, умоляю, постараитесь понять меня и простить. Я ведь много раз пыталась тебе сказать, мне позарез...»

Остальное было неразборчиво.

С помощью криптоанализатора Марвин разобрал заключительные слова: «Но я всегда буду тебя любить и

надеюсь, что у тебя хватит великодушия изредка поминать меня добрым словом. Любящая тебя Кэти».

Остальные строки, превращенные горем в загадку, не поддавались никакой расшифровке.

Выразить смятение Марвина — все равно что пытаться передать предрассветный полет цапли: то и другое ни в сказке сказать, ни пером описать. Достаточно упомянуть, что Марвин подумывал о самоубийстве, но отдался от этой мысли.

Ничто не помогало. Опьянение лишь вызывало слезливость. Отречение от мира казалось детским капризом. Все это никуда не годилось, и Марвин ни на что не решился. С сухими глазами, точно живой труп, проводил он дни и ночи. Он ходил, разговаривал, даже улыбался. Был неизменно вежлив. Но его закадычному другу Вальдецу казалось, что настоящий Марвин погиб при мгновенном взрыве горя, а его место заняло плохо сделанное подобие человека. Марвина не стало; у куклы, занявшей его место, вид был такой, будто, исправно поддельвавшись под человека, она с минуты на минуту свалится от напряжения сил.

Вальдец был в растерянности и ужасе. Никогда старый лукавый специалист по поискам не сталкивался со столь трудным случаем. С отчаянной энергией пытался он вывести друга из состояния живой смерти.

Начал он с сочувствия:

— Я хорошо представляю, каково вам, мой несчастный друг, ибо однажды, когда я был еще совсем молод, мне довелось пережить то же самое, и я нахожу...

Это ни к чему не привело, и Вальдец испробовал грубость:

— Черт меня побери, да что вы разнюнились из-за дешевки, которая натянула вам нос? Клянусь адским огнем, вот что я скажу: в нашем мире женщин не перечесть, и тот не мужчина, кто забивается скулить в уголок, когда можно любую приласкать без...

Бесполезно. Вальдец попробовал отвлечь внимание друга:

— Смотрите-ка, смотрите, вон там три птички на ветке, у одной в горле нож и в лапке скипетр, а поет она веселее остальных. Чем вы это объясняете, а?

Марвин ничем не объяснял. Невозмутимый Вальдец пытался пробудить в друге жалость к ближнему:

— Знаете, Марвин, малыш, лекари поглядели на эту мою экзему и сказали, что она смахивает на пандемическое импульжение. Жить мне осталось от силы двенадцать часов, а потом я плачу по счету и освобождаю место за столом для других желающих. Но в свои последние двенадцать часов я вот что хотел бы сделать...

Впустую. Вальдец попытался расшевелить друга философией:

— Простым крестьянам виднее, Марвин. Знаете, что они говорят? Сломанным ножом не выстругаешь хорошего посоха. По-моему, вам стоило бы подумать об этом, Марвин...

Но Марвин в прострации не желал об этом думать. Вальдец качнулся к гиперстацианской этике:

— Значит, считаете себя раненым? Но рассудите: личность невыразима, уникальна и не чувствительна к внешним воздействиям. Поэтому ранена только рана; а она, будучи внешней по отношению к субъекту и чужой интуиции, не создает повода для боли.

Марвин остался непоколебим. Вальдец обратился к психологии:

— Утрата возлюбленной, по Штейнметцеру, есть ритуально воспроизведенная утрата фекальной личности. Как ни забавно, мы-то полагаем, что скорбим о дорогих ушедших, а на самом деле убиваемся по невозвратимо утраченным экскрементам.

Но и эти слова не пробили броню пассивности Марвина. Его меланхоличная отвлеченност от всех человеческих ценностей казалась необратимой; такое впечатление усилилось, когда в один прекрасный день перестало тикать кольцо в носу. Никакая это была не бомба, а всего лишь серое предупреждение Мардуку Красу от избирателей. Над Марвином больше не висела непосредственная угроза, что ему разнесет голову.

Но и внезапная удача не вывела его из роботоподобного состояния. Его это ничуть не тронуло, он лишь мимоходом отметил про себя свое спасение, как отмечают проблеск солнышка из-за тучи.

Казалось, ничто не может на него повлиять. Даже терпеливый Вальдец в конце концов воскликнул:

— Марвин, вы паршивый зануда!

Но Марвин, нисколько не задетый, упорствовал в своем горе. И Вальдецу, да и всем добрым людям Сан-Рамона думалось, что этого человека не исцелить никакими силами.

И все же как мало известно нам об изгибах и поворотах человеческого разума! Ибо на другой же день, вопреки всем ожиданиям, произошло новое событие; оно наконец-то сломило отрешенность Марвина и нечаянно настежь распахнуло шлюзы впечатлительности, за которыми он укрывался.

Одно-единственное событие! (Правда, само по себе оно было началом новой цепи случайностей — неприметным первым шагом в еще одной из бесчисленных драм Вселенной.)

Началось, как ни нелепо, с того, что Марвин заметил в толпе лицо. Лицо странное, до тревоги знакомое. Где он успел изучить эту линию скул и лба, эти карие, чуть раскосые глаза, этот решительный подбородок?

Потом вспомнил: все это он давным-давно видел в зеркале.

Вот оно, настояще, неподдельное лицо Марвина Флинна: его собственное лицо и тело, те самые, которые он давно искал и которых давно был лишен. Вот он, подлинный, неповторимый облик единственного и неподражаемого Марвина Флинна — ныне одухотворенного преступным разумом Зе Крагташа, похитителя тел!

Над Марвином насмешливо глумилось его собственное лицо! И настоящий Марвин Флинн, с которого мигом слетела вся пассивность, в гневе шагнул вперед и замахнулся кулаком.

Увидев его, Крагташ на мгновение остановился: его (марвиновы) глаза являли собой этюд в шоковых тонах, пальцы отбивали мелкую дрожь, уныло опущенные губы кривились в нервном тике. Затем Крагташ стремительно повернулся и опрометью бросился в узкую, темную и зловонную аллею.

Марвин Флинн не совсем еще потерял рассудок. У входа в зловещий тупик он замешкался; благоразумие

подсказывало, что надо обзавестись помощником, прежде чем пускаться по неизученным виткам аллеи. Но он успел заметить, что под руку с Крагташем в аллее вот-вот скроется тоненькая фигурка.

Не может быть... И все же это действительно она — Кэти! Один раз она оглянулась, но серые глаза не узнали его. Потом она тоже исчезла в змеиных кольцах аллеи.

У здравого смысла, как великолепно знают лемминги, есть свои пределы. В этот миг эмоции Марвина преодолели его потенциальный самоконтроль. Он рванулся вперед — лицо пылало бессмысленной яростью, невидящие глаза налились кровью, щеки посерели, челюсть отвисла, как у припадочного, рот свела *risus sardonicus*¹, точно у малайца в амоке.

Пять шагов он сделал вслепую по тесной, тошнотворной аллее. На шестом под ногами у него осела плита — часть мостовой повернулась на скрытой оси. Марвина катаapultировало вниз головой по спиральному каменному желобу, а над ним предательская плита аккуратно вернулась в исходное положение.

¹ Саркастическая усмешка (лат.).

Глава 23

Сознание возвращалось с мучительной смутностью. Марвин открыл глаза и обнаружил, что угодил в подземную темницу.

Темницу освещали только фырчащие факелы, вставленные в двойные железные подставки на стенах. Потолок, казалось, прижимал Марвина к полу — такой он был каменнобрюхий и угнетающий. С холодного гранита свисали непристойно растопыренные нарости, гирлянды пlessени. Все было оборудовано в расчете на подавление человеческой души — промозглый гранит леденил как могила, эхо смаковало пронзительные крики боли, окраска с омерзительной точностью воспроизводила трупный цвет.

Откуда-то из тени выступил Крагаш.

— Похоже на то, — неторопливо произнес он, — что фарс слишком затянулся. Но развязка уже близка.

— Вы, значит, спрепетировали последний акт? — хладнокровно спросил Марвин.

— Актеры знают роли наизусть, — ответил Крагаш и небрежно щелкнул пальцами.

В круг света от факелов вступила Кэти.

— Это выше моего разумения, — сказал Марвин просто.

— Ох, Марвин, как объясню я свою мнимую измену? — вскричала Кэти, и из ее серых с поволокой глаз хлынули слезы. — Что сделать, чтобы ты понял, какое множество веских причин толкнуло меня на брак с Крагашем?

— Брак! — воскликнул Марвин.

— Я не смела признаться раньше — боялась, что ты рассердишься, — жалобно сказала Кэти. — Но, по-

верь, Марвин, он завлекал меня угрозами и равнодушием, а покорил темной силой — не стану притворяться, будто поняла ее природу. Больше того, наркотиками, двусмысленностями и коварными искусствами ласками ему удалось одурманить меня и внушить мне поддельную страсть, так что в конце концов я стала трепетать, стоило мне коснуться его ненавистного тела или ощутить влажность постылых губ. И все это время мне не было дано утешаться религией и не было дано отличать истинное от ложного, и потому я уступила. Нет и не будет мне прощения ни в этой жизни, ни в следующей. Да я его и не прошу.

— Ах, Кэти, Кэти, бедняжка моя Кэти! — твердил Марвин плачущей девушке.

— Ха, ха, ха! — засмеялся Крагташ. — Трогательная сценка, но скверно сыграна и к делу не относится. Впрочем, хватит. Входит новое и последнее действующее лицо!

Крагташ опять щелкнул пальцами. Из тени выступил человек в маске, с головы до ног закутанный в черное, с большой обоюдоострой секирой через плечо.

— Здрав будь, палач, — протянул Крагташ. — Вперед же, и исполни свой долг.

Палач вышел вперед и провел пальцами по лезвию секиры. Он занес оружие над головой, постоял в неподвижности и — о ужас! — захихикал.

— Руби! — взвыл Крагташ. — Ты что, ума решился? Руби, тебе говорят!

Но палач, не переставая хихикать, опустил секиру. Затем ловкими пальцами сорвал с себя маску.

— Сыщик Урдорф! — закричал Марвин.

— Да, это я, — сказал марсианский сыщик. — Мне очень жаль, Марвин, что мы причинили вам столько треволнений, но только так можно было успешно раскрыть дело. Мы с коллегой решили...

— С коллегой? — переспросил Марвин.

— Я имею в виду, — криво усмехнулся Урдорф, — чрезвычайного агента Кэтрин Мулвейви.

— Я... я, кажется, понимаю, — промямлил Марвин.

— Вообще-то все довольно просто, — сказал сыщик Урдорф. — Работая над вашим делом, я, как водится, прибег к услугам и к помощи других сыскных агентств. Трижды мы чуть не схватили преступника; но

каждый раз ему удавалось ускользнуть. Так бы тянулось до бесконечности, не замани мы его в ловушку. Мы исходили из здравой теории: если Краггаш вас убьет, то станет законным хозяином вашего тела и не будет бояться, что с него потребуют возврата. И наоборот, пока вы живы, он не будет знать ни минуты покоя.

Итак, мы вовлекли вас в наш смертоубийственный план действий, надеясь, что Краггаш не устоит перед соблазном вас уничтожить. Остальное — детали.

Обернувшись к преступнику, сыщик Урдорф спросил:

— Краггаш, не желаете ли что-нибудь прибавить?

Вор с лицом Марвина элегантно прислонился к стене, скрестив руки, преисполненный достоинства.

— Осмелюсь сделать одно-два замечания, — сказал Краггаш. — Прежде всего позвольте доложить: ваш план был неуклюж и очевиден. Я с самого начала знал, что дело нечисто, и пошел на него в слабой надежде, что оно вдруг окажется верным. Поэтому такой финал меня не удивляет.

— Забавное рассуждение, — вставил Урдорф.

Краггаш пожал плечами.

— Во-вторых, хочу сообщить вам, что не испытываю ни малейших угрызений совести по поводу своего так называемого преступления. Если человек не умеет сохранить собственное тело, значит, он заслуживает потери его. Я прожил долгую и бурную жизнь и заметил, что люди по первому требованию отдают свое тело любому проходящему, а свой разум — в рабство каждому, кто потребует. Поэтому большинство людей неспособны отстоять даже природные свои права на тело и разум, предпочитая избавляться от этих хлопотных эмблем свободы.

— Вот классическая апология преступника, — заметил сыщик Урдорф.

— То, что совершает один человек, вы называете преступлением, — возразил Краггаш, — а то, что совершают многие, вы называете правительством. Лично я разницы не улавливаю, а потому отказываюсь ею руководствоваться.

— Мы можем тут играть словами целый год, — сказал сыщик Урдорф. — Но у меня нет времени на такие разминки. Испытайте свою логику на тюремном капеллане, Краггаш. Вы арестованы за незаконный Обмен Разумов, покушение на убийство и крупное хищение. Итак, я раскрыл дело номер сто пятьдесят восемь и переломил полосу неудач.

— В самом деле? — холодно вымолвил Краггаш. — По-вашему, все и впрямь так просто? Вы не учили, что в норе бывает второй вход.

Он явно издевался.

— Держи его! — заорал сыщик Урдорф.

Он, Марвин и Кэти устремились к Краггашу. Но прежде чем они подошли вплотную, преступник поднятой рукой быстро очертил магический круг в воздухе.

Круг пылал ослепительным пламенем!

Краггаш просунул в круг одну ногу. Нога исчезла.

— Если я вам нужен, — поддразнил он преследователей, — то вы знаете, где меня найти.

Они кинулись к нему, но Краггаш уже вступил в круг и исчез целиком, виднелась одна голова. Он подмигнул Марвину, и вот не стало и головы — только огненный круг.

— Скорей! — орал Марвин. — Хватай его!

Он повернулся к Урдорфу и с изумлением увидел, что плечи сыщика поникли, а унылое лицо посерело от отчаяния.

— Скорее! — крикнул Марвин.

— Бесполезно, — сказал Урдорф. — Я-то думал, что предусмотрел любые неожиданности... Но не эту. Молодчик явно невменяем.

— Что теперь делать? — взревел Марвин.

— Ничего, — сказал Урдорф. — Он ушел в Искаженный Мир, а я провалил дело номер сто пятьдесят восемь.

— Но ведь можно последовать за ним! — объявил Марвин, придвигаясь к пылающему кругу.

— Нет! Нельзя! — объявил Урдорф. — Вы не понимаете... Искаженный Мир означает смерть или безумие... или и то и другое! Шансы на возвращение у нас до того малы...

— Не меньше, чем у Крагташа, — прокричал Марвин и вступил в круг.

— Погодите, вы все еще не понимаете! — прокричал Урдорф. — У Крагташа нет ни единого шанса!

Но заключительных слов Марвин не рассыпал, ибо уже исчез в пламенеющем круге, и его неудержимо повлекло в странные и неизведанные просторы Искашенного Мира.

Глава 24

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИСКАЖЕННОМ МИРЕ

«...итак, благодаря уравнениям Римана-Хаке была наконец математически доказана теоретическая необходимость твистерманновой пространственной зоны логической деформации. Эта зона получила название Искаженного Мира, хотя на самом деле не исажена и миром не является. И наконец, по странной иронии судьбы, важнейшее третье определение Твистерманна (относительно того, что Зону можно рассматривать как участок Вселенной, работающий в качестве хаотического противовеса логической устойчивости первичной структуры) оказалось излишним».

Статья «Искаженный Мир», «Галактическая Энциклопедия Универсальных Знаний», издание 483-е

«...поэтому содержание (если не сущность) нашей мысли лучше всего передается термином «зеркальная деформация». В самом деле, как мы убедились, Искаженный Мир выполняет нужную, но отвратительную роль — привносит неопределенность во все явления и процессы, тем самым делая Вселенную теоретически и практически самодовлеющей».

Из «Размышлений математика», Эдгар Хоуп Гриф, «Эвклид-Сити Пресс»

«Но, несмотря на все это, для потенциального самоубийцы, странствующего по Искаженному Миру, можно привести несколько чисто эмпирических правил.

Помни, что в Искаженном Мире все правила ложны, в том числе и правило, перечисляющее исключения, в

том числе и наше определение, подтверждающее правило.

Но помни также, что не всякое правило обязательно должно, что любое правило может быть истинным, в том числе данное правило и исключение из него.

В Искаженном Мире время не соответствует твоим представлениям о нем. События могут сменять друг друга быстро (это удобно), медленно (это приятно) или вообще не меняться (это противно).

Вполне возможно, что в Искаженном Мире с тобой совершенно ничего не случится. Рассчитывать на это неразумно, но столь же неразумно не быть готовым к этому.

Среди вероятностных миров, порождаемых Искаженным Миром, один в точности похож на наш мир; другой похож на наш мир во всем, кроме одной-единственной частности; третий похож на наш мир во всем, кроме двух частностей, и так далее. Подобным же образом один мир совершенно не похож на наш во всем, кроме одной-единственной частности, и так далее.

Труднее всего прогнозирование; как угадать, в каком ты мире, прежде чем Искаженный Мир не откроет тебе этого каким-нибудь бедствием?

В Искаженном Мире, как и во всяком другом, ты можешь найти самого себя. Но лишь в Искаженном Мире такая находка обычно оказывается роковой.

Привычное оборачивается потрясением... в Искаженном Мире.

Искаженный Мир удобно (но неверно) представлять себе перевернутым миром Майи или миром иллюзии. Ты обнаружишь, что призраки вокруг тебя реальны, тогда как ты — воспринимающее их сознание — и есть иллюзия. Открытие поучительное, хоть и убийственное.

Некий мудрец однажды спросил: «Что будет, если я войду в Искаженный Мир, не имея предвзятых идей?» Дать точный ответ на такой вопрос невозможно, однако мы полагаем, что к тому времени, как мудрец оттуда выйдет, предвзятые идеи у него появятся. Отсутствие убеждений не самая надежная защита.

Некоторые считают высшим достижением интеллекта открытие, что решительно все можно вывернуть

наизнанку и превратить в собственную противоположность. Исходя из такого допущения, можно поиграть во многие занятные игры; но мы не призываем вводить его в Искаженном Мире. Там все догмы одинаково произвольны, включая догму о произвольности догм.

Не надейся перехитрить Искаженный Мир. Он больше, меньше, длиннее и короче, чем ты. Он недоказуем. Он просто есть.

То, что уже есть, не требует доказательств. Все доказательства суть попытки чем-то стать. Доказательство истинно только для самого себя; оно не свидетельствует ни о чем, кроме наличия доказательств, а это ничего не доказывает.

То, что есть, невероятно, ибо все отчуждено, ненужно и грозит рассудку.

Возможно, эти замечания об Искаженном Мире не имеют ничего общего с Искаженным Миром. Но путешественник предупрежден».

Из «О неумолимости правдоподобного» Зе Крагташа
(библиотека имени Марвина Флинна)

Глава 25

Переход совершился внезапно и вовсе не так, как ожидал Марвин. Он наслушался историй об Искаженном Мире и смутно представлял себе страну тающих теней и изменчивых красок, страну гротесков и чудес. Но тотчас же убедился, что его представления были романтичны и узколобы.

Марвин ожидал в тесной приемной. Воздух был спертым от пота и жаркого парового отопления, а Марвин сидел на длинной деревянной скамье вместе с несколькими десятками людей. Взд и вперед разгуливали скучающие клерки, они сверялись с бумагами да изредка подзывали кого-нибудь из ожидающих. Затем шепотом велись какие-то переговоры. Время от времени кто-нибудь терял терпение и уходил. Время от времени появлялся новый проситель.

Марвин ждал и наблюдал.

Минуты текли медленно, в комнате стало темно, кто-то включил верхний свет. А его фамилию все не называли. Марвин покосился на соседей справа и слева, скорее от тоски, чем из любопытства.

Сосед слева был очень длинный и похожий на мертвеца, с гноящимся фурункулом на шее, там, где тер воротничок. Сосед слева был низенький, толстый, краснолицый и дышал с присвистом.

— Как вы думаете, долго еще придется ждать? — спросил Марвин у толстяка, не для того, чтобы действительно узнать, а просто желая убить время.

— Долго? Долго ли? — ответил толстяк. — Чертовски долго, вот что я вам скажу. Здесь, в Автотранспортном бюро, этих проклятых графьев нельзя по-

торопить, даже если у вас и дела-то всего — продлить обыкновенные водительские права, а я здесь именно для этого.

Человек, похожий на мертвеца, рассмеялся — словно палкой забарабанил по пустой канистре из-под бензина.

— Долго же тебе придется ждать, малыш, — сказал он, — ведь ты попал в Департамент благосостояния. Отдел мелких сумм.

Марвин задумчиво сплюнул на пыльный пол и заявил:

— К сожалению, джентльмены, оба вы не правы. Я все пытался вам сказать, что мы сидим в Департаменте, или, точнее, в приемной Департамента рыбной ловли. И, по-моему, просто безобразие, когда гражданин и налогоплательщик не может даже поудить рыбу в налогооплаченном водоеме, не потеряв полсуток на то, чтобы выправить лицензию.

Все трое метали друг в друга злобные взгляды. (В Искаженном Мире героев вообще не бывает, обещаний чертовски мало, точек зрения кот наплакал, а свершений — иголка на стог сена.)

Они метали друг в друга молнии глазами, в которых забрезжило не слишком чудовищное подозрение. У человека, похожего на мертвеца, закапала кровь с кончиков пальцев. Марвин и толстяк в смущении нахмурились и притворились, будто ничего не заметили. Человек, похожий на мертвеца, беспечно сунул нашкодившую руку в карман с непромокаемой подкладкой. Тут подошел клерк.

— Кто из вас будет Джеймс Гриннел Стармакер? — спросил он.

— Это я, — отвечал Марвин. — И позвольте вам заметить, я жду здесь не первый час и считаю, что стиль работы в вашем Департаменте порочный.

— Да ладно, — сказал клерк, — это потому, что еще не получены машины. — Он заглянул в бумаги. — Вы подавали прошение о трупе?

— Совершенно верно, — подтвердил Марвин.

— И вы обязуетесь не использовать упомянутый труп в аморальных целях?

— Обязуюсь.

- Потрудитесь изложить мотивы, побуждающие вас приобрести труп.
- Я намерен использовать его как украшение.
- По какому праву?
- Я специально изучал оформление интерьеров.
- Укажите фамилию, или опознавательный кодовый номер, или и то и другое последнего из приобретенных вами трупов.
- Таракан, — выпалил Марвин. — Номер 3(32)A5345.
- Кто умертвил?
- Я сам. У меня лицензия на умерщвление всех тварей, не относящихся к моему племени, кроме самых редких, как, например, золотые орлы и ламантины.
- Цель последнего умерщвления?
- Ритуальное очищение.
- Прошение удовлетворено, — сказал клерк. — Выбирайте труп.

Толстяк и человек, похожий на мертвеца, с надеждой смотрели на Марвина влажными глазами. Искушение было велико, но Марвин его поборол. Обернувшись к клерку, он произнес:

- Я выбираю вас.
- Так и запишем, — сказал клерк и черкнул что-то в своих бумагах. Лицо его превратилось в лицо псевдо-Флинна.

Марвин одолжил у человека, похожего на мертвеца, поперечную пилу и не без труда отпилил клерку правую руку. Клерк тихо скончался, лицо его снова стало прежним.

Толстяк посмеялся над замешательством Марвина.

— Перевод из одной субстанции в другую кое-что дает, — поддразнил он. — Но не достаточно, верно? Желание придает плоти нужную форму, но хозяином положения остается скульптор — смерть.

Марвин плакал. Человек, похожий на мертвеца, ласково притронулся к его плечу.

— Не переживай всерьез, малыш. Лучше отомстить символически, чем вообще не отомстить. План у тебя был хороший, а его единственный минус от тебя не зависел. Дело в том, что Джеймс Гриннел Стармакхер — это я.

— А я труп, — сказал труп клерка. — Когда мстишь, лучше ошибиться адресом, чем вообще не отомстить.

— Я пришел сюда продлить водительские права, — сказал толстяк. — Ну вас ко всем чертям вместе с вашим глубокомыслием! Будут меня тут обслуживать или нет?

— Безусловно, сэр, — заверил его труп клерка. — Но в моем нынешнем состоянии я могу выдать вам лицензию лишь на отлов дохлой рыбы.

— Живая, дохлая, какая мне разница? — сказал толстяк. — Главное — рыбалка, а кого ты поймал — это не так уж важно.

Он повернулся к Марвину — может быть, собираясь развить свою мысль. Но Марвин уже исчез.

И без всякого перехода очутился в большой квадратной безлюдной комнате.

Вместо стен здесь были стальные плиты, от пола до потолка добрая сотня футов высоты. Там, наверху, находились прожекторы и стеклянная кабина управления. Из-за стекла на Марвина глядел Крагташ.

— Опыт 342, — решительно заговорил Крагташ нараспев. — Тема: смерть. Постановка проблемы: можно ли умертвить человека? Примечания: вопрос о том, смертны ли люди, давно озадачивает величайших мыслителей. Вокруг смерти сложился обширный фольклор, веками скапливались неподтвержденные сведения об умерщвлении. Более того, время от времени предъявлялись трупы, явно без всяких признаков жизни, и объявлялись останками людей. Невзирая на повсеместность таких трупов, нет ни малейших, даже косвенных, доказательств того, что они когда-либо жили, не говоря уж о том, что они были людьми. Ввиду изложенного, с целью раз и навсегда прояснить вопрос, мы ставим следующий опыт. Этап первый...

Стальная плита в стене сдвинулась на шарнире. Марвин стремительно обернулся, и вовремя: на него было нацелено копье. Он отскочил (неуклюже — мешала больная нога), и копье просвистело мимо.

Открылись другие плиты. Под всевозможными углами на него посыпались ножи, стрелы, дубинки...

Сквозь одно из отверстий протиснулась портативная газовая камера. В комнату сбросили клубок кобр. На Марвина решительно надвигались лев и танк. Зашипело духовое ружье. Затрещали энергопистолеты. Захрипели огнеметы. Откашлялась мортира.

Комната залита водой — вода быстро прибывала. С потолка полетели напалмовые бомбы.

Но огонь сжег львов, которые съели змей, которые забились в гаубицы, которые уничтожили копья, которые привели в негодность газовую камеру, которая испарила воду, которая погасила огонь.

Каким-то чудом Марвин остался цел и невредим. Он погрозил Крагташу кулаком, поскользнулся на стальной плите, упал и свернул себе шею. Его удостоили воинского погребения со всеми почестями. Вместе с ним на погребальном костре сгорела его вдова. Крагташ пытался последовать ее примеру, но ему на долю не выпало счастья самосожжения.

Три дня и три ночи пролежал Марвин в гробнице, и все это время у него беспрерывно текло из носа. Вся его жизнь, как при замедленной съемке, прошла у него перед глазами. На исходе третьих суток он воскрес и двинулся дальше.

В каком-то ничем не примечательном краю находились пятеро, и была им дана ограниченная, но несомненная способность ощущать. Одним из пятерых был, допустим, Марвин. Остальные четверо были манекены, стереотипы, наспех слепленные с единственным назначением — обогатить немудрящую исходную ситуацию. Перед пятерыми стояла проблема: кто из них Марвин, а кто — второстепенные фигуры, статисты.

Прежде всего встал вопрос о наименовании. Трое из пяти тотчас же захотели зваться Марвином, четвертый пожелал зваться Эдгаром Флойдом Моррисоном, а пятый потребовал, чтобы его называли Келли.

— Ладно, хватит, — сказал Первый начальственным тоном. — Джентльмены, может быть, хватит языки чесать, давайте в порядке очередности.

— Еврейский акцент здесь не поможет, — туманно изрек Третий.

— Слушай-ка, — сказал Первый, — а много ли смыслит поляк в еврейском акценте? Кстати, я еврей только наполовину, по отцу, и как я ни уважаю...

— Где я? — проговорил Второй. — Что со мной стряслось, о Господи? С тех пор как я уехал из Стэнхуупа...

— Заткнись, макаронник, — цыкнул Четвертый.

— Я не Макаронник, меня зовут Луиджи, — мрачно ответил Второй. — Я жить на твоя великой родина с тех пор, как я маленький мальчик приехал из села Сан Минестроне делла Зуппа, нихт вар?

— Умойся, — хмуро сказал Третий. — Никакой ты не итальянка на стреме, а просто-напросто второстепенная фигура, статист, да еще с ограниченной гибкостью; так что давай-ка заткни хлебало, прежде чем я проделаю с тобой одну штуку, нихт вар?

— Слушайте, — сказал Первый, — я человек простой, простодушный, и, если вам от этого станет легче, я отрекусь от своих прав на Марвинство.

— Память, память, — пробормотал Второй. — Что со мной приключилось? Кто эти видения, эти болтливые тени?

— Ну, знаешь! — возмутился Келли. — Это дурной тон, старина!

— Это есть чертовски нечестно, — пробормотал Луиджи.

— Призыв не есть созыв, — изрек Третий.

— Но я действительно не помню, — упорствовал Второй.

— Я тоже не сильно-то хорошо помню, — сказал Первый. — Но разве я поднимаю из-за этого шум? Я даже не притязаю на звание человека. Если я наизусть цитирую Левитика, это еще ничего не доказывает.

— Святая правда! — взревел Луиджи. — И опровержение тоже ни шиша не доказывает.

— А я-то думал, ты итальянец, — упрекнул его Келли.

— Я и есть итальянец, но вырос в Австралии. История довольно странная...

— Не страннее моей, — сказал Келли. — Вот вы кличите меня Черным Ирландцем. Но мало кто знает, что детство и отрочество я провел в меблирашках Ханжоу и вступил добровольцем в канадскую армию,

чтобы скрыться от расправы французов за помощь деголлевцам в Мавритании. Потому-то и...

— Пфуй, алор! — вскричал Четвертый. — Не могу молчать! Одно дело — подвергать сомнению мою личность, другое — чернить мое отечество!

— Твое негодование ничего не доказывает! — вскричал Третий. — Впрочем, мне все равно, я больше не желаю быть Марвином.

— Пассивное сопротивление есть форма нападения, — откликнулся Четвертый.

— Недопустимое доказательство есть все же доказательство, — парировал Третий.

— Не пойму, о чем это вы толкуете, — объявил Второй.

— Недалеко ты уйдешь со своим невежеством, — окрысился Четвертый. — Я категорически отказываюсь быть Марвином.

— Никто не может отказаться от того, чего не имеет, — ехидно вставил Келли.

— Я могу отказаться, от чего захочу, черт возьми! — пылко воскликнул Четвертый. — Мало того, что я отказываюсь от Марвинства; я еще отрекаюсь от испанского престола, поступаюсь диктатурой во Внутренней Галактике и жертвуя вечным блаженством в Бах-ае.

— Отвел душу, детка? Упрощение мило моей сложной натуре, — сказал Третий. — Кто из вас будет Келли?

— Я, — сказал Келли.

— Ты хоть понимаешь, — спросил Луиджи, — что имена есть только у нас с тобой?

— Это верно, — сказал Келли. — Мы с тобой не такие, как все!

— Эй, минуточку! — сказал Первый.

— Регламент, джентльмены, соблюдайте регламент!

— Держи язык за зубами!

— Держи голову в холоде!

— Держи карман шире!

— Так вот, я и говорю, — продолжал Луиджи. — Мы! Нам! Поименованные согласно доказательствам, основанным на догадке! Келли... будь Марвином, если я буду Краггашем!

— Заметано! — гаркнул Келли, перекрывая ропот манекенов.

Марвин и Крагташ ухмыльнулись друг другу в мимо-летной эйфории пьянящего взаимоузнавания. Затем вцепились друг другу в горло. Стали друг друга душить. Трое нумерованных, лишенных природных прав, которых никогда не имели, встали в традиционные позы — позы стилизованной двусмыслинности. Двое именованных, получившие индивидуальность, которую все равно присвоили бы себе самовольно, царапались и кусались, исполняли грозные арии и ежились, когда их обличали. Первый наблюдал, пока ему не надоело, после чего стал забавляться кинематографическими напльвами.

Это послужило последней каплей. Все декорации плавно, как жирный поросенок на роликовых коньках, укатились под стеклянную гору, только чуть быстрее.

Вслед за дождем пошел снег, а за ним — два дурака.

Платон писал: «Неважно, что ты там вытворяешь, важно, как ты это вытворяешь». Но потом решил, что мир еще не дорос до такой премудрости, и все стер.

Хаммураби писал: «Непродуманная жизнь не стоит того, чтобы ее прожить». Но он не был уверен, так ли это, и потому все зачеркнул.

Будда писал: «Все брамины — дермо». Но впоследствии пересмотрел свою точку зрения.

Они...

Схватились...

...не на жизнь, а на смерть, в титанической битве, которая, единожды разгоревшись, стала неизбежной. Марвин нанес Крагташу удар под ложечку, затем снова нанес удар — в нос. Крагташ проворно обернулся Ирландией, куда Марвин вторгся с полулегионом неустрашимых скандинавских конунгов, вынудив Крагташа предпринять на королевском фланге пешечную атаку, которая не могла устоять против покерного флеша. Марвин простер к противнику руки, промахнулся и уничтожил Атлантиду. Крагташ провел драйв слева и прихлопнул комара.

И бушевал кровавый бой на дымящихся болотцах миоцена; какой-то муравейник оплакивал свою матку, а Крагташ кометой непроизвольно врезался в солнце Марвина и рассыпался мириадами воинственных спор. Но

Марвин безошибочно отыскал бриллиант среди сверкающих стекляшек, и Крагташ свалился вниз, на Гибралтар.

Бастион его пал в ту ночь, когда Марвин похитил берберийских обезьян, а Крагташ пересек северную Фракию, упрятав чужое тело в чемодан. Его схватили на границе с Фтистиеей — страной, которую Марвин наспех выдумал.

Чем больше Крагташ слабел, тем он становился злее, а разозлившись, он все больше слабел. Тщетно изобрел он дьяволопоклонство. Последователи марвинизма падали ниц не перед идолом, а перед символом. Разозленный Крагташ запаршивел: под ногтями появилась грязь, душа обросла волосами.

Вконец обессиленный, лежал Крагташ — олицетворение зла, — сжимая в когтях тело Марвина. Кончину его ускорили ритуалы изгнания бесов. И четвертовали его пилой, замаскированной под молитвенное колесо, и размозжили ему голову молотком, замаскированным под кадило. Добрый старый патер Флинн дал ему последнее напутствие: «И не вкусишь хлеба насущного с котлетою». И скончили Крагтаса в гробу, срубленном из живого Крагтаса. На могильном камне высекли подобающую эпитафию, а вокруг могилы насадили цветущие крагташи.

Уголок этот тихий. Справа роща крагташ-деревьев, слева нефтеперегонный завод. Тут пустая жестянка из-под пива, там бабочка. А совсем рядом то самое место, где Марвин открыл чемодан и вынул свое давно утраченное тело.

Он стряхнул с него пыль, расчесал ему волосы, вытер нос и поправил галстук. Потом с приличествующим слушаю почтением надел.

Глава 26

И вот Марвин Флинн вернулся на Землю и в собственное тело.

Он приехал в родной Стэнхуп и увидел, что там все по-прежнему. Городок, как раньше, географически находился милях в трехстах от Нью-Йорка, а в духовном и эмоциональном отношении отстоял от него на целое столетие. Точь-в-точь как всегда, он изобиловал садами и пегими коровами на фоне зеленых холмистых пастбищ. Вековечны были усаженная вязами Мэйн-стрит и одинокий ночной вопль реактивного лайнера.

Никто не спросил Марвина, где он пропадал. Даже лучший друг Билли Хейк решил, что Марвин вернулся из увеселительной поездки в какой-нибудь туристский рай — Шинкай или дождевой лес в нижнем течении Итури.

Поначалу несокрушимое постоянство городка угнетало Марвина не меньше, чем сюрпризы Обмена Разумов или чудовищные головоломки Искаженного Мира. Постоянство казалось Марвину экзотикой; он все ждал, что оно постепенно исчезнет.

Но такие места, как Стэнхуп, не исчезают, а такие ребята, как Марвин, постепенно растрачивают увлеченность и высокие идеалы.

По ночам в одиночестве мансарды Марвину часто снилась Кэти. Ему все еще трудно было представить, что она чрезвычайный агент Межпланетной Службы Бдительности. А ведь был в ее повадках намек на властность, был в глазах блеск прокурорского фанатизма.

Он любил ее и знал, что всегда будет по ней тосковать, но тоска устраивала его больше, чем обладание.

И по правде сказать, ему уже приглянулась (точнее, заново приглянулась) Марша Бэкер, хорошенькая и скромная дочка Эдвина Марша Бэкера — крупнейшего в Стэнхупе торговца недвижимостью.

Пусть Стэнхуп не лучший мир из всех возможных, но это лучший мир из тех, что видел Марвин. Тут вещи не подкладывают тебе свинью, а ты не подкладываешь свинью вещам. В Стэнхупе метафорическая деформация немыслима; корова уж точно корова, и называть ее как-нибудь иначе — недопустимая поэтическая вольность.

Итак, бесспорно: в гостях хорошо, а дома лучше; и Марвин поставил перед собой задачу наслаждаться привычным, что, как утверждают сентиментальные мудрецы, есть вершина человеческой мудрости.

Жизнь его омрачили лишь два сомнения. Первым и главным был вопрос: каким образом Марвин вернулся на Землю из Искаженного Мира?

Он всесторонне продумал этот вопрос, куда более страшный, чем может показаться с первого взгляда. Марвин понял, что в Искаженном Мире нет ничего невозможного и даже ничего невероятного. Есть в Искаженном Мире причинная связь, но есть и отсутствие причинной связи. Ничто там не обязательно, ничто не необходимо.

Поэтому вполне допустимо, что Искаженный Мир отбросил Марвина назад, на Землю, продемонстрировав свою власть над ним тем, что отказался от этой власти.

По-видимому, именно так все и произошло. Но был ведь и другой, менее приятный, вариант.

Теорема Дургэма формулирует его следующим образом: «Среди вероятностных миров, порождаемых Искаженным Миром, один в точности похож на наш мир; другой похож на наш мир во всем, кроме одной-единственной частности, третий похож на наш мир во всем, кроме двух частностей, и так далее».

Это означало, что Марвин, возможно, все еще пребывает в Искаженном Мире, и Земля, воспринимаемая его сознанием, — всего лишь эфемерная эманация, мимолетное мгновение порядка в стихийном хаосе, — обречена с минуты на минуту вновь раствориться в стихийной бессмыслице Искаженного Мира.

Отчасти это было неважно, ибо ничто не вечно под луной, кроме наших иллюзий. Но никто не хочет, чтобы

его иллюзии оказались под угрозой, и потому Марвин старался выяснить, на каком он свете.

На Земле он или на ее дубле?

Нет ли здесь приметной детали, не соответствующей той Земле, где он родился? А может быть, таких деталей несколько? Марвин искал их во имя своего душевного покоя. Он обошел Стэнхуп и его окрестности, осмотрел, исследовал и проверил флору и фауну.

Все оказалось на своих местах. Жизнь шла заведенным чередом; отец пас крысиные стада, мать, как всегда, безмятежно несла яйца.

Он отправился на север, в Бостон и Нью-Йорк, потом на юг, в необозримый край Филадельфия — Лос-Анджелес. Казалось, все в порядке.

Он подумывал о том, чтобы пересечь страну с запада на восток под парусами по великой реке Делавэр и продолжить свои изыскания в больших городах Калифорнии — Скенектади, Милуоки и Шанхае.

Однако передумал, сообразив, что бессмысленно провести жизнь в попытках выяснить, есть ли у него жизнь, которую можно как-то провести.

Кроме того, можно было предположить, что даже если Земля изменилась, то изменились также его органы чувств и память, так что все равно ничего не выяснишь.

Он лежал под привычным зеленым небом Стэнхупа и обдумывал это предположение. Оно казалось маловероятным. Разве дубы-гиганты не перекочевывали по-прежнему каждый год на юг? Разве исполнинское красное солнце не плыло по небу в сопровождении темного спутника? Разве у тройных лун не появлялись каждый месяц новые кометы в новолуние?

Марвина успокоили эти привычные зрелища. Все казалось таким же, как всегда. И потому охотно и благосклонно Марвин принял свой мир за чистую монету, женился на Марше Бэкер и жил с нею долго и счастливо.

Содержание

Алхимический марьяж Алистера Кромптона, роман, перевод с английского Б. Клюевой	5
Билет на планету Транай, повесть, перевод с английского А. Вавилова, Ю. Логинова	209
Обмен разумов, повесть, перевод с английского Н. Евдокимовой	257

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

В восьми книгах

Книга четвертая

Составитель *В. Быстров*

Главный редактор *А. Захаренков*

Редактор *И. Васильева*

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *К. Вартанова, И. Лаздина*

Оператор компьютерной верстки *Л. Бирюковская*

Художественное оформление серии: *М. Захаренкова*

Оформление: *Л. Булыкина, А. Бибанаев*

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 06.06.94.

Формат 84×108¹/32. Бумага типогр. арматура Балтика.

Печать высокая. Усл. печ. л. 20,16. Усл. кр. отт 21,63.

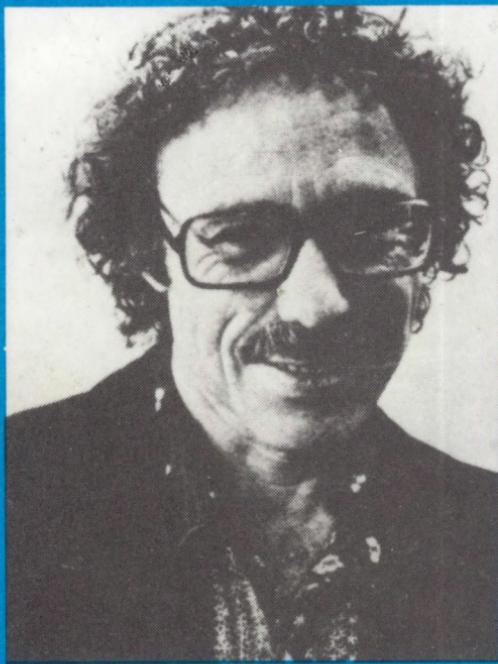
Уч.-изд. л. 20,21. Тираж 20 000 экз. Заказ № 4-192.

Издательская фирма «Полярис»,
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.

«Фолио»,
310002, Харьков, ул. Чернышевского, 34.

Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе,
310057, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.

**АЛХИМИЧЕСКИЙ
МАРЬЯЖ
АЛИСТЕРА КРОМПТОНА**

**БИЛЕТ НА ПЛАНЕТУ
ТРАНАЙ**

ОБМЕН РАЗУМОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1994